ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том нашей «Сравнительной грамматики монгольских языков», завершение которого задержалось из-за необходимости осуществить некоторые другие неотложные работы, в частности по грамматике бурятского языка, создавался в значительно более благоприятной обстановке, нежели первый том. Прежде всего надо отметить, что за последние годы монголистика существенно обогатилась открытиями таких монгольских языков, как дунсянский и баоаньский, о существовании которых раньше почти и не подозревали. Кроме того, за это же время оказались вчерне изученными почти все диалекты и говоры монгольского, монгорского, ойратского и дагурского языков, распространенные на территории Китайской Народной Республики, и появились первые публикации и исследования по монгольской диалектологии этой страны, например Б. Х. Тодаевой, Чингелтея и других. Существенно обогатились наши сведения по диалектам и других монгольских языков благодаря планомерным усилиям калмыцких, бурятских и монгольских языковедов. Поэтому вполне естественно, что между первым и вторыми томами нашего труда легко обнаружить определенные различия. Конечно, многое из того, что было изложено и сказано в первом томе несколько лет тому назад, теперь должно быть дано в значительно измененной интерпретации в свете тех новых данных по монгольским языкам и диалектам, о которых шла речь выше.

Помимо тех сведений, которые имеются в уже опубликованных трудах Б. Х. Тодаевой, Чингелтея и других, мы воспользовались случаем получить дополнительные данные о монгольских языках и диалектах также в ходе наших личных бесед с этими лицами и учеными Калмыкии, Бурятии, Монголии и Китая, из коих нам особенно приятно отметить проф. Эрдэнитогтаху. Многим мы обязаны и другим нашим коллегам, прежде всего профессорам В. Кливзу, Л. Лигети, А. Мостарту, которые в ходе нашей взаимной переписки никогда не отказывали нам в своей товарищеской помощи.

Как нам думается, последующая работа в области монгольского сравнительного и исторического языкознания должна идти в следующих направлениях: во-первых, следует продолжить иссле-

дования диалектов и говоров монгольских языков от Волги до Кукунора,—приятно отметить, что планомерные исследования в этом направлении уже предприняты в Элисте, Улан-Удэ, Улан-Баторе и Кукехото. Во-вторых, необходимо значительно расширить углубленное изучение письменных памятников монгольских языков, не ограничиваясь здесь лишь публикацией источников, — в этом смысле надо всячески приветствовать начатые работы Дамдинсурэна, В. Кливза, Л. Лигети, А. Мостарта, С. Одзава и других.

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Глагол в монгольских языках — это такой разряд слов, который выражает действие, совершаемое субъектом, или состояние, происходящее в нем или с ним, и обладает категориями: 1) переходности — непереходности, 2) активности — пассивности, 3) залога, 4) вида, 5) времени, 6) лица и 7) наклонения.

К этим семи категориям монгольского глагола необходимо было бы условно добавить еще одну, восьмую, категорию, несколько неожиданную для нашей лингвистической традиции, а именно — всестороннее управление. Дело в том, что в монгольских языках управление и отчасти даже подчинение вообще составляют почти полную монополию глагола. Поэтому нам необходимо в сжатом виде остановиться на особенностях управления в монгольских языках, вкратце определив вначале пределы и рамки именного управления.

1. Орудным падежом могут управлять лишь некоторые качественные имена (так называемые качественные прилагательные и соответствующие им наречия образа действия и состояния), например: халх. *малаар баян* 'богат скотом'; *усаар элбэг* 'изобилен водою'; бур. *юугээр дутууб?* 'чего не хватает?' *нюдөөр муу* 'плох глазами', 'глаза плохие'.

2. Исходным падежом могут управлять лишь качественные имена, например: халх. *модноос сайн* '(это) лучше дерева'; *уулнаас өндөр* 'выше горы'; бур. *тэрээнһээ доро* 'ниже, хуже того'; *намһаа бага* 'меньше меня'.

Эти же качественные имена могут одновременно управлять обоими названными падежами, например: халх. *малаар надаас баян* 'скотом богаче меня'; бур. *уһаар тэндэхиһээ элбэг* 'водою изобильнее тамошних'.

3. Совместным падежом имена управляют только в том случае, если этот падеж употребляется в определительной функции, например: халх. *устай газар* 'местность, где есть вода'; *үстэй дээл* 'меховая шуба'; 'шуба с мехом'; бур. *дабаһатай эдеэн* 'соленая еда'; 'еда с солью'; *гайхамшагтай һайхан* 'удивительно красивый' (букв. 'красивый с «удивительностью»').

4. Винительным падежом имена управляют в исключительно

редких случаях, причем такие имена непременно являются образованными от глаголов при помощи имяобразующего суффикса *-лга*, например: бур. *хүдэлмэриг найжаруулга* 'улучшение работы'. Подобные случаи управления имен винительным падежом встречаются крайне редко и преимущественно в научно-публицистическом стиле, поэтому здесь легко усмотреть кальки с русского языка. Впрочем, здесь мы видим проявление «управляющего» свойства глагола, столь мощного, что он в состоянии создавать свою колонию на территории, принадлежащей имени[1].

Зато управление родительным падежом, как приименным, составляет монополию имен и послелогов именного происхождения, например: халх. *малын хашаа* 'скотный двор'; *эрийн сайн* 'лучший из мужей'; *хашааны дэргэд* 'возле ограды'; *таны гурав* 'трое из вас'; *чиний хойноос* 'за тобой'; бур. *багшын гэр* 'дом учителя'; *нютагай хоймор* 'окраина кочевья'; *абын урда* 'перед отцом'.

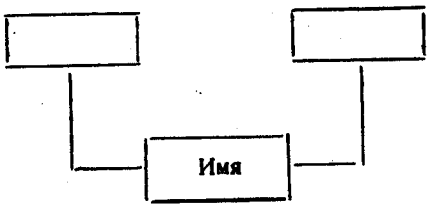
Родительным падежом глагол может управлять лишь в том случае, если он дан в одной из причастных или обстоятельственно-деепричастных форм, а имя при этом выражает субъект действия, например: халх. *багшийн ирвэл* 'если учитель придет'; *таны явмагц* 'как только вы ушли'; бур. *минии ерэбэл* 'если я приду'; *шинии ябахые мэдээб* 'узнал я, что ты ушел (о твоем уходе)'.

Впрочем, в современном монгольском (в том числе и в халхаском диалекте) и ойратском языках родительный субъекта в причастных и деепричастных оборотах все более и более вытесняется винительным падежом, например: халх. *эхнэрийг явбал* 'если женщина уйдет' (букв. 'если женщину уйдет'); ойр. *чамаг ірхлā* 'если ты придешь' (букв. 'если тебя придет').

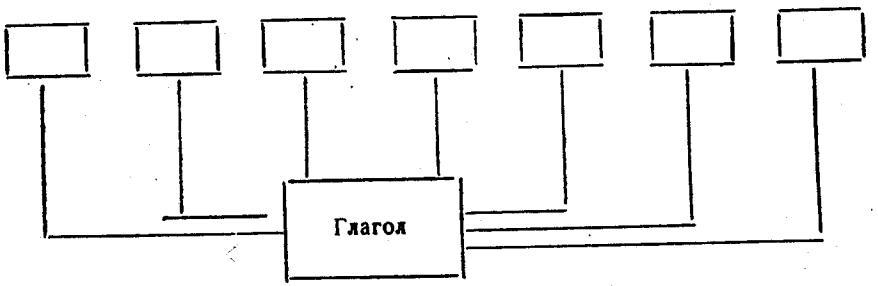
Вот в основном и все типичные случаи, когда имена управляют падежами. Все же остальное управление всеми падежами и послелогами остается в руках глагола. Таким образом, по этой линии между именами и глаголами в монгольских языках устанавливается строгое различие, значение которого трудно переоценить. Это различие невозможно умалить тем обстоятельством, что между глаголами и именами нет непроходимой пропасти. Но дело даже не в этом, а в другом: в характере и объеме управления.

Говоря метафорически, имя — это существо однорукое, которое своей единственной рукою не в состоянии сцементировать многостороннее соединение слов, словосочетание и предложение. Глагол — это существо многорукое, которое одно только и может организовать в единое целое все возможные формы соединений слов в предложения, словосочетания, фразеологические единицы и т. д. Сказанное можно вкратце представить в следующем виде:

а) имя управляет максимально двумя падежами, ему доступными (см. выше):



б) глагол может управлять всеми падежами и послелогами неограниченно и объединяет в одно целое разрозненные лексические и иные единицы:



Причастия и деепричастия в монгольских языках с точки зрения управления падежами и послелогами ничем не отличаются от прочих глагольных форм, как не отличаются они и в отношении категории времени, вида, залога, переходности-непереходности и активности-пассивности. Характер и объем способности управлять падежами и послелогами должны быть признаны ведущими признаками и существенными ориентирами при определении частей речи в монгольских языках. Вот почему в этих языках причастия и деепричастия не выключаются из системы глагола, хотя по своим некоторым чертам (склоняемость и т. д.) они и сближаются с именными частями речи.

Следствием изложенного является то важное обстоятельство, что в монгольских языках возможность образования чисто именных словосочетаний характеризуется известной ограниченностью. Так, например, если в русском языке возможны словосочетания при участии предлогов, то в монгольских языках, при отсутствии у послелогов такой способности, для образования различных словосочетаний приходится прибегать к содействию глагола:

[1] Ср. В. В. Виноградов, *Современный русский язык*, М., 1938, вып. II, стр. 341. О подобных же явлениях управления в японском языке см. Н. И. Конрад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, М., 1947, стр. 106—107.

халх.: *дунд сургуулийн 7 дугаар ангид үзнэ* 'для седьмого класса средней школы' (букв. 'изучают в седьмом классе средней школы') или *дунд сургуулийн 7 дугаар ангид үзэх ном* 'учебник для седьмого класса средней школы' (букв. 'книга, изучаемая в седьмом классе средней школы'); *зөвлөлтийн ард түмнээс Гитлерийн Германийг ялсан ялалт* 'победа советского народа над гитлеровской Германией' (букв. 'от советского народа Гитлера Германию победить победа'); *Франци улсаас Англи улсад суугаа элчин сайд* 'посол Франции в Англии' (букв. 'от Франции в Англии пребывающий посол'); *хар модоор хийсэн хайрцаг* 'шкатулка из черного дерева' (букв. 'черным деревом сделанная шкатулка', но: *хар модон хайрцаг* 'черная деревянная шкатулка');

бур.: *Улаан-Удэһээ ерэһэн айлшан* 'гость из Улан-Удэ' (букв. 'из Улан-Удэ прибывший гость'); *газар эдлэхе эрхэ* 'право на пользование землей' (букв. 'землю использовать право').

Посредством родительного или совместного падежа возможно образование немногословных сочетаний, например: халх. *тэр таслагааны түлхүр* 'ключ от той комнаты', *гуталтай мигуй* 'кот в сапогах' (букв. 'кот с сапогом'); бур. *дунда һургуулийн учебник* 'учебник для средней школы' (букв. 'средней школы учебник').

Вследствие изложенного в монгольских языках отглагольные имена процессного значения в многословных сочетаниях также последовательно заменяются соответствующими глаголами, например: халх. *бэлтгэл* 'заготовка' — *Архангай аймагт мах амжилттайгаар бэлтгэснийг тэмдэглэв* 'отметили успешное проведение мясозаготовок в Ар-Хангайском аймаке' (букв. 'в Ар-Хангайском аймаке мясо успешно заготовили отметили'); *эхлэлт* 'начало' — *дунд сургуульд хичээлийн жилийг хангалттайгаар эхэлсний тухай* 'об удовлетворительном начале учебного года в средней школе' (букв. 'в средней школе учебный год удовлетворительно начали об').

Как видно из примеров, при переводе с русского языка на монгольский приходится соблюдать следующие правила, свидетельствующие об исключительном значении глагола вообще во всех монгольских языках: а) процессные имена существительные с русского языка на монгольский переводить глаголами, чаще всего причастными формами, и б) соответствующие имена прилагательные, определяющие эти процессные имена существительные, переводить качественными именами в форме орудного падежа или соответствующими наречиями.

Таким образом, тот факт, что в монгольских языках все грамматическое управление находится в распоряжение глагола почти монопольно, определяет исключительно большую роль глаголов в этих языках.

После краткого, но необходимого изложения значения глагольного управления в монгольских языках нам остается сделать

несколько замечаний о категориях монгольского глагола, которые перечислены выше.

Категории переходности-непереходности, активности-пассивности, залога и вида всегда наличны в основе любого глагола и остаются неизменными при всех синтаксических перипетиях глагола, во всех его спрягаемых и, поскольку речь идет о причастиях, склоняемых формах. Выражение этих категорий монгольского глагола не всегда и не во всем одинаково: переходность-непереходность и активность-пассивность заложены либо преимущественно в самом лексическом значении глагольной основы, либо иногда в соответствующих суффиксах образования глаголов от имен или глаголов же[2]. Иными словами, эти категории монгольского глагола, будучи лексико-семасиологическими, не имеют специальных морфемных показателей. Залоги всегда имеют суффиксальное оформление, кроме, конечно, прямого залога. Виды выражаются как синтетическими, так и аналитическими средствами.

Между залогом и видом монгольского глагола важное различие заключается также в том, что образование залоговых основ представляет собою образование новых глагольных основ, новых глаголов, новых лексических единиц, — иными словами, залог не является формой глагола. Что же касается образования видов монгольского глагола, то оно оказывается образованием форм глагола, формообразованием глагола, но не производством новых глаголов. Дело в том, что в монгольских языках от залоговых основ глагола возможно образование как последующих, или вторичных, залоговых основ (например, халх. *яв-* прямой залог и первичная глагольная основа: 'идти', *явуул-* побудительный залог: 'заставить идти', 'проводить', *явуулагд-* страдательный залог: 'быть проведенным'), так и различных имен (например, халх. *явуул-* 'проводить', *явуулага* 'проведение'). А между тем от видовых основ монгольского же глагола, например, халх. *явчих-* 'взять да и уйти', невозможно образование как последующих глагольных основ, так и различных имен. Следовательно, в монгольских языках самостоятельным признается такое слово, которое в сфере словообразования не лишено способности быть производящей основой. Кстати заметим, что именно по этой же причине в монгольских языках причастия и деепричастия являются формами глагола, но не самостоятельными словами, так как они лишены способности быть производящей основой.

Категория времени, морфологически совпадающая с категорией наклонения, присуща изъявительным, почти всем причастным и, как это будет показано особо, некоторым деепричастным формам и всегда выражается определенными формами. Что же касается повелительно-желательных форм, то они по существу категорией

[2] Об этих категориях см. ниже в разделе о прямом залоге.

времени не обладают, так как действия, которые они выражают, всегда ориентированы на ближайшее или более отдаленное будущее.

Категория лица присуща только повелительно-желательным формам глагола, не всегда уточняемым в отношении числа. С категорией лица в собственном смысле этого слова не следует смешивать так называемое согласование сказуемого с подлежащим посредством особых лично-предикативных частиц местоименного происхождения, поскольку это не является свойством одного лишь глагольного сказуемого. Однако эти частицы имеют лишь бурятские, ойратские и дагурские диалекты. Оформление категории лица в повелительно-желательных формах является в монгольских языках единственным еще в том смысле, что соответствующие окончания этих форм имеют два значения, 1) того или иного повеления-желания и 2) лица; все остальные же окончания и суффиксы имеют только одно грамматическое или лексическое значение, как это вообще характерно для многих агглютинативных языков.

Что же касается категории числа, то глагол в монгольских языках ее не имеет. Но она находит свое косвенное выражение в повелительно-желательных формах 1 и 2-го лица постольку, поскольку эти лица уточняются в числе. Однако, как уже сказано, в ойратских, бурятских и дагурских диалектах число выражается особыми лично-предикативными частицами также постольку, поскольку уточняются в числе первые два лица (в бурятском языке часто и 3-е лицо). Иными словами, такое предикативное выражение числа не есть принадлежность или неотъемлемое свойство какой-либо одной части речи, в том числе глагола, а представляет собой явление, которое только сопровождает аналитическое оформление любого сказуемого в названных монгольских диалектах. Следовательно, такое аналитическое (синтаксическое) выражение числа на морфологической системе монгольского глагола никак не отражается.

В структурных формах глагола монгольских языков выделяются повелительно-желательное и изъявительное наклонения. Что же касается прочих наклонений, то их глагол в этих языках не знает, хотя обладает большим количеством форм, выражающих различные модальные оттенки (например, в рамках изъявительного наклонения или системе деепричастных форм), которые в достаточной степени пока еще не изучены.

Таким образом, как видно из сказанного выше, монгольский глагол имеет следующий морфемный состав: 1) первичная глагольная основа, 2) суффикс соответствующего залога, кроме прямого, поскольку формой прямого залога является первичная глагольная основа, 3) суффикс того или иного вида, имеющего оформление, 4) суффикс либо наклонения, либо причастия или деепричастия. Показатель времени совпадает с суффиксами наклонений, причастий и отчасти деепричастий. Что же касается категории

лица, то она выражается либо суффиксами соответствующих повелительно-желательных форм, либо, что характерно для ойратских, бурятских и дагурских диалектов, специальными лично-предикативными частицами местоименного происхождения. Проиллюстрируем сказанное на одном бурятском примере, *баригдашабаш* 'как бы ты не оказался пойманным': 1) *бари-* 'поймать' (первичная глагольная основа), 2) *-гда-* (суффикс страдательного залога), 3) *-ша-* (суффикс интенсивного вида), 4) *-ба-* (суффикс перфектного претеритума), 5) *-ш* (лично-предикативная частица 2-го л. ед. ч. от *ши* 'ты').

Перечисленные семь или, если еще условно считать и управление, восемь категорий отчетливо характеризуют глагол в монгольских языках как особый разряд слов, резко отличный от всех остальных частей речи.

Когда от глагольных основ образуются различные имена, то вместе с этими основами в область именных частей, так сказать, «перекочевывают» такие категории, как переходность-непереходность, активность-пассивность и залог. Особого пояснения требует образование имен от страдательных глаголов, что мы ради краткости сделаем, приведя лишь некоторые примеры:

халх.: *ял-* 'победить' — *ялалт* 'победа'; *ялагд-* 'быть побежденным' — *ялагдал* 'поражение'; *мэд-* 'знать' — *мэдэл-* 'знание', *мэдмээр* 'способный познавать'; *мэдэгд-* 'быть известным' — *мэдэгдмээр* 'ощутительный', 'познаваемый';

бур.: *холбо-* 'связывать' — *холбоон* 'союз'; *холбогдо-* 'быть связанным' — *холбогдол* 'связь', 'смычка'; *хая-* 'бросать' — *хаялга* 'сброс' (обряд обрызгивания молочным вином); *хаягда-* 'быть брошенным' — *хаягдал* 'отбросы'; *дута-* 'не хватать', 'недоставать' — *дуталга* диал. 'нехватка', 'недостаток'; *дутагда-* 'испытывать в чем-либо нехватку' — *дутагдал* 'недостаток' (например, в работе).

Глагольные категории, вместе с первичными основами глаголов «перекочевавшие» в именные части, имеют лишь лексическое значение и в грамматическом отношении никак себя уже не проявляют. Иными словами, отглагольные имена от некоторых имен грамматически ничем не отличаются, если не считать того, что некоторые имена, посредством суффикса халх. *-лага~-лга* или бур. *-лга* образованные от глагольных основ, сохраняют управление винительным падежом, о чем выше уже говорилось.

Но пока от глагольных основ не образуются имена, все перечисленные категории глаголов сохраняют и ведут себя в различной степени интенсивности. Одни из них — категории переходности-непереходности, наклонения, залога и, добавим, управления — проявляют себя очень активно, играя большую роль в системе образования различных типов предложения и словосочетания, в оформлении отдельных членов или компонентов этих речевых единиц. Другие же категории — активности-пассивности, вида, времени и лица — оказываются весьма пассивными или совершенно

безучастными в смысле своего влияния в указанных сферах соединений слов.

Таким образом, мы сталкиваемся с переплетением различных положений глагольных категорий в монгольских языках. Так, например, категория активности-пассивности оказывается лексической категорией глагола, в некоторой степени определяющей лишь нормы образования залогов; категории залога и переходности-непереходности — лексико-грамматическими; категории времени, вида, наклонения и лица — грамматическими.

ЗАЛОГИ

Общие замечания

Несмотря на то что монгольские языки давно уже стали объектом пристальных и кропотливых лингвистических изысканий в трудах главным образом наших отечественных языковедов, нельзя сказать, чтобы в вопросе о залогах в этих языках была достигнута достаточная четкость и необходимая ясность. Если в отношении исследований совместного и особенно взаимного залогов еще можно сказать, что они в общем вполне приемлемы без особых и существенных возражений, то этого совершенно нельзя сказать относительно изучения побудительного и страдательного залогов. Вообще же монголистика до сих пор не уделяла специального внимания проблемам залогов и выяснению сущности залоговости в монгольских языках, если не считать весьма ценных замечаний и наблюдений Алексея Бобровникова, который при изложении синтаксиса классического монгольского языка впервые подверг залоги подробному исследованию в связи с изложением определительных оборотов и фактически обосновал положение о наличии в монгольских языках явлений субъектно-объектной обратимости, зависящей от логики вещей, о чем речь будет идти ниже[3]. В разного рода пособиях по грамматике монгольских языков и диалектологических исследованиях монголистов второй половины прошлого века и начала текущего столетия мы находим лишь отдельные замечания относительно залогов и их употребления в разных монгольских языках. Поэтому настало время проблемам залогов в монгольских языках уделить необходимое внимание, ибо раскрытие специфических особенностей категории залога в этих языках было бы весьма поучительно и в общелингвистическом отношении.

Как известно, в монгольских языках исследователи обнаруживали шесть залогов: действительный, побудительный, страдательный, совместный, взаимный и учащательный. Мы же

[3] А. Бобровников, *Грамматика монгольско-калмыцкого языка*, стр. 123—129 и 265—280 (далее — А. Бобровников, *Грамматика...*).

полагаем, что применительно к монгольским языкам можно говорить только о пяти залогах — прямом, побудительном, страдательном, совместном и взаимном.

Прямой залог

Возьмем следующие три группы глаголов из современного монгольского языка, данные которого в этом отношении совпадают с таковыми большинства прочих монгольских языков:

1)	*олох*	'найти',	*алах*	'убивать',
	таслах	'оторвать',	*бичих*	'писать',
	идэх	'есть',	*унших*	'читать',
	галдах	'сжигать',	*уух*	'пить',
	сайшаах	'одобрять',	*харах*	'смотреть',
	самнах	'причесать',	*алдах*	'уронить',
2)	*ирэх*	'приходить',	*орох*	'войти',
	явах	'идти',	*гүйх*	'бежать',
	хэвтэх	'лежать',	*харайх*	'прыгать',
	үйлах	'плакать',	*унтах*	'спать',
3)	*хатах*	'сохнуть',	*хагарах*	'разорваться',
	халах	'нагреваться',	*өвгөрөх*	'состариться',
	шатах	'гореть',	*улайх*	'покраснеть',
	ширгэх	'высыхать',	*баяжих*	'обогащаться',
	сунах	'растягиваться',	*тасрах*	'оторваться',
	өсөх	'расти (о скоте)',	*ургах*	'расти (о траве и т. п.)'.

Глаголы первой группы являются переходными, т. е. обозначают действия, производимые субъектом в отношении какого-либо другого предмета, наименование которого в предложении будет дано в форме винительного падежа или основы. Глаголы же второй и третьей групп, наоборот, являются непереходными, т. е. действия, ими выражаемые, не направлены на какой-либо предмет. Таким образом, наши примеры иллюстрируют общеизвестный факт наличия в монгольских языках переходных и непереходных глаголов, грамматическое различие между которыми заключается в возможности или невозможности управления винительным падежом или основой объекта. Однако, как мы увидим дальше, различия между этими группами глаголов изложенным не ограничиваются.

Глаголы второй группы в отличие от глаголов третьей группы выделяются из общей массы непереходных глаголов тем, что они, как и переходные глаголы, обозначают такого рода действия, начало, продолжение и приостановление которых находится во власти действующего субъекта, т. е. действия,

производимые самим субъектом произвольно. Так, например, если начало смеха часто и не находится во власти человека, т. е. является или может быть непроизвольным, то во всяком случае от силы воли или желания смеющегося зависит, когда он перестанет смеяться. Конечно, во фразах типа *ус ирэв* 'пришла вода' (как говорят в Улан-баторе, когда подъезжает водовоз) невозможно допустить проявление воли со стороны воды, как и вообще неодушевленного предмета. В подобного рода случаях говорящий на любом языке как бы переносно устанавливает между предметами такие же отношения, какие существуют между людьми, разумеется, в определенных рамках и границах.

Не то мы находим в глаголах третьей группы, обозначающих действия или, точнее, состояния, которые происходят с самим субъектом, или оказываются процессным признаком последнего. Иначе говоря, глаголы этой группы обозначают действия или состояния, проявление которых не находится ни в какой зависимости от воли или желания того или иного субъекта. Более того, это иногда такого рода действия или состояния, проявления которых субъект может и не сознавать, если говорить о разумных существах, например: *зөнтөглөх* 'выжить из ума', *гялзуурах* 'взбеситься', *хөхрөх* 'синеть', *овойх* 'быть грузным', 'виднеться' (о громоздком).

Из изложенного следует, что глаголы третьей группы могут быть определены как пассивные и противопоставлены активным, к которым относятся глаголы второй и первой групп. Стало быть, категория переходности и непереходности в системе глагола обозначает наличие или отсутствие направленности действия на объект, наличие или отсутствие объекта, что не следует смешивать с пропуском соответствующего члена предложения. Категория же активности и пассивности характеризует положение субъекта в данном действии или состоянии.

В нашей схеме классификации глаголов в монгольских языках нет среднего глагола, или категории так называемого медиума. Если бы нам пришлось во что бы то ни стало использовать термин «медиум», то скорее всего мы применили бы его по отношению к глаголам второй группы, находящимся «посередине» в том смысле, что они, с одной стороны, как активные связаны с глаголами первой группы, а с другой — как непереходные примыкают к глаголам третьей группы. Но это было бы непозволительным смешиванием разных категорий и неправомерным использованием общепринятого лингвистического термина.

Взаимное отношение переходных (всегда активных), активно-непереходных и пассивных, всегда непереходных, глаголов, которые, следовательно, перекрещиваются друг с другом лишь частично, может быть схематически изображено следующим образом:

Активные глаголы	Пассивные глаголы
Переходные глаголы	Непереходные глаголы

Таким образом, в зоне активных глаголов размещаются все переходные и одна часть непереходных глаголов, а в зоне пассивных глаголов — только другая часть непереходных. Равным образом в черте непереходных глаголов оказываются все пассивные глаголы и одна часть активных, а в черте переходных — другая часть активных глаголов. Следовательно, мы имеем глаголы:

1) активно-переходные, или переходно-активные, иначе говоря, только переходные;
2) активно-непереходные, или непереходно-активные;
3) пассивно-непереходные, или непереходно-пассивные.

Наш предварительный разбор перечисленных глагольных групп представлялся необходимым для того, чтобы монголистика избежала того, что случилось в некоторой части русской лингвистической литературы буслаевского периода, когда с залогами, видами и т. п. получилась «невообразимая путаница терминов, понятий и определений. „Форма“ и значение вступали в самые неожиданные столкновения. Грамматика смешивалась с лексикологией»[4].

Все эти группы глаголов с залоговой точки зрения имеют между собой то общее, что в предложениях субъект, выраженный в подлежащем, с подобного рода глаголами-сказуемыми ставится и воспринимается вне всякого отношения к какому-либо другому действующему лицу или предмету. В этих предложениях глагольное сказуемое имеет лишь один фокус, в котором видно или подразумевается только то, что прямо выражено в подлежащем. Так, например, в предложении на бурятском языке *Хэшэгтэ өөрөө гаража ерэбэ* (Ч. Цыд. — 107) 'Хэшэгтэ сам выходит' глагольное сказуемое *гаража ерэбэ* 'выходит' (букв. 'выходя пришел') обозначает действие, выполняемое субъектом вне всякой зависимости от какого-либо участия или причастности другого лица: никто его к этому действию не понуждает (в этом случае был бы употреблен побудительный залог); ни с кем он и никто с ним в этом действии не участвует (в этом случае был бы употреблен совместный залог); никто ее производит над ним данного действия, что вообще невозможно, поскольку здесь мы имеем непереходные глаголы, от кото-

[4] В. В. Виноградов, *Современный русский язык*, стр. 471.

рых никак не может быть образован ни страдательный залог, ни взаимный.

Иными словами, здесь мы имеем дело с прямым залогом, который представляет собою такое оформление глагола, в котором обозначается какое-либо действие только относительно к одному подлежащему и ни к чему другому. Оформление прямого залога в монгольских языках можно считать, во-первых, первичным в том смысле, что от основы этого залога образуются все прочие залоги, образование которых поэтому всегда является вторичным, и, во-вторых, нулевым, ибо оно не имеет специальных формантов. Таким образом, прямой залог к прочим залогам в монгольских языках относится примерно так же, как именительный падеж — к прочим падежам.

Различные оттенки, привносимые переходностью-непереходностью и активностью-пассивностью, так или иначе проходят через все залоговые формы глагола и лежат в совершенно другой плоскости. В известном смысле можно сказать, что явления переходности-непереходности и активности-пассивности по отношению к залоговым категориям глагола являются как бы нейтральными. Однако эти явления влияют на возможность образования от первичной залоговой формы, т. е. от основы прямого залога, того или иного вторичного залога, например, невозможно образование страдательного залога от основы непереходного глагола, если не считать некоторых единичных исключений типа современного монгольского *явагдах* (от *явах* 'идти' гаплологически вместо *явуулагдах* 'быть проводимым') 'идти' (о работе) или бурятского *орогдохо* (от *орохо* 'входить') 'придираться'[5].

Следовательно, в монгольских языках прямой залог как бы объединяет или покрывает собою то, что могло бы быть подразделено на категории действительного и среднего залогов, первый из которых соответствовал бы всем активным глаголам типа современно-монгольских *идэх* 'есть', 'кушать', *бичих* 'писать', *явах* 'идти', *ирэх* 'приходить', а второй — пассивным типа *ургах* 'расти', *багадах* 'уменьшаться' и т. п. Однако такое определение активных и пассивных глаголов не могло бы найти себе никакого оправдания.

Во-первых, такое определение залогов было бы основано только на лексическом значении соответствующих глаголов, которые в этом смысле между собою не имеют никакого формального или структурного, морфологического, различия — это особенно относится к непроизводным глаголам.

Во-вторых, как уже сказано выше, все глаголы первичного образования (активные и пассивные, переходные и непереходные, производные и непроизводные) в предложении обозначают действие только относительно одного субъекта, выраженного в подлежащем. Эти глаголы не допускают и не «обязывают» подразумевания какого-либо другого лица кроме того, что выражено в подлежащем, или постановки такого члена предложения, который выражал бы либо инициатора действия, производимого субъектом-подлежащим, либо соучастника или реального исполнителя такого действия. Действие, выраженное в первичной глагольной основе, т. е. в прямом залоге, выполняется самим субъектом-подлежащим так же, как состояние, выраженное в такой же глагольной основе, претерпевается самим субъектом-подлежащим без какого то ни было участия или воздействия со стороны другого лица, как это имеет место в страдательных конструкциях. В первичной глагольной основе выражается только характер и направленность действия или состояния; такое действие может только допускать наличие или отсутствие какого-либо объекта, что никакого отношения к залоговости не имеет.

Иными словами, залоговая система в монгольских языках основана на том, что соответствующее оформление неизбежно предполагает наличие либо одного компонента, либо — двух, в первом случае мы будем иметь прямой залог, а во втором — один из прочих: побудительный, совместный, взаимный или страдательный. В двухкомпонентном предложении один из компонентов, выраженный в подлежащем, по своему действенному проявлению находится в определенном отношении к другому, выраженному во второстепенном члене предложения и совершающему действие, обозначенное в первичной глагольной основе. Поясним изложенное на следующих примерах из романа бурятского писателя Ж. Тумунова «Нойрhоо hэриhэн тала» (стр. 204):

Улаашаниинь моридтоо ногоо зулгаан эдюулже байба 'Ямщики кормили своих лошадей' [букв. 'Ямщики своим лошадям траву щипая есть позволили (заставляли)'].

В этом предложении знаменательная часть сказуемого *эдюулже* представляет собою форму побудительного залога от первичной глагольной основы *эди-* 'есть', действие которой осуществляется лошадьми (*моридтоо* — второй компонент); побудительно-залоговое оформление (суффикс *-юул-*) показывает, что предмет-подлежащее данное действие не осуществляет сам, а побуждает к этому другой предмет: здесь ямщики как бы заставляют лошадей или позволяют им есть траву. Но если бы мы имели предложение *морид ногоо зулгаан эдижэ байба* 'лошади ели траву', то мы обнаружили бы в нем только один компонент, выраженный в подлежащем *морид* 'лошади', и ничего другого, кроме сказуемого, выраженного глаголом *эдихе* 'есть' в форме прямого залога.

Энэ захиралтань Агын лама ноёдоор ехээр hайшаагдаба

---

[5] Впрочем, см. в романе бурятского писателя Ж. Тумунова «Нойрhоо hэриhэн тала» (Улан-Удэ, 1949, стр. 85) следующий пример: *Баhа ялада орогдобо* 'Снова попал в беду'. В данном случае подчеркивается, что скот, о котором здесь идет речь, попал в беду под воздействием посторонних сил.

(Ж. Тум. — 217) 'Этот приказ (атамана Семенова) был одобрен агинскими ламами и ноёнами'.

В этом предложении глагольное сказуемое *hайшаагдаба* представляет собою форму страдательного залога от первичной глагольной основы *hайшаа-* 'одобрять', действие которой осуществляется ламами и ноёнами, названными вторым компонентом (*лама ноёдоор*). Первый компонент, подлежащее *захиралтань* 'приказ', обозначает предмет, подвергшийся данному действию, что показано в страдательно-залоговом оформлении глагола *hайшаа-* 'одобрять'. При переделке этого страдательного оборота в прямой мы получили бы в нем только один компонент: *Энэ захиралтыень Агын лама ноёд ехээр hайшааба* 'Этот приказ одобрили агинские ламы и ноёны'.

Прямое дополнение, оформленное в винительном падеже, в число залоговых компонентов не включается, так как оно проходит по всем залогам, никак не определяет специфику того или иного залога и всегда обозначает объект действия, в том числе и такого, которое выражается глаголом в форме страдательного залога (см. в том же романе Ж. Тумунова, стр. 136, следующий пример: ... *тиихэдэ hааралаа абташоо hэм...* 'тогда-то отобрали у меня буланого' (букв. '...тогда-то своего буланого взят я').

Таким образом, при характеристике категории залога в монгольских языках мы не можем считать приемлемым то определение, которое принято применительно к системе залогов в русском языке и по которому залоги показывают «отношение между субъектом действия (производителем действия) и объектом, находящие свое выражение в форме глагола»[6].

Под категорией залога в монгольских языках мы понимаем такое оформление глагольной основы, которое показывает отношение действия к субъекту, выраженному в подлежащем. Как мы выше видели, активность-пассивность глагола характеризует положение субъекта в действии, а переходность-непереходность — отношение действия к объекту, но никак не к субъекту. Поэтому применительно к монгольскому глаголу нет никакого основания говорить о переходном, непереходном, активном и пассивном залогах. Заметим здесь же, что виды характеризуют само действие безотносительно к субъекту или объекту.

[6] «Грамматика русского языка», М., 1954, т. I, стр. 412. — Ср. следующее определение категории залога в русском глаголе, данное в «Современном русском языке. Морфология» (изд. МГУ, 1952, стр. 383): «Под категорией залога мы понимаем выражение в глагольной форме отношения действия к субъекту его (принимая во внимание и возможное отсутствие объекта)». По-видимому, авторы этих грамматик русского языка склонны были бы допустить категории переходного и непереходного залогов в системе русского глагола, если бы переходность и непереходность различались бы по форме. Так, например, авторы академической «Грамматики русского языка» на стр. 412 пишут, что «не всякие отношения между субъектом и объектом действия являются залоговыми, а только те, которые получают в глаголе свое грамматическое оформление».

Мы не можем говорить о переходном и непереходном залогах в монгольских языках еще и потому, что отношение действия к объекту не находит своего выражения в изменении формы глагола, ибо такое отношение заключается в самой лексической основе глагола, — это особенно касается непроизводных глаголов.

Правда, многие производные глаголы переходного и непереходного характера отличаются друг от друга по своим суффиксам, которые, однако, являются средствами не изменения глагола, а его образования, например, совр.-монг. и *-л* и *-р*: *бутрах* 'раздробиться' от *бут* 'вдребезги' — *бутлах* 'раздробить'. Не меняется положение вещей и от того, что от основ некоторых глаголов при помощи суффиксации образуются другие глаголы. Например, нельзя полагать, что при помощи суффикса *-ра* в бурятском языке от основы глагола прямого залога образуется средний или пассивный залог: *хаа-* 'закрывать' → *хаара-* 'закрываться'. Дело в том, что посредством этого же суффикса *-ра* от имен и наречий получаются такие пассивные глаголы, как *үбгэрэхэ* 'состариться' от *үбгэн* 'старик', *хахараха* 'разорваться' от *хаха* 'пополам' и т. п. Точно так же при помощи суффикса *-цгаа* в современном монгольском языке от любой глагольной основы образуется не особый учащательный залог, а глаголы учащательного вида, ныне превращающегося в форму множественного числа: *яв-* 'идти' — *явцгаа-* 'идти' (о многих).

Деление глаголов на переходные и непереходные или на активные и пассивные имеет не только лексико-семасиологическое значение, но и лексико-грамматическое. Дело в том, что возможности и разные способы образования той или иной вторичной залоговой основы находятся в определенной зависимости от переходности-непереходности или активности-пассивности первичной глагольной основы.

Побудительный залог

Как известно, в отношении побудительного залога, называемого часто также понудительным, причиняющим, переносным, принуждающим или препоручительным, утверждается, что он имеет два значения: заставить кого-либо или позволить кому-либо что-либо сделать. К. С. Ивченков высказал весьма интересную мысль о том, что эта характеристика побудительного залога, взятого в отвлеченном виде, не может быть целиком перенесена на какой-либо конкретный глагол. По его мнению, каждый отдельный глагол в данном залоге имеет лишь одно значение:

либо позволить, либо заставить[7]. Надо признать, что для известной группы глаголов это положение К. С. Ивченкова является справедливым, хотя при этом надо учитывать, что определенные глаголы в монгольских языках, оказываясь в форме побудительного залога, контекстуально имеют оба значения данного залога. Н. К. Дмитриев этот залог в тюркских языках определяет, как выражающий «вмешательство одного субъекта в действие другого. Вмешательство это понимается весьма широко, начиная от приказания до молчаливого попустительства совершить что-либо»[8]. Н. И. Конрад применительно к японскому языку пишет, что «основной смысл побудительного залога „вчинить" данное действие другому, заставить другое лицо такое-то действие совершить»[9] и что «кроме того — и это главное — в японском побудительном залоге нет того оттенка насильственного „вчинения" действия, который содержится в русском „заставлять"»[10]. Далее Н. И. Конрад утверждает, что «заставлять же предмет совершать какое-нибудь действие невозможно. Заставить его совершить какое-нибудь действие — значит просто заставить его активно действовать. Это же означает, что данный глагол делается из непереходного переходным. В этом и заключается основной смысл побудительного залога в речи о предметах»[11].

В анализе побудительного залога в японском языке, данном Н. И. Конрадом, особенно ценным является указание на необходимость различения значений этого залога в зависимости от того, от какого глагола, переходного или непереходного, он образован, и, самое главное, о чем или о ком идет речь — о лице или о предмете.

Касаясь употребления побудительного залога в бурятском языке, мы писали, что этот залог: а) образует переходный глагол от непереходного, б) выражает действие, которое одно лицо выполняет по приказанию, просьбе или разрешению другого лица, выраженного в подлежащем, и в) выражает, как и страдательный залог, действие, которому подвергается субъект со стороны другого субъекта[12].

Посмотрим теперь употребление переходного глагола в формах прямого и побудительного залогов в бурятском языке.

---

[7] К. С. Ивченков, *Субъективно-объективные отношения в монгольском побудительном обороте*, — «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова», М., 1958, стр. 126—135.

[8] Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, М.—Л., 1940, стр. 135.

[9] Н. И. Конрад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 206.

[10] Там же, стр. 207.

[11] Там же, стр. 209—210.

[12] Г. Д. Санжеев, *Грамматика бурят-монгольского языка*, М.—Л., 1941, стр. 62.

1) *Сай аягалба* 'Пил чай' (букв. 'Чай налил в чашку').

2) *Нимада сай аягалуулба* (Ж. Тум. —46) 'Ниме дали пить чай'.

Первая фраза по своему значению совершенно ясна и не требует особых комментариев. Во второй фразе, где глагол дан в форме побудительного залога, говорится о том, что хозяева дали Ниме пить чай, что, вообще говоря, может быть актом позволения, ибо при принуждении фраза имела бы следующий вид: *Нимые сай аягалуулба. Сай* 'чай' есть форма основы данного имени и при переходном глаголе может быть только прямым объектом.

Употребление и объем значений побудительного залога монгольских и ряда других языков как будто бы разъясняется исчерпывающим образом, хотя и в кратких определениях. Однако посмотрим ближе, как на самом деле обстоит дело. Прежде всего обращает на себя внимание указание почти всех исследователей на то, что побудительный залог образует переходный глагол от непереходного, причем не только тогда, когда речь идет о предметах, но и о лицах. Конечно, глаголы в побудительном залоге всегда являются переходными, а непереходный глагол при образовании от его основы побудительного залога действительно становится переходным. Но из этого вовсе не следует, что побудительный залог вообще есть способ превращения непереходного глагола в переходный. Чтобы побудительный залог вообще не смешивался с категорией переходности, рассмотрим это детальнее на следующих примерах из современного монгольского языка (ниже примеры из этого языка приводятся без оговорок):

1) *үхэх* 'умереть'; 2) *үхүүлэх* побудительный залог от *үхэх*; 3) *алах* 'убивать'.

Означает ли второй пример то же, что и третий? Несомненно, что от непереходного глагола *үхэх* получился переходный *үхүүлэх*, но сводить его только к этому никак нельзя, ибо *үхүүлэх* означает не 'убивать', а 'допустить гибель кого-либо или чего-либо', например, скота в результате неумелого ухода или даже сознательного вредительства: не уберегли скот от волков, своевременно не пригласили ветеринара, не подготовили к зиме теплые сараи, не накосили сена, подбросили отраву, выгнали в степь, где нет кормов и воды, подговорили бандитов и т. п. Следовательно, *алах* и *үхүүлэх* никоим образом нельзя считать синонимами с общим значением «убивать».

Важно отметить, что лицо, вызывающее действие первичной основы побудительного глагола, активно проявляет себя как бы косвенно и часто даже задолго до наступления самого этого действия: создало обстоятельства или условия, вызывающие, например, чью-либо гибель, а само, допустим, затем ушло, часто даже не зная дальнейшего хода событий, т. е. оказавшись только причиной чьей-либо гибели. Лицо же действия переходного

глагола в форме прямого залога является от начала до самого конца всего этого действия активным.

1) *явах* 'идти'; 2) *явуулах* побудительный залог от *явах*; 3) *илгээх* 'посылать'.

И здесь в *явуулаах* мы видим не то же самое, что в глаголе *илгээх*, хотя во всех русско-монгольских словарях «посылать» переводится словами *илгээх* и *явуулах*. Но дело в том, что если *илгээх* означает только 'посылать' или 'отправлять', то *явуулах* собственно означает 'позволить или заставить идти', кроме того, 'проводить' (например, работу, т. е. как бы сделать так, чтобы работа шла). При глаголе *илгээх* прямое дополнение, выраженное именем в винительном падеже, обозначает только объект действия данного глагола. А между тем при глаголе *явуулах* дополнение, выраженное именем в том же винительном падеже, обозначает предмет, производящий действие, которое передается первичной основой данного глагола *яв-*: *ажил явж байна* 'работа идет' и *ажлыг явуулж байна* 'проводят работу'.

В глаголах *үхүүлэх* и *явуулах* так или иначе содержится значение побудительного залога, примерно соответствующее значению русского сочетания глаголов «дать», «позволить», «допустить» или «заставить» с инфинитивом. Не то с глаголами в форме прямого залога типа *алах* 'убивать' и *илгээх* 'посылать'.

Если при глаголе *үхүүлэх* речь может идти только о лицах, то при глаголе *явуулах*—как о лицах, так и о предметах. Возьмем теперь такие глаголы, которые употребляются в своем прямом, непереносном, значении и в первичной основе которых речь может идти только о предметах: 1) *шатах* 'гореть', 'пылать'; 2) *шатаах* — побудительный залог от *шатах*, обычно переводимый на русский язык как 'сжечь', 'спалить'; 3) *халах* 'нагреваться'; 4) *халаах* — побудительный залог от *халах*, обычно переводимый на русский язык как 'нагревать'.

Когда мы отмечаем, что *шатаах* 'сжечь', 'спалить' и *халаах* 'нагревать' представляют собою формы побудительного залога соответственно от глаголов *шатах* 'гореть', 'пылать' и *халах* 'нагреваться', то тем самым мы принимаем обычную в монголистике интерпретацию этих форм. Однако так ли в действительности обстоит дело с этими «формами»? В этих глаголах со смысловой точки зрения ни в какой степени не содержится оттенок значения побудительного залога 'заставить', 'позволить' или 'допустить', ибо *шатаах* никак не означает 'позволить или заставить гореть', как и *халаах* не значит 'заставить или позволить нагреваться'. Эти примеры как будто бы подтверждают мнение Н. И. Конрада относительно употребления побудительного залога в японском языке, т. е. насчет лексического значения этого залога в речи о предметах. Здесь основное значение побудительного залога (заставить или позволить) полностью отсутствует, и фактически тут мы имеем дело с образованием переходного глагола от непереходного, ибо действующее лицо при этих глаголах оказывается активным от начала до самого конца так же, как и при глаголах *алах* 'убивать' и *илгээх* 'посылать'.

Если нужно выразить, что по чьей-то оплошности сгорел, например, дом или кто-то неосторожно ошпарил руку себе или кому-либо, и если *шатаах* и *халаах* являются формами побудительного залога от *шатах* и *халах*, то от последних нужно образовать «двойной побудительный залог», а именно: *шатах* → *шатаах* → *шатаалгах* и *халах* → *халаах* → *халаалгах*! Именно подобного рода явления и послужили поводом для утверждения о том, что будто бы в монгольских языках от основ каких-либо глаголов можно образовать двойную форму побудительного залога, т. е. первичная побудительно-залоговая форма якобы может служить основой для образования вторичной побудительно-залоговой же формы.

Для понимания излагаемого необходимо учесть, что от глаголов типа *шатах* и *халах* первый «побудительный залог» образуется посредством суффикса *-га* (в классическом монгольском языке), *-ā* (в прочих монгольских языках), который не употребляется при образовании форм этого залога от первичных основ прочих глаголов. Этот суффикс до сих пор интерпретировался как суффикс образования побудительного залога на том основании, что образование одного глагола от основы другого глагола всегда есть образование залогового характера, а это вряд ли надо считать справедливым. Подобного рода образования получаются от основ преимущественно пассивных непереходных глаголов, например: *хатах* 'сохнуть', но *хатаах* 'сушить'; *хөгжих* 'развиваться', а также 'усиливаться' (о росте трав), но *хөгжөөх* 'усиливать' (рост трав, огонь); *сунах* 'растягиваться', но *сунаах* 'растягивать'; *сөнөх* 'гибнуть', но *сөнөөх* 'уничтожить'.

Стало быть, в этих примерах следует видеть образование переходных глаголов от непереходных не посредством суффикса побудительного залога, а посредством особого суффикса, не имеющего никакого отношения к образованию данного залога.

В свете излагаемого весьма любопытно, что от основы глагола *хөгжих* в значении 'развиваться' действительно образуется форма побудительного залога *хөгжүүлэх* 'развивать'. Таким образом, прежде мы полагали или могли полагать (об этом в литературе не говорилось), что от данной основы форма побудительного залога образуется двояко: *хөгжөөх* в значении 'усиливать' (рост трав, огонь) и *хөгжүүлэх* в значении 'развивать'[13]. Следует отметить, что иногда посредством суффикса *-а*

[13] Г. Д. Санжеев, *Залоги в монгольских языках*, — «Труды Военного института иностранных языков», М., 1947, № 3, стр. 97.

от основ непереходных глаголов как будто бы действительно образуются формы побудительного залога (ср., например, в бурятском *бусах* 'возвращаться', но *бусаах* 'возвращать'). Однако дело здесь заключается в том, что при данном глаголе речь может идти о лицах, а не только о предметах. Таким образом, в монгольских языках явления переходности и побудительности иногда как-то перекрещиваются, что обязывает нас лингвистическое исследование производить со строгим учетом всей сложности и противоречивости соответствующих явлений в этих языках. Возьмем, например, глаголы типа монгольского *өсөх* 'расти', от основы которого форма «побудительного залога» имеет вид *өсгөх* 'разводить', 'выращивать'. Можно ли сказать, что здесь мы действительно имеем форму побудительного залога со всеми его грамматическими значениями? Очевидно, нет, так как во фразе, например, *малаа өсгөх* 'разводить (выращивать) скот' мы не обнаруживаем ни оттенка насильственного «вчинения», ни дозволения или разрешения, что вообще характерно для побудительного залога. Кроме того, что очень существенно, действующее лицо, человек, выращивающий скот, оказывается активным или, точнее, действующим от начала до самого конца действия, выраженного в первичной основе данного глагола, т. е. в течение всего того времени, когда скот находится в состоянии выращивания. Так что же мы тут имеем — образование ли переходного глагола *өсгөх* 'выращивать' от основы пассивно-непереходного глагола *өсөх* 'расти' или же образование формы побудительного залога? Очевидно, только первое, т. е. явление сугубо словообразовательного характера.

Но всегда ли мы будем иметь дело только с образованием переходного глагола от основ непереходного глагола в тех случаях, когда побудительно-залоговая форма употребляется в речи о животных или предметах? Ведь здесь непереходный глагол *өсөх* 'расти', от которого образован «побудительный залог» *өсгөх* 'выращивать', как это традиционно трактуется, является пассивным. Что получится, если при речи о животных образовать побудительный залог от основ активных глаголов, например, таких, как *орох* 'входить' или *явах* 'идти'? Представим себе следующую картину: В юрте сидят люди, а во дворе мычит скот, как бы о чем-то прося. Что же сделают люди?

1. *Малаа оруулах* (побудительный залог от *орох*) — а) впустят, т. е. «позволят» своему скоту войти, например, во двор (предполагается, что скот своим мычанием «просит» этого), или б) загонят скот, т. е. «заставят» скот войти в тот же двор вопреки его «желанию» (предполагается: чтобы скот своим мычанием не надоедал людям).

2. *Малаа явуулах* (побудительный залог от *явах*) — отправят свой скот, т. е. «позволят» или «заставят» идти (оттенок зависит от того, как представляет себе говорящий «настроение» или «отношение» скота к данному действию).

В этих случаях мы имеем дело с образованием форм побудительного залога от основ активных непереходных глаголов во всем объеме значений этого залога, тогда как от основ непереходных глаголов типа *өсөх* 'расти' образуются переходные глаголы прямого залога. Но всегда ли от основ пассивных непереходных глаголов образуются только переходные глаголы, а не формы побудительного залога? Вспомним один из наших первых примеров — *үхэх* 'умереть', от основы которого образуется форма побудительного залога *үхүүлэх* со значениями 'допустить чью-либо смерть'. Как мы уже отметили, эта форма не идентична по своему значению глаголу *алах* 'убивать', 'умертвить', представленному в форме прямого залога. Поэтому в ней, т. е. в форме *үхүүлэх*, мы видим побудительный залог в полном объеме его значений. Но ведь как *өсөх* 'расти', так и *үхэх* 'умереть' одинаково являются пассивно-непереходными глаголами и в равной мере употребительны в речи о животных. Судь дела заключается в том, что формы *үхүүлэх* от *үхэх* и *өсгөх* от *өсөх* образованы при помощи разных суффиксов, каждый из которых признается в монголистике средством образования формы побудительного залога, ибо, во-первых, любое производство одного глагола от основы другого глагола считалось образованием залогового характера, а, во-вторых, переходность смешивалась с побудительностью.

Побудительный залог, образованный от основы любого активного глагола, никогда не теряет своего основного значения, что лишь иногда может иметь место, когда этот залог образуется от основы пассивно-непереходного глагола. В последнем случае все дело будет зависеть от непосредственного лексического значения каждого данного пассивного глагола. Так, например, мы уже видели, что получается при образовании побудительного залога от такого пассивного глагола, как *үхэх* 'умирать' даже тогда, когда речь идет о животных, которые по грамматической норме монгольских языков не могут относиться к лицам, примерно соответствующим одушевленным предметам по русской грамматической норме. Но очень часто значение данного залога утрачивается, если он образуется от основ пассивных глаголов, например:

1) *мунхруулах* 'одурачивать' от *мунхрах* 'становиться глупым';

2) *ядруулах* 'поставить кого-либо в затруднительное положение' от *ядрах* 'оказаться в затруднительном положении', 'изнемогать';

3) *баяжуулах* 'обогащать' от *баяжих* 'обогащаться' и *амьдруулах* 'оживлять' от *амьдрах* 'оживать'.

Если от основ пассивных глаголов образуется форма побудительного залога, то она почти никогда не имеет значения 'позволить'. Так, например, форма *үхүүлэх* может передавать значение 'заставить умереть' и 'невольно или непроизвольно допустить

чью-либо смерть'. Иными словами, в подобных случаях побудительный залог выступает как бы с усеченным или суженным значением.

Особо выделяется переходный и, следовательно, активный глагол *сурах*, который в современном монгольском языке имеет значение 'учиться' или 'учить что-либо' и от основы которого побудительный залог не имеет своего полного значения: *сургах* 'учить кого-либо', 'обучать', в данном образовании следует видеть почти только переходный глагол. В глаголе *сургах* не следует видеть то же самое, что и в глаголе *гаргах* 'выводить', 'позволить или заставить выйти' от *гарах* 'выйти', хотя в обоих этих случаях изменение первичных глагольных основ *сур-* и *гар-* осуществлено посредством одного и того же суффикса *-га*.

Исходя из того, что глаголы в форме побудительного залога имеют различные значения, можно было бы их подразделить на: 1) побудительно-переходные, образованные преимущественно от основ активно-непереходных глаголов, 2) побудительно-каузативные, образованные от основ переходных глаголов, и 3) просто переходные глаголы, лишенные основного значения побудительного залога и образованные преимущественно от основ пассивно-непереходных глаголов[14].

Образование побудительного залога

Как известно, в монголоведной лингвистической литературе уже давно по традиции утверждается наличие следующих суффиксов (ниже мы их приводим в форме, характерной для классического монгольского языка), при помощи которых образуются от первичных глагольных основ различные основы побудительного залога (формы и отдельные примеры по нормам устной речи мы даем применительно к современному бурятскому языку):

1) *-бул//-гүл* (по нормам устной речи *-уул//-үүл*), если первичная глагольная основа по нормам устной речи оканчивается на краткий гласный: *јабу-* 'идти' — *јабубул-* 'отправить', 'заставить или позволить идти' (ниже переводные комментарии с глаголами 'заставить' или 'позволить' даются лишь в необходимых случаях); *іре-* 'прийти' — *ірегүл-* 'вызвать'; *ала-* 'убивать' — *алабул-* 'заставить или позволить убивать'; *бічі-* 'писать' — *бічігүл-* 'заставить или позволить писать';

2) *-лба//-лге*, если первичная глагольная основа оканчивается на дифтонг или долгий гласный (по нормам устной речи, образцы которой ниже даются в скобках): *сабу-* 'сидеть' — *сабулба-* (*һуулга-*) 'посадить'; *хаба-* 'закрывать' — *хагалба-* (*хаалга-*) 'заставить или позволить закрывать'; *негеге-* 'открывать' — *негелге-* (*неэлгэ-*) 'заставить или позволить открывать'; *харајі-* 'скакать' — *харајілба-* (*харайлга-*) 'заставить или позволить скакать';

3) *-ба//-ге*, если первичная глагольная основа оканчивается на согласный *-р* или *-л*: *бар-* 'выйти' — *барба-* 'вывести', 'заставить или позволить выйти'; *бол-* 'быть', 'стать' — *болба-* 'заставить или позволить быть', 'сделать кем-либо или чем-либо'; *күр-* 'дойти' — *күрге-* 'довести';

4) *-ба//-ге*, если первичная основа пассивного глагола оканчивается на краткий гласный, вместе с которым этот суффикс образует в устной речи долгий гласный: *хата-* 'сохнуть' — *хатаба-* (*хатаа-*) 'сушить'; *бабада-* 'оказаться малым' — *бабадаба-* (*бабадаа-*) 'сделать так, чтобы оказалось малым' (например, 'сшить обувь меньшего размера, чем это нужно было'); *хала-* 'нагреваться' — *халаба-* (*халаа-*) 'нагревать';

5) *-ха//-ке*, если первичная глагольная основа оканчивается на согласный *д* или *с* (халх. *т* и *с*, бур. *д*): *багад-* уменьшаться — *багадха-* (халх. *багатга-*) 'уменьшать'; *өс-* 'расти', 'размножаться' — *өске-* (бур. *үдхэ-*) 'разводить', выращивать'; *усад-* 'уничтожиться' — *усадха-* 'уничтожить', 'ликвидировать'; *чад-* 'насытиться' — *чадха-* (бур. *садхаа-*) 'насытить'.

Суффикс *-лба//-лге* является генетически составным: *-л-* плюс *-ба//-ге* (см. выше третий суффикс). Как известно, в наиболее старых монгольских текстах XIII—XVI вв. суффикс *-л* был еще живым, продуктивным. Именно вследствие составного характера данного суффикса *-лба* и произошло то, что в современных монгольских языках (кроме дагурского, в котором суффикс *-л* является продуктивным и в настоящее время) к нему одинаково прибегают для образования побудительного залога от основ как активных, так и пассивных глаголов: *хаба-* 'закрывать' — *хабалба-* 'заставить или позволить закрывать', *улаји-* 'краснеть' — *улајілба-* 'довести до красноты' (например, 'накалить железо докрасна').

Примечательно, что от переходных глаголов типа *ол-* 'найти и *дејіл-* 'одолеть' формы побудительного залога образуются при помощи суффикса *-бул* или *-хабул*: *олубул-* ~ *олхабул* (бур. *олуул-* ~ *олхуул-*) 'заставить или позволить найти' и *дејілүгүл-* (бур. *дишлүүл-*) 'заставить или позволить одолеть'. А между тем во всей монголоведной лингвистической литературе указывается, что от первичных глагольных основ с конечным согласным *-л* этот залог образуется посредством суффикса *-ба*, третьего в нашем предыдущем перечне. Однако ни в одном из монгольских языков пока не обнаружены формы *олба-* и *дејілге-* вместо приведенных *олубул-* ~ *олхабул-* и *дејілүгүл-*. Это обстоятельство и заставляет нас традиционное толкование суффикса *-ба//-ге* уточнить в том смысле, что он употребляется при образовании фор-

[14] Н. А. Баскаков (см. его брошюру «Залоги в каракалпакском языке», Ташкент, 1951, стр. 7) полагает, что в каракалпакском языке побудительный или понудительный залог имеет: «а) понудительно-переходные (транзитивные) формы от непереходных глаголов и б) понудительно-причинительные (каузативные) от переходных глаголов».

мы побудительного залога от первичных основ только непереходных глаголов с конечным согласным *-л* и *-р*.

Соответственно сказанному относительно суффикса *-бул//-гүл* следует отметить, что посредством него образуется форма побудительного залога от первичных основ активных глаголов, оканчивающихся на любой звук, а не только от таких основ, которые оканчиваются на краткий (по нормам устной речи) гласный.

Однако в результате длительного процесса развития глагольной системы монгольских языков получилось так, что при образовании побудительного залога к суффиксу *-бул//-гүл* стали прибегать и пассивные глаголы, но, что очень характерно, только такие, которые являются производными, например: *баҕу-* 'спускаться вниз' — *баҕура-* 'становиться хуже' (т. е. 'опускаться в своем качестве')— *баҕурабул-* 'снижать качество'; *маҕу* 'плохой'— *маҕуда-* 'ухудшаться'—*маҕудабул-* 'ухудшать'; *хаҕа* 'пополам'— *хаҕара-* 'разорваться' — *хаҕарабул-* 'довести что-либо до такого состояния, при котором оно разрывается' (в отличие от *хаҕала-* 'разорвать').

Следовательно, ныне при образовании форм побудительного залога выбор соответствующего суффикса зависит не столько от того, на какой звук оканчивается та или иная первичная глагольная основа, сколько от того, какой оказывается последняя — активной или пассивной. Ведь кроме примеров типа *олубул-* и *дежилүгүл-* необходимо еще обратить внимание на такой пример образования формы данного залога, как *од-* 'отправиться' — *одубул-* или *одхабул-* 'отправить': никогда не бывает *одха-*, как этого следовало бы ожидать на том основании, что согласно безоговорочным указаниям всех наших грамматических пособий побудительный залог от первичных глагольных основ с конечным согласным *-д* или *-с* во всех случаях образуется посредством суффикса *-ха//-ке*. Все дело здесь в том, что глаголы *баҕад-* 'уменьшаться', *усад-* 'гибнуть', *чад-* 'насытиться' и т. п. (см. выше в 5-й группе примеров) являются пассивно-непереходными, тогда как *од-* 'отправиться' оказывается активно-непереходным.

Теперь нам необходимо остановиться на весьма распространенном утверждении о том, что от основы одного и того же глагола может образоваться форма побудительного залога во второй, третьей и даже четвертой степени. Такое утверждение имеет широкое хождение в литературе по алтайским языкам[15]. Однако, поскольку это касается монгольских языков, многостепенное образование формы побудительного залога оказывается невозможным.

От основы любого производного глагола форму этого залога можно образовать только один раз, как это можно показать на

[15] См. Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, стр. 136; И. Захаров, *Грамматика маньчжурского языка*, СПб., 1879, стр 162.

следующих примерах из современного монгольского языка: *шинэ* 'новый'— *шинэчлэх* 'обновлять' — *шинэчлүүлэх*; *тас* 'пополам'— *таслах* 'прервать'— *таслуулах*; *сайн* 'хороший' — *сайшаах* 'одобрять' — *сайшаалгах*; *гал* 'огонь' — *галдах* 'сжечь' — *галдуулах*; *эмээл* 'седло'— *эмээллэх* 'оседлать'— *эмээлүүлэх*; *сам* 'гребенка' — *самнах* 'чесать' — *самнуулах*; *муу* 'плохой' — *муудах* 'худеть' — *муудуулах*; *баян* 'богатый' — *баярхах* 'чваниться'— *баярхуулах*; *алдар* 'слава'— *алдарших* 'прославиться'— *алдаршуулах*; *бага* 'малый' — *багадах* ← *багадху* 'уменьшаться' — *багатгах*; *багадах* ← *багадлху* 'оказаться малым' —*багадуулах*, *багадаах*; *ойр* 'близко' — *ойртох* 'приблизиться' — *ойртуулах*. От основы непроизводного глагола форму побудительного залога можно образовать также только один раз: *идэх* 'есть'— *идүүлэх*; *унших* 'читать'— *уншуулах*; *бичих* 'писать'— *бичүүлэх*; *хаях* 'бросить'— *хаюулах*; *малтах* 'рыть'— *малтуулах*; *хийх* 'делать'— *хийлгэх*; *унах* 'сесть на коня' — *унуулах*; *оёх* 'шить' — *оюулах*; *цохих* 'бить'— *цохиулах*; *уух* 'пить'— *уулгах*; *цавчих* 'рубить'— *цавчуулах*; *барих* 'держать'— *барюулах*[16].

Однако от основ таких переходных глаголов, которые по нормам устной речи оканчиваются на долгий гласный, на что необходимо обратить особое внимание, может быть образована форма побудительного залога во второй степени, имеющая при этом специфическое значение, как это будет показано на следующих примерах: *угаах* 'мыть' — *угаалгах* 'заставить или позволить мыть' — *угаалгуулах* 'заставить или позволить мыть себя или свою вещь', 'быть вымытым;' *зөөх* 'возить' — *зөөлгөх* 'заставить или позволить возить' — *зөөлгүүлэх* 'заставить или позволить возить себя или свою вещь', 'быть перевезенным'; *тээх* 'класть' — *тээлгэх* 'заставить или позволить класть' — *тээлгүүлэх* 'заставить или позволить класть себя или свою вещь', 'быть положенным (на телегу)'.

Большинство активных непереходных глаголов не дает образования форм побудительного залога во второй степени, например: *ирэх* 'прибыть' — *ирүүлэх*; *суух* 'сидеть' — *суулгах*; *явах* 'идти' — *явуулах*; *очих* 'отправиться' — *очуулах*; *унтах* 'спать'— *унтуулах*; *эргих* 'вернуться' — *эргүүлэх*; *шуугих* 'шуметь' — *шуугиулах*; *харих* 'возвращаться' — *хариулах*; *хэвтэх* 'лежать' — *хэвтүүлэх*; *орох* 'войти' — *оруулах*.

Что касается основ пассивных глаголов, то от них вторая степень формы «побудительного залога» образуется только в виде некоторых отдельных исключений, например: *ширгэх* 'засыхать' — *ширгээх* 'сушить' — *ширгээлгэх* 'заставить или позволить сушить' (далее переводов не даем); *хурах* (редкое слово)

[16] От переходного глагола *гарах* 'выйти', 'пройти' можно образовать форму побудительного залога во второй степени: *гаргах* 'вывести', *гаргуулах* 'заставить или позволить вывести'. Однако подобные исключения весьма редки.

'собираться' — *хураах* 'собирать' — *хураалгах*; *шатах* 'гореть', 'пылать' — *шатаах* 'сжечь', 'спалить' — *шатаалгах* (даже *шатаалгуулах*, хотя конкретных примеров в литературе мы пока не обнаружили; ср. выше *угаалгуулах*); *ноцох* 'гореть (о свече)' — *ноцоох* 'зажечь' — *ноцоолгох*; *халах* 'нагреваться' — *халаах* 'нагревать' — *халаалгах*; *өсөх* 'расти' — *өсгөх* 'выращивать' — *өсгүүлах*; *усдах* 'гибнуть' — *усатгах* 'уничтожить' — *усатгуулах*.

Из всех этих примеров легко усмотреть, что в монгольских языках образование формы побудительного залога во второй степени, не говоря уже о третьей или даже четвертой, фактически невозможно, если не считать явления типа *угаалгуулах* или *тээлгүүлэх* (см. выше). Если в определенных случаях мы как бы имеем вторую степень формы данного залога, то тогда первая степень оказывается псевдозалоговой. То, что можно было бы назвать формой первой степени побудительного залога, на самом деле оказывается способом образования переходного глагола, что никакого отношения к залоговой категории не имеет. Если мы возьмем такие формы, как *ширгээх* 'засушивать', *хураах* 'собирать', *шатаах* 'спалить', *өсгөх* 'выращивать', *усатгах* 'ликвидировать' или *халаах* 'нагревать', которые считаются формами побудительного залога в первой степени соответственно от *ширгэх* 'засыхать', *хурах* 'собираться', *шатах* 'гореть', *өсөх* 'расти', *усдах* 'гибнуть' и *халах* 'нагреваться', — то все они не содержат в себе никакого значения этого залога: ни «заставить», ни, тем более, «позволить». Для понимания излагаемого необходимо учесть, что если от какой-либо первичной глагольной основы образована форма побудительного залога посредством суффикса *-ҕул*//*-гүл*, то уже так называемая вторая степень формы данного залога никак не может быть образована. Так, например, от *явуул-*, *ирүүл-*, *цохиул-*, *идүүл-* или *уншуул-*, которые являются формами побудительного залога соответственно от первичных глаголов *яв-* 'идти', *ир-* 'прийти', *цохь-* 'бить', *ид-* 'есть', 'кушать' и *унш-* 'читать', невозможно образовать формы этого же залога во второй степени вроде *явуулуул-* или *явуулга-*, *ирүүлгэ-*, *цохиулуул-* или *цохиулга-* и т. п.

Следовательно, в современных монгольских языках суффиксами побудительного залога являются только такие, как (по нормам старописьменного монгольского языка) *-ҕул* ~ *-гүл*, *-лҕа* ~ *-лге*[17] и, иногда, *-ҕа* ~ *-ге* (после некоторых глагольных основ с конечными *-л-* и *-р-*). Что же касается суффиксов *-ха* ~ *-ке* и *-ҕа* ~ *-ге* (после пассивно-глагольных основ с конечными краткими гласными), то они должны быть признаны не залогообразующими, а фактически средствами образования основ переходных глаголов от основ непереходных глаголов.

[17] О том, что суффиксы *-ҕул* ~ *-гүл* и *-лҕа* ~ *-лге* являются однозначными, свидетельствует сопоставление халхаского *хийлгэ-* и бурятского *хүүл-*, т. е. формы побудительного залога соответственно от глагольных основ *хий-* ← **кі-* → *хэ-* 'делать'.

А между тем, как известно, многостепенный побудительный залог, якобы возможный или даже реальный в алтайских языках, очень часто разъясняется примерно следующим образом: *ах барив* 'брат держал' (прямой или основной залог) — *би ахыг бариулав* 'я заставил брата держать' (побудительный залог в первой степени) — *би ахыг бариулуулав* 'я заставил кого-то сделать так, чтобы брат в свою очередь заставил кого-то держать' (побудительный залог во второй степени). Однако такого рода умозрительно предполагаемые примеры в реальной языковой действительности, конечно, не встречаются. Поэтому искусственно составляемые образцы «многостепенного побудительного залога», встречающиеся в некоторых монографиях по алтайским языкам, какого-либо подтверждения в литературе на соответствующих языках не находят и не могут найти (ссылки на возможность образования подобных образцов, иногда с аппеляцией на «сознание» носителей того или иного языка, не могут, конечно, иметь доказательной силы)[18].

Проведенный нами обзор различных способов образования форм побудительного залога в монгольских языках существенно важен во многих отношениях. Во-первых, он оправдывает устанавливаемые нами в этих языках разряды активных и пассивных глаголов (наряду с переходными и непереходными глаголами) и устранение категории средних глаголов, «медиума». Во-вторых, это заставляет нас полагать, что характер конечных звуков глагольных основ имеет определенное значение, — это касается не только производных глаголов, но и коренных, непроизводных ср. халх. *сэрээ-* 'будить', но *сэргээ-* 'оживить' (например, работу); бур. *һэрэ-* 'проснуться', *һэрээ-* 'будить' и *һэргээ-* 'оживить'; корень — *сер-*, от которого и получилось халх. *сэргээ-* и бур. *һэргээ-*. Продуктивные и непродуктивные производные глагольные основы современных монгольских языков по фонетическому облику своих суффиксов очень легко могут быть расклассифицированы на определенные группы (переходные и непереходные, активные и пассивные). Что же касается непроизводных глаголов, то они в общем поддаются определенной классификации преимущественно по характеру образования от их основ соответствующих форм побудительного залога, а более подробно и точно — путем особого сравнительно-исторического и этимологического исследования их звукового состава с привлечением данных тюркских и тунгусо-маньчжурских языков, исторически связанных с монгольскими.

[18] Н. К. Дмитриев в своей «Грамматике кумыкского языка» (стр. 135—136) приводил следующие образцы «многостепенного побудительного залога» от первичной глагольной основы *биль-* 'знать': *бильдирмек* 'заставить знать' → *бильдиртмек* 'заставить заставить знать' → *бильдирттирмек* 'заставить заставить заставить знать'.

В-третьих, только что изложенное должно подсказать нам, что исследователям необходимо обратить свое внимание на такие явления в монгольских языках, как: а) наличие некоторого количества глаголов, основы которых в то же самое время являются основами и имен (бур. *алха* 'шаг' и *алха-* 'шагать'; *адха* 'горсть' и *адха-* 'захватывать в горсть', 'крепко держать в руках'; *шэнжэ* 'вид', 'форма', 'облик' и *шэнжэ-* 'вникать', 'рассматривать'); б) различие между глагольными и именными основами общего происхождения лишь по характеру своих конечных согласных (класс.-монг. *сонур* 'слух' и *сонус-* 'слушать'; *ўнўр* 'запах' и *ўнўс-* 'нюхать'; ср. тюркск. *көз* 'глаз' и *көр-* 'видеть'), чередующихся в общеалтайском масштабе (*р* ~ *з* ←→ монг. *с*); в) очень легкую и свободную производимость разных глагольных основ от именных; г) значительное преобладание производных глаголов над корневыми, непроизводными и т. п.

Однако необходимо выяснить, почему от многих пассивно-непереходных глаголов типа *үхэх* 'умереть' или *ургах* 'расти' невозможно образовать переходные глаголы прямого же залога и получить что-либо вроде *үхээх* в значении 'умертвить' или *ургаах* 'вырастить', как это возможно от основ пассивно-непереходных глаголов типа *хат-* 'сохнуть', *шат-* 'гореть' и *хал-* 'нагреваться', от которых мы соответственно имеем переходные глаголы прямого залога в виде *хатаа-* 'сушить', *шатаа-* 'спалить' и *халаа-* 'нагревать'. По-видимому, объяснение этому явлению нужно искать в том, что здесь перекрещиваются категории лексики и грамматики, поскольку значения побудительного залога в определенном отношении совпадают со значениями переходного глагола в прямом залоге. В этой связи следовало бы обратить внимание на то, что в некоторых случаях от одной и той же первичной основы непереходного глагола образуются две формы побудительного залога. Например, от первичной основы современного монгольского непереходного глагола *бай-* 'быть', 'находиться' мы имеем: 1) *байлга-* 'ставить', 'устраивать', 'вводить', 'учреждать', 'держать в каком-либо состоянии', 'останавливать' и 2) *байгуул-* 'организовать', 'сооружать', 'основывать'. Ср. еще калм. *зовул-* ~ *зова-* 'мучить' от *зов-* 'мучиться'; халх. *хийгүүл-* ~ *хийлгэ-* 'заставить делать' от *хий-* 'делать'; *дасуул-* ~ *дасга-* 'приучать' от *дас-* 'привыкать' и другие, подлежащие специальному исследованию в плане изучения их употребления и уточнения их значений[19].

Проблема побудительного залога в монгольских языках станет более ясной и удовлетворительно разрешенной тогда, когда будет выяснена природа морфологии этого залога в классическом

[19] G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen*, Helsingfors, 1902, S. 18 (далее — G. J. Ramstedt, *Zur Verbstammbildungslehre...*).

монгольском языке. Дело в том, что во всех пособиях по грамматике этого языка при объяснении морфологии побудительного залога исследователи постоянно апеллируют к нормам устной речи. Так, например, указывается, что от глагольных основ, оканчивающихся на краткие гласные, изредка на дифтонги с *і*, форма побудительного залога образуется посредством суффикса *-бул*||*-гўл*: *ору-* 'войти' — *орубул-* 'впустить', *јабу-* 'идти' — *јабубул-* 'отправить' и т. п. Но ведь в классическом монгольском языке гласные всегда являются краткими! Далее утверждается, что посредством суффикса *-лба*||*-лге* этот залог образуется от глагольных основ, оканчивающихся на долгий гласный или дифтонг: *сабу-* 'сидеть' — *сабулба-* 'посадить', *негў-* 'кочевать' — *негўлге-* 'переселить' и т. д. Но ведь в этом языке долгих гласных не было! Каким образом лицо, изучающее классический монгольский язык без знакомства с устной монгольской речью нашего времени, сможет определить, когда и какой из перечисленных суффиксов должен быть использован для образования формы побудительного залога от той или иной первичной глагольной основы?

Известно, что в монгольских языках долгие гласные появились примерно с XV в. или немногим раньше. Стало быть, применительно к ранней монгольской речи апелляция к отсутствовавшим тогда долгим гласным невозможна, поскольку тогда все гласные были краткими. Впрочем, известно, что в XIII в. форма побудительного залога от глагола *сабу-* 'сидеть' имела вид *сабул-*, от *бабу* — 'спускаться' — *бабул-*; т. е. в то время суффиксом этого залога был *-л*, если в данном случае не допускать гаплологию во избежание формы в виде *сабубул-* и *бабубул-* (ср. совр.-монг. *байгуулага* вместо *байгуулалга* 'организация'), тем более, что такие примеры являются единичными[20]. При этом весьма любопытно, что примерно в XV столетии среднеазиатские филологи, как это видно из словаря «Мукаддимат ал-Адаб», зарегистрировали следующие формы побудительного залога: *ече'ўлбе*, наряду с которой в этом же словаре встречается также *ечёбе* (=класс. *ечегебе*, халх. *эцээв*, бур. *эсээбэ* 'утомил' и *іне'ўл-* (=класс. *іні́јелге-*, халх. *инээлгэ-*) 'смешить'. Образованные от одной и той же первичной глагольной основы *ече-* 'утомиться' две параллельные побудительные формы *ече'ўлбе* и *ечёбе*, семантическое различие между которыми мы пока не в состоянии установить, по моделям своего образования напоминают совр.-монг. *хөгжөөх* 'усиливать' (например, огонь) и *хөгжүүлэх* 'развивать', также образованные от одной и той же глагольной основы *хөгж-* 'усиливаться (об огне или росте трав)', 'развиваться'. Весьма возможно, что форма *ечёбе* не содержала в себе значения побудительного залога, как не содер-

[20] См. Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, М., 1957, стр. 151.

жит его совр.-монг. *хөгжөөх*, как форма переходного глагола прямого залога, в отличие от побудительного *хөгжүүлэх*. В словаре «Мукаддимат ал-Адаб» эти формы даны в следующих сочетаниях: *ечёбе тӯні біші кӯӯн* 'его утомил другой человек' и *ече'ӯлбе тӯні ӯілёсе* 'сделал его уставшим от работы'.

Во всяком случае совершенно очевидно, что в древнем монгольском языке характер образования побудительного залога посредством того или иного суффикса никак не мог зависеть от какого-либо конечного звука первичной глагольной основы, поскольку, повторяем, в этом языке тогда еще не было деления гласных на долгие и краткие, — не могли же монголы, скажем, до X в. опираться на то, что должно было произойти в их языке через несколько столетий! Очевидно, в древнем монгольском языке лексическая природа и пока еще невыясненная система глагола позволяли определять, от какой первичной глагольной основы и каким образом возможно образование форм побудительного залога и от каких глаголов одного типа можно образовать глаголы другого типа, например от непереходных — переходные или от активных — пассивные. Возможно, что картина в этом языке была примерно такова же, как и в современном бурятском языке в случаях образования 1) формы побудительного залога *үргүүл-* от основы переходного глагола *үргэхэ* 'поднимать' и 2) переходного глагола *үргөөхе* 'испугать' от основы непереходного глагола *үргэхэ* 'испугаться', — а ведь в монголоведной литературе утверждается, что якобы в обоих этих случаях мы имеем дело с образованием побудительного залога.

По-видимому, в древнем монгольском языке и его диалектах система залогов и различных лексических групп внутри глаголов с формальным их выражением была несколько иной, нежели в современных монгольских языках. Выяснение этого следует считать одной из важнейших задач исторической грамматики современных монгольских языков.

Употребление побудительного залога

После того, как рассмотрены общие значения и способы образования побудительного залога, необходимо выяснить, каким образом выражается субъект или реальный исполнитель действия побудительного оборота. Побудительный оборот, т. е. сочетание слов, в котором представлен глагол в побудительном залоге, будем условно считать полным, если в нем упоминаются два лица или предмета, выраженные соответствующими именами и ниже условно именуемые компонентами этого оборота. Первый из этих компонентов обозначает лицо, побуждающее, позволяющее, допускающее или заставляющее другое лицо совершить действие побудительного глагола, и оформляется как подлежащее, выраженное каким-нибудь именем в именительном или, в классическом монгольском языке, иногда исходном падеже. Ввиду

общеизвестности этого явления мы не будем особо останавливаться на разборе первого компонента побудительного оборота, тем более, что оно проиллюстрировано во всех наших примерах. Поэтому сосредоточим наше внимание на описании второго компонента, обозначающего лицо, которое реально выполняет действие первичной основы побудительного глагола, т. е. является реальным исполнителем этого действия.

Во-первых, реальный исполнитель может быть выражен винительным падежом[21], например:

класс.: *Дегӯӯ-бен хара морін-данг унуҕууулджі* (Х. Х.—92) 'Своего младшего брата посадил на своего вороного коня' (в данном случае Хан-Харангуй дал своему брату своего коня, а не посадил его на коня как ребенка); *Еме-іјен усун-дур ечігӯлӯгед...* (Г.—63)...'отправил свою жену за водою...' (жена выполняет действие, обозначенное в первичной основе данного глагола); бур.: *Манжа хаан хаби ноёдоо дахуулан гаража ошоно* (Балд.) 'Маньчжурский хан уходит, сопровождаемый своими приближенными сановниками' (букв. 'заставляя своих приближенных сановников следовать за собою, т. е. уводя'); *Амитан зоноо аюул гайда оруулаагүй һаа яаба* (Балд.) 'Кабы сделал так, чтобы народ не очутился в бедствии' (букв. 'если бы не ввел свой народ в опасное бедствие').

Если в этих примерах винительный падеж обозначает реальных исполнителей действий первичных глагольных основ, то этот же падеж выражает прямой объект в следующих предложениях: класс.: *Алтан сону-бен талбіҕад джöгеі-ji тасу баріҕулба* (Г.—69) 'Пустив золотистого овода, заставил его схватить пчелу' (т. е. при помощи овода схватил пчелу). В этом предложении три живых существа: 1) некий человек, подразумеваемый в опущенном здесь подлежащем, но упомянутый в предыдущем предложении; 2) овод, который по воле некоего человека схватывает пчелу, и 3) пчела — объект того же действия; и овод, и пчела одинаково оформлены винительным падежом.

Наран Саран Таулаі-ji чі алаҕулба (Х. Х.—127) 'Это ты дозволил [Хан-Харангую] убить [Силача по имени] Наран-Саран-Таулай';

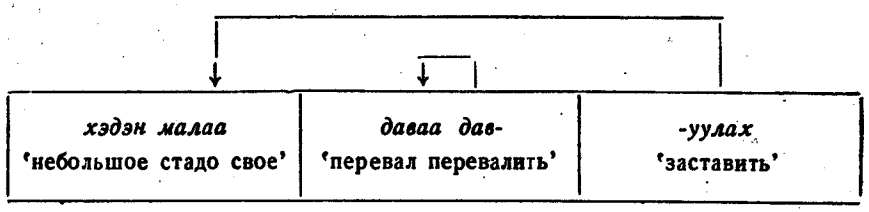
бур.: *Харюу хүргүүлэн захиха гүт!* (Балд.) 'Не отправите ли [меня] доставить ваш ответ!'

В текстах «Сокровенного сказания» винительный падеж при побудительном глаголе имеет те же два значения (винительный субъекта-объекта), например *Ede tabun kö'üd-iyen jergelen sa'ulju* (§ 19) 'Этих трех сыновей она посадила рядом'; *Ede qurban kö'üd-i töre'ülbi* (§20) 'Родила этих трех сыновей'.

---

[21] Выражение «такой-то падеж» мы будем условно употреблять вместо более громоздкого «имя в таком-то падеже», что вообще-то является более точным. Равным образом вместо «глаголы в форме того-то залога» будут применяться выражения «побудительные или страдательные глаголы».

Как известно, при побудительном глаголе от основы переходного глагола может быть два винительных падежа: субъекта-объекта и объекта. Реальный исполнитель в таких случаях всегда обозначается в первом из них, тогда как вторым обозначается объект действия первичной глагольной основы[22]. Если суффикс побудительного глагола условно считать отдельным «словом» со значением «заставить» или «позволить», а первичную основу этого же глагола также условно полагать самостоятельным «словом», то такую современно-монгольскую фразу, как *хэдэн малаа даваа давуулах* (Ур.—47—105) 'небольшое стадо свое заставить перевалить перевал' (т. е. 'перегнать через перевал') схематически можно представить в следующем виде:



В этой же фразе стрелками показано соответствующее управление: заставить кого и перевалить что.

Получается как бы своеобразное «замыкание» так же, как, например, в причастном обороте:

би я	*бороо* дождь	*орох-* пойдет	*-ыг* „что"	*мэдэнэ* знаю
'я знаю, что дождь пойдет'				

Во-вторых, реальный исполнитель может быть выражен также дательно-местным падежом, например:

класс.: *Тэрэ кӯмӯн надур сургалаі..., бі сурба* (Викр.—110) 'Тот человек учил меня (='мне учить')..., я же учился'; *Бурбан хоні-ji чінус-тур барібулджу ідегӯлбе* (Г.—19) 'Волкам допустил поймать и съесть трех овец' (т. е. по небрежности не уследил за овцами, схваченными волками).

бур.: *Муу хүндэ аяга бү танюул, hохор үхэртэ худаг бү танюул!* (поговорка) 'Худому человеку чашку не показывай, слепому быку колодец не показывай!' (букв. 'Худому человеку чашку знакомиться не «позволяй», слепому быку колодец знакомиться не «позволяй»!'). *Ганса бурядууд лама ноёдто баhуулжа сохюулжаа байгаа бэшээ; хүсэтэ баатар ород арад, бэшэ амітан булта зобожо байгаа* (Ж. Тум.—117) 'Ламы и чиновники издевались и глумились не только над бурятами; страдал также героический русский народ, как и все прочие народы'.

[22] Винительный падеж очень часто может быть заменён основой имени: халх. *морийг барих* или *морь барих* 'ловить коня'.

Из этих примеров как будто бы усматривается, что реальный исполнитель обозначается дательно-местным падежом в том случае, если действие, выраженное в первичной глагольной основе, по своим результатам или само по себе сказывается в интересах этого реального исполнителя. Однако мы встречаем примеры, которые противоречат только что сказанному: *Модондо сохюулжа үхөө бэлэй* (Х. Н.) 'Он был насмерть раздавлен деревом' (букв. 'дереву бить дав умер'). *Табхайн Гомбо... hамгандаа мориёо эмэллүүлжэ... мордошобо* (Ж. Тум.—12) 'Гомбо Табхаев, приказав своей жене оседлать коня, поехал'.

Если в этих примерах условно допустить, что в образной речи дереву было «приятно» бить кого-то, а женщине столь же «приятно» было оседлать Табхаеву коня, то что можно сказать, когда мы в своих диалектологических записях по бурятскому фольклору в Оке находим такую фразу: *Хара нохойдо хоро эдюүлже, хамаг зондо гай болобо* 'Черной собаке дал есть яд и всему народу причинил бедствие'. Конечно, трудно сказать, чтобы черной собаке было «приятно» есть яд.

Дело, по-видимому, заключается в том, что дательно-местный падеж для обозначения реального исполнителя действия первичной основы побудительного глагола употребляется в случаях, аналогичных примеру бур. *модондо сохюулжа үхөө бэлэй* 'насмерть был раздавлен деревом, когда кто-либо сам подвергается тому или иному «неприятному» действию в результате своей небрежности и оплошности или в силу каких-то объективных обстоятельств (*лама ноёдто баhуулжа сохюулжа байгаа* 'ламам и чиновникам издеваться и бить себя «давали»'). Ср.: *дайсанда сохигдобо* 'побит врагом' (смысл этого страдательного оборота: хотя и сопротивлялся, но не хватило сил одолеть врага) и *дайсанда сохюулба* 'побит врагом' (смысл этого побудительного оборота: мог бы сам побить врага, но проявил небрежность, оплошность и т. д.). Несомненно также, что дательно-местный падеж для выражения реального исполнителя употребляется во избежание скопления в одном побудительном обороте нескольких имен в винительном падеже, обычно выражающем прямой объект.

Употребление в монгольских языках дательно-местного и винительного падежей для выражения реального исполнителя побудительного оборота любопытно сравнить с тем, что мы находим в японском языке. Как пишет Н. И. Конрад, в японском побудительном обороте для выражения его реального исполнителя употребляется как дательный падеж, так и винительный. Если ударение делается на прямое дополнение, т. е. на то, что, на-

пример, пьют, то реальный исполнитель (по терминологии Н. И. Конрада, второе дополнение) выступает как косвенное дополнение и ставится в дательном падеже на *-ни*. Если же ударение падает на реального исполнителя, т. е. когда важно подчеркнуть, кого́ именно заставляют, например, пить, то этот реальный исполнитель ставится в винительном падеже на *-о* (в изложении Н. И. Конрада, второе, косвенное дополнение превращается тем самым в прямое). В обоснование этих положений Н. И. Конрад приводит следующие примеры:

1) *хаха-га кодомо-ни тити-о номасэру* 'мать заставляет ребенка пить молоко' (с ударением на слове *тити-о* 'молоко'; реальный исполнитель — *кодомо-ни* — в дательном падеже); 2) *хаха-га кодомо-о тити-о комасэру* 'мать заставляет ребенка пить молоко' (с ударением на слове *кодомо-о* 'ребенка', поставленном на этот раз в винительном падеже)[23].

Если эти японские примеры слово в слово, с сохранением соответствующих падежей, буквально перевести на современный монгольский язык, то получим: 1) *эх хүдээ сүүг уулгана* 'мать дает ребенку пить молоко'; 2) *эх хүүгээ сүүг уулгана* 'мать заставляет ребенка пить молоко'.

Подобное употребление падежей в японском побудительном обороте Н. И. Конрад разъясняет следующим образом: «...переходный глагол в побудительном залоге управляет двумя падежами: дательным на вопрос „кого заставляют" и винительным на вопрос „что заставляют"; непереходный глагол в побудительном залоге управляет двумя падежами: винительным на вопрос „кого заставляют" и тем косвенным падежом, которым управляет самый глагол»[24]. Таким образом, употребление описанных падежей при побудительном глаголе в монгольском и японском языках во многом совпадает; сказанное особенно касается непереходно-побудительного глагола.

В монгольских языках дательно-местный падеж для обозначения реального исполнителя не употребляется в тех случаях, когда первичная основа побудительного глагола является непереходной как активного, так и пассивного типа.

В-третьих, реальный исполнитель в побудительном обороте может быть выражен и орудным падежом. Поскольку такое употребление этого падежа в монгольских языках является сравнительно редким и представляет особый интерес, приведем ниже возможно большее количество примеров:

Класс.: *Олан даҕаҕул ӧкід-ijер зандан модун-і джӧгегелгеджӯ кегӯр-і-інӯ тӯлебе* (Л. сб. — 72) '(Царица) велела всем своим служанкам (букв. 'многими служанками') натаскать сандаловые деревья и сожгла его (царя) тело'; *Бӯгӯдегер-і черігуд-ijер нелijед*

[23] Н. И. Конрад. *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 208.

[24] Там же, стр. 209.

хола хаjаҕулба (Л. сб. — 137) 'Заставили солдат все [трупы] выбросить как можно дальше'; *Тере кӯмӯн jаҕарджу кігед хоjар емес-ijер баріҕулба* (Викр.—63) 'Тот человек быстро приготовил [еду]' и велел двум женщинам подать [кому-то]'; *Баса теден-ijер шіне монгҕол-ун тухаі ірӯгел-і джокjалҕаджу* (Ц.—1—32) 'Попросил их сочинить песни-благопожелания о новой Монголии';

халх.: *Чи надаар юу хэлүүлэх гэж ингэж эргээд байдаг болов* (Ур.—47—116) 'Ты всё тут околачиваешься, и хочется тебе, чтобы я что-нибудь сказал!'; *Би бүргэдээр ан хийлгэж, малаа ганцаараа маллаж, сайн малчин болох гэж байна* (Ур. — 47—132) 'Я хожу на охоту с орлом (букв. 'Я орлом охоту заставляя делать') и, своими усилиями пася свой скот, собираюсь стать хорошим скотоводом'; *Жаргал гуайгаар чинь уншуулах гэсэн* (Ур.—47—26) 'Хотел просить уважаемого Джаргала прочитать'; *Чамаар хариулах мал байхгүй* (Х.Т.—121) 'Скота такого нет, чтобы тебе поручить для пастьбы' (букв. 'Тобою пасти заставить скот не имеется').

бур.: *Шодон Дэлгэрээр боожоо барюулаад ябашахаар һанаба* (Ж. Тум.—30) 'Шодон думал, что он сможет поехать, имея Дэлгэра в качестве ямщика'; *Нима Сэсэгмаагаар гуталдаа дүрэнхэ хүүлээд ябахаяа забдаба...* (Ж. Тум.—120) 'Нима, приказав Сэсэгме положить в его обувь подстилку, собрался идти', *Арайл шаргыемнай моридоороо дайруулжархин алдабал* (Ж. Тум.—100) 'Едва его лошади не задели наши сани'; *Гомбо... үхэр буугаа хүбүүдээрээ шэрүүлээд... добын оройдо абаашажа тодхобо* (Ж. Тум.—211) 'Гомбо установил свои пушки на вершине холма, приказав своим людям доставить их туда'.

Как видно из этих примеров, орудный падеж в качестве реального исполнителя употребляется в основном тогда, когда особо подчеркивается заинтересованность лица-подлежащего в совершении действия побудительного глагола. Таким образом, реальный исполнитель по отношению к лицу-подлежащему является как бы орудием действия так же, как, например, в следующей бурятской поговорке: *Хүнэй гараар гал барюулаха, Хүнэй шүдөөр шулуу хазуулха* 'Чужими руками огонь держать, чужими зубами камень грызть' (букв. 'руками человека огонь держать заставить, зубами человека камень грызть заставить'). Другой вариант этой же бурятской поговорки: *Хүнэй гараар могой бариха, хүнэй шүдээр шулуу хазаха* 'Чужими руками змею ловить, чужими зубами камень грызть'. Здесь глаголы *бариха* 'держать' и *хазаха* 'грызть' даны в форме прямого залога, а не побудительного, и тем не менее общий смысл поговорки, соответствующей русской поговорке, «чужими руками жар загребать», остается почти неизменным. Как и в случае употребления дательно-местного падежа, орудный падеж в побудительном обороте применяется во избежание скопления двух винительных падежей (или приравненных им двух основ имени), один из которых обозначал бы прямой объект действия, выра-

женного в первичной основе побудительного глагола, а другой — реального исполнителя. Этим самым в монгольских языках достигается то, что употребление двух винительных падежей наблюдается очень редко.

В некоторых случаях невозможно было бы обойтись без применения орудного падежа, например в песне Гесера о змиях: *Ене хаҕан намаjі моҕаі-ту таму-дур оркіджу* ***моҕаі-бер*** *алаҕулху хаҕан буjу геджӯ санала бі; моҕаі-jуҕан* ***нада-бер*** *алаҕулджу джірҕаху хаҕан аҕсан аджі баjінам геджӯ дагулаба* (Г.—68) 'запел [Гесер]: Я думал, что этот хан — такой хан, который, бросив меня в ров змиев, убьет меня змиями. А, оказывается, это такой хан, который задумал насладиться, при моем посредстве убив своего змия'. В буквальном переводе эта ироническая песнь имеет следующий вид: 'Этот хан меня — в змеиный ров бросая — змиями убить заставляющий хан есть — думал я. Своих змиев — мною убить заставляя наслаждающийся хан оказывается — говоря запел'. Таким образом, хан бросил Гесера в змеиный ров, конечно, в надежде, что змии съедят его, Гесера, а вышло так, что Гесер убил этих змиев. Если в этой песне подчеркнутые слова поставить в форме винительного падежа, т. е. *моҕаі-jі* и *намаjі* вместо *моҕаі-бер* и *нада-бер*, то вся песня могла бы получить совершенно иной смысл: 'запел: Я думал, что этот хан — такой хан, который, бросив меня в змеиный ров, задумал заставить меня убить змия, а, оказывается, это такой хан, который задумал насладиться, заставив змия убить меня' (или наоборот: 'заставив меня убить змия'). Если же в первой части песни вместо *моҕаі-бер* поставить *моҕаі-дур*, т. е. вместо винительного падежа прибегнуть к дательно-местному, то она получила бы такой, формально неопределенный смысл, что хан бросил Гесера в змеиный ров змиям с тем, чтобы они убили этого Гесера, или наоборот, с тем, чтобы самому быть убитым змиями.

В некоторых случаях бывает затруднительно определить, чем же выражается реальный исполнитель побудительного оборота или что же выражает тот или иной член такого оборота, например: класс.: *кеӯкен еке-ече алдаҕулун унаба* (Г. — 10).

Речь идет о том, как мать не может взять на руки новорожденного Гесера, который пытается вырваться и которому, наконец, удается вырваться, в результате чего мать роняет его. Имя *еке* 'мать' дано в форме исходного падежа, а побудительный глагол *алдаҕулун*, данный в форме слитного деепричастия, в своей первичной основе означает 'уронить'. Поэтому можно перевести различно эту фразу: 'ребенок упал, уроненный матерью' или 'ребенку удалось вырваться от матери' (букв. 'ребенок — от матери уронить вынудив ее — упал').

Тоҕусу татаҕулуҕсаҕар одба (Далх.) 'Отправился, поднимая пыль' (о всаднике). Здесь глагол *татаҕулуҕсаҕар* в своей первичной основе означает 'тянуть', 'поднимать'. Поэтому фраза

формально может быть переведена так: 'Отправился, заставляя кого-то поднимать пыль'. Но контекст показывает, что пыль поднимает сам всадник.

Таким образом, реальный исполнитель действия побудительного глагола выражается именем в винительном, дательно-местном или орудном падеже, что зависит как от соответствующего смысла побудительного оборота, так и от определенного стилистического задания. Поэтому не всегда можно с полной уверенностью сказать, когда в том или ином побудительном обороте должен быть употреблен один из этих трех падежей для обозначения реального исполнителя. Можно только установить, что если побудительный глагол образован от первичной основы почти любого непереходного глагола, то для выражения реального исполнителя может быть использован только винительный падеж, тогда как в этой функции дательно-местный и орудный падежи совершенно не употребляются (по крайней мере, такого рода примеры в монгольских языках нами пока не обнаружены)

Употребление побудительного залога вместо страдательного

Выше, при обозрении дательно-местного падежа в побудительном обороте, мы как бы видели те нити, которые связывают между собою значения побудительного и страдательного залогов, — заметим, что в этом случае первичная основа побудительного глагола должна быть всегда переходной[25]. Следующие примеры более наглядно проиллюстрируют сказанное:

Класс.: *Орус улус-ун кӧделмӯрічін таріjачін арад-уд хубісхал-ун jеке баҕші Ленін-іjер удурідулун Холбуҕату улус-і баjіҕулба* (Далх.) 'Рабочие и крестьяне России под руководством (букв. 'будучи руководимы') великого учителя революции Ленина создали Советский Союз'; *Олан улус-іjар кӯріjелегӯлджӯ саҕуху-jі. ӯджебе...* (Викр. — 71) '...увидели, что [она] сидит, будучи окружена толпою людей'; *мінӯ кӧбегӯн кеӯкен-дӯр джодуҕулба* (Викр. — 168) 'Мой сын побит девушкой' (букв. 'девушке побить позволил'); *Кӯмӯн-дӯр абхуҕулун дуралабау чі* (Г. — 44) 'Ты, кажется, влюбилась';

халх.: *Засгийн газраас Чимид нараар удирдуулан долоон бригадаар тус бүр 4000—6000 зээрийг агнуулахаар тогтоохын хамт* (У. О. — 2593) 'Правительство вынесло решение о том, чтобы семь бригад, руководимые Чимидом и другими, забили по 4000—6000 дзэрэнов (антилоп)';

бур.: *Бабжа-Барас баатарни, үглөөнэй улаан наранаар*

[25] Здесь мы имеем в виду примеры типа уже приведенного выше: *Модондо сохюулжа үхөв бэлэй* 'Он был насмерть раздавлен деревом' (букв. 'дереву бить дав умер').

үрэлүүлхэеэ байһанаа мэдэнэ гүш? (Балд.) 'Мой Батор Бабжа-Барас, знаешь ли ты, что с восходом солнца будешь умерщвлен?'

Такое же употребление данного залога обнаруживается и в текстах «Сокровенного сказания»: *Qarciqai-bar bari'uluqsan noqut qalawud-un ödün hüsün* (§ 31) 'Пух и перья уток и гусей, пойманных соколом'.

Как видно из этих примеров, в монгольских языках побудительный залог употребляется вместо страдательного тогда, когда кто-либо подвергается действию другого лица в результате своей оплошности, небрежности и вообще проявления пассивности, или когда такое действие почему-либо оказывается для него желательным или необходимым, т. е. как бы добровольно допускается «пострадавшим» лицом (при ситуации, сходной с той, при которой взрослые в игре с детьми позволяют им найти себя).

Мы уже имели случай высказать предположение, что в монгольских языках от побудительного залога некогда отпочковался страдательный[26]. По-видимому, в древнем монгольском языке не было особого страдательного залога, функции которого выполнялись побудительным или побудительно-страдательным залогом так же, как это мы видим в маньчжурском языке. В этом языке залоговая форма на *-бу* образует побудительно-страдательный глагол, выполняющий функции и побудительного и страдательного залога, например: *уша-* 'увлекать' — *ушабу-* 'позволить или дать увлекать': *байта-дэ ушабуха* 'был увлечен делом или дал увлечь себя'; *гэлэ-* 'испугаться' — *гэлэбу-* 'испугать': *би иньдэ гэлэбухэ* 'я был им напуган' или 'я [себя] ему испугать позволил'; *би имбэ гэлэбухэ* 'я его испугаться заставил', т. е. 'я испугал его'.

Таким образом, в маньчжурском языке одна и та же глагольная форма имеет значение побудительного залога тогда, когда реальный исполнитель действия первичной основы глагола выражается винительным падежом, и страдательного залога в тех случаях, когда реальный исполнитель выражен дательным падежом. Любопытно отметить, что показатель этой побудительно-страдательной формы *-бу* совпадает с основой глагола *бу-* 'дать'[27].

Аналогичное употребление побудительного залога в каракалпакском языке отмечает Н. А. Баскаков, который пишет, что предложения типа *мен сокътырдым* 'меня избили', 'я избит' (букв. 'я допустил избить себя'), т. е. предложения без указания косвенного или прямого объекта, «соответствуют по семантике страдательной конструкции»[28]. «Таким образом, — продолжает Н. А. Баскаков, — в предложениях со сказуемым, выраженным формой понудительного залога без указания на прямой и косвенный объекты, действие переходит на субъект (т. е. на подлежащее. — *Г. С.*). Характерно, что понудительная и страдательная формы в этом случае являются грамматическими синонимами, ср., например: *кийик къулан табтырмады, тюлки табылды* 'дикий козленок не попался (букв. 'не позволил, не дал себя найти'), а лиса попалась' (букв. 'нашлась, была найдена'), где глаголы *табтырмады* и *табылды* являются по существу синонимами». Такие же явления отмечаются А. Х. Фатаховым[29], который, отмечая подобные же случаи применения побудительного залога в башкирском языке, образованного от основ переходных глаголов, пишет, что действие этого залога «может совершиться над самим субъектом, т. е. «позволителем» его, допустившим по каким-либо обстоятельствам исполнение действия или давшим повод для совершения его над собою, как над объектом».

Следовательно, близость побудительного и страдательного залогов является общей для большинства или даже всех алтайских языков. Эта близость может быть обнаружена и в специфических случаях употребления страдательного залога, о которых речь будет идти в связи с описанием этого залога и для пояснения которых приведены некоторые случаи употребления побудительного залога в монгольских языках.

халх.: *Тэгээд харсаар байгаад нэг нөхрийгөө алуулах уу?* (Ур. — 48—90) 'Можно ли допустить, чтобы у тебя на глазах убили твоего товарища?';

бур.: *Баяшуул хамаг муугаа Дамбада хаха шуу хэлүүлээд, ухаа мэдээ алдажа...* (Ж. Тум. — 227) 'Богачи взбесились, когда Дамба прямо и открыто высказался о всех их коварствах...'; *Табхайн Дугарта хүрьгэнөө татуулаад, үшөө моридоо татуулха аргамгүй* (Ж. Тум. — 127) 'Дугар Табхаев забрал у меня зятя; не могу я позволить ему, чтобы он забрал у меня еще и коней'; *Даляа хуха буудуулаад уһа уруу шэнгэжэ ябаһан тутагаалжан мэтэ...* (Ж. Тум. — 117). 'Точно кулик, с подстреленными крыльями идущий в воду...'; *Тиихэдэ энэ адууша үбгэжөөл мориго буляалгаад, ургаяа гартаа бариһан зандаа эндэ үлэбэ* (Ж. Тум. — 204) 'Тогда старик-табунщик, лишившись своей лошади, так и остался здесь с арканом в руке'.

Во всех этих примерах субъект-подлежащее или субъект-определение так или иначе допускает или оказывается вынужденным допустить, чтобы кто-либо совершил над ним какое-либо действие, выраженное в первичной основе побудительного глагола. Причем такое действие оказывается направленным на предмет, принадлежащий субъекту-подлежащему или субъекту-

[26] Г. Д. Санжеев, *Грамматика бурят-монгольского языка*, стр. 63.
[27] И. Захаров, *Грамматика маньчжурского языка*, стр. 159—162.
[28] Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке*, стр. 17.
[29] А. Х. Фатахов, *Категория залога в башкирском языке*, Уфа, 1953, стр. 7.

определению. Однако такое действие может быть направлено и на самый субъект-подлежащее: *Гэнтэ Пунсок мэтын шолддонуудта мухариса буудуулжа болхобди* (Ж. Тум. — 13) 'Мы неожиданно можем оказаться обстрелянными бандитами вроде Пунсока' (букв. 'Неожиданно — вроде Пунсока бандитам — обстрелять — позволить можем-мы').

Страдательный залог

Как уже выше отмечено вскользь, в монгольских языках страдательный залог исторически отпочковался от побудительного. Некоторые существенные особенности в употреблении страдательного залога в современных монгольских языках и диалектах отчетливо подтверждают только что выдвинутое положение о генезисе этого залога и заключаются в следующем.

Во-первых, монгольский страдательный залог до некоторой степени идентичен тому же залогу в индоевропейских языках только в том случае, если речь идет об активном предмете. Активным же предметом мы условно называем такой, который в отношении каждого данного действия может быть не только объектом, но и субъектом. Например, если бык может напугать коня, то и конь может напугать быка, — в данном случае мы имеем субъектно-объектную обратимость: конь и бык в отношении данного действия могут быть как объектами, так и субъектами. Далее, если речь идет, например, о воде, то она в отношении действия «пить» может быть только объектом: если лошадь может пить воду, то обратное, конечно, безусловно исключается, — следовательно, здесь мы уже не имеем субъектно-объектной обратимости, поскольку вода в данном случае оказывается пассивным предметом. Таким образом, сказанное выше о монгольском страдательном залоге можно передать иначе: этот залог идентичен индоевропейскому страдательному залогу только в случае субъектно-объектной обратимости.

Субъектно-объектная обратимость применительно к каждому данному предмету оказывается весьма относительной и зависящей от лексического значения того или иного глагола. Так, например, если конь в отношении действия «напугать» может быть как активным, так и пассивным, то в отношении действия запрягать является только пассивным, ибо здесь он может быть, конечно, только объектом. Относительно активными могут быть не только живые существа, но и неодушевленные предметы, вещи, грамматически представляемые активными, не говоря уже о таких явлениях природы, как дождь, ветер, гора, солнце, снег, река, море и т. п.

Это обстоятельство и объясняет ту весьма ограниченную сферу применения страдательного залога в монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языках, которая так хорошо известна в лингвистической литературе.

Во-вторых, как следствие изложенного выше намечаются три степени употребления страдательного залога в монгольских языках, чего мы почти не находим в индоевропейских языках, а именно:

а) полная, или **свободная**, которая заключается в полной возможности превращения прямого оборота в страдательный, что допустимо в случаях субъектно-объектной обратимости, например: **класс.** *Амітан-ду үлү бартаху ніген сајін морі* (Г. — 4) 'Один хороший конь, которого не обгонит [ни одно] живое существо', — этот страдательный оборот оказался возможным потому, что прямой оборот *ніген сајін морі амітан-і барху* 'один хороший конь обгонит живое существо' может быть изменен в *амітан ніген сајін морі-ји барху* 'живое существо обгонит одного хорошего коня' или превращен в страдательный: *амітан ніген сајін морін-дур бартаху* 'живое существо будет обогнано одним хорошим конем';

б) **ограниченная**, при которой возможно лишь частичное превращение прямого оборота в страдательный и которая заключается в том, что в подобном ограниченном страдательном обороте невозможно обозначение реального исполнителя, например: **халх.** *Цай маань барагдав* 'У нас чая больше нет' (букв. 'Чай наш окончен'), — здесь невозможно указать, кем окончен чай, так как он не является активным предметом; ограниченная степень употребления страдательного залога является переходной от нулевой степени к полной, или свободной;

в) **нулевая**, при которой абсолютно исключается возможность превращения прямого оборота в страдательный; так, например, если по-халхаски можно сказать *цайг уув* 'выпили чай', то никак нельзя — *цай уугдав* 'чай выпит' (глагол *уух* 'пить' вообще не может иметь страдательной формы вроде *уугдах*, так как то, что выпивается, не может само что-либо пить!).

Ограниченная и нулевая степени употребления страдательного залога имеют место в случаях субъектно-объектной необратимости, как это нетрудно видеть из только что представленных примеров.

Однако на практике приходится сталкиваться со значительным количеством отступлений от изложенных правил употребления страдательного залога в монгольских языках.

Конкретные случаи отступлений от указанных правил употребления страдательного залога в монгольских языках совершенно невозможно обобщить и уложить в какие бы то ни было схемы, ибо все это определяется конкретным лексическим содержанием каждого данного глагола или имени. Однако эти отступления особенно многочисленны в сфере научно-публицистической и менее заметны в бытовой речи. Нижеследующие примеры иллюстрируют эти отступления, свидетельствующие о все более возрастающей сфере употребления страдательного залога в монгольских языках:

класс.: *Хураҕа-ану чіну-а ноҳаі-дур ӱлӱ ідегдемӱ* (Далх.) 'У него (хорошего пастуха) ягнята не гибнут от волков и собак' (вообще же здесь нет субъектно-объектной обратимости, как и в других случаях более свободной степени употребления страдательного залога); *Халаҕун наран-дур шіраҕдаҕсан* (Далх.) 'сбожжен на солнце';

бур.: *Харанхы хара үүлэндэ хэтэдээ хушагдһан хада уулын орой мэтэ* (Балд.) 'Точно горные вершины, всегда покрытые темными облаками'; *Таби гэмэ һомондо тудагдахаар хомор хүн бэлэйл* (Балд.) 'Не такой он был человек, чтобы легко быть пронзенным первой же стрелой'; *Тала саһанда дарагдашанхай* (Ж. Тум. — 45) 'Степь покрыта снегом'; *Дархалагдажа байһан оглёобонууд, тэргын сахаригууд байба* (Ж. Тум. — 122) 'Лежали оглобли и ободья колес телег, которые делаются [мастерами]'; *Нима... өөрынгөө гараар баригдаһан жаахан гэрэй үүдэндэ ошоно* (Ж. Тум. — 51) 'Нима подходит к дверям своей маленькой юрты, сделанным его собственными руками'; *Огторгой боро үүлээр бүрхөөгдэжэ...* (Ж. Тум. — 93) 'Небо было покрыто серыми облаками'.

Однако как бы ни расширялась сфера применения страдательного залога в монгольских языках, она все же не получает такого размаха, как, например, в русском языке. В сказанном очень легко убедиться путем простого сличения одного текста на монгольском и русском языках. Так, если в русском оригинале первой главы повести А. С. Пушкина «Дубровский» имеется 26 страдательных глаголов и причастий, то в монгольском переводе этой главы мы находим всего лишь 7 страдательных глаголов[30].

Аналогичные явления мы обнаруживаем в тюркских и некоторых других языках. Так, например, Н. А. Баскаков пишет, что для каракалпакского и вообще тюркских языков любопытно то, что «когда данный предмет по отношению к данному действию может быть только объектом, но не субъектом, тогда невозможна форма страдательного залога...»[31]. «Таким образом, — продолжает Н. А. Баскаков, — в значительном количестве случаев переходные глаголы в известных случаях не могут быть преобразованы в непереходные и, следовательно, в каракалпакском языке страдательный залог в значительной мере ограничен употреблением даже в отношении переходных глаголов»[32].

В описании синтаксиса японского языка, сделанном Н. И. Конрадом, мы находим указания на специфические особенности употребления страдательного залога в этом языке. «Но как быть самому источником действия, так и активно подвергаться действию может, — пишет Н. И. Конрад, — только человек; предмет же

[30] См. А. С. Пушкин, *Зохиолууд*, Улаанбаатар, 1949, стр. 142—150.
[31] Н. А. Баскаков, *Залоги в каракалпакском языке*, стр. 24.
[32] Там же, стр. 25.

как не может сам активно производить действие, так не может и «переживать», в точном смысле этого слова, действие»[33]. Поэтому Н. И. Конрад, исследуя японские залоги вообще, строго различает речь о лицах и предметах.

Таким образом, известная ограниченность применения страдательного залога в алтайских и некоторых других (например, японском) языках не подлежит никакому сомнению. Здесь достаточно вспомнить хотя бы общеизвестные указания на то, что в этих языках причастные определения чаще всего даются в форме прямого залога и там, где по норме русского языка ожидались бы страдательные причастия, например; халх. *уншсан ном* 'прочитанная книга', *идсэн мах* 'съеденное мясо', *сургасан морь* 'обученная лошадь', *уусан цай* 'выпитый чай' (соответственно обычно не встречаются: *уншигдсан ном*, *идэгдсэн мах*, *сургагдсан морь*, *уугдсан цай*).

Ограничившись пока изложенными выше общими замечаниями о страдательном залоге в монгольских языках, приведем ниже некоторый иллюстративный материал:

класс.: *Алус-ун джам джураjін ӱджегдегед, елдеб jаҕума тодурхаі хараҕдаҕад, салкін-у шуугіху-ече бусу jаҕун чу ӱлӱ сонустамуі* (Далх.) 'Видно, как извивается дальняя дорога; различные предметы обозримы легко' (букв. 'ясно, и ничего не слышно, кроме шума, поднимаемого ветром');

бур.: *Хэн хубита баатарта энэ басаган хүртэхэб? Та бидэ хоёрто арай хүртэхэгүй бэзэ даа* (Балд.) 'Какому счастливому батору достанется эта девица? Наверное, не нам с вами она достанется'.

Как известно, реальный исполнитель в страдательном обороте, действие которого переживается или испытывается предметом-подлежащим (первым компонентом), выражается дательно-местным падежом, соответствующим в данном случае русскому творительному субъекта, как это можно видеть из следующих примеров.

В классическом монгольском языке:

1. *еҳе-деген ӱлӱ гӱjічегдеджӱ jабуба* (Г. — 9) 'Убежал (Гесер), не настигнутый своей матерью'. 2. *Джуру-мінӱ кӱмӱн-дӱ ҕартаджі уjіладжу jабунам* (Г. — 44) 'Мой Дзуру идет с плачем, будучи обогнан каким-то человеком'. 3. *Ніген едӱр кӱмӱн-ӱ беjе-jін мӧчід беjе беjес-теген джаручалҕдаху ӱгеі кемен...* (Далх.) 'Однажды члены человеческого тела вздумали не слушаться друг друга'. 4. *Еркетен-дӱ абтал ӱгеі, егемтен-дӱ деjілдӱл ӱгеі* (Х. Х. — 81) 'Неуязвимый для стрелков, непобедимый для силачей'. 5. *Ҕутул-даҕан хабчіҕдъҕсан — кӧл маҕу* (поговорка) 'Плохо ноге, сжатой гутулом' (род обуви). 6. *Рунгса Гесер-ӱн сӱр-тӱр даруҕдаджу ӱлӱ ідеджӱ саҕунам* (Г. — 17) 'Рун-

[33] Н. И. Конрад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 200.

са сидел, не кушая, подавленный величием Гесера'. 7. *Салкін-ду ўлiјегдекў ўгеі, боруҕан-ду чокіҕдаху ўгеі* (Далх.) 'Не сбдуваемый ветром, не поливаемый дождем'.

В современном монгольском языке:

8. *Алт шоройд дарагдаж, өнгө алддаггүй* (поговорка) 'Золото покрывается прахом, но качество свое не теряет'. 9. *Би нөхөртөө ингэж жишигдэх гэж?* (Ур. —47—23) 'Буду ли я так презираем своим другом?' 10. *Өдрийн санаа шөнийн зүүдэнд дарагдаад, тэр юм байгаа даа!* (Ур. —47—42) 'Дневные мысли оттеснены ночными сновидениями, что бы это значило!' 11. *Хаан хүү төд Долоодойд дийлэгдэв* (Ур.—47—23) 'Царевич был быстро побежден Долодоем'.

Аналогичные примеры обнаруживаются и в текстах «Сокровенного сказания» (§ 167, 53, 105 и 24): 12. *Tenggeri-de ülü taalaqdaqun bida* 'Небом мы не призреваемы'. 13. *tatar irgen-e bariqdaba bi* 'Племенем татар схвачен я'. 14. *Erde üdür Yesügei qan ečige-de minu tusa sayi kikdeksen-i setkijü nököčesü bi* 'Памятуя, что я недавно был облагоденствован отцом Есугейханом, буду блюсти [с тобою] дружбу'. 15. *Bodončar uruq-a ese to'aqdaju talbiba* 'Бодончар удалился, не принятый своими родственниками'.

В примерах 1, 2, 4, 9, 11, 12, 13, 14 и 15 речь идет о людях и божествах, т. е. о безусловно активных предметах, как о реальных исполнителях, оформленных именами в дательно-местном падеже, так и о лицах, выраженных в подлежащем, наличном или, в примере 4, опущенном. Поэтому эти примеры с точки зрения субъектно-объектной обратимости являются вполне допустимыми. В примерах 3, 5, 8 и 10 речь идет о предметах, которые как бы приравнены к активным в том смысле, что, например, дневные мысли так же могут быть оттеснены ночными сновидениями, как ночные сновидения дневными мыслями или думами. Поэтому и эти примеры не могут считаться необычными с точки зрения субъектно-объектной обратимости. Пример 8 требует пояснения потому, что имя *шорой* 'прах' дано в дательно-местном падеже и переведено по-русски творительным падежом. Но в русском языке имя, обозначающее неодушевленный предмет, в творительном падеже может выражать и орудие действия. Так, например, русская фраза 'золото покрыто прахом' может быть понята и в том смысле, что золото прахом покрыто кем-то, — в этом случае по-монгольски *шорой* 'прах' должно было бы стоять в орудном падеже: *шоройгоор* 'прахом'. В пекинском издании сборника рассказов „Сідітў кегўр" (стр. 6) мы находим: *дегере-ere jeke хада-бер даруджу алаба, тэрэ кöбегўн jeke хадан-дур дуругдаджу ўкўджў амуі* 'Сверху придавили его насмерть скалою, этот юноша умирал, придавленный скалою'. В этом примере *хадандур* (*хадан* 'скала' в дательно-местном падеже при страдательном глаголе *даругдаджу* 'будучи придавлен') может иметь значение 'в скале', которое здесь отсутствует, поскольку в предыдущей фразе сказано *хада-бер* 'скалою' (т. е. это имя оформлено орудным падежом).

Поскольку дательно-местный падеж вообще отвечает на вопросы где? куда? кому? у кого? чему? у чего? постольку имя в этом падеже не всегда может быть принято за обозначение реального исполнителя в страдательном обороте. Так, например, *малгай авад олдов* означает 'шапка найдена у отца' (а не отцом) — в данном случае мы видим ограниченную степень употребления описываемого залога, поскольку при глаголе *олох* 'найти' *малгай* 'шапка' и *ав* 'отец' не могут быть компонентами субъектно-объектной обратимости.

Сказанное в известной степени напоминает невозможность постановки в русском языке творительного субъекта при определенных глаголах на *-ся*: *шапка нашлась у отца* (нельзя сказать *шапка нашлась отцом*, но ср.: *квартира отапливается жильцами*). Как известно, в монгольских языках нет возвратных глаголов. Но если речь идет о живых существах, то значения русских возвратных глаголов как бы передаются по-монгольски путем вставки слова *биеэ* 'свое тело', например: *биеэ угаах* 'мыться' (букв. 'свое тело мыть') или иными лексико-фразеологическими средствами, например: *ниур гараа угаах* 'умываться' (букв. 'свое лицо и руки мыть'). Невозвратные русские глаголы на *-ся* на монгольские языки могут быть передаваемы самыми разнообразными лексическими и иными способами, особенно при речи о предметах: страдательными глаголами (халх. *малгай олдов* 'шапка нашлась'), пассивными и некоторыми другими глаголами (бур. *сонхо неэрэбэ* 'окно открылось', халх. *ав инээнэ* 'отец смеется', *гараас барилцана* 'держится за руку' и т. п.). Что касается монгольских страдательных глаголов, то дело сводится не только к стилистическому характеру перевода русских глаголов на монгольский язык, но и к тому, что некоторые монгольские глаголы действительно лишены формы страдательного залога так же, как многие русские глаголы на *-ся* лишены значения возвратности[34].

Кроме дательно-местного падежа реальный исполнитель страдательного оборота выражается изредка и орудным падежом, особенно в официальных документах и произведениях научно-публицистического стиля:

Халх: *Байлдааны хуудсны эрхлэгч сонгогдохгүй, харин салбарын улс төрийн ажлыг архэлсэн орлогч даргаар батлагдана* (У. О. — 3547) 'Редактор боевого листка не выбирает-

[34] Весьма интересная сводка употребления страдательного залога и форм выражения субъекта в страдательных оборотах по данным одного монгольского произведения сделана Фридрихом Веллером: Friedrich Weller, *Passive Ausrducksweisen im mongolischen Texte des Kāśyapapariverta*, — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität», Leipzig, 1961, Ht 4, Ss. 563—602.

ся, а утверждается заместителем командира подразделения по политической работе'. *Ардыг Гэгээрүүлэх Яамны коллегиор батлагдаа* (обычная формула, гриф) 'Утверждено коллегией Министерства просвещения'.

Бур. *Газар олгохо тухай Ленинэй декредүүд үгытэй, дунда шадалтанаар хэлэшгүй хүхүүтэйгээр угтагдаһан байгаа* (Ж. Тум. — 70) 'Декреты Ленина о земле были встречены бедняками и середняками с невыразимой радостью'.

Однако в монгольских языках реальный исполнитель в страдательном обороте выражается орудным падежом значительно реже, чем в побудительном обороте, — в некоторых случаях такого употребления этого падежа можно усматривать несомненные кальки с русского языка, особенно в официальных документах.

В текстах «Сокровенного сказания» также встречается выражение реального исполнителя посредством этого же орудного падежа или, в определительном обороте, родительного падежа, например: *Ken-e-ber yekin bolqun ta?* (§ 22) 'Кем сможете быть сломленными вы?', *Sayin ečige-yin činu guriyaqdaqsan ulus* (§ 73) 'Народ, собранный твоим добрым отцом' (букв. 'Доброго отца твоего собранный народ').

Конечно, в этих явлениях, встречающихся в текстах «Сокровенного сказания», никак нельзя усматривать какое бы то ни было иноязычное влияние, что безусловно можно видеть в некоторых бурятских и современных монгольских изданиях.

Употребление страдательного залога вместо побудительного

Переходим теперь к тем необычным случаям употребления страдательного залога в монгольских языках, когда глагол в этом залоге управляет винительным падежом. Эти случаи уже были отмечены А. Бобровниковым[35]. Необходимо особо отметить, что в таких случаях соответствующее имя, будучи поставлено лишь в форме своей основы (а это признается нулевым оформлением прямого дополнения), сопровождается частицей безличного притяжания. Разбор этих случаев поможет нам уяснить генезис страдательного залога в монгольских языках и ответить на вопрос, почему в страдательных оборотах реальный исполнитель выражается дательно-местным падежом, а не орудным.

Такое употребление страдательного залога А. Бобровниковым интерпретировалось в том смысле, что при этом обозначается «то состояние, когда кто-нибудь несвободно допускает чье-нибудь действие на какой-нибудь сторонний предмет» (разрядка наша. — Г. С.)[36]. Как мы увидим ниже, интерпретация не совсем точна, ибо в подобного рода случаях речь идет не о

[35] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 126.
[36] Там же, стр. 126.

«стороннем» предмете, а о предмете, принадлежащем самому подлежащему, чем и объясняется обязательное наличие частицы безличного притяжания при имени-объекте.

Как нам известно, в общей лингвистической литературе указаний на такого рода явления нет, если не считать наблюдений Н. И. Конрада в японском языке. Так, например, говоря о перестройке японской фразы типа *сури-га ватакуси-но саифу-о тотта* 'вор украл мой кошелек', Н. И. Конрад пишет: «Можно построить все и на слове 'я' (ватакуси), фигурирующем в прямом обороте в родительном (определительном) падеже (по-русски местоимение 'мой'), так, чтобы глагол относился к этому слову. Это значит перестроить фразу таким образом, чтобы прежнее определение к прямому дополнению стало подлежащим. Согласно сказанному выше, при этом нужно соблюсти следующие два правила: поставить это определение... в падеж подлежащего; прежнее же подлежащее... сделать дополнением (в дательном падеже); все же прочее остается без изменения, кроме, конечно, сказуемого-глагола, который ставится в страдательном залоге»[37].

Эти же правила почти полностью применяются и в монгольских языках, за исключением того, что, как уже сказано, вместо винительного падежа при чистой основе имени ставится частица возвратного притяжания, при которой формальный показатель этого падежа опускается почти всегда.

класс.: *Хун ƀалаƀун холіту маƀу сібаƀун-ду егүр-іјен ебдегдеджү, өндеге джулджаƀа-бен ідегдебе геле* (Л. сб. — 60) 'Говорят, лебедь позволяет злой птице разрушить свое гнездо и пожрать свои яйца и птенцов' (букв. 'лебедь — злой птице — гнездо свое — будучи разрушен, яйца и птенцов — съеден — говорят'); *Суісіƀаі-ту күмүн-іјен күндүлен күмүн-дү булијаƀдаху чіну ене белеү!* (Х. Х. — 148) 'Так ты и позволишь постороннему человеку отобрать у тебя твою суженую!' (букв. 'суженую свою — постороннему человеку — отобран — твое это будешь!'); *Хаjіран сајіхан дегүү-бен алаƀдаба бі!* (Х. Х. — 148) 'Допустил я, чтобы убили моего любимого прекрасного младшего брата!' (букв. 'любимого прекрасного младшего брата своего — убит я'); *білчігүрі джігүр-іјен түлегдегед оƀтарƀуі-дур нісчү одба* (Викр. — 13) 'Пташка улетела в небеса со спаленными крыльями' (букв. 'пташка — крылья свои спалена будучи — в небеса улетела');

халх.: *Ард түмэн нь чонод малаа идэгдэхгүй байх* (Далх.) 'У аратов скот не будет съеден волками' (букв. 'Аратские массы — волком — свой скот — съедены не будут');

бур.: *Хэнһээшье туһаламжа хүлеэжэ хүртэхэ найдалаа барагдаад, болоһон үедэмнай...* (Балд.) 'В тот момент, когда мы потеряли было надежду получить от кого-либо какую-либо

[37] Н. И. Конрад. *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 196.

помощь... *Хэдэн зуугаадаар адуу моридоо буляагдажа байхадаа* (Ж. Тум. — 176) 'Когда лошадей отбирали сотнями голов' (букв. 'Несколькими сотнями лошадей своих — отбираем был когда).

В текстах «Сокровенного сказания» мы также находим: *Qurban Merkit-te genen bükü-tür irejü eme kö'ü-ben dauliju abdaba* (§ 104) 'Когда мы были беспечны, напали три меркита и полонили наших жен и детей' (букв. 'Трем меркитам — беспечны мы были когда — жен и детей своих — отобраны мы').

Qaldun-burqan-a... amin-iyan qalqalaqdaba-je bi (§ 103) 'Моя жизнь защищена [горою] Халдун-бурханом' (букв. 'Халдун-бурхану — жизнь свою — защищен я').

В подобного рода страдательных оборотах мы имеем три члена, а именно следующие: 1) подлежащее, которое выражается именами в именительном падеже и допускает действие, выраженное в первичной основе страдательного глагола; 2) прямое дополнение, на которое непосредственно направлено то же действие и которое выражается именами с частицей безличного притяжания, а поэтому обозначает предмет, принадлежащий подлежащему; 3) второй компонент, выраженный именем в дательно-местном падеже и являющийся реальным исполнителем действия. Такие обороты назовем страдательно-побудительными.

Отличие этого страдательно-побудительного оборота от обычного страдательного и прямого оборотов можно кратко сформулировать следующим образом: а) при прямом обороте говорящего интересует то, что делает реальный исполнитель: халх.: *Чоно ард түмний малыг идэхгүй* 'Волк не съест скот'; б) при обычном страдательном обороте внимание говорящего направлено на то, что происходит с реальным объектом: халх. *Ард түмний мал нь чоной идэгдэхгүй* 'Аратский скот не будет съеден волками'; в) в страдательно-побудительном обороте говорящий обращает свое внимание на то, в отношении какого своего предмета испытывает действие предмет-подлежащее: халх. *Ард түмэн нь чоной малаа идэгдэхгүй* 'У аратов скот не будет съеден волками'. На русский язык подобные страдательные обороты с монгольского лучше всего переводить оборотами типа 'у брата украдены книги' в отличие от оборотов типа 'книги брата украдены' или 'украли книги брата'[38].

Таким образом, смысловой оттенок страдательно-побудительных оборотов в монгольских языках представляется более или менее ясным. Возникает вопрос, как же возникли и сложились такие обороты. Прежде чем выяснить это, нам необходимо сделать еще некоторые наблюдения над явлениями, связанными с употреблением страдательного залога в монгольских языках. В этих языках имеются такие непереходные глаголы, которые «неожиданно» встречаются в форме страдательного залога, и такие переходные глаголы, которые в форме этого залога получают «неожиданные» значения.

[38] Ср. Н. И. Конрад. *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 196.

1. Глагол *явах* 'идти' в современном монгольском языке является активно-непереходным, т. е. обозначает действие, производимое предметом по собственному почину (предметы при этом условно приравниваются к лицам). От основы этого глагола *яв-* образуется страдательная форма *явагдах*, которая на русский язык переводится тем же 'идти', поэтому создается впечатление, что ничего нового тут мы не имеем. Но на самом деле здесь из активного глагола получился такой своеобразный глагол, оттенок значения которого трудно сразу же передать на русский язык. Употребляется этот глагол при таких немногих именах, как *ажил* 'работа', *хэрэг* 'дело' и т. д. Выражение *ажил явагдна* значит 'работа идет' в том смысле, что она спорится и что она не причиняет своим реальным исполнителям каких-либо особых затруднений. Вместе с тем это выражение означает, что работа не сама идет, а кем-то проводится. Поэтому нельзя сказать, что здесь из активного глагола получился пассивный.

2. В современном монгольском языке глагол *хоцрох* 'отставать' является активно-непереходным, а бурятский *хосорхо* — пассивным, хотя и в том и другом случае на русский язык переводится одинаково. От основы монгольского глагола *хоцро-* мы имеем страдательную форму *хоцрогдох*, которая на русский язык переводится тем же 'отставать' и применяется тогда, когда что-либо отстает в силу каких-то объективных обстоятельств: *хоцрогдсон улс* 'отсталая страна' (ср. *хоцорсон хүн* 'отставший человек', т. е. отставший как бы по собственному почину).

3. Посмотрим теперь, как будет вести себя в разных залоговых формах переходный глагол *хаах* 'закрывать'. В страдательном залоге *хаагдах* значит 'быть закрытым' кем-либо или чем-либо, например о дороге при разливе рек; в побудительном залоге *хаалгах* — 'заставить закрыть'. От основы прямого залога *хаа-* в бурятском языке присоединением суффикса *-ра* мы получаем пассивный глагол *хаараха* со значением 'закрываться' (не кем-либо, а как бы само по себе)[39]. От основы этого пассивного глагола *хаара-* в свою очередь получается пассивно-страдательная форма *хаарагдаха* со значением, передаваемым на русском языке тем же 'закрываться', которое употребляется в тех случаях, когда, например, дверь закрывается легко и «без сопротивления». Такой глагол, который можно условно называть также допускающим, образуется почти от любого пассивного глагола, в свою очередь образованного от переходного (бур. *неэрэгдэх* 'открываться' ← *неэрэх* ← *нээх* 'открывать'; монг. *эвдрэгдэх* 'ломаться' ← *эвдрэх* 'ломаться' ← *эвдэх* 'ломать' и т. д.).

[39] В монгольском языке такая форма не зарегистрирована.

4. От активного непереходного глагола *орох||орохо* 'войти' в монгольском и бурятском языках образуется форма страдательного залога *орогдох||орогдохо* со значениями 'приходить в голову во время сновидения' или, в бурятском языке, со значением 'придираться к кому-либо' и 'невольно в чем-либо оказаться', а также 'подвергаться гонению и придиркам'.

5. От переходного глагола *мэдэх* 'знать' в монгольском языке страдательная форма *мэдэгдэх* означает не только 'быть узнанным', но и 'сообщить', 'дать знать о себе', например: класс. *теде кӱрӱгсен-іјен ҕал-іјер мэдэгдэнэ* (Чб. — 73) 'О своем прибытии они сообщили огнями'; халх. *үгүйдээ амьд байгаагаа мэдэгдэх сэн* (Ур. — 47—92) 'В конце концов сообщили бы о своем благополучии'.

В романе бурятского писателя Ж. Тумунова «*Нойрһоо һэриһэн тала*» (стр. 154) встретилась такая фраза: *Хэзээ эдэ семеновтониие, эдэ табхаевтаниие һамна сохижо, нютагайнгаа хойморто эзэн боложо һуугдахаб* 'Когда же разобьют этих семеновцев, этих табхаевцев, и можно будет в своих степях зажить хозяевами'. В этой фразе непереходный глагол *һууха* 'сидеть', 'жить' дан в форме страдательного залога *һуугдаха*, — смысловой оттенок такого образования от данного глагола приблизительно соответствует тому, который содержится в русских выражениях типа 'ему хорошо или плохо живется', 'ему не спится' или 'легко дышится'.

Подобные случаи образования страдательных глаголов от основ непереходных глаголов весьма редки. Но так или иначе они характерны тем, что вскрывают одно, несколько скрытое и как бы стертое ныне значение страдательного залога в монгольских языках. Это значение заключается в том, что данный залог иногда выражает, подобно побудительному, оттенок позволения или допущения, исходящего от лица-подлежащего. Если мы вместе с тем примем во внимание, что а) побудительный залог, как это было показано выше, очень часто выступает со значением, близким значению страдательного залога, особенно тогда, когда первичная основа глагола является переходной; а б) нулевая и ограниченная степени употребления страдательного залога в монгольских языках обусловлены наличием категории субъектно-объектной обратимости, то нам нетрудно будет сделать следующие предположения относительно характера разобранных выше залоговых явлений в этих языках: а) побудительный и страдательный залоги представляют собою результат дифференциации некогда единого побудительно-страдательного залога с преобладанием побудительного значения, как это имеет место, например, в маньчжурском языке; б) при этом категория страдательного залога является образованием позднего происхождения — следовательно, этот залог некогда отпочковался от побудительного залога.

Вот почему в монгольских языках побудительный и страдательный залоги иногда употребляются один вместо другого или часто применяются безразлично в качестве как бы грамматических синонимов. Так, например, в бурятском языке мы находим следующие случаи применения этих залогов: 1) *Тушаагджа ябагшадые үбгэд, хүгшэд дахажа, ехэл хайрлаһан янзатай аман соогоо гүбэр шэбэр гэлдэнэ* (Ж. Тум. — 138) 'Старики и старухи шли за толпою арестованных и тихо шептали слова своего глубокого сочувствия'. 2) *Улад зон хаха бутаран, тэрээн тээшэ дүрьеже, тушаалгажа ябагшадта эдихэ юумэ үгүүлхыень харуулшануудһаань гуйна* (Ж. Тум. — 138) 'Толпа расступилась и, направившись туда (к вагонам для арестованных), стала просить конвоиров разрешения передать арестованным еду'.

В первом предложении 'арестованные' передано посредством применения страдательного залога (*тушаагдажа ябагшад* 'идущие, будучи арестованными') от глагольной основы *тушаа-* 'высылать', а во втором — посредством побудительного залога от той же глагольной основы (*тушаалгажа ябагшад* 'идущие, «позволив» арестовать себя').

После всего изложенного можно ответить на вопрос, почему не только в побудительном обороте, но и в страдательном реальный исполнитель (агенс) обозначается именем преимущественно в дательно-местном падеже, а не в каком-либо другом, например в орудном, что встречается лишь иногда. Реальный исполнитель, грамматически — дополнение в дательно-местном падеже, оказывается, следовательно, тем, кому лицо-подлежащее разрешает или допускает совершить какое-нибудь действие, — ведь названный падеж отвечает на вопрос кому? чему?

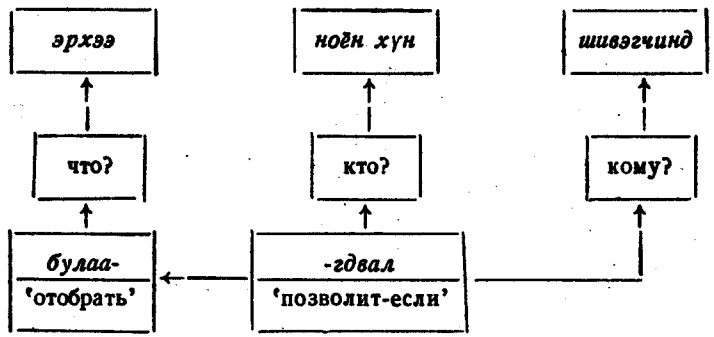
Поэтому такое современное монгольское выражение, как, например, *Хонь чонд баригдав* 'Овца схвачена волком', формально как бы означает 'Овца позволила волку схватить себя'[40]. Отсюда становится более понятным наличие нулевой и ограниченной степеней возможности превращения прямого оборота в страдательный. Но так как неодушевленный предмет не может что-либо позволить, то становится понятным явление и субъектно-объектной обратимости. Нарушение правил этой обратимости свидетельствует лишь о всевозрастающей универсализации в употреблении страдательного залога в монгольских языках и все большем и расширяющемся абстрагировании этого залога: грамматически многие предметы постепенно начинают становиться как бы лицами, особенно в образной речи.

В свете изложенного становится понятным и «необычное» применение страдательного залога во фразах типа бурятской *Тиихэдэ һааралаа абташоо һэм* (Ж. Тум. — 136) 'Тогда-то отобра-

[40] Напоминаем, что в наших условных переводах выражение «позволить» применяется весьма широко, в смысле вольного или невольного допущения, вынужденности или невозможности избежать какого-либо неприятного случая.

ли у меня моего буланого коня' (формально-условный перевод этой фразы: 'Тогда-то своего буланого коня отобран я' вместо более правильного 'тогда-то своего буланого коня отобрать допустил или вынужден был допустить я') или современно-монгольской *Ноён хүн шивэгчинд эрхээ булаагдвал хохь нь байхгүй юу* (Ур. — 47 — 28) 'Если князь окажется под пятой у служанки' (букв. 'если князь позволит служанке отобрать свое право'), то не потерпит ли он урон?'

В самом деле, если мы глагол *булаагдвал* разложим на первичную основу и суффикс страдательного залога со спрягаемым формативом, то получим как бы две точки, от которых идут нити: от первой со значением 'отобрать' — к прямому объекту (*эрхээ* 'власть свою'), а от другой, означающей 'позволить если', — к реальному исполнителю (*шивэгчинд* 'служанке') и лицу-подлежащему (*ноён хүн* 'князь'). Изобразим сказанное в следующей схеме:



Сказанное поясняет также, почему в монгольских языках то, что по-русски передается одним и тем же, излагается по-разному: то при помощи побудительного залога, то — посредством страдательного (см. выше бур. *тушаагдажа ябагшад* и *тушаалгажа ябагшад* 'арестованные').

Считаем необходимым подчеркнуть, что изложенное ни в коем случае не должно давать повода говорить о каком-то «дономинативном» пережитке в монгольских языках, ибо все это ничего общего не имеет с эргативным или любым неноминативным построением предложения. Если в классическом монгольском языке (а под влиянием этого языка и в современном литературном языке) подлежащее часто ставится в исходном падеже, то это оказывается лишь книжным явлением и объясняется влиянием маньчжурского языка и совершенно неизвестно в живой речи (кальки в речи лиц, знающих классический монгольский язык, во внимание приняты быть не могут).

В заключение отметим, что в монгольском и бурятском языках очень часто вместо страдательных глаголов употребляются особые страдательные «причастия», особенно в случаях субъектно-объектной несбратимости, т. е. преимущественно в речи о предметах. Образуются такие «причастия» посредством окончания совместного падежа *-тай* либо от формы настоящего, несовершенного, причастия, либо иногда от отглагольных имен на *-лт*, например: халх.: *хүл-* 'привязать' — *хүлээ* 'привязавший', 'привязывающий' — *хүлээтэй* 'привязанный'; *хураа-* 'собирать' — *хураалт* 'собирание' — *хураалттай* 'собранный'; бур.: *бэшэ* — 'писать' — *бэшээ* 'написавший' — *бэшээтэй* 'написанный'; *таби-* 'поставить' — *табяа* 'поставивший' — *табяатай* 'поставленный'; *уя-* 'привязать' — *уяа* 'привязавший' — *уяатай* 'привязанный'; *хуша-* 'покрывать' — *хушаа* 'покрывший' — *хушаатай* 'покрытый'.

Такие страдательные «причастия» употребляются предикативно и атрибутивно особенно широко в устной речи, как уже сказано, в случаях субъектно-объектной несбратимости как бы заменяя собой применение страдательных глаголов, например:

халх.: *Хайрцгууд хураалттай байна* (Ур.—48—14) 'Ящики собраны, сложены'; *Модны ёроолоос хүлээтэй Паламыг чирч авчрана* (Ур.—47—65) 'Приволокли Палама, привязанного к корням дерева';

бур.: *Шанаһан мяхан табяатай* (Ж. Тум.—33) 'Вареное мясо поставлено'; *Татаатай коеёрой дунда хушаатай модон орон* (Ж. Тум.—43) 'Прикрытая деревянная кровать [стоит] на растянутом ковре'; *Шинии үбгэнэй зан абари мэдээтэй ха юм* (Ж. Тум.—103) 'Твой характер, старик, известен ведь'; *Ябталаатай түлеэн* (Ж. Тум.—103) 'Сложенные дрова'; *Гэрэйнь һэхээтэй байһан хаяа доогуур ороһон шэмэрүүн һалхин тэрэнэй сэлеэтэй үбсүүе һэрүүсүүлнэ* (Ж. Тум.—8) 'Свежий ветерок, проникавший в юрту через приподнятые пологи стен, обдувал его распахнутую грудь'.

Совместный и взаимный залоги и комбинированные залоговые формы

Совместный залог во всех грамматиках монгольских языков обычно определяется как такая форма глагола, которая показывает соучастие двух или более лиц в каком-либо одном действии. В действительности же такое определение этого залога оказывается недостаточным и даже не вполне точным. Напомним, что при разборе значений и функций залога в монгольских языках необходимо следить за поведением двух компонентов: первого, обозначенного в подлежащем, и второго, выраженного в косвенном дополнении. В обороте совместного залога второй компонент производит какое-либо действие, а первый лишь присоединяется ко второму для совместного совершения этого действия. Следовательно, совместный залог показывает действие,

к совершению которого лицо-подлежащее только присоединяется. Таким образом, действие совместного залога сначала совершается или, так сказать, проектируется одним лицом и лишь затем — двумя, причем первый компонент (подлежащее) может присоединиться к совершению данного действия как на начальном этапе последнего, так и на заключительном. Различие между прямым и совместным оборотами можно показать на следующих условных примерах (на современном монгольском языке).

. *Цэрэн Дорж хоёр сургуульдаа явав* 'Церен и Дордж пошли в школу'.

2л *Цэрэн бол Доржтой сургуульдаа явав* 'Церен пошел в ш. олу вместе с Дорджем'.

Икначе говоря, в совместном обороте ведущим или инициатором действия является второй компонент, обозначенный именем в совместном, соединительном или орудном падеже, а также и в родительном с соответствующими послелогами. Конечно, совершенно необязательно, чтобы в том или ином конкретном обороте были представлены оба компонента. Сказанного нами не вполне достаточно для того, чтобы тем самым исчерпать все значения совместного залога в монгольских языках. Дело в том, что этот залог обозначает также и такое действие, которое либо оказывается «попутным» (см. ниже пример 6), либо распространяется на «попутный» предмет (см. ниже пример 3):

класс.: 1. *Енекӯ черіг-ӯн хамту хота-јін ірген ҕарулцаҕсан амуі* (У. О.—1745) 'Вместе с этими войсками вышли и жители города'. 2. *Баса біде аджіл кіджӯ сурулцабасу тусатаі бајімуі* (Далх.) 'Хорошо бы и нам научиться работать';

бур.: 3. *Хаан эзэмни, абада намайе абаашалсажа, айлшадаар сэнгүүлхые арсахагүй бэзэт* (Балд.) 'Мой хан-повелитель, надеюсь, вы возьмете с собою на охоту и меня и разрешите мне повеселиться вместе с гостями'. 4. *Бишье таанадаар гаралсажа, абынгаа сагаан алба дүүргэлсэхэмни* (Балд.) 'И я отправляюсь с вами [в бой] и также выполню свой священный долг перед отцом'. 5. *Аха дүүнэрээрээ мордолсожо, албаяа дүүргэлсэхэмни* (Балд.) 'И я поеду вместе с братьями, чтобы вместе с ними выполнить свой долг'. 6. *Морёо уһалхаа ошонгоо нэгэ хүнэг уһа абалсаарай* (Им.—130) 'Когда пойдешь поить коня, то принеси [попутно] ведро воды'. халх. 7. *Эндэх ардууд малаа хариулж явахдаа тарвага агналцдаг* (Y.—1938) 'Здешние араты, пася свой скот, [попутно] охотятся на сусликов'.

* * *

Взаимный залог обозначает действие, при совершении которого два компонента взаимного оборота как бы стоят друг против друга и оба одинаково действуют с самого начала этого действия. Выражение «стоят друг против друга» в данном случае не следует понимать в том смысле, что два компонента взаимного оборота обязательно являются двумя враждующими сторонами; это выражение означает только, что действие одного направлено на другой, а действие второго — на первый. Оформление компонентов взаимного оборота либо таково же, как и оформление таковых же в совместном обороте, либо чаще всего характерно тем, что оба компонента данного оборота оформляются как однородные подлежащие (ср. русск. *Ваня и Петя соревнуются друг с другом* и *Ваня соревнуется с Петей*), например:

класс.: *Ман-у бӯха Шіраб-ун бухатаі мӧргӯлдӯбе* (Далх.) 'Наш бык бодался с быком Шарапа';

бур.: *Олон зон түрсэлдэн орожо ерэнэд* (Балд.) 'Входит толкаясь, много людей'; *Долоон наһандаа дошхон зуудаг нохойтой носолдоод* (Балд.) 'Когда ему было семь лет, дрался со злой и свирепой собакой'; *Амитан зон гүйлдэжэ орон зогсонод* (Балд.) 'Люди остановились, вбежав, обгоняя друг друга'.

В текстах «Сокровенного сказания» мы находим такое же употребление взаимного залога, например (§ 144): *Činggis-qahan gürü'et Tayiji'ut-lu'a qatqulduba* 'Чингисхан приблизился к тайчиутам и сразился с ними на копьях'.

Многие глаголы во взаимном залоге приобретают особые значения, обобщить которые не представляется возможным. Поэтому приведем некоторые из этих глаголов (из современного монгольского языка): 1) *байлдах* 'сражаться' (как бы стоять друг против друга) от *байх* 'стоять', 'быть'; 2) *барилдах* 'бороться' (как бы держать друг друга в спортивной борьбе) от *барих* 'держать'; 3) *оролдох* 'быть активным', 'вмешиваться во что-либо' от *орох* 'входить'; 4) *дагалдах* 'идти (или 'пытаться идти') за кем-либо' от *дагах* 'идти вслед за кем-либо'; 5) *ороолдох* 'запутываться' от *ороох* 'обвертывать', 'обвязывать'; 6) *дайралдах* 'попадаться', 'встречаться' от *дайрах* 'задевать'.

Количество подобных примеров, иллюстрирующих переплетение лексики и грамматики, можно было бы увеличить. Некоторые глаголы в монгольских языках встречаются лишь во взаимном залоге, например: 1) *худалдах* 'торговать', 'продавать' (от *худа-* 'давать'? Ср. *худ* 'сват', маньчж. *худа* 'торговля'); 2) *андалдах* 'обмениваться' (от *анд-* 'давать'? Ср. *анд* 'побратим', 'названный брат'); 3) *уралдах* 'бежать взапуски', 'устраивать конские скачки'; 'соревноваться'.

* * *

Еще А. Бобровников заметил, что в некоторых случаях значения совместного и взаимного залогов совпадают. «Говорящий, не обращая внимания на то, что действие двух предметов переходит от одного на другой, замечает только то, что они производят одно и то же действие. От этого происходит, что эти

два залога употребляются без различия»[41]. К этому замечанию А. Бобровникова мы бы теперь добавили, что совместный и взаимный залоги не только выступают один вместо другого, но и просто обозначают действия, при совершении которых оба компонента никак не находятся в тех специфических отношениях, которые вообще «предусмотрены» непосредственными значениями этих залогов. Иными словами, совместный и особенно взаимный залоги часто обозначают действия, производимые многими, так сказать, на коллективных началах. Подобное употребление этих залогов мы находим во всех монгольских языках, например:

а) взаимный (по форме) залог:

класс.: *Сурубчід бүгүдегер-е хуралдуβад кічіјелемүі* (Y.— 1743) 'Учащиеся, собравшись в полном составе, проводят свои занятия';

бур.: *Шууялдаһаар гараба* (Санж.) 'Дети вышли шумно (продолжая шуметь)'; *Хүнэй мори асаралдажа ерээб* (Ж. Тум.— 136) 'Привел я и чужого коня';

б) совместный (по форме) залог:

класс.: *Харабсан үджегсен-ијен јарілцаја* (Далх.) 'Поговорим (расскажем друг другу) о том, кто что видел и наблюдал';

халх.: *Хатан авхай хоёр уулзаж учирж, мэнд мэндээ мэдэлцэж. хоюулаа ярьж* (Х. Т.) 'Встретились царица и царевна и, обменявшись приветствиями, стали беседовать вдвоем'; *харилцан туслалцах* 'помогать друг другу'.

Такое смешение функций совместного и взаимного залогов характерно также и для текстов «Сокровенного сказания»: *Teün-ü qoyina qabur alanggir numulan qarbiyaldun bükülitür* (§ 116) 'Когда после того они весною стреляли из детских луков (не в друг друга)'; *Süni könjile-de'en qaqča qonolduqun büle* (§ 117) 'Ночью [они] спали под [одним] одеялом'; *Temüjin jamuqa qoyar... erten-ü anda bolulčaqsan-iyan duradulčan* (§ 116) 'Темучин и Джамуха вспоминали о том, как они прежде сделались побратимами'.

Как видно из представленных примеров, иллюстрирующих необычное или «непредусмотренное» употребление взаимного и совместного залогов в монгольских языках, можно все же заметить, что если первый из этих залогов преимущественно обозначает действие многих (без уточнения тех отношений, в которые вступают действующие лица), то второй, совместный, залог выступает как бы вместо первого, хотя встречаются и обратные случаи (см. выше пример употребления взаимного залога в романе Ж. Тумунова). Но и совместный залог иногда обозначает действие, производимое многими не на началах присоединения одних лиц к действию других, что составляет основную функцию этого залога, и не на взаимных началах. Например, совместный глагол *хэлэлцэх* в современном монгольском языке

[41] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 128.

по своему реальному смыслу означает 'обсуждать', 'вести переговоры', хотя по свойству данного залога мы ожидали бы: 'также говорить', 'вмешиваться в разговор', 'принимать участие в беседе, ведомой другими лицами'. Такое смешение функций совместного и взаимного залогов в современных монгольских языках все более и более усиливается, хотя оно имело место и в текстах «Сокровенного сказания», т. е. еще в начале XIII в.

* * *

Кроме рассмотренных нами выше залогов, которые можно было бы назвать простыми, в монгольских языках имеются также комбинированные залоговые формы. Суть этих комбинированных залоговых форм заключается, как известно, в том, что к одной и той же глагольной основе можно присоединить одновременно суффиксы нескольких залогов, в результате чего получаются как бы сложные залоги: страдательно-побудительно-страдательный, побудительно-страдательный, совместно-побудительный, взаимно-побудительный и т. д. При этом значение каждого из залогов в общем сохраняется почти всегда, а поэтому мы ниже ограничимся лишь некоторыми современно-монгольскими примерами образования сложных залогов или комбинированных залоговых форм и не будем приводить иллюстративный материал, ибо это значило бы возвращаться к уже изложенному выше.

1. Побудительно-страдательный залог: *байх* 'быть', 'существовать'→*байгуулах* 'организовать'→*байгуулагдах* 'быть организованным'.

2. Побудительно-страдательно-побудительный залог: *байгуулагдуулах* 'поддаваться организации', 'быть легко организованным'.

3. Страдательно-побудительный залог; *үзэх* 'видеть'→*үзэгдэх* 'быть видным'→*үзэгдүүлэх* 'показаться', 'быть видимым' (в том смысле, что это свойство предмета зависит от его произвола,— отсюда *үл үзэгдүүлэгч малгай* 'шапка-невидимка'). Иногда такой страдательно-побудительный залог как бы возвращает нас к первичной основе прямого залога: *үрэгдүүлэх* 'растратить'←*үрэгдэх* 'растрачиваться'←*үрэх* 'растратить', 'растранжирить имущество', отсюда: *үрэгч* и *үрэгдүүлэгч* 'растратчик' (иногда с оттенками: в первом случае речь идет, допустим, о воре-кассире, а во втором — о начальнике, попустительствующему такому кассиру). Впрочем, следует заметить, что к подобного рода страдательно-побудительным формам прибегают в тех случаях, когда первичная глагольная основа (прямой залог) имеет еще некоторые другие значения, чаще всего непроизводные, коренные. Например, *үрэх* вообще значит 'растирать', 'тереть' (в результате чего вещь в своем объеме убавляется), отсюда и производное значение этого глагола: 'растратить', 'растранжирить'.

Следовательно, страдательно-побудительный глагол имеет более узкое значение, нежели многозначная первичная глагольная основа (прямой залог), и поэтому его употребляют преимущественно при образовании новейшей терминологии. Сказанное касается, конечно, и прочих комбинированных залоговых форм глагола.

4. Совместно-побудительный залог: *оролцуулах* 'включать', 'привлечь', 'втянуть'←*оролцох* 'принять участие', 'участвовать', 'включаться'←*орох* 'входить'; возможен совместно-побудительно-страдательный залог: *оролцуулагдах* 'быть включенным', 'принятым к участию'.

5. Взаимно-побудительный залог: *барилдуулах* 'заставить или позволить бороться', 'свести борцов к борьбе'←*барилдах* 'бороться'←*барих* 'держать'.

6. Побудительно-взаимный залог: *байгуулалцах* 'принять участие в организации чего-либо' (от *байгуулах*, см. выше в п. 1).

Вообще возможны самые разнообразные комбинации залоговых форм, используемых преимущественно в сфере лексических новообразований. Та или иная возможность образования комбинированных залоговых форм в каждом данном случае определяется как потребностью в образовании новых глагольных основ, так и лексическим содержанием первичной основы соответствующих глаголов. Поэтому предусмотреть или, точнее, как-то обобщить все случаи появления таких комбинированных глагольных основ совершенно невозможно, тем более, что многие глаголы в какой-либо вторичной залоговой основе иногда сильно отрываются от своего первоначального значения[42]. Поэтому иногда встречаются случаи образования от одной и той же глагольной основы параллельных форм одного и того же залога посредством использования разных формативов последнего, например:

байх 'быть', 'стоять', 'находиться', 'существовать';

байлгах 'остановить', 'поставить', 'оставить' (суффикс побудительного залога *-лга*);

байгуулах 'организовать'; 'заключать (договор)'; 'создавать' (суффикс того же залога *-гуул*).

В классическом монгольском языке значения приведенных двух побудительных форм от одной и той же глагольной основы *бай-* были более близкими, хотя и различными. Так, в старых словарях мы находим следующие пояснения: *bajilbaxu* (совр. *байлгах*) 'велеть остановиться', 'остановить', 'задержать', 'оставить на месте', 'оставить', 'отрешить'; *bajibulxu* (совр. *байгуулах*) 'поставить', 'построить', 'воздвигнуть', 'соорудить', 'вставить', 'воткнуть', 'водрузить (знамя)'; 'сделать (что-либо)', 'осуществить'; 'издать', 'учредить'[43]. Характерно, что в словарях нашего времени *байлгах* не всегда дается особым гнездом (а это делается в тех случаях, когда перед лексикографами имеются разные грамматические формы основного слова), тогда как *байгуулах* дается[44].

Отметим в заключение, что комбинированные залоговые формы встречаются преимущественно в научно-публицистическом стиле, а в устной бытовой речи к ним прибегают крайне редко.

Таблица I

Залогообразующие суффиксы

Язык \ Залог	Побудительный[2]	Страдательный[3]	Взаимный	Совместный
Классический монгольский	*-бул, -гүл* *-ба, -ге* *-лба, -лге*	*-бда, -где* *-да, -де* *-та-, -те*	*-лду,* *-лдү*	*-лча, -лче*
Современный монгольский[1]	*-уул, -үүл* *-га, -го, -гө, -гэ* *-лга, -лго,* *-лгө, -лгэ*	*-гда, -гдо, -гдө, гдэ* *-да, -до, -дө, -дэ* *-та, -то, -тө, -тэ*	*-лда,* *-лдо,* *-лдө,* *-лдэ*	*-лца, -лцо,* *-лцө, -лцэ*
Ойратский (в калмыцком орфографическом написании)	*-ул, -үл* *-лһ* *-һ*	*-гд* *-д* *-т*	*-лд*	*-лц*
Могольский	*-лга*	*-гда*	?	?
Дагурский	*-лбā, -лбō, -лбэ̄* *-ба, -бō, -бэ̄*	*-рдā, -рдō, -рдэ̄*	?	*-лчī*
Баоаньский	*-бэ*	—	?	*-чī*
Монгорский	*-лба, -рба* (в диалекте минхэ *-ба*)	—	*-лде,* *-рде*	—
Дунсянский	*-ба*	—	*-нду,* *-нту*	—

[42] Ср. Н. И. Конрад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, стр. 211—214.

[43] О. Ковалевский, *Монгольско-русско-французский словарь*, Казань, 1846, т. II, стр. 1045, 1048.

[44] См. Шагджа, *Монбол үсүг-үг дүрім-үн толі*, Улаан-баатур, 1931, стр. 240.

Примечания.

1. Фонетический облик залоговых суффиксов в бурятском языке по существу не отличается от такового же в монгольском языке, конечно, за исключением того, что монгольскому согласному *ц* в бурятском языке соответствует *с*. Кроме того, по бурятской орфографии вместо краткого гласного *ө* принято писать последовательно *э*. Отметим здесь же, что в таблице и примечаниях к ней обозначены краткие гласные монгольского языка, которые по орфографическим правилам на письме опускаются.

2. В классическом монгольском языке, а также в современном монгольском, бурятском и ойратском (калмыцком) языках применение суффиксов побудительного залога регулируется следующими правилами: а) *-ҕул*||*-уул*||*-ул* — после глагольных основ с конечными краткими гласными и иногда некоторыми согласными; б) *-лҕа*||*-лга*||*лһ* — после глагольных основ с конечными дифтонгами и долгими гласными; в) *-ҕа*||*-га*||*-һ* — после глагольных основ с конечными согласными *л* и *р*. О суффиксах *-ха* ~ *-ке* (после глагольных основ с конечными согласными *д* и *с*) и *-ҕа*||*-га*||*-а* (после основ пассивных глаголов с конечными краткими гласными) выше уже разъяснялось, что при их помощи от основ непереходных глаголов пассивной группы образуются основы же переходных глаголов, но не формы побудительного залога, как это, по нашему мнению, без достаточных оснований трактуется в монголистике. Впрочем, в литературе по отдельным алтайским языкам иногда утверждается, что образование побудительного залога часто является производством переходных глаголов от основ непереходных глаголов [45] (к сожалению, при этом принимается во внимание только семасиологическая сторона изучаемых явлений, тогда как грамматическая природа последних остается в стороне; еще хуже обстоит дело, когда при этом некоторые исследователи руководствуются тем, как побудительные глаголы того или иного алтайского языка переводятся на другие языки).

В могольском, дагурском, монгорском, дунсянском и баоаньском языках для образования побудительного залога соответственно употребляются не различные суффиксы, а лишь один, как это показано в таблице. Наличие же в дагурском языке суффикса *-ҕа*, наряду с *-лҕа*, обусловлено необходимостью избежать гаплологии (при глагольных основах с конечными согласными *л* и *р*).

3. В классическом и современном монгольских, бурятском и ойратском языках употребление суффиксов страдательного залога также регулируется следующими правилами: а) *-ҕда* — после глагольных основ с конечными гласными, например: класс. *немегде-* и монг. *нэмэгдэ-* 'быть прибавленным' соответственно от *неме-* и *нэмэ-* 'прибавить', класс. *хаҕаҕда-* и монг. *хаагда-* 'быть закрытым' соответственно от *хаҕа-* и *хаа-* 'закрыть'; б) *-да* — после глагольных основ с конечным согласным *-л-*, например: класс. *олда-* и монг. *олдо-* 'быть найденным' от класс. и монг. *ол-* 'найти'; в) *-та* — после глагольных основ с конечными согласными, кроме *-л-*, например, класс. *ҕарта-* 'быть побежденным в спортивной скачке' от *ҕар-* 'выйти вперед в спортивной скачке', класс. *абта-* и монг. *авта-* 'быть взятым' соответственно от *аб-* и *ав-* 'взять'.

Из приведенной таблицы видно, что в классическом монгольском языке гласные *у* и *ӯ* являются вариантами одной и той же фонемы, как и *а* и *е*, если соответствующие явления рассматривать в чисто морфологическом плане и поскольку это относится к вокализму всех словообразующих и словоизменительных морфем.

[45] См., например, К. М. Любимов, *О двух функциях залоговых аффиксов в турецком языке*, — «Турецкий сборник. История, экономика, литература, язык», М., ИВЛ, 1958, стр. 169—179.

В монгольском и бурятском языках вариантами одних и тех же фонем в том же морфологическом плане надо признать: а) *а*, *э*, *о* и *ө* и соответственно долгие *аа*, *ээ*, *оо* и *өө*, б) *у* и *ү* и долгие *уу* и *үү* [46].

В заключение укажем, что этимология залогообразующих суффиксов в монгольских языках пока еще не выяснена, а некоторые отдельные попытки сопоставления их с соответствующими формантами прочих алтайских языков надлежащим успехом не увенчались и до настоящего времени.

ВИД

Как известно, во многих языках категория времени глагола находится в тесной связи с категорией вида, которая показывает, каким образом протекает действие с точки зрения характеристики его темпов, интенсивности, ритмичности, степени завершенности или законченности, результативности и т. д. Формальные средства, посредством которых в самом глаголе выражается категория вида, могут быть синтетическими и аналитическими, каковые и имеются в распоряжении монгольского глагола. Как же обстоит дело в монгольских языках?

Что касается синтетических средств выражения глагольного вида и видовых оттенков в монгольских языках, то они сводятся всего лишь к нескольким особым суффиксам, уже зарегистрированным в монголоведной лингвистической литературе, хотя сама по себе категория вида в монгольских языках до сих пор еще остается неизученной.

1. Суффикс *-л* служит для образования такого глагола, который обозначает действие, часто повторяющееся или протекающее иногда в очень быстром темпе, например: халх. *цохил-* 'бить', 'биться' от *цохь-* 'бить'; *зүрх нь цохилж байв* (Ц.—1—26) 'сердце его билось'; *цахил-* 'сверкать (о молнии, искре)' от *цахь-* 'высекать огонь'; *мушхил-* 'накручивать' от *мушхи-* 'крутить'. Подобные глаголы в монгольских языках весьма немногочисленны и образуются лишь от некоторых глагольных основ.

Этот суффикс *-л* не следует смешивать с глаголообразующим *-л*, *-ла*, например халх. *мал* 'скот' — *малла-* 'заниматься скотоводством'.

2. Суффикс халх. *-валз*, бур., халх, ойр. *-лз* образует глаголы, которые обозначают действие, протекающее плавно и ритмически, а иногда и быстро, например: халх. *анивалз-*, бур. *анилза-* 'мигать' от *ани-* 'закрывать глаза'; бур. *найгалза-* 'покачиваться из стороны в сторону' от *найга-* 'наклоняться в сторону'; халх. *өнгөлз-* 'поднимать и опускать голову (о змее)', 'по-

[46] См. Г. Д. Санжеев, *Современный монгольский язык*, М., 1960, стр. 44, где говорится также о морфологических вариантах одних и тех же фонем (*б* и *в*, *д* и *т*, *дж* и *ч*, *л* и *р*, ср. выше с оформлением страдательного залога).

кушаться' (например, об империалистах) от *өнгий-* 'поднять голову'; бур. *онголзо-* 'гримасничать', 'кривляться', '«дурака валять»' от *онгой-* 'торчать', 'стоять в «глупой» позе'; *ангалза-* 'гримасничать', 'открывать рот' от *ангай-* 'разинуть рот'. Подобные глагольные образования в монгольских языках также весьма немногочисленны и образуются лишь от некоторых глаголов. Поэтому здесь трудно говорить о том, что в монгольских языках имеется какой-то вид на *-валз~-лз* так же, как и на *-л* (см. выше). Следовательно, в данном случае речь идет об образовании некоторых глаголов с видовыми оттенками.

3. Суффикс учащательного вида халх. *-цгаа*, бур. *-сагаа*, калм. *-цхā*, класс. *-чаβа* образует глаголы, обозначающие действие, которое совершается многими или (в речи об одном предмете) как бы многократно и повторно, например: халх. *явцгаа-* 'похаживать (об одном предмете)', 'идти (о многих)' от *яв-* 'идти'; калм. *орцха-* 'заходить (о многих)' от *ор-* 'входить'; бур. *гарасагаа-* 'выходить' (о многих)' от *гара-* 'выходить'; класс. *сурчаβа-* 'учиться; (о многих)' от *сур*[1] 'учиться'. Подобные глаголы могут быть образованы почти от любой глагольной основы и употребляются довольно широко во всех языках. Характерно, что эта глагольная форма ныне начинает применяться лишь в речи о многих, т. е. превращается по существу в форму множественного числа.

4. Суффикс интенсивного вида халх. *-ч*, бур. *-ша* (от основ непереходных глаголов), халх. *-чх*, бур. *-шха* (от основ переходных глаголов), калм. *-чк* (от основы любого глагола) образует глаголы, обозначающие действия, которые протекают в быстром темпе и мыслятся всегда доведенными до конца, например: халх. *явч-* 'взять да уйти' от *яв-* 'идти'; бур. *гарашa-* 'взять да и выйти' от *гара-* 'выходить'; *алашха-* 'взять да и убить' от *ала-* 'убить'; калм. *суучк-* 'взять да и сесть' от *суу-* 'сесть'. Такие глаголы в монгольских языках могут быть образованы почти от любой глагольной основы и очень употребительны в устной речи и художественной литературе; обычно не встречаются в формах настоящего времени (ср. совершенный вид в русском глаголе).

Так как упомянутые суффиксы выражения глагольного вида и видовых оттенков и употребление соответствующих глаголов применительно ко всем монгольским языкам пока еще достаточно не изучены, мы не находим в данное время возможным представить здесь более подробное исследование тех видов и видовых оттенков, которые выражаются описанными синтетическими способами. Что же касается аналитических форм выражения глагольных видов и видовых оттенков в монгольских языках, то они имеют очень широкое применение.

Аналитические формы глагольного вида в монгольских языках образуются посредством сочетания почти любого глагола с так называемыми служебными глаголами. Причем некоторые из этих сочетаний в ряде случаев перерастают в синтетические формы

образования глагольных видов, особенно в ойратском языке и многих диалектах бурятского языка.

Как известно, в монгольских языках существует особая группа глаголов, которые помимо своего обычного употребления выполняют специфические служебные функции. Это такого рода служебные глаголы, в сочетании с которыми обычные глаголы (назовем их ординарными) приобретают дополнительное значение, как видовое, так и лексическое. Таким образом, видовые и лексические значения монгольского глагола оказываются тесно переплетенными друг с другом. Поэтому краткий разбор наиболее распространенных в монгольских языках сочетаний служебных глаголов с ординарными, в результате которых образуются так называемые составные глаголы, представляется крайне необходимым и целесообразным.

Составные глаголы образуются следующим образом: ординарный глагол, выражающий действие или состояние, дается в форме одного из деепричастий первой группы (чаще—соединительного и, реже,— слитного) и сопровождается одним из служебных глаголов в одной из спрягаемых или склоняемых, причастных, форм. Следовательно, составной глагол членим на знаменательную и служебную части, или компоненты. Проиллюстрируем сказанное следующей краткой таблицей и некоторыми примерами из классического монгольского языка (примеры из других монгольских языков будут оговорены), данные которого в этом отношении почти полностью совпадают с показаниями всех прочих монгольских языков.

Таблица 2

Ординарный глагол	Служебный глагол	Значение
худалдун 'торгуя'	*аб-* 'брать'	'покупать'
нісчӯ 'летая'	*јабу-* 'идти'	'улететь'
іделжӯ 'кушая'	*өг-* 'дать'	'съесть (по чьей-то просьбе)'
очіджу 'отправляясь'	*іре-* 'прибыть'	'сходить'
унгшіджу 'читая'	*баји-* 'быть'	'читать'

1. Служебный глагол *аб-* 'взять', 'брать' показывает, что действие ординарного глагола, с которым сочетается этот служебный

глагол (ниже этой оговорки мы ради краткости делать не будем), совершается кем-либо в свою пользу, в своих собственных интересах. Причем необходимо учесть, что составной глагол с этим служебным глаголом вовсе не предполагает наличия предмета, переходящего из одних рук в другие, в собственность лица-подлежащего: *бічігед абуба* 'написал (для себя)'; *хаджаβарладжу абуба* 'взнуздал (для себя)'. Сказанное особенно бросается в глаза в тех случаях, когда ординарный глагол оказывается непереходным: *унтаβад абуба* 'выспался'. Этот пример буквально означает 'спавши взял', хотя никто ничего не берет, как и во всех тех случаях, когда ординарный глагол оказывается непереходным (если, разумеется, нет прямого дополнения, при наличии которого такое сочетание уже не образует составного глагола, например: *унтаβад тамкі-бен абуба* 'выспался и затем взял свой табак').

2. Служебный глагол *бг-* 'дать' показывает, что действие ординарного глагола совершается кем-либо в пользу другого лица или же для себя, но по просьбе другого лица. Как и при предыдущем глаголе *аб-*, этот глагол не всегда предполагает переход какого-нибудь предмета из одних рук в другие, особенно в тех случаях, когда ординарный глагол оказывается непереходным:

емегелледжў бггўбе 'оседлал кому-то'
іледжў бггўбе 'съел по просьбе другого' (например, будучи в гостях);
βаруβад бггўбе 'вышел по просьбе другого'.

Второй и третий примеры особенно наглядно выявляют роль служебного глагола *бг-*. В первом примере можно предположить, что кто-то оседлал коня и передал его другому лицу, хотя такое толкование вовсе необязательно. Но во втором примере такое предположение исключено, ибо после еды не может остаться ничего такого, что можно было бы передать другому лицу (*хоβол-аjі-ану чӧм-і іледжў бггўбе* 'всю его пищу съел' — подразумевается: по просьбе хозяев или из желания похвалить кухню). Что же касается третьего примера, то в нем также не указывается, что кто-то вышел и что-то передал другому лицу, — в последнем случае данное глагольное сочетание перестало бы быть составным глаголом: *βаруβад тамкі- бен бггўбе* 'вышел и кому-то дал свой табак'.

3. Служебный глагол *іре-* 'приходить' означает, что действие ординарного глагола совершается кем-либо в состоянии приближения к чему-либо или находится в стадии завершения. Здесь очевидно, что лексическое значение служебного глагола в составном глаголе сохраняется полнее, нежели значения других служебных глаголов. По сути дела употребление данного глагола в качестве служебного как бы продиктовано отсутствием в монгольских языках приглагольной морфемы со значением русского *при-* (*прилететь*, *приехать*, *прибежать*, *прискакать* и т. д.), например:

очіβад іре- 'сходить' (букв. 'пошедши прийти');
гўjўджў іре- 'прибежать'.
даруджу іре- 'подходить к победе'.

Перечисленные нами служебные глаголы, к которым можно было бы добавить и некоторые другие, не образуют какие-либо виды в собственном смысле этого слова. Однако в сочетании с ординарными глаголами они образуют такие составные глаголы, значения которых в какой-то степени приближаются к видовым. Но в монгольских языках имеются также служебные глаголы, сочетание которых с ординарными глаголами несомненно образует определенные виды, — таковы, например, следующие глаголы: *оркі-* 'бросить' и *баjі-* 'быть', а также отчасти *саβу-* 'сидеть', *кебте-* 'лежать', *jабу-* 'идти'.

4. Служебный глагол *оркі-* 'бросить' показывает, что действие ординарного глагола в отношении своего прямого объекта завершается полностью или предпринимается действующим лицом без каких бы то ни было колебаний, решительно. Оттенок в значении составного глагола с этим служебным глаголом по-русски приблизительно можно передать посредством выражений «разделаться», «покончить», «решительно», «взять да и...». Из сказанного вытекает, что подобные составные глаголы образуются преимущественно от переходных глаголов. В восточных диалектах бурятского языка глагол *орхи-* в своей служебной роли до такой степени потерял свое основное значение 'бросить', что сросся с ординарным глаголом в одно фонетическое целое (это выражается, между прочим, в его подчинении законам сингармонизма гласных), — такого рода явления в других языках и западных бурятских диалектах еще не зарегистрированы. Можно, поэтому, считать, что посредством этого служебного глагола в монгольских языках образуется аналитическая форма окончательного вида (не смешивать с совершенным), которая в восточных бурятских диалектах и литературном бурятском языке как бы превратилась в синтетическую форму, например: класс. *іледжў оркі-*, бур. *эдижэрэхи-* 'съесть всё'; 'разделаться, покончить с едою';

класс. *табіджу оркі-*, бур. *табижархи-* 'выпустить', 'поставить'; *Тэрэ басаган hард гүйжэ гараад, мүнөө нохойё табижархина* (Им. — 95) 'Та девушка, сорвавшись с места, выбежала и выпустила собаку' (подразумевается: без долгих размышлений и колебаний);

класс. *Баβа бӧке-jі βурбан мінгβан бере-jін βаджар-а хаjаджу оркіба* (Г. — 37) 'Младшего силача [Гесер] швырнул (букв. 'бросая бросил') на расстояние трех тысяч миль'.

5. Служебный глагол *баjі-* 'быть' употребляется в тех случаях, когда действие ординарного глагола совершается в состоянии относительного покоя, при пребывании действующего лица на одном и том же месте. Сказанное не означает того, что этот служебный глагол не употребляется с глаголами движения: в этом

случае действие происходит в границах какой-либо площади, не выходя за ее пределы. Но сказанное же имеет в виду лишь частные отличия этого служебного глагола от других, перечисленных ниже. Дело в том, что сочетание ординарного глагола как с этим *баjі-*, так и с перечисляемыми ниже, образует по сути дела аналитическую форму несовершенного вида прошедшего и будущего времени; в форме настоящего времени это сочетание передает конкретное действие в отличие от действия настоящего расширенного времени, как сказал бы А. М. Пешковский. В ряде монгольских языков и диалектов (ойратском языке, дархатском диалекте монгольского языка, западных бурятских диалектах и т. д.) служебный глагол *баjі-*, сросшись с ординарным глаголом в одно фонетическое целое, по существу дал начало образованию синтетической формы несовершенного вида (бур. *оробо* 'вошел': *орожайба*, *орожо байба* 'входил'; калм. *орджав*).

Служебный глагол *jабу-* 'идти' образует такую форму несовершенного вида, действие которой совершается действующим лицом в состоянии движения.

Служебный глагол *сабу-* 'сидеть' образует такую форму несовершенного вида, действие которой совершается действующим лицом в сидячем положении.

Все эти служебные глаголы вне своей изложенной выше специальной функции являются вполне ординарными, которые сами могут входить в составные глаголы в качестве основных их компонентов, например:

класс. *сабуджу баjіба*, халх. *сууж байв*, бур. *hуужайба* 'сидел', но: *сабуба*, халх. *суув*, бур *hууба* 'сел'; *jабуджу баjіба*, халх. *явж байв*, бур. *ябажайба* 'уходил', 'ходил', но: класс. *jабуба*, халх: *явав*, бур. *ябаба* 'ушел'; класс. *абчу баjіпуба*, халх. *авч байлаа* 'брал', но: класс. *абулуба*, халх. *авлаа* 'взял'.

Такие служебные глаголы, как *jабу-* 'идти' и *баjі-* 'быть', образуют составные глаголы в сочетании со своими собственными основами, т. е. один и тот же из этих глаголов сочетается как бы с самим собою, например: класс. *jабуджу jабуба*, халх. *явж явав*, бур. *ябажа ябаба* 'шел' (букв. 'ходя ходил'), но: класс. *jабуба* 'ушел'.

К группе служебных глаголов, в сочетании с которыми любой глагол образует составной с лексическими или видовыми значениями и оттенками, относится довольно большое количество других глаголов. Мы перечислим только наиболее употребительные и наиболее яркие по своей значимости служебные глаголы, которые известны почти во всех монгольских языках. Так, например, в наш перечень не включен такой глагол, как класс. *кебте-*, халх. *хэвт-*, бур. *хэбтэ-* 'лежать', который в сочетании с ординарным глаголом выражает действие, совершаемое при наличии каких-либо объективных или субъективных затруднений, кое-как, медленно, причем собственно лежание и не подразумевается, например: класс. *біčіджў кебтемўі*, бур. *бэшэжэ хэбтэнэ* 'пишет' (кое-как, с большим трудом, медленно, впадая в расстройство; букв. 'пиша лежит').

В связи с употреблением глаголов *сабу-* 'сидеть', *баjі-* 'быть' и *кебте-* 'лежать' в качестве служебных, необходимо указать, что когда выражаемые ими действия оказываются обстоятельственными, т. е. когда надо указать, что такое-то действие совершается кем-либо в сидячем, стоячем или лежачем положении, то тогда эти глаголы употребляются препозиционно по отношению к определяемому глаголу и ставятся в форме разделительного деепричастия: *сабубад унгшіба* 'читал сидя' (собственно: 'севши читал'); *кебтегед унгшіба* 'читал лежа' (собственно: 'улегшись читал'); *баjібад унгшіба* 'читал стоя' (собственно: 'ставши читал'). Описанные нами вкратце синтетические и аналитические способы выражения категории вида и видовых оттенков в монгольских языках до сих пор еще не получили своего более или менее полного освещения в лингвистической литературе. Поэтому и проблема этой категории в настоящее время не может считаться сколько-нибудь близкой к своему положительному разрешению. Но и того, что изложено нами, достаточно, чтобы в некоторых монгольских языках установить наличие по крайней мере интенсивного, учащательного, окончательного, несовершенного и совершенного видов. Совершенный вид выражается в лексическом содержании первичной глагольной основы, поскольку это касается предикативного употребления глаголов (в атрибутивном употреблении глаголов совершенно-видовое значение не столь и не всегда заметно). Проблема вида монгольского глагола не поддается быстрому и легкому решению и потому, что в составных глаголах видовые значения довольно часто переплетаются с лексическими. В силу этого специальное исследование неполно и сжато описанных выше явлений в монгольских языках надо считать настоятельно необходимым [47].

ВРЕМЯ

После того как М. В. Ломоносовым, Ф. И. Буслаевым, К. С. Аксаковым, А. А. Потебней, А. А. Шахматовым, А. М. Пешковским, Л. В. Щербой и другими русскими языковедами так основательно, казалось бы, с разных точек зрения была разработана категория времени в русском языке, В. В. Виноградов отмечает, что «система форм времени и их функций в современном русском языке

[47] Эти явления на материале бурятского языка наиболее полно, хотя далеко не достаточно, описаны К. М. Черемисовым (см. его «Заметки по бурят-монгольскому языку» в «Записках Бурят-монгольского государственного научно-исследовательского института языка, литературы и истории», вып. 1, Улан-Удэ, 1939, стр. 24—69). См. еще Г. Д. Санжеев, *К вопросу о глагольных основах в монгольских языках*, — «Краткие сообщения Института востоковедения», XXIV, М., 1958, стр. 3—8.

остается еще до конца невыясненной»[48]. Что же тогда сказать относительно временны́х форм глагола в монгольских языках, до сих пор еще не бывших предметом рассмотрения в монголоведной литературе?

Как бы там ни было, монголистика с первых шагов своего существования чисто эмпирическим путем установила наличие в монгольских языках трех традиционных времен — настоящего, прошедшего и будущего. При самом беглом обзоре употребления связок, вспомогательных глаголов, изъявительных и причастных форм монгольского глагола легко установить, что в монгольских языках эти времена так или иначе различаются, соответственно находя свое выражение в определенных формах. Не считая нужным излагать здесь то, что должно быть описано в специальных разделах нашей работы, отметим ниже лишь некоторые стороны в употреблении различных форм глагола в монгольских языках.

1. Действия, выраженные повелительно-желательными формами глагола, всегда ориентированы на будущее, ближайшее или более отдаленное.

2. Временна́я локализация действий изъявительных форм глагола является точной и определенной, не зависящей от того или иного синтаксического окружения, от контекста, в отличие от того, что мы находим, например, в системе русского глагола. Сказанному не противоречит то обстоятельство, что некоторые из изъявительных форм глагола в том или ином монгольском языке выражают действия как бы и настоящего и будущего времени или и настоящего и прошедшего времени, что определяется контекстом. В сущности было бы неправильно говорить о том, что, например, в современном монгольском языке изъявительная форма на *-на* является формой настоящего и будущего времен, а такая же форма на *-в* — формой настоящего и прошедшего времен, ибо в действительности эти формы соответственно оказываются формами настояще-будущего и настояще-прошедшего времен, т. е. каждая из них передает действие одного грамматического времени, а не двух: и настоящего и прошедшего, и настоящего и будущего. Иными словами, при определении временно́й окраски соответствующих форм одного языка не следует руководствоваться тем, как эти формы в зависимости от контекста переводятся на другой язык, — грамматика какого-либо языка должна строго отличаться от изложения техники и теории перевода с одного языка на другой.

Повелительно-желательные и изъявительные формы монгольского глагола, как и деепричастия, в семасиологическом отношении соответственно отличаются друг от друга существенными модальными оттенками, тогда как причастия того же монгольского глагола в своем значении содержат некоторые видовые оттенки, но не модальные.

[48] В. В. Виноградов, *Современный русский язык*, стр. 428.

3. Времена, в которых локализуются действия, выражаемые деепричастиями, почти всегда безразличны по отношению к моменту речи, но соответственно зависимы от времен действий, передаваемых последующими глаголами. В самой общей форме можно сказать, что по отношению к действиям последующих глаголов действия, выражаемые 1) соединительным и слитным деепричастиями, протекают одновременно, 2) разделительным, условным, предварительным, последовательным, уступительным и продолжительным деепричастиями, происходят раньше, или в прошлом, и 3) предельным и целевым деепричастиями, наступают позже, или в будущем. Конечно, в зависимости от определенного лексического окружения или контекста речи от изложенного возможны известные отклонения.

4. Временна́я локализация действий, выражаемых причастиями, должна рассматриваться раздельно, в зависимости от того, употребляются ли эти глагольные формы в функции сказуемого без каких бы то ни было связок с временны́ми значениями или же в какой-либо иной непредикативной синтаксической функции, а также и в предикативной, но в сопровождении связок с временны́ми значениями. Прибегая к фонологической терминологии, можно сказать, что монгольские причастия в первом случае изучаются, находясь в сильной позиции, а во втором — исследуются в своей слабой позиции.

Основное различие между предикативно употребляемыми причастиями, с одной стороны, и изъявительными формами, с другой, заключается в том, что временна́я локализация причастий по отношению к моменту речи определяется не непосредственно, а косвенно, через связку. А между тем действие изъявительных форм во времени непосредственно ориентировано по отношению к моменту речи или к моменту того, что в высказывании, например в исторических повествованиях, является главным предметом изложения.

Но это различие не может быть установлено в тех случаях, когда причастия употребляются предикативно без сопровождения связок настоящего времени, которые либо опускаются окказионально, либо становятся вообще неупотребительными (при прошедшем причастии в современном монгольском языке, при будущем и настоящем, или несовершенном, причастиях в бурятском языке, при многократном причастии во всех монгольских языках). Последнее обстоятельство приводит иногда к тому, что, например, в бурятском языке настоящее, или несовершенное, причастие при утрате своих непредикативных функций постепенно превращается в форму собственно изъявительного наклонения со значением прошедшего времени. Именно в этом смысле причастия в монгольских языках, как и деепричастия, определяются как неокончательные глагольные формы, т. е. не являются вербум финитум, что особенно относится к деепричастиям, которые в отличие от таковых же в некоторых тюркских языках (ср. кирг. *жазам* 'я пишу') никогда

не употребляются предикативно, не будучи сопровождаемы глагольными связками.

При всем изложенном существенное различие между предикативно употребляемыми причастиями и изъявительными формами остается в том смысле, что последние показывают, кто что сделал или делает, а причастия — кто каков есть в силу совершенного или совершаемого им действия, о чем в речи сообщается как о чем-то неизвестном (в отличие от атрибутивного употребления тех же причастий). Кроме того, а это главное, предикативное употребление причастий со связками образует сложную гамму составных форм так называемых «сложных времен»[49].

Зависимость временной локализации монгольских причастий в их непредикативном употреблении от времени действия следующего за ними глагола, а не непосредственно от момента речи, является совершенно очевидной. Сказанное можно показать на следующих бурятских примерах:

Хариһаа ерэһэн юмые хаб гэжэ хабшаарай! (Ант. — 12) 'Того, кто из чужбины придет, [между скалами] крепко прихлопни!' В этом примере прошедшее причастие *ерэһэн* 'пришедшего' (в нашем переводе 'кто придет') обозначает такое действие, которое оказывается прошедшим по отношению не к моменту речи, а к моменту действия будущего времени, выраженного в глаголе *хабшаарай* 'прихлопни'.

Баабай, амиды ябаһан сагтаа дайсанда бү илагдаарай! (Балд.) 'Отец, пока ты жив, врагу не поддавайся!'

В этом примере прошедшее причастие *ябаһан*, букв. 'ходивший', употреблено как определение к имени *сагтаа* 'в свое время', в сочетании с которым оно передает понятие 'пока ты жив'. Говорящий в данном случае имеет в виду действие или ситуацию, по времени следующую за действием, выраженным в глаголе *бү илагдаарай* 'не поддавайся', т. е. действие, которое оказывается прошедшим не по отношению к моменту речи, а по отношению к действию последнего глагола, ориентированному на будущее. Таким образом, в обоих наших примерах мы имеем сложное время, прошедшее в будущем, но будущее по отношению к моменту речи. Следовательно, момент речи является и для причастия как бы исходной точкой для локализации его временной характеристики, но косвенно, через временное значение следующего за ним другого глагола.

Так называемое будущее причастие, именуемое иногда неопределенным причастием или даже неопределенным наклонением, обозначает действие будущего времени лишь в своем предикативном употреблении. В остальных же синтаксических положениях это причастие во времени конкретизируется общим содержанием контекста соответствующего предложения, о чем более подробно говорится в разделе о причастиях нашего исследования так же, как и о временных значениях прочих причастий в монгольских языках. В данном случае важно подчеркнуть, что в зависимости от соответствующего синтаксического окружения, т. е. от временного значения последующего глагола (в предложении и словосочетании), определяется временная окраска причастий в том смысле, что они образуют как бы сложные временные формы глагола, сложные времена вообще. Под сложными временами здесь условно понимаются такие грамматические времена, которые, будучи выражены непредикативными причастиями, соотносятся не с моментом речи, а с моментом действия, выраженного в последующем глаголе вообще, как это мы видели в приведенных выше примерах.

[49] Ср. о составной форме «прошедшего сложного» в русском языке: В. В. Виноградов, *Современный русский язык*, стр. 439.

При помощи связок и вспомогательных глаголов причастия и деепричастия первой группы в монгольских языках образуют сложные временные формы глагола примерно так же, как и соответствующие причастия в некоторых индоевропейских языках, например в немецком или во французском. Является общеизвестной временная зависимость деепричастий первой группы от временных форм последующего глагола, а также и относительная временная автономия этих деепричастий при наличии времяуказующих слов, как это можно проиллюстрировать в следующем бурятском примере: *Манай аха уржадар ерээд, маргааша ябахань* 'Наш брат, приехав позавчера, собирается уехать завтра'.

Таким образом, монголистика устанавливает наличие категории времени в системе глагола современных монгольских языков. Но на вопрос о том, не из видовых ли или иных каких-либо категорий, например модальной, возникли грамматические времена, как это твердо устанавливается или предполагается в отношении аналогичных явлений в ряде других языков, ответ должен быть дан раздельно для изъявительных, причастных и деепричастных форм глагола.

Во-первых, надо учитывать особенности предикативного (без связок) и непредикативного употреблений причастий, результативность и определенную степень законченности действий без уточнения времен, выражаемых этими причастиями.

Во-вторых, следует особенно тщательно выявлять особенности и различия в применении трех изъявительных форм «прошедшего» времени, в значениях которых содержится как бы косвенное указание на то, что эти формы некогда различались по линии модальности, а также, возможно, и по лицам. Наличие трех таких форм «прошедшего» времени при отсутствии четких смысловых различий между ними в большинстве монгольских языков является очень примечательным, так как значения этих форм не дают возможности говорить о трех грамматических временах, противопоставленных настоящему и будущему.

В третьих, обращает на себя внимание иногда весьма различное применение глагольных форм в монгольских языках, например будущего причастия со значением прошедшего многократного в

текстах «Сокровенного сказания», причастия настоящего времени вместо прошедшего в бурятском языке, перфектного претерита со значением имперфектного презенса в дагурском языке и т. д.

Все же ответить на поставленные выше вопросы полностью или в окончательной форме мы не считаем для себя возможным в настоящее время, когда изучение монгольских языков настоящего и прошлого пока-что проводится в самых общих чертах, не говоря уже об отсутствии специальных исследований как в области исторического синтаксиса отдельных монгольских языков, так и системы глагола последних[50].

Мы считаем особенно необходимым подчеркнуть, что решение затронутых нами вопросов по проблеме категории времени монгольского глагола может быть найдено не только в изучении употребления всех форм глагола в монгольских языках, но также и в более глубоком исследовании употребления живых форм омертвелых вспомогательных глаголов, которые не имеют полного спряжения: *а-* 'быть' и *бö-* 'быть'. Здесь достаточно лишь отметить, что, например, халх. *бэз* (= бур. *бэзэ* и т. д. почти во всех монгольских языках) употребляется с модальными значениями 'должно быть', 'видимо', 'вероятно', 'пожалуй', 'наверное' и исторически является формой сомнения вспомогательного глагола *бö-* 'быть'. Равным образом халхаское же *билэ* (= бур. *бэлэй*) употребляется также с модальными значениями 'ведь' или 'как бы' (сделать то-то) и исторически представляет собою форму перфектного презенса того же вспомогательного глагола *бö-*. Как нам думается, именно такого рода рудиментарные формы некогда полноценных, но ныне омертвелых вспомогательных глаголов способны помочь вскрыть состояние в системе древнемонгольского глагола вообще[51]. Дело в том, что в такого рода рудиментарных формах наиболее отчетливо сохраняются былые значения глагольных форм вообще, тогда как эти же значения в системе знаменательных глаголов подвергаются существенным изменениям.

Вспомогательные глаголы *а-* 'быть' и *бö-* 'быть' и их рудиментарные формы, наличествующие в монгольских языках настоящего и прошлого, еще достаточно не изучены и не выявлены полностью даже в таких хорошо изученных диалектах, как халхаский, ордосский и бурятские. Поэтому мы ниже ограничимся приведением этих глаголов с их формами в следующих двух таблицах по данным старописьменного монгольского, современного монгольского,

[50] В настоящее время специальными исследованиями системы монгольского глагола занимается З. В. Шевернина, из ряда работ которой пока что опубликована лишь одна: «Аналитические глагольные формы в современном монгольском языке», — «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова», М., 1958, стр. 82—100. См. также З. В. Шевернина, *Времена в современном монгольском литературном языке*, канд. дисс. (также и автореф.), М., 1960.

[51] О вспомогательных глаголах в монгольском языке см. Т. Пагба, *Вспомогательные, или служебные, глаголы в современном монгольском литературном языке*, Улаанбаатар, 1961.

бурятского и (по материалам Б. Х. Тодаевой) дагурского языков, изученных монголистами в наибольшей степени.

1. Основа *а-* 'быть'

Таблица 3

Форма \ Язык	Старописьменный монгольский	Дагурский	Современный монгольский	Бурятский
Повелительно-желательная форма 3-го лица	*атуβаі*	*ätгаї*[1]	—	—
Желательная форма	*асуβаі*	—	—	—
Изъявительная форма настоящего времени	*амуі*	—	—	—
Перфектный претерит	*абаі*	*äбаї*[2]	—	—
Имперфектный претерит	*аджуβу*	—	*ажээ*[3]	*ажа*[4]
Многократное причастие	—	—	*даг*	—
Однократное причастие	*аβчі*	—	—	*-гша*[5]
Будущее причастие	*ахуі*	*äгу*	*ахуй*[6]	*аха*[7]
Прошедшее причастие	*аβсан*	*äсäн*	*сан*[8]	*һан*[8]
Соединительное деепричастие	*аджу*	—	*аж*[9]	*ажа*[9]
Разделительное деепричастие	*аβад*	—	—	*аад*[10]
Условное деепричастие	*абасу*	*äсä*	*абасу*[11]	*һаа*[12]
Уступительное деепричастие	*абачу*	—	—	—
Предельное деепричастие	*атала*	*äтäлä*	—	—
Условное деепричастие II	*ахула*	—	—	—

Примечания.

1. Эта форма в сочетании с частицей *ч* употребляется в функции послелога со значением 'хотя', поскольку она в дагурском языке в данном сочетании вообще имеет значение уступительного деепричастия.
2. Употребляется в значении настояще-будущего времени.
3. Чаще всего в форме *-жээ* употребляется в сложной связке прошедшего времени *юмсанжээ* ← *јаβума* ('нечто', 'вещь', 'предмет') *аβсан аджуβу*.

4. Часто употребляется в сложной связке прошедшего времени *hанжа* ← **аβсан аджуβу*.

5. Фактически является частицей предикативных имен, например *сэсэнгша* 'умный'.

6. Употребляется в литературном языке лексикализованно в сочетаниях типа *аж ахуй* 'хозяйство'.

7. Лексикализованно в значении 'сущий', 'наличный', 'весь' и применяется в сочетаниях типа *аха алта* 'все имущество' (*алта* — отглагольное имя от *а-* 'быть' в забытом ныне значении 'сущее', хотя оно по ложной этимологии часто смешивается с *алтан* 'золото'). Эта форма в усеченной форме *ха* является частицей подтверждения со значением 'кажется', а в форме дательно-местного падежа — *хада* и *хадаа* оказывается послелогом со значением 'если' и показателем подлежащего как бы вместо халхаского *болбол* ~ *бол*.

8. Употребляются как связки прошедшего времени.

9. В современном монгольском языке встречается почти только в немногих сочетаниях типа *аж ахуй* 'хозяйство' или *аж үйлдвэр* 'промышленность'. В бурятском языке употребляется в сочетании с немногими словами: *ажа түрэхэ* 'счастливо родиться', *ажа амгалан* 'благополучие', *ажа байдал* и *ажа амидарал* '(мирная) жизнь', *ажа мэндэ* 'благополучный' и т. п. Впрочем, аналогичные сочетания встречаются и в современном монгольском языке.

10. Является противительным и соединительным союзом 'а, но' или послелогом 'так как'; часто применяется в сочетании с частицей логического ударения *лэ* в тех же значениях.

11. Употребляется преимущественно в книжной речи.

12. Является послелогом 'если' (см. в разделе об условном деепричастии).

В эту таблицу не включена бурятская форма вопроса *ааб* ← ** аβа* (причастие настоящего времени от *а-*) плюс *буі* (см. в следующей таблице). Путем присоединения к этой форме частицы *за* ← ** джа* образуется сложная форма, которая в восточно-бурятских диалектах употребляется в значении предикативно-модального слова 'наверное', 'пожалуй', 'по-видимому'. Равным образом не учтена здесь же дагурская сложная форма *āджāбэї* ← ** аджу абаі*: сочетание форм соединительного деепричастия с перфектным претеритом от основы одного и того же глагола *а-*.

Как видно из данной таблицы, в формах прошедшего, многократного и однократного причастий (см. также о бурятских *ха* и *hаа*) сама основа этого глагола *а-* подверглась редукции вплоть до полного исчезновения: остались лишь суффиксы названных причастий, так сказать, при нулевой основе.

2. Основа *бö-* 'быть'

В старописьменном монгольском языке наряду с причастной формой имелась также изъявительная форма настоящего времени *буjу*, которая в современном монгольском и бурятском языках отражается в виде *буюу* и употребляется в качестве союза 'или', 'то есть', 'либо'. Равным образом в том же старописьменном монгольском языке имелась форма *болаі* 'был', которая представляет собою, по-видимому, контаминацию *болуβа*

Таблица 4

Форма \ Язык	Старописьменный монгольский	Дагурский	Современный монгольский	Бурятский
Причастие настоящего времени [1]	*буі*	*бэї*	*бий*	*биш*
Модальное слово 'должно быть', 'видимо', 'вероятно', 'пожалуй', 'наверное', 'кажется' [2]	*буі-джа*	*бэїджэ*	*бэз*	*бэзэ*
Перфектный презенс	*бöлүге*	—	*билээ*	*бэлэй*
Будущее причастие	*бöкүі*	—	*бүхий* [3]	*бүхы*
Разделительное деепричастие	*бöгед*	—	*бөгөөд* [4]	—
Условное деепричастие	*бöгесү*	—	—	—
Предельное деепричастие	*бöгетеле*	—	—	—
Приготовительное деепричастие	*бöрүн*	—	—	—

Примечания.

1. Этимологическая связь этой формы с основой глагола *бö-* 'быть' в монголистике пока еще точно не установлена, и ее мы включаем в таблицу условно, поскольку она укладывается в общую парадигму спряжения форм приведенного глагола *бö-*, являясь как бы супплетивной. В бурятском языке *биш* в сочетании с *-гши* ← **аβчі* и *hэн* ← *hан* ← **аβсан* (соответственно формы однократного и прошедшего причастий от *а-* 'быть') образует сложные формы настояще-однократного и прошедшего причастий, употребляемые только в предикативной функции, т. е. по существу являющиеся особыми формами изъявительного наклонения.

2. Образовано от предыдущей формы *буі* посредством присоединения частицы *джа*.

3. Употребляется в значении 'сущий', 'наличный' и имеет этимологическую связь со словами типа халх. *бүх* 'весь', *бүхэн* 'каждый', 'все', 'всё' и *бүхэл* 'целый', 'весь'.

4. Употребляется только в значении соединительного союза 'и, да'.

от *бол-* 'становиться' и *бöлүге* от *бö-* 'быть' (во всех трех случаях форма перфектного презенса).

Помимо своих модальных и служебно-предикативных функций некоторые из приведенных выше форм вспомогательных глаголов *а-* и *бö-* в своем предикативном употреблении вместе с причастиями образуют довольно пеструю систему аналитических форм сложных времен. Такую же роль в этой системе выполняет также и такой вспомогательный, или служебный глагол, как старо-

письменный монгольский *баjі-*, которому в современном монгольском и бурятском языках соответствует *бай-* 'быть'.

Прежде чем приступить к весьма краткому схематическому перечню (степень и состояние изученности излагаемого не позволяют нам сделать более пространный обзор, не говоря уже о подробном исследовании того, о чем будет идти речь ниже) аналитических причастных форм сложных времен в монгольских языках, нам необходимо сжато остановиться на трактовке этого явления в трудах Г. И. Рамстедта. Дело в том, что Г. И. Рамстедт сочетание халхаской формы прошедшего причастия *сан* (см. выше в первой таблице) с причастными формами знаменательных глаголов склонен был рассматривать уже как синтетические формы сложных времен, развившиеся из аналитических, поскольку этот исследователь подобные сочетания транскрибировал слитно[52]. А между тем эти сочетания в живой халхаской речи произносятся раздельно и, следовательно, должны транскрибироваться раздельно. То же самое надо сказать об аналогичных явлениях в других монгольских языках, например, в бурятском и ойратском. Дело в том, что в монгольских языках долгие гласные становятся сверхдолгими, оказываясь в непоследнем слоге слова, но остаются нормально-долгими в последнем слоге. Это важное фонетическое обстоятельство позволяет точно определять границы между словами и, следовательно, различие между аналитическими и синтетическими формами, поскольку первые состоят из двух или более слов. Для иллюстрации сказанного достаточно будет привести здесь лишь один пример из халхаского диалекта: *харā саң* (орфографически *хараа сан* соответственно ← *хараҕа аҕсан*, т. е. сочетание причастия настоящего времени от основы знаменательного глагола *хара-* 'видеть' и причастия прошедшего времени от основы рассмотренного нами вспомогательного глагола *а-* быть') 'видел' и *харâсаң* ← **харіjаҕсан* (орфографически *хараасан*, форма прошедшего причастия от основы знаменательного глагола *хараа-* 'ругать') 'обругал' (нормальная долгота гласных отмечается в монголистике знаком — над соответствующей транскрипционной буквой, а сверхдолгота — знаком ^). Ср. еще: *джорō ірнě* (орфографически *жороо ирнэ*) 'иноходец прибудет' и *джорôдō* (орфографически *жороод*) 'иноходцу', *бŷгā* (орфографически *буугаа*) 'свое ружье' и *бŷгâрā* (орфографически *буугаараа*) 'своим ружьем' и т. д.

Итак, в монгольских языках причастия в сочетании со вспомогательными глаголами *а-*, *бō-* и *баjі-* 'быть' образуют аналитические формы сложных времен, в соответствии с чем мы имеем, например, в современном монгольском языке, времена:

1) прошедшее в будущем, например: *явсан байх* 'окажется ушедшим', 'уже уйдет' (после момента речи, но до совершения какого-то другого действия, имеющего состояться в будущем);

2) прошедшее в настоящем, например: *явсан байна* 'оказывается ушедшим', 'оказывается, ушел', но без связки *байна*: *явсан* 'ушел' (иными словами, здесь эта связка имеет модальное значение);

3) прошедшее в прошедшем, т. е. плюсквамперфектум, например: *явсан сан* 'был ушедшим', 'ушел до того, как в прошлом же совершилось другое действие'; *явсан билээ* 'ведь ушел уже' (до совершения другого действия), — здесь модальные различия между *сан* и *билээ* очевидны;

4) будущее в будущем, например: *явах байх* 'уйдет' (после совершения другого будущего же действия);

5) будущее в настоящем, или простое будущее, например: *явах байна* 'уйдет' (предполагается, что уйдет), но *явна* (изъявительная форма настоящего времени с окказиональным значением будущего) 'уйдет' (безусловно), — здесь модальные различия также вполне очевидны;

6) будущее в прошедшем, например: *явах сан* 'надо было бы идти', но *явах байсан* 'должен был идти', — и здесь мы отмечаем модальные различия;

7) настоящее в будущем, например: *яваа байх* 'окажется идущим';

8) настоящее в настоящем, например: *яваа байна* 'идет', 'является идущим', — эта форма употребляется редко;

9) настоящее в прошедшем, например, *яваа сан* 'шёл', 'был идущим';

10) настоящее многократное в прошедшем, например: *явдаг сан* 'обычно шел', 'обычно был идущим'[53].

В современном монгольском языке, с которым в этом отношении не расходятся бурятские и ойратские диалекты, приведенные аналитические причастные формы не употребляются так строго дифференцированно, как, например, в западноевропейских языках. Это в значительной степени объясняется обилием различных временны́х и невременны́х форм монгольского глагола. К тому же представленными выше аналитическими формами причастий монгольские языки и не ограничиваются.

Вся сложная гамма всех аналитических форм причастий в монгольских языках, форм, находящихся генетически и семасиологически в теснейшей связи с видовыми и особенно модальными явлениями, должна быть учитываема при первой попытке более или менее полно осветить категорию времени в названных языках.

---

[52] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation des Khalkha-mangolischen*, Helsingfors, 1903, Ss. 33—36 (далее — G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*).

[53] Г. И. Рамстедт, рассмотревший некоторые из перечисленных нами аналитических форм причастий халхаского диалекта, определяет их как плюсквамперфектум, перфектум футури, перфектум имперфекти и перфектум узус (речь идет соответственно об описываемых формах 3, 6, 9 и 10).

ЛИЦО

Категория глагольного лица в монгольских языках передает отношение действия и его субъекта к лицу говорящему. Во многих языках определенные формы глагола изменяются в зависимости от того, является ли субъектом, производящим действие или испытывающим то или иное состояние, соответствующий участник собеседования: говорящий (1-е лицо), слушающий (2-е лицо) или лицо, не участвующее в собеседовании (3-е лицо). Это означает, что в этих языках подобные формы глагола существуют только как личные формы и что они обязательно относятся к определенному лицу. Так, например, в русском языке мы имеем *сижу*, *сидишь*, *сидит* и т. д., т. е. такие личные формы с уточнением числа, в которых только и выражают глаголы действие настоящего времени изъявительного наклонения. Как известно, в такой особенности глагола многие языковеды находят «фундамент сказуемости» или важнейший признак глагольности[54].

Что же мы находим в монгольских языках? Имеет ли глагол в этих языках категорию лица и, следовательно, спряжение по лицам? На эти вопросы более или менее положительно можно ответить лишь тогда, когда в поле зрения исследователя попадают только некоторые повелительно-желательные формы глагола. Что же касается остальных форм глагола, то они не имеют категории лица, особого спряжения по лицам, — это особенно касается классического монгольского и современного монгольского языка.

Так как обозрение повелительно-желательных форм глагола в монгольских языках нами будет сделано ниже в специальных разделах, здесь достаточно указать, что личное «спряжение» монгольского глагола в этих формах носит ярко выраженный синтетический характер. Такой синтетический характер личного «спряжения» монгольского глагола не находится в противоречии с тем, что многие показатели повелительно-желательных форм генетически оказываются составными суффиксами, которые в прошлом образовались путем сочетания ряда компонентов, этимологически частью выясненных, частью еще не установленных. Личные и иные местоимения здесь никакой роли не играли и не играют и в том смысле, что к ним ни в какой степени не восходят упомянутые показатели названных глагольных форм. Необходимо при этом подчеркнуть, что показатели, или суффиксы, личного «спряжения» представляют собою неотъемлемую принадлежность только повелительно-желательных форм монгольского глагола. Как известно, этого нельзя сказать о лично-предикативных частицах, которые могут приниматься в соответствующих монгольских языках любым словом, употребляемым в функции сказуемого законченного предложения.

[54] В. В. Виноградов. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, М.—Л., 1947, стр. 452—454. Ср. И. И. Мещанинов, *Глагол*, М.—Л., 1949, стр. 38—59.

Однако надо иметь в виду, что в монгольских языках повелительно-желательные формы глагола начали дифференцироваться по лицам сравнительно недавно (но когда именно, уточнить невозможно даже в плане относительной хронологии). Первоначально различия между этими глагольными формами носили скорее модальный характер или проходили по линии выражения различных оттенков повеления — от вежливой просьбы до категорического приказания — и пожелания. Это сказывается еще в монгольских языках нашего времени, особенно в различных диалектах современного монгольского языка, повелительно-желательные формы которых многими исследователями определяются как императивная, прекативная, консессивная, оптативная, волюнтативная, дубитативная и т. д., т. е., соответственно, повеления, просьбы, согласия, или разрешения, пожелания, волеизъявления и опасения. Как это будет излагаться в дальнейших разделах настоящей работы, процесс переосмысления повелительно-желательных форм глагола в сторону дифференциации их по лицам особенно далеко зашел в бурятских диалектах.

Личные местоимения в речи с повелительно-желательными формами глагола употребляются, либо выражая логическое ударение, как и в индоевропейских языках, особенно — в русском, либо уточняя число, поскольку некоторые из этих форм не выявляют число и поскольку такое уточнение не подсказывается самим контекстом и обстановкой речи.

Особенностью повелительно-желательных форм монгольского глагола, как, впрочем, и других форм последнего, сравнительно с соответствующими формами русского глагола является то, что эти формы употребляются только в значениях повелительно-желательного наклонения, т. е. в рамках своих непосредственных функций.

Что же касается изъявительных и причастных форм монгольского глагола, употребляемых предикативно, то они не имеют специального, только им присущего личного спряжения, но в могольском языке, а также и в ойратских, дагурских и бурятских диалектах лишь сопровождаются лично-предикативными частицами местоименного происхождения. Если здесь будет допустимо выразиться фигурально, эти лично-предикативные частицы отличаются от личных окончаний индоевропейских глаголов, как парик от естественных волос на голове человека: как только в названных диалектах изъявительная или причастная форма глагола (как и всякого имени, выступающего в функции сказуемого) выключается из сказуемостного положения, так сразу же «снимается» как бы временно присоединенная к ней лично-предикативная частица, без которой основное значение ее не отмирает (не то будет, если мы станем «снимать» личные окончания у таких, например, форм русского глагола, как *сижу*,

сидишь, *сидит* и т. п.: останутся не живые слова, имеющие реальное или грамматически полноценное бытие, а только то, что А. М. Пешковский называл лишь «почти словами», имеющими абстрактные, самые общие значения[55]).

Как известно, лично-предикативные частицы в монгольских языках и диалектах принимаются и любыми именами, в какой бы падежной форме они ни выступали в роли сказуемого (имена не могут находиться в позиции сказуемого в формах винительного и орудного падежей). Принимаются эти частицы и разного рода наречиями, выступающими в позиции сказуемого. Таким образом, лично-предикативные частицы в монгольских языках не составляют какую-либо принадлежность или свойство только глагольных форм. Именно поэтому эти частицы не могут быть рассматриваемы при изложении системы монгольского глагола, ибо они, эти частицы, не составляя специфическую морфологическую принадлежность последнего, как определенные синтаксические форманты являются нейтральными по отношению ко всем частям речи, могущим употребляться предикативно. Правда, эта особенность лично-предикативных частиц породила в лингвистической литературе, как в общей, так и специальной, весьма странное утверждение о том, что в некоторых языках спрягаются не только глаголы, но и имена. Так, например, А. Д. Руднев писал, что в бурятском языке имя «становится спрягаемым от простого присоединения к нему личного суффикса без посредства каких бы то ни было специальных суффиксов, образующих глаголы от имени»[56]. Таким образом, по Рудневу, «спрягаемое имя получает значение: состояния первого, второго или третьего лица единственного или множественного числа (соответственно наращенному суффиксу) тем предметом, качеством или лицом, которое данное имя выражает; словом — бытия тем, что выражает данная основа. Спрягаться могут как существительные и прилагательные (а также и все причастия), так и числительные и местоимения»[57]. К этим частям речи А. Д. Руднев мог бы добавить и некоторые группы наречий, что он и делает, называя последние «частицами» и приводя примеры типа *эндэб* 'я здесь', *ɣгыб* 'меня нет'[58].

Итак, в монгольских языках глаголы не имеют личного спряжения, если условно не учитывать здесь повелительно-желательные формы, о чем выше уже говорилось. Как это является совершенно очевидным, при изучении лично-предикативных частиц в монгольских языках необходимо учитывать, что они не составляют монопольную принадлежность одних глаголов. Эти частицы, будучи свойственны всем частям речи, могущим употребляться предикативно, употребляются с глаголами, как и с прочими частями речи, лишь окказионально, т. е. только тогда, когда глаголы употребляются предикативно. Иными словами, лично-предикативные частицы в монгольских языках не являются формообразующими морфемами глагола, а относятся к категории частиц синтаксического порядка так же, как и разного рода частицы вопроса, логического ударения и т. п.

[55] А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, М., 1934, стр. 11.

[56] А. Д. Руднев, *Хори-бурятский говор*, вып. 1, Пг., 1913—1914, стр. XXXIX.

[57] Там же.

[58] Там же, стр. XLI.

Лично-предикативные частицы имеются не во всех монгольских языках, а в могольском, бурятском, дагурском и ойратском, или калмыцком, языках. Эти частицы могут быть представлены в следующей таблице.

Таблица 5

Язык \ Лицо / Число	1-е ед.	1-е мн.	2-е ед.	2-е мн.	3-е мн.
Ойратский	*-в*	*-вдн*	*-ч*	*-т*	—
Бурятский	*-бди, -б, -м*	*-бди, -мди*	*-ши, -ш*	*-та, -т*	*-д*
Дагурский	*-бі*	*-бā*	*-ші*	*-тā*	—
Могольский	*-бі*	*-бда, -мда*	*-чі*	*-то*	—
Восходят к личным местоимениям	*бі* 'я'	*біде* 'мы' (включит.) *ба* 'мы' (исключит.) *-м біде*	*чі-* 'ты'	*та* 'вы'	**-де*

Некоторые примеры:

Калм.	Бур.		Калм.	Бур.	
гарвв	*гарбаб*	'вышел я'	*гарвт*	*гарбат*	'вышли вы'
гарввдн	*гарбабди*	'вышли мы'	*гарв*	*гарба*	'вышел он'
гарвч	*гарбаш*	'вышел ты'	*гарв*	*гарбад*	'вышли они'

Мог.: *ірáнáм-бі* или *ірáм-бі* 'прихожу я', *ірáнáмда* или *ірáмда* 'приходим мы', *ірáнáн-чі* или *ірáн-чі* 'приходишь ты', *ірáнáн-то* или *ірáн-то* 'приходите вы'. Кроме того, в могольском языке для 1-го лица имеются предикативные частицы 1) единственного числа *-ў←*ўі* 'я' и 2) множественного числа *-ў ← *ба* 'мы' (исключительное), например: *ірáбóў* 'пришел я' и *ірáбóў* 'пришли мы'.

Даг.: *ірэ̆бэ̆ібі* 'приду я', *јаўбэ̆ішi* 'пойдешь ты', *ушт э̆мбā* 'видели мы', *хэлсэ̆нтā* 'сказали вы'.

3-е лицо не имеет специальной частицы и выражается, так сказать, нулевой формой соответствующего сказуемостного слова. Однако в бурятских диалектах имеется частица *-д*, показатель множественного числа 3-го лица. Генезис этой частицы пока еще не выяснен, но вряд ли она восходит к указательному местоимению множественного числа 3-го лица *еде* 'эти' или *теде* 'те'. Но все же можно думать, что частица *-д* генетически связана с непродуктивным ныне формантом множественности **-де*, который обнаруживается, например, в следующих образованиях:

е-не	'этот'	*те-ре*	'тот'	*бі*	'я'
е-де	'эти'	*те-де*	'те'	*бі-де*	'мы'.

Вряд ли можно также предполагать, что частица *-д* имеет генетическую связь с суффиксом множественного числа *-д* (бур. *морин* 'лошадь', *морид* 'лошади'), по крайней мере — непосредственную. Дело в том, что эта частица *-д* фонетически характеризуется ярко выраженной звонкостью, которая и оправдывает установление ее генетической связи с указанным формантом множественности *-де*. А между тем суффикс множественного числа *-д* характерен глухой артикуляцией, как сильный согласный *т*, что свидетельствует об отсутствии после него какого-либо конечного гласного и в прошлом. Ныне же в устной бурятской речи четко различаются по произношению примеры типа *орнот* 'вы входите' и *оронод* 'они входят'. Если частица *-д* имела бы генетическую связь с суффиксом множественного числа *-д*, то пришлось бы предположить, что ее возникновение аналогично образованию показателя множественного 3-го лица в тюркских языках типа кумыкского *-лар: бардылар* 'они сходили', *гельдилер* 'они пришли', ср. *йоллар* 'дороги' от *йол* 'дорога', *тильлер* 'языки' от *тиль* 'язык'[59].

Как видно из приведенной таблицы, лично-предикативные частицы—это усеченные формы личных местоимений соответствующего лица и числа. В связи со сказанным не лишено интереса то, что одно из различий между монгольскими языками сводится, в частности, к различной степени усеченности конечных слогов, в зависимости от которой находится и степень силы ударения в этих языках. В халхаском диалекте экспираторное ударение, акустически очень явственное, всегда падает на первый слог, а усеченность конечных слогов зашла так далеко, что слова как бы стали короче на один-два слога. Например, из некогда двусложного *модун* 'дерево' получилось односложное *мод*. Что же касается лично-предикативных частиц, то они в халхаском диалекте отсутствуют. В диалектах ойратского языка мы имеем почти полную утрату краткого вокализма непервых слогов, согласные которых сохранились полностью, однако сделавшись слогообразующими. Поэтому экспираторное ударение, также падающее на первый слог, акустически воспринимается значительно слабее, нежели в халхаском диалекте, а лично-предикативные частицы в этих ойратских диалектах представляют собою полный консонантный скелет соответствующих личных местоимений, например *орввдн* 'вошли мы' получилось из *оруба біде*. В диалектах бурятского языка гласные непервых слогов почти совершенно не подверглись редукции, а потому (или, наоборот, вследствие того, что) экспираторное ударение в этом языке, падающее на первый слог, акустически почти совсем не ощущается, а в некоторых диалектах падает даже на последний слог. Лично-предикативные частицы в бурятском языке представляют собою личные местоимения в почти неусеченном виде, особенно после конечных согласных в основе сказуемостного слова, например: *ябадагби* из *ябадаг би* 'имею обыкновение ходить я'.

Таким образом, в монгольских языках три явления оказались тесно связанными друг с другом или вытекающими одно из другого: 1) место и степень силы экспираторного ударения, 2) наличие или отсутствие редукции непервых слогов и 3) наличие или отсутствие лично-предикативных частиц, а при наличии таковых— степень сохранения их вокализма[60].

Прежде чем разобраться в изложенном, необходимо посмотреть на то, что мы находим в классическом монгольском языке и в текстах «Сокровенного сказания», для чего достаточно будет привести следующие примеры: *Јакін теден-е боґул метӯ джарудаба бі!* (Бод. — 32) 'Как же это я оказался использован ими точно раб!'; *Орчін тоґурін јабуму теде?* (Бод. — 40) 'Не идут ли они, блуждая поблизости?'; *Дејілӯје геджі іребеӯ чі* (Г. — 177) 'Не побеждать ли пришел ты?'; *Ніген белге-бен ӯджегӯлӯје бі!* (Г. — 125) 'Покажу-ка я один свой признак!'; *Tere čuqtai müsüt metü qamtu niken eyeten bolu'asu ken-e ber kilbar-a yekin bolqun ta?* (С. ск., § 22) 'Если будете согласны и единодушны, как те связанные в пучок прутики, то как вы можете стать чьей-либо легкой добычей?'; *Urija ülü öktekü mörtei či, učira'asu idegü yosutai či* (С. ск., § 71) 'Ты заслуживаешь того, чтобы тебя не звали и не наделяли; тебе суждено есть то, что попадается'.

Следовательно, самые разнообразные по жанру источники говорят нам о том, что в начале XIII в. и в эпоху последующего средневековья в монгольском языке все личные местоимения ставились после сказуемого, в конце всего предложения. В качестве

[59] Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, стр. 107. — О монгольском форманте множественности *-де* см. W. Kotwicz, *Les pronoms dans les langues altaïques*, Krakow, 1936, pp. 14—23.

[60] В связи с излагаемым трудно пройти мимо того, что в тюркских языках при наличии ударения на последнем слоге лично-предикативные частицы одной из групп представляют собой личные местоимения в почти неусеченной форме, например в кумыкском языке мы находим: *бараман* 'я хожу', *барасан* 'ты ходишь' *барабыз* 'мы ходим', *барасыз* 'вы ходите' (см. Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, стр. 93).

чего? В качестве ли лично-предикативных частиц при опущенном местоимении-подлежащем? Необходимо в данном случае отметить, что эти местоимения после сказуемого употребляются в совершенно неусеченном виде. Объяснить это явление особенностью старой монгольской графики невозможно потому, что ведь в конце предложения ставятся, как мы видели из приведенных примеров, и не только личные местоимения, но и указательные. В данном случае не играет роли и то, что по орфографии классического монгольского языка отдельно писались и падежные окончания, безусловно уже «прилипшие» к основе склоняемых имен, если иметь в виду реальное произношение. Необходимо также учесть и то, что среднеазиатские филологи средневековья, которые не знали монгольской письменности и при записях устной монгольской речи пользовались арабским алфавитом, говорят нам о том же, регистрируя падежные окончания слитно с основами склоняемых имен, а личные местоимения — раздельно.

Излагаемое явление нельзя не поставить в общую связь с постпозицией подлежащего, которую часто можно видеть в тех же самых источниках вопреки обычной постпозиции сказуемого: *Qar-dur-iyan qara nödön qatqun töreligi ene* (С. ск., § 78) 'В своей руке комок черной крови сжимая, родился он'; *Uru'ut Mangqut oboqtan tede bolba* (С. ск., § 46) 'Они образовали племена Уруут и Мангут' (в этом предложении подлежащее *теде* 'они' оказалось поставленным между именным сказуемым и связкой *болба*); *харіджу іребе Гесер* (Г. — 26) 'возвращаясь прибыл Гесер'; *мал таҕуджу ҕарба ебүген* (Г. — 19) 'скот погнал старик'.

Совокупность всех данных, количество которых можно бы увеличить до бесконечности, заставляют нас сделать некоторые общие выводы.

Во-первых, препозицию подлежащего в монгольских языках вряд ли можно возводить в абсолютный закон и считать ее изначальной и характерной для этих языков на всех этапах их исторического развития. Сказанное касается, конечно, синтаксических норм устной речи, в которой особенное значение имеет такой фактор, как интонационное членение фраз. Более того, изложенное позволяет нам предполагать, что некогда в ранней монгольской или протомонгольской речи подлежащее вообще могло располагаться после сказуемого.

Во-вторых, из приведенных данных вытекает, что в монгольских диалектах раннего периода современные лично-предикативные частицы не были таковыми, будучи постпозиционными местоименными подлежащими, поскольку личные местоимения в известных случаях не употреблялись препозиционно по отношению к сказуемому. В данное время пока трудно сказать, в силу чего постпозиционные местоименные подлежащие постепенно превратились в лично-предикативные частицы и каким образом личные местоимения в качестве подлежащих стали употребляться препозиционно. Но несомненно, что именно таким был процесс постепенного образования в монгольских языках лично-предикативных частиц из некогда постпозиционных лично-местоименных подлежащих. При таком предположении безусловно отпадает та весьма распространенная концепция, согласно которой в некое время, сравнительно недавно, в монгольских языках личные местоимения как бы нарочито стали употребляться в качестве средств выражения субъекта в предикате и затем в качестве же средств согласования сказуемого с подлежащим. Эта же концепция предполагает и то, что якобы такое употребление личных местоимений привело к вербализации имени или к процессу выделения глагола как особой части речи, отличной от имени. При нашем предположении становится более понятным, почему в старых монгольских текстах, да и в современной устной монгольской речи, мы находим постпозицию местоименных подлежащих, еще не сращенных со сказуемым в одно целое. Постпозиционные местоименные подлежащие начинают сращиваться со сказуемым, а затем постепенно превращаться в лично-предикативные частицы лишь тогда, когда в монгольской речи препозиция подлежащего начинает вообще становиться господствующей нормой. В монгольских языках и диалектах, кроме бурятских, дагурских и ойратских, постпозиционные местоименные подлежащие, как известно, постепенно исчезли почти бесследно, т. е. не «превратились» в лично-предикативные частицы. Такой процесс легко прослеживается в различных памятниках старописьменного монгольского языка.

Таким образом, возвращаясь к сказанному нами в начале данного раздела, мы склонны утверждать, что лично-предикативные частицы не являются заместителями подлежащего и, исторически, исконными средствами согласования сказуемого с подлежащим. В еще меньшей степени эти частицы можно считать «дублерами» лично-местоименных подлежащих, преимущественное препозиционное употребление которых вряд ли можно подтвердить фактами из истории монгольских языков. Следовательно, по нашему мнению, говорить о личном спряжении монгольского глагола и, тем более, имени нет никакого основания, поскольку это неизбежно привело бы нас к смешению генетически разнородных явлений.

Огульно применяемая аналогия с данными индоевропейских языков лишь предполагает возможность образования «личного спряжения» в монгольских (и прочих алтайских) языках, но такая возможность еще не доказывается с достаточной долей вероятности. Ведь лично-предикативные частицы монгольских языков оказываются явлением не морфологического порядка, свойственным только глаголу, а синтаксического, присущим всем частям речи, могущим употребляться предикативно. Внешне, с формальной стороны, как будто бы есть некоторое основание употребление лично-предикативных частиц в этих языках рассматривать в одной плоскости с личными окончаниями спрягаемых форм ин-

доевропейского глагола, поскольку в том и другом случае мы находим как бы одинаковое «согласование» сказуемого с подлежащим. Но фактически такое одинаковое рассмотрение не имеет под собою достаточных оснований так же, как, например, нет никакого основания рассматривать в одном и том же плане именительный падеж индоевропейских языков и так называемый эргативный падеж ряда некоторых неиндоевропейских языков, хотя и в том и в другом случае мы находим в общем сходное по смыслу выражение субъекта действия или состояния. Ведь для того, чтобы различные явления признавать качественно однородными, необходимо совпадение этих явлений во всех их характерных чертах. А между тем этого как раз и нет, когда мы лично-предикативные частицы монгольских (и вообще алтайских) языков сопоставляем с личными окончаниями, например, индоевропейских языков. Из-за того, что различные явления совпадают друг с другом лишь в одной из своих сторон, невозможно признавать их явлениями одного и то же порядка. Поэтому применительно к явлениям лично-предикативного оформления сказуемого в некоторых монгольских языках было бы неверно пользоваться термином «личное спряжение глагола», поскольку такой термин в данном случае никак не способствует выяснению действительного положения вещей. Во всяком случае совершенно очевидно, что терминологическая неточность или небрежность ведет к ослаблению точности определения данной языковой структуры и влечет за собою смешение разнородных категорий, сходных лишь внешне по одному какому-либо признаку.

Таким образом, в монгольских языках следует проводить строгое различие между, с одной стороны, личным спряжением повелительно-желательных форм глагола, которое не имеет никакого отношения к личным и иным местоимениям, и, с другой, способом выражения сказуемостного положения прочих глагольных форм, которые в этом отношении никак не отличаются от соответствующих форм прочих частей речи, способных выступать в качестве сказуемого.

К сказанному надо добавить, что в бурятском языке причастие будущего времени в своем сказуемостном употреблении сопровождается не только лично-предикативными частицами, но и лично-притяжательными частицами. Эти частицы представляют собою усеченные формы родительного падежа соответствующих личных местоимений:

1-е л. ед. ч. *-мни* ← *минии* 'мой';
1-е л. мн. ч. *-мнай* ← *манай* 'наш';

2-е л. ед. ч. *-шни* ← *шинии* 'твой';
2-е л. мн. ч. *-тнай* ← *танай* 'ваш';

3-е л. ед. и мн. ч. *-нь* ← *інӯ* 'его', **ану* 'их'.

Примеры:

Шубуунай үндэгэ хулгайлжа абахыешни харахамни (Ант.— 53) 'Посмотрю я, как ты украдешь у птицы яйцо!' (букв. Птицы яйцо воруя взятие-твое смотрение-мое!'); *Ши юундэ намайе буудахашниб ?* (Ант.— 12) 'Зачем ты будешь стрелять в меня?' (букв. 'Ты зачем меня стреляние-твое?'); *Эдир наһан дууһахань!* (Ант. — 53) 'Молодость уже подходит к концу!' (букв. 'Молодость конец-ее!').

Такое же употребление причастия будущего времени иногда можно встретить, например, и в халхаском диалекте, что сказывается в некоторых текстах классического монгольского языка:

Би енде ᠪалджᠪураху-ни (Ц.—1—45) 'Я здесь с ума сойду!'; *Одо ᠣᠯᠵᠢ-бен абчу келеку-ни!* (Ц.—1—46) 'Теперь ведь будет говорить из мести!'

Необходимо в данном случае не упускать из поля зрения того весьма важного обстоятельства, что подлежащее предложения, имеющего своим сказуемым причастие будущего времени с лично-притяжательными частицами, всегда ставится в форме именительного падежа, а не родительного, как того требует посессивное построение предложения или причастный и деепричастные обороты.

Причастие будущего времени, в своем сказуемостном употреблении сопровождаемое лично-притяжательными частицами, в бурятском языке выражает такое действие, совершение которого говорящий не просто утверждает — он подчеркивает как бы свое отношение к высказываемому: безусловную уверенность, желание, опасение (*унахатнай* 'смотрите, упадете!') или заключение на основании фактов настоящего (я вижу, что кони оседланы: значит — кто-то скоро едет; ребенок поднимается по лестнице: значит — как бы он не упал). Поэтому это причастие в данном употреблении иногда выражает такое действие будущего времени, которое может и не состояться, если, например, принять какие-то предупредительные меры. Отсюда и вытекает предупредительно-сигнальный характер в употреблении данного причастия («Упадешь!» — значит: «Что же мне остается делать!»).

Описанное употребление причастия будущего времени с лично-притяжательными частицами как будто может дать некоторое, хотя ошибочное и недостаточное, основание говорить о наличии в некоторых монгольских языках и диалектах лично-притяжательного спряжения глагола, пусть в ограниченных случаях. Как известно, в тюркологии под влиянием авторитета П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша и других довольно часто говорится о наличии в тюркских языках притяжательного или посессивного спряжения глагола или «глагольных имен». На самом деле в тюркских языках, как нам кажется, имеются лишь усеченные формы основ личных местоимений, в своей полной парадигме не совпадающие с так называемыми «аффиксами при-

надлежности». Это особенно бросается в глаза при обозрении тюркских лично-предикативных частиц усеченного типа 3-го лица обоих чисел и 1-го лица множественного числа в сопоставлении с притяжательными частицами тех же лиц и чисел. Впрочем, И. А. Батманов эти частицы совершенно правильно называет «личными окончаниями сокращенного типа»[61]. Подобное совпадение, но в более полном виде, личных частиц предикативного и и притяжательного характера мы находим и в тунгусо-маньчжурских языках. Все это говорит о том, что вопрос о посессивном, или притяжательном, спряжении в некоторых алтайских языках (не говоря уже о посессивном строе предложения в этих языках вообще) поднят без достаточного основания.

В заключение остается сказать об одном явлении в монгорском и баоаньском языках. В монгорском языке имперфектный презенс, имперфектный претерит, причастия настоящего, будущего и прошедшего времен имеют специальные показатели для 1-го лица обоих чисел *-i*, для 2-го и 3-го лица *-a*, например: *бу сӯні* 'я сижу', *чі сӯна* 'ты сидишь', *те сӯна* 'он сидит', *бу гуледжі* 'я говорил', *чі гуледжа* 'ты говорил', *те гуледжа* 'он говорил', *бу реджіні* 'я приходящий', *чі реджіна* 'ты приходящий', *те реджіна* 'он приходящий', *бу мудегуні* 'я буду знающим', *тасге мудегуна* 'вы будете знающими', *те мудегуна* 'он будет знающим', *будасге фунісані* 'мы ехали верхом', *тасге фунісана* 'вы ехали верхом', *те фун сана* 'он ехал верхом', В баоаньском языке имперфектный презенс, соответствующий имперфектному претериту других монгольских языков, и будущее причастие в предикативном употреблении имеют аналогичные показатели 1-го лица *-i* и 2-го и 3-го лица *-o: бэ варджі* 'я заканчиваю', *бэдэ тарджі* 'мы сеем', *чэ тэрджо* 'ты держишь', *нджаӊ хāджо* 'он закрывает', *бэ нāтэгі* 'я буду играть', *чэ нāтэго* 'ты будешь играть', *мангэ харгі* 'мы вернемся', *нджаӊ рэго* 'он прибудет'[62].

В настоящее время трудно что-либо сказать относительно происхождения и этимологии этих монгорских и баоаньских частиц глагольного (предикативного?) лица. Как известно, подобная различная огласовка суффиксов имела место в монгольском языке XIII в. и использовалась для выражения грамматических родов (мужского и женского) в некоторых формах глагола[63]. Но во всяком случае это явление относится к тем исключительно интересным фактам, которые свидетельствуют о наличии в монгольских языках неагглютинативных средств выражения лексических и грамматических категорий, средств, характерных для этих языков на различных этапах их исторического развития. Однако отграничение в монгорском и баоаньском языках 1-го лица от 2-го и 3-го не относится к явлениям, возникшим на собственно монгольской почве, ибо здесь несомненно сказывается влияние тибетского языка, для которого, как известно, такое разграничение в системе глагола весьма характерно.

[61] И. А. Батманов, *Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке*, Фрунзе, 1940, стр. 9.

[62] Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, М., 1960, стр. 82—83, и 118—119.

[63] Г. Д. Санжеев, *Следы грамматического рода в монгольских языках*,— ВЯ, 1956, № 5, стр. 73—74 (дается справка о работах П. Пеллио, Одзава Сигео, Г. Дёрфера и др. по вопросу о выражении категории рода в глагольной системе монгольского языка по данным «Сокровенного сказания»).

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Сравнительно-историческое изучение глагольных форм, имеющихся в монгольских языках, начато уже давно, главным образом после появления известных трудов Г. И. Рамстедта. Однако нельзя считать, что этимология и генезис этих форм выяснены с достаточной полнотой и определенностью. Если сложение большинства так называемых обстоятельственных деепричастий можно считать в основном уточненным, поскольку их происхождение от падежных форм причастий вполне прозрачно и не нуждается в каких-либо серьезных изысканиях, то генезис остальных глагольных форм в монгольских языках все еще остается предметом исследования. Некоторые попытки объяснения происхождения ряда причастных и некоторых других форм монгольского глагола путем привлечения для сравнения соответствующих глагольных форм тюркских и тунгусо-маньчжурских языков пока надлежащим успехом не увенчались.

Дело в том, во-первых, что сравнительное изучение глагольных форм так называемых алтайских языков никак не пошло дальше простого фонетического сопоставления этих форм, а результаты такого изучения не подкрепляются конкретно-историческими данными из-за отсутствия памятников ранних монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков и совершенно не обосновываются с семасиологической точки зрения. А простое фонетическое сопоставление различных грамматических форм этих языков само по себе не может дать надлежащих результатов; подобное сопоставление доступно любому неискушенному исследователю, ибо для этого достаточно иметь простой индекс этих форм. Во-вторых, родство так называемых алтайских языков до сих пор еще окончательно не установлено, а при таких условиях сопоставительное изучение монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских грамматических форм вообще, конечно, в большинстве случаев не может дать монголистике, как и другим отраслям алтаистики, необходимую и надежную опору ее дальнейших изысканий.

В общем можно сказать, что после сравнительно-сопоставительных трудов Г. И. Рамстедта алтаистические исследования никак не продвинулись вперед и ничем не обогатились. В настоящее время дело обстоит таким образом, что алтаистика находится, наоборот, на путях к ревизии и пересмотру многих положений Г. И. Рамстедта, в связи с чем родство так называемых алтайских языков становиться все более и более сомнительным. Однако все же отметим, что сравнительно-исторический метод исследования тем не менее вполне применим для изучения реальных исторических связей между монгольскими, тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками и что такой метод исследования не должен быть обязательно связан с признанием исконного генетического родства изучаемых языков.

Как нам представляется, ныне наступает пора подвергнуть грамматические формы (глагольные в том числе) в монгольских языках исследованию методами внутренней реконструкции и сравнительно-семасиологическому изучению. Особенно важно также выявлять в этих языках все то, что выходит за пределы так называемой агглютинации, особенно явления внутренней флексии, грамматического рода в древнемонгольских диалектах и т. п.[1] И только после этого можно будет общемонгольское сопоставлять с общетюркским, ибо в настоящее время то, что выдается за монгольское или тюркское вообще, оказывается в действительности далеко не таким.

ПОВЕЛИТЕЛЬНО-ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Повелительная форма 2-го лица

В монгольских языках повелительная форма (императивная, imperativus) 2-го лица не имеет каких-либо особых показателей, т. е. суффиксов. В бурятском, дагурском, дунсянском, баоаньском и ойратском языках эта форма применяется при обращении лишь к одному лицу, т. е. является формой 2-го лица единственного числа, тогда как для монгольского языка она оказывается формой того же лица обоих чисел. Как отмечено еще Г. И. Рамстедтом, ни в одном из монгольских языков и диалектов прошлого и настоящего невозможно найти никаких следов, которые могли бы указывать на существование показателей данной формы[2]. Как известно, принято считать, что повелительная форма 2-го лица в то же самое время представляет собою основу глагола или, точнее, совпадает с последней. Основой же глагола эта форма считается по той причине, что путем присоединения к ней соответствующих суффиксов образуются все остальные формы глагола. Так, например, в халхаском диалекте мы имеем: *гар*! 'выйди!' 'выйдите!' = *гар-* основа, *гарав* (изъявительная фор-

[1] Об этом см. Г. Д. Санжеев, *Место лингвистической реконструкции в монголистике* (доклады на XXV Международном конгрессе востоковедов), М., 1960.

[2] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 61.

ма настояще-прошедшего времени) 'вышел', *гарсан* (причастие прошедшего времени) 'вышедший', *гарвал* (условное деепричастие) 'если выйдет' и т. д. Это положение правильно лишь в той мере, в какой оно касается современного морфологического состояния монгольских языков. Дело в том, что в историческом отношении различные формы монгольского глагола никак нельзя считать возникшими из повелительной, — проблема развития многообразных форм глагола, следовательно, и категорий последнего, не всегда может быть решена на базе изучения его современной морфологической структуры.

Повелительная форма 2-го лица считается основой глагола еще и потому, что посредством присоединения к ней различных суффиксов образуются и отглагольные слова. Так, например, в том же халхаском диалекте от глагольной основы *гар-* образованы отглагольные слова *гарлага* 'расход', 'ущерб'; *гарц* 'переход', 'переправа', 'брод'; 'урожайность', 'всхожесть'; *гардз* 'убыток', 'потеря', 'ущерб'; *гарш* 'выход', 'обнажение'; ср. бур. *гарбали* 'происхождение' и т. п.

Таким образом, в монгольских языках, как и в других языках алтайской группы, основа глагола тематически оказывается достаточно прозрачной, как бы значимой и семантически ощутимой, чего нельзя сказать в полной мере об основах глагола, например, во многих индоевропейских языках. Вместе с тем приходиться отметить, что в монгольских языках основы подавляющего большинства непроизводных глаголов одновременно являются как бы корневыми частями, или корнями, последних. Правда, в данном случае необходимо сделать некоторые оговорки в отношении как односложных глаголов, так и неодносложных, которые некогда могли быть соответственно неодносложными и односложными.

Во-первых, конечные гласные неодносложных глаголов в свое время могли быть результатом парагогического наращения, как это на наших глазах имеет место в современном бурятском языке, в котором вместо общемонгольских *гар-* 'выйти', *од-* 'отправиться' и *ол-* 'найти' соответственно обнаруживаются *гара-*, *одо-* и *оло-* (это отнюдь не представляет собою явление орфографического порядка, ибо здесь орфография современного бурятского литературного языка лишь фиксирует создавшееся положение). Во всяком случае монголистика в настоящее время не может с полной уверенностью утверждать, что в глаголах типа старомонгольских *јабу-* 'идти', *хасу-* 'сокращать' и т. п. конечные гласные *у* и *а* не являются парагогическими наращениями что бы ни говорили соответствующие тюркские параллели типа *кара-* 'смотреть'. Конечно, в подобных случаях, если таковые имели место в отдаленном прошлом монгольских языков, односложные глагольные основы становились неодносложными.

Во-вторых, приходится считаться с возможностью и того, что некогда неодносложные глагольные основы могли становиться односложными, хотя такое предположение является более проблематичным. Все эти весьма трудные вопросы о корневых основах монгольских глаголов могут быть решены лишь в ходе общеалтаистских исследований, которые в этом плане еще и не начаты. Здесь в первую очередь должны быть приняты во внимание различия в качестве и количестве слогов в монгольских и тюркских глагольных основах — как известно, определенные группы монгольских слов вообще на один слог длиннее соответствующих им тюркских слов (преимущественно именных, например, старомонгольские *көке* 'синий', *бору* ← **бора* 'серый' || кирг. *көк* и *боз*). Необходимо учитывать также и то обстоятельство, что в маньчжурском языке из согласных конечным может быть, как правило, только *н*.

Однако описанные фонетические видоизменения в непроизводных основах монгольских глаголов ни в какой степени не могут поколебать положение о том, что в монгольских языках основы подавляющего большинства непроизводных глаголов совпадают с корнями соответствующих глаголов же, поскольку при этом в морфемном составе последних не происходит каких бы то ни было изменений.

В заключение отметим, что в монгольских языках некоторые отдельные глагольные основы фонетически совпадают с соответствующими именными основами, например: бур. *адхӑ-*, орд. *адху-*, халх. *атӑгӑ-*, класс. *адху-* 'брать горстью', 'сжимать в руке' || бур. *адхӑ*, орд. *адху*, халх. *атгӑ*, класс. *адху* 'горсть', 'пригоршня'; бур. *алхӑ-*, орд. *алху-*, халх. *алх-*, класс. *алху-* 'шагать' || бур. *алхӑ*, орд. *алху*, класс. *алху* 'шаг' (ср. бур., халх. *алхӑм*, орд., класс. *алхум* 'шаг'; халх. *алхӑ* 'шаг', 'поступь', 'крупный шаг'); бур. *шэнжэ-*, орд. *шінджі-*, класс. *сінджі-* 'вникать', 'наблюдать', 'изучать', 'рассматривать' || бур. *шэнж*, орд. *шінджі*, класс. *сінджі* 'признак', 'форма', 'вид'. В данном случае мы не имеем в виду, конечно, некоторых омонимичных слов типа халх. *гар-* 'выйти' и *гар* 'рука' или ойр. *сӯ-* ← *сабу-* 'сидеть' и *сӯ* ← *субу* 'подмышки' и т. п., имеющихся во всех монгольских языках и диалектах как настоящего, так и прошлого. Что же касается весьма редких явлений совпадения глагольных основ с именами, которые ограничиваются почти только приведенными выше примерами, то в настоящее время трудно сказать об этом что-либо определенное. Можно только указать, что во всех трех приведенных случаях монгольские языки знают вторичные глагольные основы, образованные от приведенных же именных основ: бур. *алхӑл-*, орд. и класс. *алхула-*, халх. *алхлӑ-* 'шагать' (иногда с оттенком ритмичности); бур. *атхӑл-*, халх. *атгӑл-* 'брать горстью', 'сжимать в руке' (иногда с оттенком многократности); халх. *шінжӣл-*, класс. *сінджіле-* 'изучать', 'исследовать' (это образование — явно книжного характера).

Повелительно-наставительная форма 2-го лица

Повелительно-наставительная форма 2-го лица, именуемая в монголоведной литературе также формой предписания (praescriptivus) или формой повелительного наклонения будущего времени, широко применяется в бурятском языке и халхаском диалекте монгольского языка. В остальных же монгольских языках эта форма не встречается, в том числе, что особенно примечательно, в тех диалектах монгольского языка, которые распространены во Внутренней Монголии, если не считать отдельных говоров этих диалектов, территориально соприкасающихся с халхаским диалектом. В старописьменном монгольском языке классического периода эту форму следует считать возникшей пбд влиянием устной речи. Указание А. Попова о том, что в калмыцком, или ойратском, языке имеется форма повелительного наклонения будущего времени на *-āpai* и *-ēpei*, пока еще нуждается в подтверждении и особом изучении[3]. Таким образом, описываемую форму следует считать, по ее распространению, бурятско-халхаской, причем в бурятском языке числа уточняются посредством наращивания лично-предикативных частиц (*гарāрā̆ш!* 'выйдешь потом!' и *гарāрā̆т!* 'выйдете потом!'), а в халхаском диалекте по контексту.

Суффиксом повелительно-наставительной формы 2-го лица является *-āрā̆ ~ -ēрē ~ -ōрȯĕ ~ -ȯ́рȯĕ ~ -ōрȯĕ* (как в бурятском языке, так и в халхаском диалекте) с обычным вставным согласным *г* в положении после конечных дифтонгов и долгих гласных в основе спрягаемого глагола; в старописьменном монгольском классическом языке этот суффикс чаще всего встречается в виде *-pai ~ -pei ~ -apai ~ -epei* и *-ҕapai ~ -гepei*. Примеры:

Халх.	Бур.	Класс.	Значение
гарāрā̆	*гарāрā̆*	*ҕарарai*	'потом выйдешь!'
ірēрē	*jерēрē*	*ірерei*	'потом придешь!'
орōрȯĕ	*орōрȯĕ*	*орурai*	'потом войдешь!'
ȯргȯ́рē	*ȯргōрē*	*ергӯгерei*	'потом поднимешь!'
сӯгāрā̆	*hӯгāрā̆*	*саҕурai*	'потом сядешь!'
бȧĕгāрā̆	*бȧĕгāрā̆*	*бajiҕарai*	'потом станешь!'

Г. И. Рамстедт полагал, что суффикс рассматриваемой здесь формы восходит к более древнему **-āpaį ~ *-ēpeį*. Поскольку в современном халхаском диалекте конечный дифтонг древнего периода **-ei* отражается как долгий гласный *-ī*, то, по мнению Г.Рамстедта, в данном диалекте древний суффикс **-ēpeį* должен был бы обнаруживаться в виде *-ēpī*. Этому обстоятельству придавалось особое значение. Дело в том, что Г. И. Рамстедт в суффиксе *-āрā̆ ~ -ēрē* (*-ēрā̆*), рассматривая его в историческом плане, находил «основную форму» **-āр ~ *-ēр* и «застывшую форму конечного слога» *-ā̆ ← *-ai ~ *-ei*, имеющую усилительное значение. «Это предположение, — писал Г. И. Рамстедт, — достаточно подтверждается и появлением *-ā̆* (или *-ē*...) вместо ожидаемого *-ī*»[4]. Однако в данном случае необходимо учитывать, что конечный дифтонг **-ei* древнего языка в современном халхаском диалекте никогда не отражается в виде долгого *-ī*, находясь в составе какого-либо суффикса (ср., например, оформление совместного падежа в этом же диалекте: *мал-тā̆* 'со скотом', *гер-тē* 'с юртой', — суффикс *-тā̆ ~ -тē ← *-тai ~ *-тei*). Впрочем, и сам Г. И. Рамстедт замечает, что форма *-ēрē* (*-ере*, *ерā̆*, как пишет наш автор) «является равновесием, опирающимся на *-āрā̆*»[5].

В целом же Г. И. Рамстедт сопоставлял рассматриваемый нами суффикс повелительно-наставительной формы 2-го лица с суффиксами повелительного наклонения в якутском языке *-āр* и *-āруi*, второй из которых представляет собою лишь вариант или «усиленную форму» первого, т. е. разлагается на *-āр* и усилительную частицу *-уi* (*-ый*, *-ий*, *-уй*, *-үй*)[6]. Как известно, такая форма «повелительного наклонения будущего времени» не встречается в прочих тюркских языках. Поэтому не исключена возможность того, что данная форма в якутском языке является заимствованной из монгольского. Весь вопрос в данном случае заключается в определении того, чем является в этом суффиксе «усилительная частица» *-уi* в морфологическом отношении, — иными словами, оказывается ли суффикс *-āруi* производным от *-āр* или, наоборот, суффикс *-āр* на якутской почве представляет собою усеченный вариант первого. Тем не менее якутские данные делают все же более вероятным предположение о том, что исторически в монгольском суффиксе повелительно-наставительной формы *-āрā̆ ~ -ēрē* мы действительно имеем усилительную частицу *-ā̆ ~ -ē ← *-ai ~ *-ei*.

Что же касается «основной формы» данного суффикса *-āр- ~ -ēр-*, то она также расчленяется исследователями на *-ā- ← *-ҕа-* и **-р-*, из коих первая морфема представляется показателем вторичной глагольной основы[7]. Стало быть, в данном случае непосредственным показателем монгольской повелительно-наставительной формы 2-го лица является лишь формант *-р*, который исследователями обычно усматривается в показателе причастия будущего времени в тюркских языках *-ар*, также разлагаемом

[3] Александр Попов, *Грамматика калмыцкого языка*, Казань, 1847, стр. 134. — На эту работу А. Попова ссылается и Г. И. Рамстедт, отмечая, что из калмыцкого языка до сих пор известен суффикс описываемой формы *-āpai*. Однако эта форма в данном языке не была обнаружена затем и самим Г. И. Рамстедтом (соответственно см. его работы: *Über die Konjugation...*, S. 62; *Kalmückisches Wörterbuch*, Helsinki, 1935, S. XVII).

[4] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 63.
[5] Ibid., S. 62.
[6] С. В. Ястремский, *Грамматика якутского языка*, М., 1938, стр. 129.
[7] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, Ss. 63—64.

на *-а-* и *-р*[8]. В маньчжурском языке имеется причастие настоящего времени на *-ра*, в конечном гласном *-а* которого, по-видимому, надо видеть парагогическое наращение, поскольку в этом языке таковое весьма обычно. Если все приведенные сопоставления в какой-то степени можно считать оправданными, то приходится признать, что в монгольских языках возникновение повелительно-наставительной формы 2-го лица оказывается чрезвычайно сложным.

Во-первых, «вторичная глагольная основа» на *-ā* ← *-ŋa-* может быть усматриваема в суффиксе общемонгольского причастия настояще-прошедшего времени *-ā* ← *-ŋa*, а также в суффиксе халхаской формы желания *-āсā* ← *-āсā* ← *-ā-* и *-сā*. Во-вторых, в монгольских языках (бурятском и халхаском диалекте) к возможной причастной или, шире, именной форме на *-ā* присоединяется формант *-р-* (плюс *-ā*), который в свою очередь встречается в суффиксе причастия будущего времени в тюркских языках *-ар*. При таких условиях безоговорочное сопоставление приведенных выше элементов рассматриваемых суффиксов представляется весьма сомнительным, хотя и соблазнительным, поскольку все это требует семасиологического оправдания. Здесь мы уже не говорим о том, что в алтайских языках разные образования при помощи загадочного *-р* вызвали широкое распространение этой морфемы, так что, по справедливому замечанию Г. И. Рамстедта, в этом вопросе «и по сей день царит известная неясность»[9]. Во всяком случае результаты многих усилий алтаистов пока-что приводят нас к гипотетическому выводу о том, что в бурятском языке и халхаском диалекте монгольского языка повелительно-наставительная форма на *-ārā* ~ *-ērē* по происхождению является именной.

В дагурском языке халхаско-бурятской форме на *-ārā* ~ *-ērē* соответствует *-гāн'ī* ~ *-гāн'ē* и т. д., например: *сōгāн'ī* 'потом сядешь!', *оногāн'ē* 'потом поезжай на коне!' Конечно, эта дагурская форма имеет совершенно другую историю, ныне пока не вполне ясную, нежели рассмотренная нами халхаско-бурятская форма.

Повелительно-просительная форма 2-го лица

Повелительно-просительная форма 2-го лица, именуемая в монголистике также формой усиленной просьбы и praecativus, зарегистрирована в некоторых современных монгольских языках, но не встречается в старописьменном монгольском языке. Показателем этой формы является суффикс *-ī-* (в бурятском и ойратском языках) или долгий гласный *-ā-* ~ *-ē-* ~ *-ō* ~ *-ō-* (в монгольском и дагурском языках); иногда сопровождаемый лично-предикативной частицей 2-го лица, как бы для уточнения числа, особенно в бурятском языке. Примеры:

Халх.	*ирēч*	*явāч*	*орōч*
Даг.:	*ирē*	—	—
Калм.:	*ирīч*	*овīч*	*орīч*
Бур.:	*jирīш*	*jабīш*	*орīт*

'Приди же!' 'иди же!' 'войдите же!'

Происхождение повелительно-просительной формы 2-го лица в монголистике пока продолжает оставаться не вполне ясным. В некоторых монголоведных пособиях долгий гласный *-ī-* или *ā-*, составляющий суффикс данной формы, признается лишь эмфатическим наращением к основе глагола, а сама эта форма — только эмфатическим вариантом повелительной формы 2-го же лица[10]. Однако такое толкование оказывается не очень понятным применительно к явлениям в бурятском и ойратском языках. Дело в том, что в этих языках повелительная форма является не вообще формой 2-го лица обоих чисел, как это мы находим, например, в халхаском диалекте монгольского языка, а формой 2-го лица единственного числа. А между тем данная повелительно-просительная форма является именно формой 2-го лица обоих чисел во всех тех монгольских языках, в которых она имеется. Вряд ли можно допустить, чтобы в бурятском и ойратском языках данная форма 2-го лица обоих чисел могла оказаться эмфатическим вариантом повелительной формы 2-го лица единственного числа!

Правда, не очень затруднительно в долгом гласном *-ī* видеть эмфатическое наращение к повелительной форме 2-го лица, хотя в монгольских языках именно этот гласный в подобной эмфатической роли не является обычным и распространенным. Впрочем, именно в бурятском и ойратском языках (реже в диалектах монгольского языка) долгий гласный *-ī* оказывается эмфатическим вариантом суффикса повелительно-пригласительной формы 1-го лица, о которой речь будет идти ниже.

В этой связи Г. И. Рамстедт указывал на тождественность показателя и значения повелительно-просительной формы 2-го лица монгольских языков с таковыми же усиленного варианта повелительного наклонения будущего времени в якутском языке: монг. *-ī* соответствует в данном случае якут. *-уі* (*-уй*, *-үй*, *-ый*, *-ий*). Причем, следовательно, Г. И. Рамстедт склонен был полагать, что рассматриваемый здесь долгий *-ī* развился из более

---

[8] Ibid., S. 63.

[9] Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 84 (здесь и на следующих страницах своей книги автор приводит различные образования в алтайских языках, осуществленные при помощи форманта *-р*).

[10] См., например: Г. Д. Санжеев, *Грамматика калмыцкого языка*, М., 1940, стр. 71; Antoine Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, Peking, 1937, p. XLIV.

древнего и гипотетического *-*ai̯*, из которого образовался также и усилительный компонент суффикса повелительно-наставительной формы 2-го лица[11]. Однако при таком предположении остается загадочным, каким же образом из одного и того же исходного «усилителя» *-*ai̯* древнего монгольского языка получаются в современных монгольских языках различные образования в виде то *-ī*; то *-ā* ~ *-ē* ~ *ȍē* и *-ā̆* ~ *-ē*.

В равной же степени трудно понять, почему в диалектах монгольского языка, в которых вообще отсутствуют лично-предикативные частицы, к суффиксу повелительно-просительной формы 1-го лица наращиваются подобные частицы данного лица. Ведь, например, в халхаском диалекте эмфатические наращения в виде долгих гласных имеют глагольные формы, которые при этом, однако, не принимают лично-предикативных частиц.

Следовательно, скорее всего надо полагать, что повелительно-просительная форма 2-го лица в монгольских языках оказывается самостоятельной и не является эмфатическим вариантом повелительной формы того же лица.

Повелительная форма 2-го лица множественного числа

Повелительная форма 2-го лица множественного числа, иначе именуемая иногда в монголистике формой вежливого обращения и benedictivus, встречается почти во всех монгольских языках, но пока еще не зарегистрирована в баоаньском, дунсянском и монгорском языках и некоторых внутреннемонгольских диалектах. В качестве показателей этой формы выступают суффиксы: *-ɧтун* ~ *-гтӱн* (в классическом), *-гтӱӈ* ~ *-гтӱӈ* (в халхаском), *-гтӱī* ~ *-гтӱī* (в бурятском), *-гтăӈ* ~ *гтĕӈ* ~ *-гтŏӈ* ~ *-гтŏӈ* (в халхаском и бурятском), *-гтī* (наиболее распространенный вариант в бурятском), *-тн* (в калмыцком), *-тă* ~ *-тĕ* ~ *-тŏ* (в дагурском), *-ту* ~ *-тунà* (в могольском). Кроме того, в текстах «Сокровенного сказания» и сочинений первого периода старописьменного монгольского языка наряду с *-ɧтун* ~ *-гтӱн* встречается также суффикс *-дкун* ~ *-дкӱн*, из которого вряд ли, в порядке метатезы, образовалась форма *-ɧтун* и который пока еще нуждается в специальном исследовании. Примеры:

к л а с с.: *ірегтӱн* 'придите!', *олуɧтун* 'найдите!'; х а л х.: *немĕгтӱӈ* ~ *немĕгтĕӈ* 'прибавьте!', *гарăгтӱӈ* ~ *гарăгтăӈ* 'выходите!'; б у р.: *ȍлгŏгтӱī* ~ *ȍлгŏгтŏӈ* 'повесьте!'; к а л м.: *автн* 'берите!', *бічтн* 'пишите!'; д а г.: *сōтŏ* 'садитесь!', *іртĕ* 'придите!'; м о г.: *асукту* ~ *асуктунà* 'спросите!', *ірàту* ~ *ірàтунà* 'придите!'

Таким образом, если оставить в стороне варианты суффикса рассматриваемой здесь повелительной формы *-дкун* ~ *-дкӱн*, о которой сказано выше, в качестве показателя этой формы в монгольских языках выступают суффиксы *-ɧтун* ~ *-гтӱī* ~ *-гтī* ~ *-гтăӈ* и *-та* ~ *-ту* ~ *-тунà* (здесь не уточняются соответствующие вариации гласных, вызванные действием законов сингармонизма). Относительно *-ɧтун* ~ *-гтӱī* ~ *-гтӱī* ~ *-гтī* ~ *-гтăӈ* вряд ли можно сомневаться в том, что они являются результатом развития *-гтăӈ*[12] ← *-*ɧтун* → усилительно-эмфатическое *-гтӱī* ~ *-гтī*. Можно равным образом полагать, что суффикс *-ɧтун*, принимаемый за изначально исходную форму, представляет собою составной показатель *-ɧ-* и *-*тун*, поскольку возможность «метатезы» *-дкун* → *-ɧтун* нельзя считать оправданной как семасиологически, так и фонетически. Что же касается суффиксов *-тн* ~ *-тă* ~ *-ту* ~ *-тунà*, то принято считать, что они являются усеченными вариантами, которые якобы развились из *-*ɧтун*. Между тем такое предположение никак не может быть обосновано, если не фетишизировать формы старописьменного монгольского языка, всегда считая их изначально исходными для всех монгольских языков.

Относительно первого компонента суффикса *-ɧтун*, т. е. *-*ɧ-*, в настоящее время трудно сказать что-либо определенное. Как известно, еще М. Кастрен полагал, что повелительная форма 2-го лица множественного числа в монгольских языках образовалась из повелительно-желательной формы 3-го лица на *-г*. Но эта гипотеза была отвергнута Г. И. Рамстедтом на том основании, что этот суффикс *-г* развился из *-*гі* и что второй компонент рассматриваемой тут повелительной формы *-ту* в другом месте не обнаружен[13]. Однако этот *-тун* можно видеть, по-видимому, также в суффиксе повелительно-желательной формы 3-го лица *-туɧаі* ← *-*ту-* + *-*ɧаі*. Если, далее, ойратско-дагурско-монгольский суффикс *-тн* ← *-тан* ← *-*тун* → *-тан* → *-та* ~ *-тун-à* (где *-à* есть эмфатическое наращение) ~ *-ту* действительно не является усеченным вариантом суффикса же *-*ɧтун*, то «загадочный» *-тун*, таким образом, «обнаруживается» тут же. Поэтому изложенное предположение М. Кастрена едва ли можно безоговорочно не принимать во внимание и вообще упускать его из поля нашего зрения. Правда, в данном случае следовало бы говорить не об образовании повелительной формы 2-го лица множественного числа из повелительной же формы 3-го лица, а об исторической взаимосвязи обеих этих изучаемых форм.

Однако все же здесь главное затруднение составляет вопрос о *-г*, первом компоненте суффикса *-ɧтун*, поскольку предполагается, что суффикс повелительно-желательной формы 3-го лица *-г* восходит к более раннему *-*гі*. Но примечательно, что «полный» или составной суффикс *-ɧтун* (*-гтан*) в соответствую-

[11] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 66.

[12] Отмечается, что *-гтăӈ* в халхаской речи применяется для выражения «высокого стиля» (см. G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 67). В тех бурятских диалектах, в которых формы *-гтăӈ* и *-гтī* сосуществуют, первая выражает более вежливое обращение, а вторая применяется для выражения категорического приказания.

[13] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 68.

ских языках и диалектах). Поэтому предположение Г. И. Рамстедта о том, что суффикс данной повелительно-желательной формы *-г* восходит к более древнему **-гі*, трудно считать полностью доказанным и обоснованным[15].

В свете излагаемого особенно важное значение может иметь то, что в бааринском диалекте монгольского языка в качестве показателя повелительно-желательной формы 3-го лица наряду с обычным в монгольских языках суффиксом *-г* существует еще *-гā ~ -гā*[16]. По-видимому, к такому же суффиксу каких-то древнемонгольских диалектов и восходит второй компонент в разобранном выше составном суффиксе *-туҕаі*, имеющийся, как уже сказано, и в суффиксе так называемой «оптативной» формы *-суҕаі*.

Как видно из изложенного, суффиксы типа *-туҕаі* и *-г* не имеют между собою этимологической связи, если не считать элемента *-г-* в первом из них. Иными словами, форме типа *-туҕаі* старописьменного монгольского языка и некоторых живых диалектов в других монгольских языках и диалектах лишь приблизительно соответствует форма на *-г*, — именно поэтому они в монголоведной литературе описываются как различные показатели одной и той же повелительно-желательной формы 3-го лица. Правда, еще Г. И. Рамстедт считал форму на *-г* «допустительной», не смешивая ее с «оптативной», одним из показателей которой наш автор считал суффикс *-туҕаі*[17]. Действительно, в тех монгольских языках и диалектах, в которых формы на *-г* и производные от *-туҕаі* сосуществуют, между последними легко обнаружить некоторые семасиологические различия именно такого рода. Поэтому, рассматривая эти формы под общим наименованием «повелительно-желательной формы 3-го лица», мы отдаем дань сложившейся в монголистике традиции.

Таким образом, в монгольских языках существует не одна повелительно-желательная форма 3-го лица с разными показателями, а разные формы, в одних из этих языков подвергшиеся семасиологической контаминации. При таких условиях в тех монгольских языках, в которых нет одной из форм консессива, значения обеих могут передаваться другой, наличной в этих языках. В этой связи заслуживают внимания данные «Сокровенного сказания». Как известно, в текстах этого замечательного памятника

[15] Однако этим самым не снимается этимологическая связь этой формы с тунгусо-маньчжурской повелительной формой на *-кін ~ -гін ~ -кі ~ -кіні*, устанавливаемая Г. Рамстедтом.

[16] Чінггелтеі, *Монгҕол келен-ӯ баҕарін-у аман ајалҕун-у абіј-а-јін џжӯі ба ӯгес-ӯн џжӯі*, Кökехота, 1959, стр. 37 (далее — Чінггелтеі, *Монгҕол келен-ӯ баҕарін-у аман ајалҕун*).

[17] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 72. — Применительно к калмыцкому языку Г. И. Рамстедт форму на *-тхā* считал повелительной 3-го лица, а суффикс *-к* показателем «повелительно-допустительной формы» 3-го лица (G. J. Ramstedt, *Kalmückisches Wörterbuch*, S. XVII). Равным образом А. Мостарт отметил, что в ордосском диалекте формы консессива на *-тугā* и *-га* соответственно означают *puisse* и *laisser* (*Textes Oraux Ordos*, p. XLV).

монгольского языка XIII в. имеются две формы: 1) *-туҕаі*, которую интерпретируют как показатель консессива, и 2) *-тхун*, выражающую обращение ко 2-му лицу обоих чисел и трактуемую в качестве исходной формы суффикса бенедиктивной формы (в результате метатезы): *Eden-i ekes kö'ūd-i nuntuq-tur geјü nü'ütkūn ta ber bu abču yabutqun ke'et* (§ 72) 'Оставьте этих матерей с детьми в кочевьях и никого не берите вы с собою'; *Eye јenggi-ben bu talutqun, јaqa-ban bu tamtulutqun ke'eјü* (§ 126) 'Не развязывайте узла своего единодушия, не обрезайте своего собственного воротника'.

Эти данные позволяют думать, что ойратская форма на *-тхā* и дагурская на *-тхаї* имеют генетическую общность с формантом «Сокровенного сказания» *-тхун*, хотя все эти формы не сходятся между собою в отношении лица. Но затруднение заключается в том, как объяснить то обстоятельство, что форма *-тхун ~ -ткӯн*, передавая обращение ко 2-му лицу, могла дать начало образованию указанных форм в ойратском и дагурском языках, форм обращения к 3-му лицу. В этой связи необходимо привести из «Сокровенного сказания» следующий пример: *Tatar irgen-e bariqdaba bi, tabun quru'ud-iyan kimul tamutala, harban quru'ud-iyan ha'uttala hači minu aburan soritqun* (§ 53) Эту фразу говорит Амбагай-хаган, находясь в плену у татар, для последующей передачи Хадаан-тайджию, и ее можно понимать двояким образом: 1) 'Я схвачен татарами. Мстите, мои потомки, за меня до тех пор, пока не потеряете ногтей пяти пальцев и не лишитесь всех десяти пальцев!'; 2) 'Я схвачен татарами. Пусть мои потомки мстят за меня до тех пор, пока они не потеряют ногтей пяти пальцев и не лишатся всех десяти пальцев!' Подобное употребление формы на *-тхун* может открыть косвенную возможность полагать, что в «Сокровенном сказании» она при определенных контекстных условиях иногда применялась и при обращении к 3-му лицу.

Пропозитивная форма 1-го лица

Пропозитивная форма 1-го лица в монгольских языках этимологически находится в тесной связи с желательной, или оптативной, формой. Поэтому в монголоведной литературе данные формы иногда рассматриваются под общим наименованием «оптатива», хотя различие между ними было ясно уже Алексею Бобровникову[18]. В качестве показателя пропозитивной формы 1-го лица употребляется суффикс: *-су ~ -сӯ* (в классическом и особенно старомонгольском языках), *-с-* (в ойратском) и *-hӯ-* (в бурят-

[18] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 132—133. Автор строго различает формы на *-суҕ ті* и *-ҕасаі*, в разговорной речи соответственно *-сӯ* и *-асаі*, первая из которых определяется как «повелительная форма 1-го лица единственного числа, выражающая намерение, решимость», а вторая — как «желательная форма всех трех лиц».

ском, в котором, как и в ойратском, этот суффикс как бы для уточнения числа сопровождается лично-предикативной частицей 1-го лица). Примеры: ст.-монг.: *ƀарсу* 'выйду-ка!', *ӧгсӱ* 'дам-ка!'; калм.: *јовсв* 'пойду-ка я!' *орсвдн* 'войдем-ка мы!'; бур.: *ошӧhӯб* 'пойду-ка я!', *харăhӯбдĭ* 'посмотрим-ка мы!'.

В современном монгольском языке применяется книжная форма *-сугаі ~ -сүгэй* (в устной речи *-сӱгӑ*), по-видимому, в порядке контаминации бурятской *-hӯ-* и классического *-суƀаі*, например: *олсугай* 'найдемте!' или *үджсүгэй* 'посмотрим!' В могольском языке имеется форма на *-сун ~ -сунà ~ -āсун*, которая Г. И. Рамстедтом именуется «оптативом» и значение которой, однако, пока что точно не улавливается ввиду ограниченности могольских текстов[19].

Желательная форма

Желательная форма всех трех лиц, иначе называемая также оптативной, встречается почти во всех монгольских языках и находится в непосредственной этимологической связи с пропозитивной формой 1-го лица, будучи исторически производной от нее.

В качестве показателей этой желательной формы применяются следующие суффиксы: 1) *-суƀаі ~ -сӱгеі* — в классическом монгольском языке, *-сā ~ -сӑ* — в ойратском (в калмыцком — только 1-го лица), *-сā* — в монгорском, *-сэ̄* — в могольском, *-сэ* — в дунсянском и баоаньском, *-hӑ ~ -hē ~ -hòĕ* — в бурятском, 2) *-ƀасуƀаі ~ -гесӱгеі* — в классическом монгольском языке, *-āсӑ ~ -ēсē ~ -ōсòĕ ~ -ōсē* — в монгольских диалектах, *-āhӑ ~ -ēhӑ ~ ōhӑ ~ ōhӑ* — в эхирит-булагатском и некоторых других северно-бурятских диалектах и говорах[20].

Примеры: класс. *олсуƀаі* 'найти бы'; ойр. *гарсā* 'выйти бы'; бур. *олӧhòĕ* 'найти бы'; мог. *јавāсӑ* 'пойти бы'; *северно-бур.* *ошōhӑ* 'пойти бы'; *хелēhӑ* 'сказать бы'; баоан. *асгэсэ* 'спросить бы', дунс. *уджэсэ* 'посмотреть бы'. В бурятском и ойратском языках лицо и число этой желательной формы уточняются лично-предикативными частицами, а в остальных языках — по контексту.

В монгорском языке суффикс *-сā* является показателем повелительной формы 2-го лица обоих чисел, имеющей бенедиктивное значение, и иногда употребляется также в сочетании с суффиксом повелительно-пригласительной формы 1-го лица (волюнтатива), например: *чі діесā* 'кушай, пожалуйста', *тасгі ніге амусасā* 'попробуйте, пожалуйста', *бу реjасā* 'я приду [к тебе]'. Из такого употребления данной формы очевидно, что она в монгорском языке представляет собой контаминацию двух форм: пропозитивной первого лица на **-су* и желательной на **-суƀаі* (А. де Смедт

[19] G. J. Ramstedt, *Mogholica*, Helsingfors, 1905, S. 56.

[20] Б. В. Матхеев, *О морфологических особенностях эхирит-булагатского говора*, — «Сборник трудов по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 153.

и А. Мостарт сопоставляют данную монгорскую форму с классической на *-суƀаі* и, по-видимому, при этом не имеют в виду форму на *-су*[21]).

Для суффиксов первого рода исходной или более древней является форма **-суƀаі ~ *-сӱгеі*; которая разлагается на **-су- + *-г- + *-аі* (см. выше о суффиксе повелительно-желательной формы 3-го лица) и присоединяется непосредственно к основе глагола. Что касается суффиксов второго рода, то для них исходным является **-āсаі* (← **-га- + *-су- + *-г- + *-аі*). В данном случае, иначе говоря, первоначально исходный суффикс *-суƀаі* присоединялся к так называемой расширенной потенциальной основе глагола на *-га-*, как это было уже установлено Г. И. Рамстедтом[22]. Например: класс. *ƀаруƀа- + -суƀаі*, халх. *гарā- + -сӑ*, северно-бур. *гарā- + -hӑ* 'выйти бы!' Отсюда и появились в старописьменном монгольском языке различные «неузаконенные» суффиксы типа *-ƀасуƀаі* наряду с «усеченными» типа *-саі*, при наличии которых суффикс *-суƀаі* часто применяется в качестве показателя пропозитивной формы вместо *-су*, характерной для более ранних периодов истории старописьменного монгольского языка.

В старописьменном монгольском языке под влиянием, конечно, устной речи халхаского типа желательная форма появляется сравнительно поздно. Поскольку эта форма в монгольских языках развивалась на базе пропозитивной формы 1-го лица на *-су ~ -сӱ*, то в различных памятниках монгольской письменности и изданиях на старописьменном монгольском языке, не говоря уже о рукописях и скорописных бумагах, можно обнаружить многочисленные случаи контаминации этих двух форм. Поэтому определить, что же означают в том или ином случае написания типа, например, *орусуƀаі* 'войду-ка я' или 'войти бы мне', можно лишь при помощи контекста. Известную долю дифференциации пропозитивной и желательной форм мы обнаруживаем лишь в написаниях типа *орусу* и *орусаі*, первое из которых встречается, правда, очень редко, если иметь в виду классический период.

Так как выше об элементе *-гаі* уже говорилось, здесь лишь напомним указание Г. И. Рамстедта о том, что элемент *-су-* (← **-сун- ~ *-суі-*) находит свои соответствия в других алтайских языках: тюрк. *-сун ~ -сын ~ -син* (повелительная форма 3-го лица) и тунгусо-маньчжур. *-со ~ -су ~ -hу* («повелительное наклонение»)[23].

[21] A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, II partie, *Grammaire*, Peking, 1945, pp. 105—107 (далее — A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*).

[22] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 74.

[23] Ibid., Ss. 71—72; Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 83. Отметим, что в обоих этих трудах Г. И. Рамстедта различие между пропозитивной и желательными формами не проведено, хотя необходимость этого стала ясной для него уже при издании им словаря калмыцкого языка (см. G. J. Ramstedt, *Kalmückisches Wörterbuch*, S. XVII, где пропозитивная форма 1-го лица определяется как «оптативная вторая»).

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица, иначе именуемая в монголистике волюнтативной (voluntativus), встречается во всех монгольских языках и применяется со значением то лишь множественного числа (преимущественно в бурятском языке), то обоих чисел (в остальных монгольских языках), имея в качестве своего показателя суффикс *-jā~-ja~-je*. Этот суффикс фонетически реализуется в монгольских языках и диалектах различно, сопровождаясь эмфатическим удлинением и изменением гласного *-a~-e* в долгий *-ā~-ē~* (реже) *-ō~-ō~* (часто) *-ī*. Впрочем, в «спокойной» речи такое изменение гласного *-a~-e* не наблюдается. В халхаском и некоторых диалектах прочих монгольских языков при *-a~-e→-ī* имеет место факультативное выпадение согласного *-j-*. Примеры:

класс. *олуj-a* 'найдемте!', *бічіj-e* 'напишемте!'; халх.: *jавjă~jавăjā~jавajă~jавjī~jавī* 'пойдемте!', *ірjĕ~ірjē~ірjī~ірī* 'придемте!'; бур.: *орŏjŏ~орŏjī* 'войдемте!', *хелĕjĕ~хелĕjē~хелеjī* 'скажемте!'; ойр.: *дӯсjā~дӯсīja* 'давайте кончим!', *кӯцāj~кӯцājā* 'давайте выполним!'; мог.: *іраjа* 'давайте придем!', *болуjа* 'давайте будем!'; монгор.: *авуjа* 'возьму-ка!', *ōчіjа* 'выпью-ка!'; даг.: *ічĭjā* 'пойдемте!', *болŏjā* 'давайте сделаемся!'; дунс. *уджэjэ* 'посмотрим!', *курэjэ* 'достигнем!'.

В могольском языке к этому суффиксу волюнтативной формы наращиваются часто личные показатели *-ӯi* ← **бі* 'я' и *-ōӯ*←**ба* 'мы'; в бурятском языке эта форма имеет лишь значение множественного числа, и в некоторых его диалектах к этому суффиксу присоединяется факультативно личный показатель *-бд'ĭ* ← *біде* 'мы', например: бур. *харĭjīбд'ĭ* 'пойдемте домой!'; мог. *ірājаӯі* 'приду-ка!', *ірājōӯ* 'придемте!'

Из изложенного видно, что суффикс волюнтативной формы 1-го лица, известной во всех монгольских языках, состоит из *-j-* и соответствующего краткого гласного, который эмфатически может быть долгим — он рассматривался Г. И. Рамстедтом как нечто вторичное с усилительным значением[24]. Следовательно, как бы ни решался вопрос об этом «вторичном» кратком гласном *-a*, основным элементом данного суффикса оказывается согласный *-j-*, который Г. И. Рамстедт склонен был усматривать также в суффиксе так называемой второй изъявительной формы настоящего времени *-jу*. Следовательно, в монгольских языках волюнтативная форма 1-го лица и указанная изъявительная форма восходят, по мнению Г. И. Рамстедта, к одной форме, первичным показателем которой является суффикс *-jу* или *-j* (*-i*). Поскольку эта некая форма древнемонгольского языка имела в своем значении оттенок «долженствования», постольку ей было «придано повелительное значение». По крайней мере, по мнению А. Бобровникова и В. Л. Котвича, такой оттенок имеет в старописьменном монгольском языке вторая изъявительная форма настоящего времени.

[24] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 74.

Таким образом, по мнению Г. И. Рамстедта, и образовалась новая форма, волюнтативная форма 1-го лица[25]. В этой же связи Г. Рамстедт упоминает примеры из классического монгольского языка типа *болуі*, *буі* (и *буjу*), представляющие собою остатки причастия настоящего времени. Далее наш автор монгольский суффикс *-jу*, или *-j*, сопоставляет с тюркским *-a-jын~-e-jін* (в орхонских текстах), который трактуется как показатель 1-го лица единственного числа будущего времени или повелительного наклонения, а также и желательного[26].

Дубитатив

Под наименованием дубитатива (dubitativus) в монголистике известна форма, которая встречается во многих монгольских языках, не всегда имея одинаковые значения: предостережения и опасения в монгольских диалектах, заверения 1-го лица и допущения 3-го лица для большинства бурятских диалектов и т. д. Если опираться на эти неодинаковые и другие значения дубитатива, то применительно к отдельным монгольским языкам и диалектам можно было бы говорить о различных формах повелительно-желательного наклонения, объединенных общностью происхождения своих показателей от исходного суффикса **-ŋуджі~*-гӯджі*. Но так как эти значения пока-что в достаточной степени не изучены, в настоящем обозрении условно сохраняется общее и установившееся в монголистике наименование дубитатива независимо от того, как более точно эта форма должна была бы определяться применительно к тому или иному монгольскому языку и даже отдельному диалекту.

В качестве показателей дубитатива употребляются суффиксы: *-ŋуджаі~-гӯджеі* (в старописьменном монгольском, классическом, языке), *-ӯдзā~-ӯдзē* (в халхаском), *-ӯджā~-ӯджē~-ӯджăн~-ӯджēн~-ӯджăн~-ӯджін~-ӯджін~-ӯджі~-ӯджі* (в ордосском), *-ӯзā~-ӯзă* (в ойратском), *-ӯжĭ~-ӯжĭ* (в бурятском)[27]. Примеры:

класс. *бічігӯджеі* 'как бы не написал!'; халх. *очӯдзā* 'как бы не отправился!'; орд. *медӯджēн* 'как бы не узнал!' или 'как бы не проведали!'; ойр. *јовӯзā~јовӯзă* 'как бы не ушел!'; бур. *орӯжăб* 'ладно, я войду!'; *hāгӯжĭ*! 'пусть доит!'

Исходным прототипом приведенных суффиксов дубитатива надо признать *-ŋуджі~*-гӯджі*, разложимый на два компонента: 1) **-ŋу-~*-гӯ-* и 2) **-джі*. Относительно первого из этих компо-

[25] Ibid., Ss. 73—74.
[26] Ibid.
[27] В бурятском языке этот суффикс сопровождается лично-предикативными частицами, а орфографически передается в виде *-ӯжа-*.

нентов пока вряд ли можно сказать что-либо определенное, хотя его сопоставляют с элементом *-ҕу* в словах типа класс. *хата-ҕу* 'твердый' от *хата-* 'сохнуть', *даруҕу* 'низкий', 'наклонный', 'скромный' от *дару-* 'давить' и т. п.[28] — по-видимому, здесь мы имеем дело со случайным совпадением. Компонент **-джі* в старописьменном монгольском, ойратском и современном монгольском языках наращивается усилительной частицей **-аі*~**-еі*→*-ā*~*-ē*, которую можно видеть в составе соответствующих компонентов суффиксов повелительно-наставительной формы 2-го лица *-а-р-аі*, повелительно-желательной формы 3-го лица *-ту-ҕ-аі* и желательной формы *-су-ҕ-аі*. Таким образом, в чистом виде компонент **-джі* сохраняется в бурятском языке и (в суффиксах *-ӯджін*~*-ӯджі*) ордосском диалекте.

То специфическое значение, которое имеет бурятский «дубитатив», допускает возможность того, что компонент **-джі* имеет какую-то этимологическую связь с утвердительной частицей *дж-а* (в классическом языке), *дзā*~*дзā* (в халхаском) и *зāĕ*~*зā* (в бурятском и ойратском) 'ладно', 'хорошо', 'да'. Еще Г. И. Рамстедт относительно дубитивных форм в ойратском (калмыцком) языке на *-мзā* (*ірмзā* 'надеюсь, что еще придет!') и *-ӯзā*←**-взā* (*ірӯзā* 'как бы не пришел!') определенно утверждал, что они образовались посредством присоединения утвердительной частицы *зā* к изъявительным формам соответственно настоящего и прошедшего времен (суффиксы *-муі*, *-му*; *-ба*, *-баі*)[29]. Однако, как нам думается, утвердительная частица *зā*←**дж-а* вряд ли сама по себе могла оказаться одним из компонентов суффикса дубитативной формы: здесь возможно говорить лишь о том, что эта частица, повторяем, лишь находится в какой-то этимологической связи с одним из компонентов суффикса данной дубитативной формы.

Весьма любопытно, что в ордосском диалекте дубитатив выражается также суффиксами *-джā*~*-джāн*~*-джē*~*-джēн* и *-джін*, которые наращиваются не к основе глагола, а к изъявительной форме прошедшего времени на *-ва*, и соответственно определяются А. Мостартом как дубитативы III и IV: *унаваджā*~*унаваджін* 'смотри не падай!', 'упадешь!'. В этом же диалекте дубитатив (по Мостарту — дубитатив V) выражается посредством суффикса *-гӯн*~*-гӯн*, например: *аріххі ӯвул согтогӯу* 'если выпьешь вино, то смотри не опьянеи!'[30].

Как известно, в ряде монгольских языков изъявительные

[28] См. G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 90—91, где автор компонент *-джаі* сопоставлял с тюркским *-джак (-шак*~*-сак)* в образованиях типа *тартынджак (тартыншак* и т. д.) 'стесняющийся', 'робкий', хотя позже мы находим у него уже другое толкование, о чем см. ниже.

[29] G. J. Ramstedt, *Kalmückishes Wörterbuch*, S. XVII.—В ойратских диалектах Китая дубитативная форма своим показателем имеет суффикс *-бсā* или, в говоре элетов, *-бзā* ~ *-бзā* и употребляется применительно ко 2-му и 3-му лицу: *јобобсā*~*јобобза* 'как бы ты (он) не ушел'.

[30] A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. XLII.

формы прошедшего времени иногда употребляются с дубитативным значением: бур. *унāбāш* 'смотри не падай!', *гарлā* 'как бы не вышел!' Еще А. Бобровников заметил, что «первая повествовательная форма употребляется в разговорном языке для выражения предостережения. Например, *чі ене шадајігі оркібу чі* 'Смотри не пропусти этой строки!', *Табун джаҕун джіл- ече джірҕал-даҕан тасіҕураджу саҕуба чі* 'Да смотри, предаваясь своим забавам, не просиди более пятисот лет'[31]. Это явление Г. И. Рамстедт в свое время склонен был трактовать как единичное отрицательное образование, идентичное тюркским отрицаниям (якобы здесь монг. *-ба*←тюрк. *-ма*), что, конечно, не является правильным хотя бы по причине применения в монгольских языках с тем же дубитативным значением и такой изъявительной формы, как *-лāĕ*←**-луҕа*~**-лӯге* (к тому же ведь здесь не отрицание, а предостережение)[32].

Изолированные повелительно-желательные формы

Кроме описанных выше форм повелительно-желательного наклонения встречаются и такие формы этого наклонения, которые употребляются лишь в отдельных монгольских языках, имея, стало быть, ограниченное распространение и являясь поэтому в системе монгольского глагола в целом изолированными.

В халхаском, ойратском и монгорском языках встречается так называемая «потенциальная форма», показателем которой является суффикс *-мдзā* (халх.), *мзā*~*-мз* (ойр.), *-мдзіā*, например: халх. *ірēмдзē* 'возможно, что придет', ойр. *гармзā* 'возможно, что выйдет' (для ойратского языка Г. И. Рамстедт эту форму называл dubitativus optans), монгор. *курумдзіā* 'возможно, что достигнет'. Этот суффикс восходит к **-м-* (суффикс изъявительной формы настоящего времени)+**-джі*, т. е. к **-мджі*, второй компонент которого мы видели в составе суффикса дубитативной формы, о чем см. выше. В старописьменном монгольском языке этой форме соответствует именно сочетание изъявительной формы настоящего времени на *-м* ~ *-муі* с утвердительной частицей *дж-а* ~ *дж-е*, например: *ҕарумуі дж-а* 'конечно, выйдет', *ӯкӯм дж-е* 'пожалуй, умрет', *боҕунідум дж-а* 'вероятно, укоротится'.

В бааринском говоре зарегистрирована повелительно-желательная форма 3-го лица на *-мāч*~*-мāнчā*~*-мāнч*, которую можно было бы назвать формой вынужденного согласия, например: *Тер аббал абмāнчā* 'Если он берет, то пусть берет!', *Гарбал гармāнчā* 'Если выходит, то пусть выходит!'. Эта форма иногда употребляется с вопросительной частицей, например: *Тер гарбал гармāнчі*? 'Что же, ему выходить?' В известных случаях эта форма приме-

[31] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 14 и 348.

[32] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 66.

няется и в 1-м лице, например: *бī согтбол согтмāч* 'Если я опьянею, то пусть опьянею!'. Пока не представляется возможным относительно этого суффикса сказать что-либо определенное.

В этом же бааринском говоре[33] встречается также форма 1-го лица того же наклонения на *-āслā̆~-āсслā̆*, которая по значению является желательной, например: *jірēслā̆* 'да пришел бы!', *борōн орōслā̆* 'да пошел бы дождь!' Эта форма изредка применяется и в 1-м и 2-м лице, например: *бī (чī) сāн сурāслā̆* 'да хорошо бы мне (тебе) преуспевать в учебе!' По-видимому, суффикс этой желательной формы представляет собою местную бааринскую контаминацию суффикса желательной формы на *-āсā̆-* и частицы логического ударения *-ла*: *-āсā̆+-ла → -āслā̆*. Отметим, что в этом же бааринском говоре суффикс *-āс* наряду с *-āш* является показателем повелительно-просительной формы 2-го лица, например: *jабāш ~ jабāс* 'иди же!', *ӯгāш ~ ӯгāс* 'пей же!'

Последнее обстоятельство заставляет предположить, что повелительно-просительная форма вряд ли оказывается следствием эмфатического употребления повелительной формы 2-го лица. По-видимому, в бурятском, ойратском и халхаском лично-предикативная частица *-ш ~ -ч* в суффиксе повелительно-просительной формы стала таковой в результате ложной этимологии какого-то согласного компонента данного суффикса. Если дело обстояло действительно таким образом, то в бурятском суффиксе повелительно-просительной формы лично-предикативная частица множественного числа *-т ← та* 'вы' появилась лишь по аналогии. Примечательно, что в халхаском и ойратском применение этой лично-предикативной частицы множественного числа не является обычным, распространенным и широко известным (в халхаском это может быть результатом бурятского влияния).

Остается в заключение указать, что в некоторых монгольских языках и диалектах встречаются комбинированные повелительно-желательные формы. Так, например, в монгорском языке имеется форма консессива на *-рагі*, выражающая вынужденное согласие: *аларагі* 'что ж, пусть убьет!' *осерагі* 'что ж, пусть растет!' (о траве), *лосерагі* 'что ж, пусть голодает!', 'что ж, придется ему голодать!' Суффикс этой формы состоит из компонентов *-ра-* и *-гі*. По мнению А. Мостарта, первый из них фонетически совпадает с суффиксом монгорского же целевого деепричастия (gérondif final), а второй соответствует суффиксу повелительно-желательной формы 3-го лица, хорошо известной в других монгольских языках (*-г ~ -к*)[34]. Однако представляется более вероятным, что

[33] Чінггелтеі, *Монгђол келен-ӯ бађарін-у аман ајалђун*, стр. 28—29. — Данная форма имеется также в ряде говоров восточного диалекта, например, в ару-хорчинском (см. Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 41—42).

[34] A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, pp. 106 et 128.

здесь компонент *-ра-* соответствует элементу *-р-* в суффиксе повелительно-наставительной формы 2-го лица (см. выше).

В некоторых бурятских диалектах за последние годы обнаруживались новые или подтверждались прежде известные комбинированные формы повелительно-желательного наклонения, распространенные и употребительные не в одинаковой степени.

1) Повелительно-наставительная форма 2-го лица множественного числа, известная почти во всех бурятских диалектах, выражается посредством комбинированного суффикса *-āрā̆гтī ← -āрā̆-* (суффикс той же формы для обоих чисел) + *-гтī* (суффикс повелительной формы того же лица множественного числа), например: *хāгāрā̆гтī* 'закройте потом!' Легко видеть, что в данном случае суффикс *-гтī* является вторым компонентом этого комбинированного суффикса, будучи применен вместо лично-предикативной частицы 2-го лица множественного числа *-т ← та* 'вы' (*хāгāрā̆гтī* вместо *хāгāрā̆т* с тем же значением 'закройте потом!').

2) Комбинированным суффиксом повелительно-желательной формы 3-го лица будущего времени, встречающейся в отдельных бурятских диалектах и употребительной очень редко, является *-āрā̆г ← -āрā̆- + -г*, т. е. сочетание форм 2-го и 3-го лица, *харāрā̆г* 'посмотрит пусть потом!' В этой комбинированной форме ее первый компонент *-āрā̆* оказывается лишь временным показателем, поскольку он самостоятельно выражает действие, подлежащее исполнению в будущем.

3) Наконец, в нижнеудинском и некоторых северобурятских диалектах, преимущественно в благопожеланиях, имеется комбинированная и как бы сдвоенная повелительно-желательная форма 3-го лица на *-тăгā̆г ~ -тăгāк ← -*туҕаі + *-г* (два разных суффикса одной и той же глагольной формы,— см. выше), например: *ȯрōл болтȯгȯёг!* 'да будет благо!', *теңгĕрĭ харăтăгā̆г!* 'да убережет небо!'[35] Образование этой комбинированной повелительно-желательной формы 3-го лица надо объяснять, по-видимому, тем, что в бурятских диалектах форма на *-тăгā̆ ~ -тȯгȯё* почти совершенно неизвестна и в таком виде применяется преимущественно в шаманской поэзии и эпосе. Поэтому, надо думать, второй компонент *-г ~ -к* играет роль уточнителя.

Таким образом, в монгольских языках и диалектах возможны различные комбинированные формы повелительно-желательного наклонения, составные компоненты суффиксов которых играют самую разнообразную смысловую роль. Характерно, что такие комбинированные формы отсутствуют в составе других глагольных (изъявительных, причастных и деепричастных) форм.

[35] См. также А. А. Дарбеева, *Предварительные данные о языке нижнеудинских бурят*, — «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского Института», вып. 3, «Серия востоковедная», Улан-Удэ, 1960, стр. 123.

Таблица 6

Основные повелительно-желательные формы

Формы \ Языки и диалекты	Монг.	Бур.	Ойр.	Даг.	Монгор.	Дунс. и баоан.	Могол.	Класс.	Исходный прототип
Повелительно-наставительная 2-го лица	*-ӓрӓ-*	*-ӓрӓ̄-*	—	—	—	—	—	—	*-а- (-ҕа-) -р-аі*
	—	—	—	*-гӓн'ē, -гӓн'ī*	—	—	—	—	*-ҕа-?*
Повелительно-просительная 2-го лица	*-ӓ-*	*-ī-*	*-ī-*	*-ӓ-*	—	—	—	—	?
Повелительная 2-го лица мн. числа	*-гтӑӊ, -гтӯӊ*	*-гтī, -гтӯī, -гтӯӊ*	—	—	—	—	—	*-ҕтун*	*-ҕ-тун (-ту?)*
	—	—	*-тн*	*-тӑ*	—	—	—	*-ту[нà]*	*-ту[н]*
Повелительно-желательная 3-го лица	*-г ~ -к*	*-г ~ -к*	*-г ~ -к*	—	*-ге~-гі*	*-гэ*	*-га*	—	*-г*
	—	—	—	—	*-лаге*	—	—	—	*-?-г*
	-тӯгӓ̄	*-тӑгӓ̄*	*-тхӓ, -тхӓ̄*	*-тгаї, -тхаї*	—	—	—	*-туҕаі*	*-ту-ҕ-аі*
Пропозитивная 1-го лица	*-сӯгӓ̄*	*-hӯ-*	*-с-*	—	—	—	*-сун[à]*	*-су*	*-су*
						—	*-ӓсун?*	—	*-ҕа-су*
Желательная	*-ӓсӓ̄*	*-ӓhӓ̄-*	--	—	—	—	*-ӓсун?*	—	*-ҕа-су-ҕ-аі*
	—	*-hӓ̄-*	*-сӓ, -сӓ̄*	—	*-сӓ*	*-сэ*	—	*-суҕаі*	*-су-ҕ-аі*
Повелительно-просительная 1-го лица	*-jӑ-, -jӓ, -jі, -ī*	*-jӑ, -jī*	*-jӓ, -īj, -ījӓ*	*-jӓ*	*-jа*	*-jэ*	*-jа*	*-jа*	*-jа (-j-а?)*
Дубитативная	*-ӯдзӓ̄, -ӯджӓ̄[н], -уджі[н]*	*-ӯжї-*	*-ӯзӓ̄, -ӯзӓ*	—	—	—	—	*-ҕуджаі*	*-ҕу-джі-аі (-ҕу-джі?)*

Выше мы дали таблицу основных повелительно-желательных форм, наиболее употребительных и распространенных в монгольских языках и диалектах. В этой таблице знак дефиса после соответствующих суффиксов означает, что к последним присоединяются лично-предикативные частицы; знак тире означает, что в том или ином монгольском языке данный суффикс либо отсутствует, либо пока еще не зарегистрирован. Изменения в вокализме соответствующих суффиксов, вытекающие из правил сингармонизма, не отмечаются. Не помещена в таблице повелительная форма 2-го лица, совпадающая с основой глагола и не имеющая какого-либо суффиксального оформления. Показанные в таблице исходные прототипы соответствующих суффиксов не являются обязательно «праязыковыми», поскольку их образование и появление относятся к разным периодам развития монгольских языков. Все сказанное здесь относится ко всем таблицам глагольных форм, помещенным ниже на стр. 129, 139 и 166—167.

Отрицания (запретительные частицы)

В монгольских языках повелительно-желательные формы глагола имеют только им свойственные частицы отрицания, или запрета, которые не прменяются при других глагольных формах: 1) класс. *буу*, даг. *бӯ*. бур. *бӯ*, монгор. *бі*, дунс. *бу* и мог. *бі* 'не'; в некоторых монгольских диалектах и современном монгольском литературном языке частица отрицания классического языка *буу* употребляется, принимая фонетический облик *бӯ* и являясь как бы чисто книжной; 2) халх. *битгий*, ордоск. *бічіге*, калм. *бичкэ* и баоан. *тэгэ* 'не'. Примеры:

класс. *буу ору* 'не входи', даг. *бӯ јаўтӑ* 'не уезжайте', бур. *бӯ гарӑ* 'не выходи', монгор. *бі нчалахге* 'пусть он не спит', дунс. *бу ірэгэ* 'пусть не приходит', *бу эчы* 'не ходи', халх. *битгий суу* 'не сиди', орд. *бічіге хара* 'не смотри', калм. *бичкэ бос* 'не вставай', баоан. *тэгэ окэ* 'не давай'.

Относительно происхождения второй частицы отрицания Б. Я. Владимирцовым было высказано ныне никем не оспариваемое предположение о том, что она представляет собой консессивную форму вспомогательного глагола *бӯ-* (*бӧ-* ~ *бӯ-?*) 'быть': *бӯтӯгеі* 'пусть будет'[36]. Конечно, с семасиологической точки зрения трудно понять, как из положительной формы консессива древнейших монгольских диалектов с течением времени в некоторых современных монгольских языках могла получиться частица с отрицательным значением (впрочем, ср. русское разговорное *будет* в смысле 'довольно', 'достаточно', 'хватит'). Однако другого, более удовлетворительного предположения об этимологии этой монгольской отрицательной частицы высказать пока невозможно.

Что касается первой отрицательной частицы *буу*, то ее этимология остается совершенно темной.

Как на особенность употребления приведенных частиц отрицания *буу* и *битгий*, которые ставятся обычно непосредственно перед соответствующими глаголами, следует отметить, что очень часто они располагаются не непосредственно перед глаголами, а перед теми словами, которые управляются последними: *бітегеі сірої тоўусу болҕа* (Х. Х.—102) 'не пыли' (букв. 'не прах пыль сделай'), *тунг бітегеі ўген-дӯні ору* (Х. Х.—150) 'не поддавайся его речам' (букв. 'совсем не речам его входи'). Таким образом, получается как бы своеобразное замыкание.

[36] Б. Я. Владимирцов, *О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке*, — «Известия Академии наук», Пг., 1916, стр. 349—358.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Имперфектный презенс

В монгольских языках изъявительное наклонение настоящего времени, имперфектный презенс, представлено формами, в качестве показателей которых применяются следующие суффиксы: а) *-м*, *-муі* (*-му*), *-на*, *-нам* и б) *-ју*, соответственно образующие первую и вторую описательные формы (по терминологии А. Бобровникова). Все эти изъявительные формы настоящего времени, различие между которыми будет показано особо и которые иначе именуются формами несовершенного настоящего времени (в зарубежной монголистике praesens imperfecti), ниже рассматриваются по отдельности (по суффиксам).

Здесь необходимо сказать лишь несколько слов относительно формы на *-ју* ввиду ее неупотребительности в современных монгольских языках. Эта форма на *-ју* встречается лишь в старописьменном монгольском языке (преимущественно в доклассический период) и памятниках монгольской речи XIII—XIV вв., например: *іреју* 'приходит', *олују* 'находит', *медеју* 'знает'. Суффикс *-ју* еще Г. И. Рамстедт считал возможным этимологически увязать с показателем волюнтативной формы *-ја*, а его «более краткий вариант» *-ј* находил в словах типа *јабуі* 'идущий', *буі* 'сущий', *ҕаруі* 'свыше' и т. д.[37]. Как известно, Б. Я. Владимирцов этот же краткий *-і* в словах приведенного типа считал суффиксом былого причастия настоящего времени[38]. Поэтому мало вероятно, чтобы затрагиваемый нами суффикс *-ју* был этимологически связан с этим кратким *-і* в словах подобного рода. Показания о вокализме суффиксов изъявительных форм, встречающихся в «Сокро

[37] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, Ss. 173—174.

[38] Б. Я. Владимирцов, *Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке*, — «Доклады Российской Академии наук», Л., 1924, стр. 55.

венном сказании», дают основания полагать, что вариант *-jy*, якобы «полный», был всего лишь формой мужского рода единственного числа (*-ai* — того же рода множественного числа, *-i* ~ ~*ji* — женского рода единственного числа). Если данные о наличии категории рода в раннемонгольском языке получат свое дальнейшее подтверждение, то вопрос о вокализме конечного слога какого бы то ни было монгольского суффикса должен получить какие-то другие решения. Например, тогда не будет исключено, что суффиксы данной изъявительной формы *-jy*~*-i*~*-ji* окажутся предикатными вариантами суффикса *-ɓa*, показателя причастия настоящего времени, о чем речь будет идти дальше.

Оставляя вопрос о суффиксе *-jy* на предмет дальнейших исследований, ниже приступаем к рассмотрению суффиксов *-м*, *-муі*, *на* и *-нам*.

1) *-м*

Показатель *-м* в его «чистом» виде обнаружен пока в монгорском, баоаньском и могольском языках[39]. А. де Смедт и А. Мостарт дали необходимые сведения о наличии этого показателя в памятниках монгольского языка, преимущественно XIII—XIV вв., и в составе различных глагольных и отглагольных образований[40]. В монгорском языке суффикс *-м* является показателем изъявительной формы настоящего времени, например, *курум* 'достигает', *фугум* 'умирает', или, согласно сообщению Б. Х. Тодаевой, будущего времени, например, *танім* 'узнает' (в том же монгорском языке), б а о а н. *рэм* 'придет'. Любопытно, что и в могольском языке эта форма оказывается индикативом будущего времени, например, *хаулам* 'сдерет', тогда как форма на *-на* в этом же могольском языке оказывается индикативом настоящего времени. Последующие, более тщательные исследования должны показать, какие различия существовали в употреблении формы на *-м* в монгольской речи XIII—XIV вв. по сравнению с формой на *-муі*, ибо эти формы применялись в то время параллельно.

Суффикс *-м* находят иногда в качестве одного из компонентов суффиксов 1) «потенциальной» и дубитативной форм, 2) «полных» изъявительных форм настоящего времени на *-муі* и *-нам*, а также и на *-му*, и 3) отглагольных имен типа х а л х. *ангайм* 'до того, что раскрывается' и *тохом* 'потник' соответственно от глагольных основ *ангай-* 'раскрываться' и *тох-* 'накладывать на спину' (например, лошади). К этим немногим формам и образованиям можно было бы прибавить еще отглагольные образования типа *а̇ĕмхā* 'боязливый', *а̇ĕмшĭг* 'страх' и *а̇ĕмтгā* 'боязливый'

[39] Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 82 и 118.
[40] A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, pp. 107—109; Shinobu Iwamura, *The Zirni Manuscript, A persian-mongolian glossary and grammar*, Kyoto, 1961, p. 23.

от *а̇ĕ-* 'бояться', деепричастие образа действия на *-мгăшā*: *ħӯмгăшā* 'сидя'. Однако мало оснований полагать, что такого рода сопоставления действительно отражают возможность реальной этимологической связи данного суффикса *-м* с суффиксами образования отглагольных имен всех приведенных типов и бурятского деепричастия образа действия. Соображения фонетического, грамматического и семасиологического порядка скорее всего исключают такую возможность, как бы ни были соблазнительны приведенные сопоставления по частному или случайному звуковому сходству показателей различных грамматических и лексикологических категорий.

2) *-муі*

В старописьменном монгольском языке в качестве основного, более полного или «классического» показателя изъявительной формы настоящего (настояще-будущего) времени признается суффикс *-муі*, например: *ɓарумуі* 'выходит', 'выйдет', *бічімӱі* 'пишет', 'напишет'. Этот суффикс состоит из двух компонентов: *-м-* (см. выше) и *-*уі*. Предположение Г. И. Рамстедта о том, что в старописьменном монгольском языке суффикс *-м*, встречающийся наряду с *-муі*, появляется в более позднее время под влиянием «народного языка», т. е. устной речи[41], в настоящее время следует считать отпавшим. Дело в том, что, во-первых, суффикс *-м* в устной речи пока обнаружен лишь среди баоаней и монгоров, которые не могли в какой бы то ни было мере оказать влияние на старописьменный монгольский язык. Во-вторых, этот суффикс встречается, как уже выше сказано, и в памятниках монгольского языка XIII—XIV вв.

Относительно суффикса *-муі* в монголистике высказано много самых различных предположений[42] и все же вопрос о нем до сих пор продолжает оставаться покрытым мраком неизвестности. Если признать, что компонент **-м-* данного суффикса является исконным и более первоначальным, каково бы ни было его происхождение и как бы ни оставалась туманной его же этимология, то вопрос о втором компоненте этого же суффикса **-уі* также далек от своего разрешения. Если компонент **-м-* в качестве самостоятельного суффикса *-м* зарегистрирован в баоаньском и монгорском языках, а также в памятниках монгольского языка XIII—XIV вв., то суффикс *-муі* в целом встречается лишь в старописьменном монгольском языке и не обнаружен ни в одном из живых монгольских языков и диалектов (искусственная речь грамотеев из среды чиновничества и ламства дореволюционного времени здесь не может быть, конечно, принята во внимание).

Если бы суффикс *-муі* в целом мог сохраниться с той или иной фонетической модификацией в каком-либо монгольском язы-

[41] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 75.
[42] Ibid., Ss. 75—80.

ке или диалекте, то следовало бы ожидать что-нибудь вроде *-мі* или *-маі* → *-мā* (ср. суффикс имперфектного претерита *-джуβуі* ~ *-джіβаі*). В свое время Г. И. Рамстедт обратил внимание на халхаское слово *јамā* 'ну и пусть!' ← *ја* 'как быть?' + суффикс *-мā* ← *-маі*, который нельзя отделять от *-муі*, и на указание А. Орлова о наличии суффикса *-маі* ~ *маіджін* в неназванном им монгольском диалекте, имеющего деепричастное значение (*хелемеі* 'говоря')[43]. Выше мы указали на открытую Чингэлтэем в бааринском диалекте повелительно-желательную форму на *-мāнч* ~ *-мāчā*, в суффиксе которой легко видеть искомый *-мā* ← *маі* и пока неизвестный *-ч* ~ *-нч* ~ *-нчā*. Таким образом, ныне можно считать установленным наличие в монгольских диалектах суффикса *-мā* ← *-маі*, с которым в определенной этимологической связи, по мнению Г. Н. Рамстедта, находится показатель тунгусо-маньчжурского деепричастия настоящего времени *-мэ* ~ *-мі*[44]. Это, конечно, еще не объясняет, что же представляет собою в суффиксе *-муі* его второй компонент *-уі*, а лишь уравнение с одним неизвестным превращает в уравнение с двумя или более неизвестными...

Что касается орфографической формы суффикса *-муі* в старописьменном монгольском языке при отсутствии написания в виде *-маі*, то это, возможно, объясняется влиянием губного согласного элемента *-м-*. Следовательно, в этом случае здесь решающим может оказаться лишь элемент *-і*, который вместе с каким-либо другим гласным в монгольских языках образует эмфатическую частицу (ср., например, *-баі* ← *-ба-* + *-і* в суффиксе перфектного претерита, *-араі* ← *-ā-* + *-р-* + *-аі* в суффиксе повелительно-наставительной формы 2-го лица и т. д.). Правда, такое предположение встречает серьезное сопротивление в том, что в старописьменном монгольском языке изъявительная форма на *-муі* не отличается от той же формы на *-м* тем, что она имеет эмфатическое значение, если не считать случаев ее применения вроде стереотипного *мöргӯмӯі* 'поклоняюсь!' в текстах буддийского содержания.

Однако этот вопрос может получить свое положительное решение, если полностью оправдаются известные предположения ряда монголистов (П. Пеллио, С. Одзава, Г. Дорфера и др.) о наличии категорий грамматического рода и числа в древнемонгольской системе глагола. Согласно этим предположениям, изъявительные формы настоящего времени на *-му* и *муі* являются формами мужского рода соответственно единственного и множественного чисел. Правда, в этом случае остается без разъяснения, что же представляет собою форма на *-м* и как же выражается в этой форме женский род тех же чисел; кроме того, в данном же случае необходимо допустить развитие *-муі* ← *-мун*, что пока еще не зарегистрировано в памятниках монгольского языка.

[43] Ibid., Ss. 77—78.
[44] Ibid.

3) *-на*

Суффикс *-на* (~ *-не* ~ *-но* ~ *-нö*, реже *-н*) встречается во всех монгольских языках, кроме старописьменного, в котором он появляется под несомненным влиянием устной речи. Гласный компонент этого суффикса реализуется самым различным образом, что зависит от наличия или отсутствия эмфазиса, то в виде редуцированного *-ă* или даже нуля, то в виде долгого *-ā*. Примеры:

мог.: *іра̇нā* 'приходит', *асагунā* 'спрашивает'; ойр.: *јомнā* 'идет', *öгнā* ~ *öгн* 'даёт'; халх.: *орнö* ~ *орнö* ~ *орöн* 'входит', *сӯнā* ~ *сӯн* 'сидит'; бур.: *гарнā* 'выходит', *ошöнö* 'отправляется'; даг.: *шадăн* 'умеет', *медĕн* 'знает'; орд.: *уіланā* 'плачет', *унунā* 'садится верхом'; монгор.: *гаріна* ~ *гаріні* 'выходит', *курунi* 'достигает'; дунс.: *јавунэ* 'пойдёт'.

Если гласный компонент данного суффикса спорадически выпадает, то в тех монгольских языках, в которых конечный переднеязычный согласный *-н* сохраняет свое качество, не переходя в заднеязычный же *-н*, получаются омоформы:

а) изъявительная форма настоящего времени и б) слитное деепричастие, например: ойр. *сӯн* (*сӯнā*) 'сидит' и *сӯн* 'сидя', баарин. *харан* 'смотрит' и *харан* 'смотря' и т. д.

Г. И. Рамстедт рассматривал в суффиксе *-на* ~ *-нā* гласный *-а* (*-ā*) как вторичный элемент, который постепенно становился неизбежным во всех тех случаях, когда какое-либо слово применялось предикативно, и в более позднее время снова подвергся редукции и даже полному исчезновению. Таким образом, по мнению Г. И. Рамстедта, изъявительная форма настоящего времени на *-на* в конце концов восходит к отглагольному имени на *-н*[45]. Этим самым данная изъявительная форма ставилась в генетическую связь со слитным деепричастием. А. де Смедт и А. Мостарт относительно этого деепричастия писали, что его суффикс *-н* в сочетании с частицей *-а* или *-і* образует форму, которая более всего употребительна для выражения индикативного презенса[46]. Первоначальная, или исходная, форма на *-н* признается отглагольно-именной потому, что слитное деепричастие обладает некоторыми именными признаками, о чем см. ниже.

4) *-нам*

Суффикс *-нам* (~ *-нем*) встречается лишь в старописьменном монгольском языке и зарегистрирован в памятниках монгольского языка ранних периодов. Например: *βарунам* 'выходит', 'выйдет', *іренем* 'приходит', 'придет' и т. д. Относительно этого суффикса Г. Рамстедт в свое время не имел определенного мнения, но

[45] Ibid., S. 80.
[46] A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, p. 126.

полагал, что он представляет собой либо контаминацию синонимичных суффиксов же *-на* и *-м*, либо скорее всего, как думал еще Я. Шмидт, сочетание показателя слитного деепричастия *-н* и *ам* (←*амуі*), т. е. вспомогательного глагола *а-* 'быть', ныне омертвелого, в форме настоящего времени изъявительного наклонения[47]. Однако такое предположение Я. Шмидта можно было бы принять лишь в случае подтверждения с фактической и семасиологической точки зрения. Дело в том, что в монгольских языках сочетание названных форм не имеет такого распространения, какое характерно для сочетания соединительного деепричастия со вспомогательными глаголами. А между тем только такое сочетание может привести к полному сращению составляющих его компонентов, как это произошло с сочетанием соединительного деепричастия со вспомогательным глаголом *бäĕ-* 'быть', например, в западных бурятских диалектах: *орŏжä-* ←*орŏжĭ бäĕ-* 'входить' при *орŏ-* 'войти' (такие же образования в ойратских и других монгольских диалектах хорошо известны и описаны в монголоведной литературе). Во всяком случае возможность образования суффикса *-нам* из *-н + ам ~ амуі* никак нельзя обосновать исторически и фактически. Кроме того, следует иметь в виду, что такого рода деепричастно-глагольные сочетания характеризуются определенными значениями, близкими к значениям русского несовершенного вида (см. выше о видах) и отсутствующими в форме на *-нам*.

В связи с излагаемым необходимо обратить внимание на явления в могольском языке, в котором изъявительная форма настоящего времени по лицам спрягается следующим образом:

1-е л. ед. ч. *-нам-бі ~-м-бі*
1-е л. мн. ч. *-намда ~-мда~-нумба*
2-е л. ед. ч. *-нан-чі ~-нчи*
2-е л. мн. ч. *-нан-то ~-нто.*

Следовательно, оставляя в стороне лично-предикативные частицы, мы в этих суффиксах находим компоненты *-на* и *-м* (позиционно перед смычными согласными *-н*). Вместо этих компонентов здесь невозможно видеть аналитическое сочетание слитного деепричастия на *-н* со вспомогательным глаголом в изъявительной форме настоящего времени *ам* или *ам←амуі*, т. е. полагать, что, например, *болунам-бі* 'я становлюсь' образовался из *болун ам бі* 'становясь есмь я'. Дело в том, что компонент *-м* отсутствует в формах 3-го лица (правда, мы ныне не располагаем еще могольскими текстами в достаточном количестве). Далее, что особенно важно и весьма существенно, этот же самый загадочный компонент *-м* имеется в могольском же имперфектном претерите (*болджäм-бі*, *болджäмба*, *болджäн-чі* и *болджäн-то* соответственно

[47] G. J. Ramstedt, *Mogholica*, Helsingfors, 1905, S. 56.

'становился я', 'становились мы', 'становился ты' и 'становились вы') в формах первых двух лиц обоих чисел[48]. Если во что бы то ни стало соблазняться предположением о развитии суффикса *-нам* из *-н + ам* или *амуі*, то тогда ничего другого не остается, как думать, что в могольском имперфектном претерите суффикс *-джä* является показателем именного или деепричастного характера, с которым только и может сочетаться какой-либо вспомогательный глагол. Совершенно очевидно, что возможность такого решения данного вопроса необходимо исключить. Равным образом показания могольского языка не в состоянии поддержать и робко высказанное Г. И. Рамстедтом предположение о контаминации двух синонимичных суффиксов *-на* и *-м*, а поэтому признать идентичными, с одной стороны, самостоятельный суффикс *-м* и, с другой, второй компонент *-м* в составе суффикса *-нам*.

Таким образом, вопрос относительно рассмотренного нами компонента *-м-* и суффикса *-м* продолжает оставаться открытым и загадочным. Попытки же привлечь сюда омонимичные с ними словоизменительные и словообразовательные суффиксы и частицы ни в какой степени не приближают нас к искомому решению. В еще меньшей степени помогают делу произвольные сопоставления исследуемых нами морфем с однозвучными суффиксами других алтайских языков.

Перфектный презенс

Перфектный презенс в монгольских языках имеет различные смысловые оттенки как с точки зрения выражения времени, так и модальности, а поэтому в монголоведных грамматических пособиях называются не всегда одинаково, о чем будет сказано особо. В качестве показателей перфектного презенса употребляются следующие суффиксы как бы трех типов, восходящие к одному и тому же прототипу **-лубä ~ *-лӱге*:

1) *-лубä~ -лӱге* (в старописьменном монгольском, классическом, языке), *-лä~-лē~-лō~-лб* (в халхаском, ордосском и др.), *-лä~-лы* (в ойратском), *-ла~-лаң* (в минхэ-монгорском говоре), — исходный прототип **-лубä~*-лӱге*;

2) *-лубäі~-лӱгеі~*(спорадически) *-лабäі~-легеі* (в раннестарописьменном и памятниках монгольского языка XIII—XIV вв.), *-лä ~-лē~-лŏĕ* (бур.), *-лä~-лŏĕ* (баар.), — непосредственный исходный прототип **-лубäі~*-лӱгеі←*-лубä-+*-і~*-лӱге-+*-і*;

3) *-лä* (монгольский), *-лĭ* (в дагурском) — исходный прототип **-лу*. Примеры:

класс.: *дарулубä* 'давил', *немелӱге* 'прибавил'; халх.: *очлб* 'отправился', *гарлä* 'вышел'; орд.: *іделē* 'ел', *бäлē* 'был'; ойр.: *орлä* 'вошёл', *бічлä* 'написал'; докласс.: *јабулубäі* 'пошёл', *меделӱгеі* 'узнал', *бічілегеі* 'писал'; бур.: *ошŏлŏĕ* 'пошёл', *ја-*

[48] Ibid., Ss. 56—57.

бāлā 'ходил'; баарин.: *аблā* 'взял', *орлдē* 'шёл' (о дожде); мог.: *ірāлā* 'пришёл', *болулā* 'настал'; даг.: *сōлĭ* 'сел', *jāрāлĭ* 'поспешил'; минхэ-монгор.: *сўла~сўлан* 'сидит'.

О суффиксах этой же изъявительной формы в «Сокровенном сказании» необходимо говорить особо и в связи с рассмотрением категории рода в монгольских языках.

Г. И. Рамстедт в качестве исходного прототипа приведенных здесь суффиксов перфектного презенса выставлял **-луβа* или **-луβаі*, разлагаемый на два компонента: **-лу-* и **-β̆а* или *-β̆аі*. Относительно первого из этих компонентов Г. И. Рамстедт очень осторожно высказался в том смысле, что этот **-лу-* находится в этимологической связи с суффиксом отглагольных образований типа халх. *jавā-л-тē* 'надо идти' и *jавā-л-ўгē* 'не идя'[49]. Надо полагать, что к этому первоначальному элементу и восходят могольский *-лā* и дагурский *-лĭ*. Иначе говоря, в могольском и дагурском языках сохраняется, по-видимому, древнейшая и первичная форма перфектного презенса, если в данном случае отсутствие долготы в гласном элементе суффикса этой формы не является следствием чего-то другого.

Относительно второго компонента **-β̆а* сказать что-либо определенное пока трудно. Конечно, можно здесь вспомнить *-β̆-* плюс *-аі* в суффиксах повелительно-желательных форм *-суβаі* и *-туβаі* или *-β̆а*, суффикс причастия настоящего времени, но это не может привести нас к удовлетворительному результату. Однако о вариантах этого компонента *-β̆а* и *-β̆аі* вполне допустимо думать, что во втором из них гласный элемент *-і* представляет собой обычное в монгольских языках эмфатическое наращение для выражения определенных модальных и иных оттенков, т. е. так называемую усилительную частицу (см. ниже о суффиксах перфектного претерита *-ба* и *-баі*). По-видимому, этим и можно объяснить то, что в монгольских языках встречаются два первых типа суффикса для выражения как будто бы одной и той же перфектно-презенсной формы. Не является случайным и то, что в этих языках данная форма имеет различные смысловые оттенки модального характера, о чем в монголоведной лингвистической литературе говорится довольно много и к чему нам придется вернуться в ходе дальнейшего изложения синтаксиса монгольского глагола.

Наличие в монгольском классическом языке суффикса перфектного презенса в виде *-луβа~-лўге*, тогда как в ранних памятниках монгольской речи встречается *-луβаі~-лўгеі~-лаβаі~*

[49] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, Ss. 80—81. — Из изложенного предположения Г. И. Рамстедта вытекает, что в компоненте **-лу-* гласный *-у-* является лишь вставным или соединительным элементом, обычным в старописьменном монгольском языке. Однако показания памятников монгольского языка, например «Сокровенного сказания», позволяют искать здесь какие-то другие решения в разборе глагольных суффиксов словоизменительного порядка, принимая во внимание лишь их консонантный остов. Дело в том, что в этих памятниках монгольского языка соответствующие изменения суффиксального вокализма связаны со спряжением глаголов по родам и числам.

-легеі, для истории языка не может иметь решающего значения. Ведь форма *-луβа~-лўге* в классическом монгольском языке есть только орфографический стандарт, от которого в письменности того же классического периода под влиянием устной народной речи встречаются отступления вроде *-лаі~-леі*, особенно в рукописях. Иначе говоря, историю языка невозможно смешивать с историей орфографии, богатой узаконенной литературной традицией.

Имперфектный претерит

Имперфектный претерит, именуемый в монголистике также изъявительной формой прошедшего времени неожиданного действия или третьей повествовательной, нечаянной, формой, является продуктивным почти во всех монгольских языках, кроме дагурского и бурятского, в последнем из которых эта глагольная форма встречается лишь в составном вспомогательном глаголе *ханжĭ←*аβсан аджі* 'был ведь'[50]. В качестве показателей имперфектного претерита в монгольских языках применяются суффиксы сложного, или эмфатического, и простого типов. Исходным прототипом суффиксов простого типа следует считать **-джі*, восходящий к **-дĭ~*-ді*, которому в тюркских языках соответствует суффикс изъявительной же формы прошедшего времени *-дĭ*. К этому исходному прототипу восходит наличествующий в ряде монгольских языков суффикс *-дж~-ж* или *-дж-~-ж-* плюс краткий гласный, который варьируется по законам сингармонизма (*-ă~-ĕ -ŏ~-ŭ*, но чаще — *ĭ-*); после конечных в глагольной основе согласных, кроме *-л-*, соответственно часто мы находим *-ч* и *-ч-*. Примеры:

ойр.: *олдж* 'нашел', *гарч* 'вышел'; халх.: *хардж* 'увидел', *дўсч* 'кончил'; орд.: *ōгчі* 'дал', *ojоджі* 'сшил'; баар.: *jабдж* 'пошел', *jірдж* 'прибыл'; монгор.: *гуледжі* 'говорил'; баоан.: *мартэджэ* 'забыл'.

Простой, неэмфатический суффикс *-джі* отсутствует в старописьменном монгольском языке всех периодов и не зарегистрирован в могольском и дунсянском языках. Этот же суффикс, по-видимому, не является результатом ослабления сложного *-джіβаі*, как предположительно думал Г. И. Рамстедт (будто бы в халхаском *-ōджі←-джā←*-джіβаі*)[51].

Сложный, или эмфатический, тип суффикса имперфектного претерита восходит к **-джіβаі*, состоящему из рассмотренного выше **-джі-* и собственно эмфатического компонента **-β̆аі*, кото-

[50] Здесь мы, конечно, исключаем те бурятские диалекты, которые территориально примыкают к халхаскому диалекту и имеют форму имперфектного претерита.

[51] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 82. — См. ниже также о суффиксе соединительного деепричастия, омонимичном с данным суффиксом имперфектного претерита.

рый имеется в составе других глагольных форм, преимущественно повелительно-желательного наклонения (см. выше о суффиксах *-суҕаі*, *-туҕаі* и др.), и в котором элемент *-ҕ-* является, быть может, лишь вставным согласным. В современных монгольских языках этот эмфатический суффикс имперфектного претерита отражается в виде *-джā~-джā̆~-джē* (после согласных, кроме *-л-* — *-чā~-чē*). Примеры:

ойр.: *олджā~олджā̆* 'нашёл', *гарчā~гарчā̆* 'вышел'; халх.: *харжē* 'увидел', *дӯсчē~дӯсджē* 'кончил'; баарин.: *јабджā̆* 'пошёл', *јірджā̆* 'прибыл'; мог.: *ірȧджā̆* 'прибыл', *асугчā̆* 'спросил'; монгор.: *бӯджіā̆* 'спустился', *реджіā̆* 'прибыл'.

Эмфатический характер сложной формы имперфектного претерита сказывается в том, что, например, в халхаском гласный элемент суффикса данной формы не подчиняется гармонии гласных, вместо ожидаемого *-джā~-джā̆* в глаголах с вокализмом заднего ряда проявляясь в виде *-джē* (ср. бур. *јабăжēл бȧĕнă* 'всё идёт и идёт').

Относительно монгорской формы имперфектного претерита А. Смедт и А. Мостарт полагали, что форма *-джіа* представляет собой суффикс соединительного деепричастия *-джі*, который с предикативным окончанием *-а* образует данную изъявительную форму [52].

В классическом монгольском языке сложный суффикс имперфектного претерита представлен в виде *-джухуі* (*-джӱкӱі*, *-чухуі*, *-чӱкӱі*)←**-джуҕуі* (ср. *аджуҕу* от омертвелого вспомогательного глагола *а-* 'быть'), например: *олджукуі* 'нашёл', *ҕарчукуі* 'вышел'. Однако в свое время Г. И. Рамстедт правильно сомневался в том, что такое чтение известного старописьменного написания является правильным (в старой письменности диакритика для обозначения согласного *-ҕ-*, в отличие от *-к-*, не всегда ставилась). Следовательно, в данном случае исходным для этого суффикса имперфектного претерита классического монгольского языка необходимо признать тип *-джуҕуі*. Памятники раннемонгольского языка (тексты квадратной письменности, «Сокровенного сказания» и др.), как думал в свое время Г. Рамстедт, несомненно подтверждают такое предположение. Дело в том, что формы типа *-джу'у~-джу'уі~-джі'аі*, встречающиеся в этих памятниках, не могли возникнуть из *-джухуі*, поскольку интервокальный хиатус в монгольских языках является следствием выпадения именно такого согласного *-ҕ-*, а не *-х-* [53]. Что касается старописьменного написания гласного *-у-* в первой части этого суффикса, обстоятельства, смутившего В. Котвича [54], то это, по-видимому,

[52] A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, pp. 122—123.
[53] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 82.
[54] W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, — «Rocznik Orientalistyczny», Tom XVI, Kraków, 1953, s. 260.

является отражением задней артикуляции гласного**-і-* (*-джї*←**-дї*).

Перфектный претерит

Перфектный претерит, иначе называемый в монголистике изъявительной формой настояще-прошедшего или прошедшего времени, первой изъявительной формой прошедшего времени или первой повествовательной формой, встречается во всех монгольских языках и диалектах, в некоторых из которых (например, в бааринском диалекте) она применяется редко. Исходным показателем перфектного претерита является суффикс *-ба~-бе*, наличествующий в старописьменном монгольском языке всех периодов и некоторых

Таблица 7

Изъявительные формы

Языки и диалекты	Имперфектный презенс				Перфектный презенс	Имперфектный претерит	Перфектный претерит
Классический монгольский	*-м*	*-муі*	*-на*	*-нам*	*-луҕа*, *-луҕаі*	*-джухуі*, *-джуҕу*	*-ба*, *-баі*
Современный монгольский	—	—	*-на*	—	*-лаа*	*-жээ*, *-чээ*	*-в*, *-б*
Бурятский	—	—	*-на*	—	*-лай*	*-жа*[1]	*-ба*
Ойратский	—	—	*-нā*	—	*-лā*	*-дж*, *-ч*	*-в*
Могольский	*-м*	—	*-нȧ*	*-нам*	*-лȧ*[2]	*-джā̆*	*-бȧ*, *-пȧ*, *-фȧ*
Монгорский	*-м*	—	*-ні*[3], *-на*[4]	—	*-ла*, *-лаӊ*[5]	*-джі*, *-джа*[4]	*-ба*, *-ва*
Баоаньский	*-м*	—	*-нэ*	—	—	*-джэ*, *-джі*[3], *-джо*[4]	*-о*, *-во*
Дунсянский	—	—	*-нэ*	—	?	?	*-вэ*
Дагурский	—	—	*-н*	—	*-лї*[6], *-лā*[8]	—	*-бэ*, *-бэі*[7]

Примечания.
1. Только от основы **а-* 'быть'. 2. *-лȧ*←**-лу*. 3. Формы 1-го лица. 4. Формы 2-го и 3-го лица. 5. В говоре минхэ. 6. *-лї*←**-лу*. 7. Здесь форма настояще-будущего времени. 8. *-лā*←**-луҕа*.

Формы классического монгольского языка почти полностью совпадают с исходнопрототипными. Монгольские и бурятские формы даны в их современном орфографическом облике.

современных монгольских языках. Этот же суффикс наращивается эмфатическим гласным *-і* и выступает в целом как *-баі~-беі*, если иметь в виду его исходное состояние. Однако в современных монгольских языках эмфатический характер этого суффикса

не всегда проявляется достаточно ясно. В соответствии с изложенным и фонетическими особенностями согласный элемент данного суффикса в современных монгольских языках в виде того же *-б-* или *-в-*~*-w-*~*-п-*~*-ф-*, а гласный *-а-*~*-е-*~ (эмфатически) *-аі*~*-еі* соответственно варьируется по законам сингармонизма в виде *-ä*~*-ä*~*-ё*~*-ē*~*-ö*~*-ō*~*-ō* или вообще выпадает. Примеры:

класс.: *гарба*~*гарбаі* 'вышел', *немебе*~*немебе* 'прибавил'; халх.: *ургäw*~*ургäwä* 'вырос', *хелёw*~*хелбё* 'сказал'; орд.: *ögwö* 'дал', *олбо*~*олwо* 'нашел'; бур.: *ошöбö* 'отправился', *нехёбё* 'допытывался'; ойр.: *jowöw*~*jowwä* 'пошел', *бічіw*~*бічwä* 'написал'; мог.: *іраба* 'пришел', *болфа* 'настал'; монг. *урова* 'вошел', *рева* 'пришел'; даг.: *орсобэі* 'потечет', *дäwэі* 'поднимет'; дунс. *ірэвэ* 'пришел'; баоан. *ро* 'вернулся', *мартаво* 'забыл'.

Относительно суффикса *-ба*~*-бе* в монголистике установлено, что он находится в этимологической связи с тюркским *-п* и маньчжурским *-фі*, показателями деепричастия прошедшего времени, в чем усматривается первоначальная форма претеритного отглагольного имени в протоалтайских языках. Следы такого имени, по мнению Г. И. Рамстедта, сохраняются в монгольских словах типа *төлөв* 'форма', 'вид', 'образ', *төсөв* 'план', 'наметка' и суффиксе *-вхий-*←**-б-* + **кі-* 'делать', например *алавхий-* 'вскакивать'[55].

ПРИЧАСТИЯ

Будущее причастие

Будущее причастие, или причастие будущего времени, имеющееся во всех монгольских языках и диалектах, часто называется в монголистике то изъявительной формой будущего времени, если оно применяется в предикативной функции, то «инфинитивом», без которого, как писал в свое время Г. И. Рамстедт, не мог обойтись и монгольский язык[56].

Исходным прототипом показателей будущего причастия является суффикс **-ку-* (~*-кӯ*), который в монгольских языках и диалектах отражается более или менее одинаково, а именно: *-ха* (в халхаском, бурятском, ойратском и некоторых внутреннемонгольских диалектах; здесь, как и ниже, различная степень редукции конечного гласного данного суффикса не отмечается), *-ху* (в ордосском и некоторых других монгольских диалектах; гласный этого суффикса подвержен разным ассимиляционным изменениям), *-гі*, *-го* (в баоаньском), *-гу* (в монгорском, дагурском, баоаньском), *-гуі* и *-гун* (в монгорском), *-ку* (в могольском и дунсянском), *-ху*, реже *-хуі* (в классическом), *-ку*, *-куі* и *-кун* (в монгольских текстах раннего и среднего периодов, т. е. в старомонгольском), *-ву* (загадочный суффикс в дунсянском наряду с *-ку*). Примеры:

халх.: *олхö*~*олöх* 'имеющий найти', *медёх* 'имеющий знать'; бур.: *гарäхä* 'имеющий выйти', *онöхö* 'имеющий попасть в цель'; ойр.: *унäхä* 'имеющий упасть', *ірёх* 'имеющий прибыть'; орд.: *jawуху* 'имеющий идти', *соносху* 'имеющий услышать'; баоан.: *рэгу* 'имеющий прибыть'; *рэгі* 'прибуду', *рэго* 'прибудет'; монгор.: *сӯгу* 'имеющий сесть', *awугуі* 'имеющий взять', *рэгуна* 'имеющий прибыть'; даг.: *хасöгӯ* 'имеющий спросить', *дäрäгӯ* 'имеющий замерзнуть'; мог.: *амсаку* 'имеющий вкусить'; дунс.: *уаншыку* 'имеющий читать', *јавуку* 'имеющий идти', *ірэву* 'имеющий прибыть'; класс.: *дабаху* 'имеющий перевалить', *удаху* 'имеющий задержаться'; старомонг. *орукуі* 'имеющий войти', *јабукун* 'имеющие идти'.

Как известно, форма будущего причастия обнаруживается в составе некоторых глагольных, преимущественно деепричастных, образований, о чем речь будет идти ниже.

Относительно происхождения будущего причастия и его суффикса сказать что-либо определенное пока что трудно. Во всяком случае Г. И. Рамстедт высказал предположение, что это монгольское причастие «восходит к монголо-тюркскому глагольному имени» (Nomen verbum). При этом Г. И. Рамстедт находил для себя возможным сопоставлять показатель монгольского будущего причастия *-ку* с тюркским *-гу*, суффиксом имен действия в средневековой тюркской речи, сохранившимся в этом же виде в некоторых отдельных словах типа киргизского *сузгу* 'ковш' и развившимся, например, в казахском языке в *-у* (*жазу* 'письмо' от *жас-* 'писать', *алу* 'вычитание' от *ал-* 'взять', 'брать' и т. п.). Соответствие монгольского *к* тюркскому *г* в данном случае Г. И. Рамстедту казалось вполне допустимым. Кроме того, Г. И. Рамстедт, вслед за О. Бётлингом, сопоставлял монгольские отглагольные имена на *-ҕу* типа классического *катаҕу* 'твердый', 'крепкий' от *ката-* 'сохнуть', *калаҕун* 'горячий' от *кала-* 'нагреваться' и т. п. с тюркскими именами действия, или «инфинитивами», на тот же суффикс *-гу*. Это сопоставление дало Г. И. Рамстедту возможность предположить, что монгольские отглагольные имена приведенного типа, с одной стороны, и форма будущего причастия, с другой, образовались по изначально идентичным образцам[57]. Однако такое предположение Г. И. Рамстедта не представляется достаточно убедительным, как бы оно ни казалось заманчивым. Дело в том, что круг применения суффикса *-ҕун* (*калаҕун* 'горячий'!) выходит за пределы образования отглагольных имен.

---

[55] Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 124.
[56] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 80.
[57] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*.... S. 91; Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 89—90.

Причастие возможности

Причастие возможности зарегистрировано в калмыцком (суффикс *мāр*, орфографически *-мар*), бурятском и современном монгольском (халхаском, — суффикс *-мāр*, орфографически *-маар*) языках, а также в классическом монгольском языке (суффикс *-мар* и *-мар-а*, применяется под несомненным влиянием устной речи, чем и объясняется разнобой в орфографии этих суффиксов, различных по своим значениям). Примеры:

калм.: *умшмар* 'читабельный'; бур.: *мэдэмээр* 'ведомый', *абамаар* 'доступный для получения'; халх.: *дийлмээр* 'победимый', *таармаар* 'подходящий', 'годный'; класс.: *очімар~очімар-а* 'необходимо отправиться', 'такой, что надо отправиться', *үджемер~уджемере* 'видимый'.

Суффикс причастия возможности генетически представляет собою форму орудного падежа отглагольного имени на *-ма*, так называемого определительного имени, nomen descriptionis, в монгольских языках давно уже непродуктивного. Эту этимологию данного суффикса Г. И. Рамстедт считал вероятной, но отклонил ее на том основании, что в монгольских языках, по его мнению, имена в орудном падеже не могут применяться в атрибутивной позиции. Поэтому Г. И. Рамстедт думал, что суффикс *-мар~-мāр* является совершенно независимым от *-ма* и образует в современных монгольских диалектах nomen agendi seu acturi[58]. Однако надо иметь в виду, что в монгольских языках, например, будущее причастие в орудном падеже в атрибутивной позиции употребляется довольно часто: халх. *харагдахаар газар* 'видимое место', бур. *баригдахаар баабгай бэшэ* 'не такой это медведь, которого можно было бы изловить'. То, что причастие возможности представляет собою генетически отглагольное имя в орудном падеже, сказывается и ныне в невозможности его применения в формах косвенных падежей, как это допустимо с другими причастиями вообще, — во всяком случае такое применение этого причастия не вполне обычно для современных монгольских языков.

Кроме того надо особо отметить, что суффиксы *-мāр* и *-мар* являются средством образования различных по значению отглагольных имен, а не чередующимися вариантами одного и того же форманта. Если суффикс *-мāр* образует причастие возможности от любой глагольной основы, характеризующее объект действия (халх. *гармаар* 'такой, который можно пройти'), то суффикс *-мар* служит средством образования довольно немногочисленной группы давно уже непродуктивных отглагольных имен типа, например, бур. *шадамар* 'способный', халх. *зөөмэр* 'грузчик', *бөөмэр* 'тухлый продукт', имен, характеризующих субъект (в прямом и страдательном значениях). Правда, в некоторых отдельных случаях современный монгольский язык обнаруживает явления конвергенции этих двух форм, так сказать, в пользу суффикса *-маар*: 1) *татгалзмаар←татгалзмар* 'способный, склонный возражать' и 2) *тагалзмаар* 'вызывающий возражения', 'неприемлемый'; 1) *тэсмээр←тэсмэр* 'терпеливый' и 2) *тэсмээр←тэсмэр* 'терпимый'[59].

В монгольских языках определительных имен на *-ма* очень немного, по-видимому, по той причине, что они оказались вытесненными причастием возможности: ведь эти имена и глаголы в форме данного причастия по значению близки друг другу, например, бур. *ама ангайма халуун* 'до того жарко, что рот открывается', халх. *хормой хийсдэм салхи* 'такой ветер, что подол развевается»[60].

Многократное причастие

Многократное причастие (Nomen usus) имеется во всех диалектах современного монгольского, бурятского и ойратского языков (суффикс *-даг~-дак* с соответствующими изменениями гласного по законам сингармонизма), а также в старописьменном монгольском языке как доклассического, так и классического периодов (суффикс *-даб~-дег*). Примеры:

орд.: *хонодок* 'ночующий', *ōдак* 'находящийся'; халх.: *олдōг~олдōк* 'находящийся', *гēдēг~гедēк* 'теряющий'; бур.: *гардāг* 'выходящий', *нехēдēг* 'взыскивающий'; ойр. *хелдēг* 'говорящий', *судāг* 'сидящий'; класс.: *орудаб* 'входящий', *медедег* 'знающий'.

Как известно, являются весьма обычными случаи, когда в одной группе родственных языков оказывается утраченной (или отсутствует) какая-либо грамматическая форма, которая малоупотребительна (или образовалась сравнительно недавно) в другой группе тех же родственных языков. Но в данном случае трудно найти объяснения тому обстоятельству, что в дагурском, монгорском, дунсянском, баоаньском и могольском языках не обнаружено наличие многократного причастия, весьма употребительного с давних времен в остальных монгольских языках. Поскольку распад некогда единого монгольского языка и образование современных монгольских языков относятся к недавнему времени, к XIV—XVII вв., постольку можно лишь сказать, что в перечисленных монгольских языках, развивавшихся на окраинах или даже вне остального монгольского языкового ареала

[58] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 95.

[59] Разные значения суффиксов *-мар* и *-маар* отмечены К. М. Черемисовым в его «Бурят-монгольско-русском словаре» (М., 1961, стр. 824—825).

[60] А. Д. Руднев в своем «Хори-бурятском говоре» (§ 180) даже считал, что суффиксы *-ма* и *-маар* являются показателями одного и того же деепричастия (?) возможности. Равным образом А. Мостарт в своем «Textes Oraux Ordos» (p. 52) эти же формы объединил под общим наименованием «описательных имен».

и под известным воздействием со стороны других, немонгольских, языков, многократное причастие оказалось утраченным в сравнительно недавнее время и очень быстро. В этих «окраинных» монгольских языках сохранились лишь некоторые отдельные остатки этого многократного причастия в виде небольшого количества его субстантивированных форм типа, например, даг. *шілдёк* 'отборный' от глагольной основы *шіл-* 'отбирать лучшее' (возможно, что здесь мы имеем дело с халхаским заимствованием в дагурском языке), монгор. *фургудог* 'пугливый', *бёдог* 'остов корзины' (соответственно ср. класс. *ўргўдег* 'обычно пугающийся' от *ўргў* 'пугаться' и *бајідаҕ* 'обычно стоящий' от *бајі-* 'быть', 'стоять') и т. п. Кроме того в монгорском языке имеется единичное отглагольное образование *гіда~гіді* 'именуемый', 'называемый' от глагольной основы *гі-* 'именовать', 'говорить' (ср. класс. *гедег*, *кемедег* от *ге-*, *кеме-*). Это обстоятельство в ряду других случаев подобного же рода представляет особый интерес в общелингвистическом плане в связи с проблемами развития «окраинных» языков вообще.

Относительно монгольского многократного причастия Г. И. Рамстедт полагал, что оно соответствует тюркскому отглагольному имени на *-дук*, которое посредством суффикса *-к* образовано от вторичной глагольной основы на *-д-*, *-т-*, до сих пор наличествующей в тунгусском языке со значением длительного вида, континуатива, но отсутствующей в тюркских и монгольских языках[61]. И именно в силу последнего обстоятельства — отсутствия в монгольских и тюркских языках вторичной глагольной основы на *-д-* или *-т-* — предположение Г. И. Рамстедта о генезисе показателя многократного причастия и тюркского имени на *-дук* делается маловероятным, хотя само по себе сопоставление монгольского *-даг* с этим тюркским *-дук* (и негидальским *-діг*, суффиксом глагольной формы настоящего времени) является вполне допустимым. Иными словами, в настоящее время попытки «разложить» на составные части монгольский *-даг*, тюркский *-дук* (и негидальский *-діг*) пока успехом не увенчались.

Однократное причастие

Однократное причастие — Nomen actoris — имеется почти во всех монгольских языках, хотя не в каждом из них оно сохранило свою чисто глагольную природу или собственно причастные свойства, превратившись в имя деятеля[62]. Исходным прототипом показателя этой причастной формы является суффикс **-ҕчі~*-гчі*, который отражается как *-ҕчі~-гчі* (в классическом), *-гчї~-кчї* (в монгольском, ойратском), *-гшӣ* (в бурятском), *-чін~-джін* (в монгорском), *-чын* (в дунсянском), *-чоӈ* (в баоаньском), *-кчі* (в могольском). Примеры:

класс.: *јабуҕчі* 'идущий', *ірегчі* 'приходящий'; монг.: *орӧгчї~орӧкчї* 'входящий', *нехёгчї~нехёкчї* 'ткущий'; ойр.: *кўцӓгчї~кўцӓкчї* 'исполнитель', *медёгчї~медёкчї* 'знаток'; бур.: *голӧгшӧ* 'бракующий', *углагшӣ* 'вдевающий'; монгор.: *реджін* 'приходящий', *лӓчін* 'плачущий'; дунс.: *уджэчын* 'смотрящий', *саучын* 'сидящий'; баоан.: *тоҕчоӈ* 'седлающий', *вэлчоӈ* 'боящийся'.

Состав показателя однократного причастия *-гчі* давно уже выяснен в монголистике и генетически вполне прозрачен как включающий загадочный *-г-* и *-чі*, хорошо известный суффикс образования отымённых имен деятеля. Это, конечно, не означает того, что в современных монгольских языках, во-первых, возможно образование имен на *-г* от любой глагольной основы, поскольку в действительности такой способ образования отглагольных имен в этих языках давно уже не является продуктивным[63]. А между тем форма однократного причастия может быть образована от любой глагольной основы. Во-вторых, отглагольные имена деятеля типа современных монгольских *эрхлэгч* 'заведующий', *командлагч* 'командующий' и т. п. представляют собою обычные случаи субстантивации однократного причастия, поскольку ни в одном монгольском языке нет соответственно отглагольных имен на *-г* типа *эрхлэг*, *командлаг* и т. д. Следовательно, суффикс данного причастия *-гчі* оказывается составным лишь в историческом плане и для современных монгольских языков уже не является разложимым на свои составные компоненты.

Что касается слов типа современного-монгольского (и общемонгольского) *зурагч*, то необходимо иметь в виду исторически образовавшиеся омонимы, точнее — омоформы: 1) *зурагч* — однократное причастие от глагольной основы *зур-* 'рисовать', 'чертить', и 2) *зурагч* 'фотограф' от *зураг* 'портрет', 'фотография', 'рисунок', 'чертеж', имени того же глагольного происхождения (в значении 'художник' в монгольском языке издавна известно слово *зураач* от той же глагольной основы *зур-*, тогда как *зурагч* от *зураг* в современном монгольском языке является новообразованием). Равным образом в этом же языке при наличии, например, имени деятеля *бичээч* 'писарь', 'технический секретарь' и формы однократного причастия *бичигч* от одной и той же глагольной основы *бич-* 'писать', издавна известных во всех монгольских языках, никогда не существовало имени деятеля *бичигч*. Иными словами, при наличии соответствующих отглагольных имен деятеля на *-аач* в монгольском языке однократное причастие не подвергалось полной субстантивации, если отсутствовала необходи-

[61] Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, р. 39.

[62] За этой причастной формой мы сохраняем ее традиционное название, исторически сложившееся в русской монголоведной литературе, хотя оно и не является достаточно точным для всех монгольских языков.

[63] К тому же, как известно, в монгольских языках такого рода отглагольные имена на *-г* являются преимущественно заимствованиями из тюркских языков.

мость в семантической филиации, с которой, конечно, не следует смешивать образования имен деятеля типа приведенного выше *зурагч* 'фотограф' от отглагольных имен же на *-г*. Следовательно, форма на *-гчі* в монгольских языках должна быть признана причастной, однократным причастием, которое может оказаться именем деятеля лишь в определенных случаях полной субстантивации[64].

Следует считать, что вопрос об идентичности первого компонента составного суффикса однократного причастия *-г-* известному суффиксу образования отглагольных имен *-г*, имеющемуся почти во всех алтайских языках, в настоящее время нуждается в дополнительном изучении. Как известно, Г. И. Рамстедт полагал, что, напр. *бічіг-* в *бічігчі* 'пишущий', вероятно, представляет собою *бічіг* 'письмо'[65]. А между тем не исключена возможность того, что рассматриваемый первый компонент суффикса однократного причастия *-г-* должен быть поставлен также в какую-то связь с подобным же компонентом суффиксов прошедшего причастия, повелительной формы 2-го лица множественного числа и современной монгольской, бурятской и ойратской повелительно-желательной формы 3-го лица (соответственно: *-ҕ-сан*, *-ҕ-тун* и *-ҕ*, если во втором суффиксе исключить возможность маловероятной метатезы). Поэтому форму на *-ҕчі* вряд ли можно считать образованной непосредственно от глагольной основы.

В большинстве достаточно хорошо изученных монгольских языков отглагольные имена деятеля в подлинном смысле этого слова образуются посредством суффикса *-ҕачі*→*-āчі*, например: класс. *джіруҕачі* 'художник' от *джіру-* 'рисовать', 'чертить', ойр. *ахлāчĭ* 'глава' от *ахлă-* 'возглавлять', халх. *медēчĭ* 'знаток' от *медē-* 'знать'. В бурятском языке образование на *-āшă*← *-ҕачі* является формой постоянного причастия, поскольку оно обладает главными свойствами глагола, например, полным управлением всеми падежами: *хажурāрā тарāгā сабшāшă* 'своей косой свои хлеба косящий'.

Суффикс *-ҕачі* является составным: *-ҕа-* плюс *-чі*, из коих первый компонент Г. И. Рамстедтом был идентифицирован с суффиксом настоящего причастия *-ҕа*[66].

Настоящее причастие

Настоящее причастие, или причастие настоящего времени (Nomen imperfecti), в той или иной степени употребительное в старописьменном монгольском, современном монгольском, бурятском и

[64] При полной субстантивации любое причастие теряет свои главные глагольные особенности, как-то: управление всеми падежами и послелогами, функционирование в качестве глагольного сказуемого и т. п., как это имеет место в ойратском языке.

[65] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation...*, S. 103.

[66] Ibid., S. 104.

ойратском языках, отсутствует на окраинах монгольского лингвистического ареала, т. е. в речи дагуров, монгоров, дунсян, баоаней и моголов[67]. Показателем этого причастия является суффикс *-ҕаі* (в доклассическом монгольском языке), *-ҕа* (в старописьменном монгольском языке), *-'а*~*-'аі* (в монгольском языке XIII в.), *-ā* и, в положении после дифтонгов и долгих гласных, *-гā* (в живых монгольских языках). Примеры:

докласс. *сабуҕаі* 'сидящий', монг. (XIII в.) *барігда'а* 'схваченный', класс. *оруҕа* 'входящий', халх. *гарā* 'выходящий', бур. *бугā* 'спустился', калм. *кевкā* 'сосал' (в бурятском и, изредка, калмыцком языках это причастие употребляется преимущественно в предикативной позиции).

Суффикс *-га* Г. И. Рамстедтом был идентифицирован, с одной стороны, с суффиксом тюркского деепричастия настоящего времени *-а*, и, с другой, с суффиксом же маньчжурского причастия прошедшего совершенного времени *-ка*~*-ха*, что в целом, по его мнению, позволяет говорить об алтайском праязыковом отглагольном имени[68]. В самóм монгольском языке Г. И. Рамстедт этот же суффикс *-га* находил в составе, например, отглагольного имени деятеля типа *бічігечі* 'писарь', 'технический секретарь' или отглагольных слов вообще типа *ачіҕа* 'кладь', 'груз' от *ачі-* 'грузить' (ср., подобную же номинализацию типа тюркского *тура* 'дом')[69].

Прошедшее причастие

Прошедшее причастие, или причастие прошедшего времени (Nomen perfecti), встречается во всех монгольских языках и диалектах, имея суффикс *-ҕсан* (в старописьменном всех периодов, в том числе и классического), *-ксōн* (в могольском), *-сăн*~*-сан* (в монгольском), *-сăн* (в дагурском), *-сăн* (в ойратском), *-саң* (в баоаньском), *-сэн* (в дунсянском), *-сан*~*-саң*~*-дзан* (в монгорских диалектах), *-hăң* (в бурятском). Примеры;

класс.: *јабуҕсан* 'пошедший', *ўджегсен* 'увидевший'; мог.: *уніксōн* 'севший на коня', *ірăксōн* 'прибывший'; халх.: *гарсăң* 'вышедший', *орсōң* 'вошедший'; орд.: *гесен* 'сказавший', *едегесен* 'вылечившийся'; даг.: *даўдăсăн* 'призывавший', *нэрлэсэн* 'называвший'; ойр.: *сусăн*~*сусн* 'сидевший', *унăсăн*~*унăсн* 'упавший'; баоан.: *рэсаң* 'прибывший', *лāсаң* 'плакавший';

[67] О монгорском суффиксе *-а* см. ниже в разделе, посвященном разделительному деепричастию.

[68] За данной причастной формой мы сохраняем его традиционное наименование, хотя в бурятском и ойратском языках она выражает действие прошедшего времени, как и соответствующая ей причастная же форма в маньчжурском языке. В русской монголистике эта форма называется также прошедшим неоконченным причастием, а иногда, без уточнения времени, незаконченным или несовершенным.

[69] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 86.

дунс.: *холусэн* 'бегавший', *кіэліэсэн* 'сказавший'; монгор.: *курісан~курісаң* 'дошедший', *фунісан~фунісаң* 'ехавший верхом', *редзан* 'прибывший'; бур.: *дүлähäң* 'певший', *дарähäң* 'победивший'.

В монголистике принято считать, что прототипом суффикса прошедшего причастия следует признать форму **ҕсан*, для которой в прочих алтайских языках не находят каких-либо удовлетворительных соответствий. Правда Г. И. Рамстедт не очень уверенно привлекал для данной цели суффикс манчжурского прилагательного *-схун* (например, *чжобосхун* 'озабоченный' от *чжобо-* 'заботиться'), поскольку метатеза *-ҕсан←*-сган* по типу *-ҕтун←*-дкун*, суффикс повелительной формы 2-го лица множественного числа, вполне справедливо казалась ему мало мотивированной. Вместе с тем Г. И. Рамстедт склонен был полагать, что согласный *н* в суффиксе *-ҕсан* является вторичным, о чем, по его мнению, свидетельствует суффикс продолжительного деепричастия *-ҕсаҕар* (см. ниже об этой деепричастной форме). Следовательно, согласно данному предположению Г. И. Рамстедта, первоначальным прототипом суффикса прошедшего причастия должен быть **-ҕса-*[70]. Однако настаивать на этом предположении весьма трудно, так как в монгольских языках отпадение конечного согласного *н* давно уже является обычным в тех случаях, когда соответствующие имена оказываются в форме орудного и ряда других падежей.

Поскольку в алтайских языках для суффикса *-ҕсан* не обнаруживались сколько-нибудь удовлетворительные соответствия, постольку его этимология для монголистики и алтаистики вообще продолжает оставаться темной. Учитывая известную необычность для монгольских языков стечения двух начальных согласных (как в слове, так и в слоге вообще), можно лишь полагать, что этот суффикс состоит из двух компонентов: **-ҕ-* и **-сан*. Первый из этих компонентов, т. е. **-ҕ-*, можно сопоставить с подобным же компонентом в составе суффиксов однократного причастия, повелительной формы 2-го лица множественного числа и повелительно-желательной формы 3-го лица (соответственно *-ҕчі*, *-ҕ-тун* и *-ҕ*). Трудно сказать, в какой мере такое сопоставление может оказаться оправданным и сопоставим ли этот компонент *-ҕ-* с суффиксом образования отглагольных имен *-г-* в словах типа *бічіг* 'письмо' от *бічі-* 'писать'.

Завершенно-прошедшее причастие

В монгольских языках имеется некоторое количество отглагольных прилагательных на давно уже непродуктивный суффикс *-нгхаі→-ңхä*, например: класс. *еченгкеі* 'усталый' от *ече-* 'уставать', халх. *туранхай* 'истощенный' от *тур-* 'тощать' и немно-

[70] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, Ss. 88—89.

Таблица 8

Причастные формы

Причастия / Языки и диалекты	Будущее	Возможности[1]	Многократное	Однократное	Настоящее	Прошедшее	Завершенно-прошедшее[2]
Классический монгольский	*-ху, -хуі*	*-мар [а]*	*-даб*	*-ҕчі*	*-ҕа*	*-ҕсан*	*-нгхаі*
Современный монгольский	*-ах*	*-маар*	*-даг*	*-гч*	*-аа*	*-сан*	*-нхай*
Бурятский	*-ха*	*-маар*	*-даг*	*-гша*	*-аа*	*-han*	*-нхай*
Ойратский	*-х, -хä*	*-мäр*	*-дг, -дк*	*-гч, -кч*	*-ä*	*-сн*	*-ңхä, -ңхй*
Могольский	*-ку, -куі*	?	—	*-кчі -чін*	—	*-ксон*	?
Дагурский	*-гў*	?	—	?	—	*-сäн*	?
Монгорский	*-гу, -гуї, -гуні*[3], *-гуна*[4],	?	—	*-чін, -джін, -джіні*[3], *-джіна*[4]	—	*-ван, -дзан, -сані*[3], *-сана*[4]	?
Баоаньский	*-гу, -гі*[3], *-го*[4]	?	—	*-чоң*	—	*сан-*	?
Дунсянский	*-ку, -ву*	?	—	*-чын*	—	*-сэн*	?
Исходный прототип	*-ку [н]*	*-ма-бар*	*-даб*	*-ҕ-чі*	*-ҕа*	*-ҕ-сан*	*-н-кai*

Примечания: 1) причастная форма в бурятском, ойратском, классическом и современном монгольском языках; 2) причастная форма в восточнобурятских диалектах (в остальных языках и диалектах — отглагольное прилагательное); 3) предикативные формы 1-го лица; 4, предикативные формы 2-го и 3-го лица. Монгольские и бурятские формы даны в их современном орфографическом облике.

гие другие. Однако в некоторых восточнобурятских диалектах посредством этого же суффикса *-ңхӑ* (орфографически *-нхай*) образуется форма завершенно-прошедшего причастия, получившего широкое применение в бурятском литературном языке, например: *ябанхай* 'ушедший' от *яба-* 'идти', *бэшэнхэй* 'написавший' от *бэшэ-* 'писать', *олонхой* 'нашедший' от *оло-* 'найти' и т. п. Этот суффикс *-ңхӑ* генетически состоит из двух компонентов, **-н*, образующего отглагольные имена типа, например, халх. *шингэн* 'жидкий', от *шингэ-* 'впитываться', и **-хаі*, посредством которого образуются: с одной стороны, вторичные прилагательные от прилагательных же типа бур. *муухай* 'некрасивый' от *муу* 'плохой' и, с другой, отглагольные прилагательные типа халх. *тархай* 'разбросанный', 'рассеянный' от *тар-* 'расходиться', 'рассеиваться'[71].

Атрибутивный оттенок в значении приведенных выше отглагольных прилагательных на *-нхаі* заставляет полагать, что первый компонент этого суффикса представляет собою именно первоначальный **-н*, но не **-нг*. Дело в том, что в монгольских языках посредством суффикса *-нг* образуются не имена прилагательные, а существительные со значением результата действия, выраженного в производящей глагольной основе, например халх. *ээдэн←*егеденг* 'кашица из муки', 'клейстер' от *ээд-←*егеде-* 'кваситься', 'свертываться'. Заднеязычный же характер этого компонента в живой речи обусловлен тем, что в монгольских языках переднеязычный согласный *-н-* в положении перед согласным *-х-* вообще становится заднеязычным, что и имеет место в данном случае (в классическом монгольском языке сочетание *-нг-* не всегда восходит к **-нг*).

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Соединительное деепричастие

Соединительное деепричастие, именуемое иногда деепричастием настоящего времени или Converbum imperfecti, распространено во всех монгольских языках и диалектах, в которых исходный прототип его суффикса **-джу* отражается более или менее одинаково, а именно: *-джу* и, после конечных согласных, кроме *-л-*, *-чу* (в классическом монгольском языке), *-джы* (в дунсянском), *-джі* (в монгорском и баоаньском), *-жа~-ша* (в бурятском), *-джі~-чі* (в остальных монгольских языках и диалектах; здесь различная степень редукции — вплоть до исчезновения — и позиционные изменения конечного гласного *і* не отмечаются). Примеры:

[71] Суффикс *-хаі* входит также в состав и других сложных суффиксов, например *-рхаі* в словах типа класс. *тасурхаі* 'разорвавшийся' от *тасу*, непереводимого наречия, приблизительно соответствующего по значению русским «пополам», «надвое» и т. п.

класс.: *олджу* 'находя', *босчу* 'вставая'; дунс.: *холуджы* 'бегая', *уджэджы* 'видя', монгор.: *гуіджі* 'прибегая', *уріджі* 'приглашая'; баоан.: *нэ̄джі* 'открывая', *сӯджі* 'сидя'; бур.: *хусӑжӑ* 'лая', *гаршӑ* 'выходя'; халх.: *гарчӣ* 'выходя', *нехӗжӣ* 'ища'; даг.: *хар'ӣджӣ* 'возвращаясь', *хӣджӣ* 'делая'; мог.: *боп-чі* 'вставая', *геджі* 'говоря'; ойр.: *сӯджӣ* 'сидя', *нӑчӣ←*надчі* 'играя'.

Исходный прототип суффикса соединительного деепричастия **-джу* в свою очередь восходит к **-джі←*-дӣ*, о котором уже сказано выше, в разделе об имперфектном претерите.

Соединительное деепричастие в некоторых монгольских языках, особенно в дархатском, ойратских и западнобурятских диалектах, в сочетании со вспомогательным глаголом, восходящим к *баjі-* 'быть', образует как бы сложную форму несовершенного вида, о чем говорится в разделах категорий времени и вида.

Разделительное деепричастие

Разделительное деепричастие, называемое также деепричастием прошедшего времени или Converbum perfecti, распространено во всех монгольских языках и диалектах, кроме могольского и баоаньского, в которых оно пока не обнаружено. Показателями этого деепричастия являются суффиксы: 1) *-ҕад* (в классическом монгольском языке)←**-ҕад→-ӑт* (орфографически *-аад* в бурятском и халхаском, *-ад* в калмыцком), *-ӑр* (в дагурском); 2) *-ӑ* (в монгорском и дагурском) и 3) *-дэ~-дэнэ* (в дунсянском). Примеры:

класс.: *оруҕад* 'войдя', *некегед* 'поискав'; бур. (орфографически): *олоод* 'находя', *ерээд* 'придя'; халх. (орфографически): *бичээд* 'написав', *хийгээд* 'сделав'; ойр. (в калмыцкой орфографии): *гарад* 'выйдя', *келӑд* 'сказав'; даг.: *бодӧр* 'подумав', *вантӑ* 'выспавшись'; монгор.: *орӧ* 'войдя', *хӑӑ* 'закрыв'; дунс.: *холудэ~холудэнэ* 'убежав', *гіэмэрэдэ~гіэмэ-'рэдэнэ* 'заболев'.

Кроме того, в минхэ-монгорском диалекте имеется еще особый суффикс разделительного деепричастия *-данаң~-даҕанаң~-даҕалі*, генезис которого, как и дунсянского *-дэ~-дэнэ*, пока представляется неясным (вряд ли здесь можно предполагать, что эти суффиксы восходят к суффиксам дательно-местного падежа, хотя с семасиологической точки зрения это вполне возможно).

Относительно исходно-прототипного суффикса разделительного деепричастия **-ҕад* принято считать, что он сопоставим с тюркским *-гач~-кач*. Такое сопоставление в свою очередь приводит к выводу о том, что деепричастие в прошлом представляло собою форму именительного падежа «тюркско-монгольского отглагольного имени», применявшуюся будто бы адвербиально еще с

«домонгольского периода»[72]. Причем именной характер происхождения разделительного деепричастия, по мнению Г. Рамстедта, проявляется в том, что оно в калмыцком языке может сопровождаться постпозиционным отрицанием *ügei* 'не', 'нет', например *орад уга* 'не вошел'. Однако, во-первых, оно при этом теряет свое конвербиальное значение, что весьма важно и не учитывается исследователями, и, во-вторых, этим же отрицанием могут сопровождаться в бурятских диалектах также и изъявительные формы, которые генетически не являются именными, например *орöнö ügē* 'не входит', *орöбö ügē* 'не вошёл'.

Изложенная концепция Г. И. Рамстедта, который в данном случае шел по стопам О. Бётлингка и которого повторяют другие алтаисты, с необходимостью должна привести нас к выводу, что пратюркско-монгольское отглагольное имя на **-ғач ~ *-қач* после предполагаемого распада гипотетической праязыковой тюрко-монгольской общности развивалось таким образом, что оно в монгольских языках, фонетически эволюционировав в **-ɓад→-ād*, с течением времени оказалось деепричастной формой, но ни в одном случае не сохранилось в качестве какого бы то ни было отглагольного имени. В то же самое время в некоторых тюркских языках это же отглагольное имя, фонетически оставаясь в своем первоначальном неизменном облике, приобрело значение деепричастия совершенного вида, семасиологически сходного с монгольским разделительным деепричастием (например, узб. *ёзғач* 'написав', 'как только написал', уйг. *қайтқач* 'после того, как вернулся', 'вернувшись'), а в других тюркских языках сохранилось лишь в качестве различных отглагольных же имен непродуктивного типа (например, каракалп. *сыпырғыш* 'метёлка', тур. *kıskaç* 'щипцы', *utangaç* 'стыдливый' и т. д.)[73].

Как видно из изложенного выше, вся эта концепция Бётлингка — Рамстедта не представляется достаточно убедительной, как бы она ни казалась заманчивой и в семасиологическом отношении оправданной. Прежде всего отметим, что Г. И. Рамстедт для обоснования своего сопоставления тюркского отглагольно-именного суффикса *-ғач ~ -қач* с монгольским деепричастным суффиксом *-ɓад* вынужден был последний трактовать как **-ɓад←*-ɓат* с неаспирированным *-т*, что уже является безусловной

[72] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, Ss. 107—108; W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, s. 260; Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 140.

[73] А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, Ташкент, 1948, стр. 212; Э. Н. Наджип, *Современный уйгурский язык*, М., 1960, стр. 90; А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, стр. 123 и 153; Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык*, II, М., 1952, стр. 406—407. — По любезному сообщению Э. Н. Наджипа, форма на *-ғач ~ -қач* в обоих этих значениях была очень употребительна в одних и тех же памятниках тюркской речи XIV и, реже, XV в., в частности в золотоордынских рукописях этого периода.

натяжкой[74]. Но если даже такое сопоставление считать в какой-то степени допустимым с историко-фонетической точки зрения, то скорее всего следовало бы предположить заимствование монгольскими языками данной деепричастной формы из каких-то тюркских языков, так сказать, в готовом виде, т. е. после того, как в последних отглагольное имя на *-ғач ~ -қач* уже превратилось в деепричастие вследствие его адвербиального применения. Ведь в данном случае необходимо принять во внимание то обстоятельство, что в монгольских языках совершенно отсутствует какое бы то ни было отглагольное имя на **-ɓад→-ād*. Следовательно, невозможно говорить об общем тюрко-монгольском отглагольно-именном суффиксе **-ғач*.

Однако и такое решение разбираемого вопроса надо считать преждевременным. Дело в том, что, во-первых, не определена этимология тюркского суффикса *-ғач ~ -қач* и, во-вторых, не установлено, следовательно, являются ли в тюркских языках отглагольно-именное образование на *-ғач ~ -қач* и деепричастие на подобный же суффикс омоформами или результатом различного развития одного и того же явления. Во всяком случае имеется предположение о том, что тюркский деепричастный суффикс *-ғач* возник из прошедше-причастного *-ган* плюс *-ч←*чаг* 'время'[75]. Это предположение, как нам кажется, вполне приемлемо, если оставить в стороне весьма распространенное стремление определенные суффиксы во что бы то ни стало возводить к знаменательным словам, что почти всегда оказывается поспешным. Так, например, вряд ли можно второй компонент рассматриваемого здесь тюркского деепричастного суффикса *-ч* считать усеченной формой имени *чаг* 'время'. Этот компонент *-ч* с фонетической точки зрения вполне допустимо сопоставлять с раннемонгольским суффиксом исходного падежа **-ча*, другое и семасиологически противоположное развитие которого в монгольских языках дало, по-видимому, образование так называемого предельного падежа на *-чā ~ -цā ~ -сā* (орд. *дöрöчē* 'до стремян', калм. *нохаца* 'до собаки', бур. *тохоногсоо* 'до локтей')[76].

Поскольку, следовательно, сопоставление монгольского деепричастного суффикса *-ɓад* с рассмотренным тюркским *-ғач ~ -қач* оказывается неоправданным, не следует исключать возможность того, что данный монгольский суффикс *-ɓад* возник из **-ɓа-*, суффикса причастия настоящего времени, и **-д*, значение которого выяснить пока трудно. Весьма возможно, что этот **-д* обнаруживается в минхэ-монгорском *-данаҥ ~ -даɓанаҥ ~ -даɓалі* и дунсянском *-дэ ~ -дэнэ*, т. е. в суффиксах того же разделительного деепричастия, а также и в бурятском *-д* единственного об-

[74] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 107.

[75] А. Н. Кононов, *Грамматика узбекского языка*, стр. 212.

[76] Г. И. Рамстедт (см. его «Введение в алтайское языкознание», стр. 52) этот суффикс *-ча* не считает возможным сопоставлять с суффиксом исходного падежа *-ча*, полагая их омоформами.

разования *јабуд* (←*јабу-* + **-гу-* + **-д*) *хөрөндө* 'моментально'.

Что касается монгорского и второго дагурского суффикса разделительного деепричастия *-а*, то, конечно, раннемонгольский суффикс **-ҕад* утратил свой конечный согласный *-д*, ибо совершенно невозможно предположить, что в монгорском и дагурском языках причастие настоящего времени приобрело значение данного деепричастия[77].

Слитное деепричастие

Слитное деепричастие (Converbum modale) имеется почти во всех монгольских языках, в которых исходный прототип его суффикса **-н* отражается почти совершенно одинаково *-н*~*-ң*. Примеры:

класс.: *олун* 'находя', *меден* 'зная'; халх.: *гарāң* 'выходя', *өсөң* 'вырастая'; ойр.: *орөн* 'входя', *нүн* 'кочуя'; бур.: *унāң* 'падая', *аршāң* 'вытирая'; даг.: *уджэн* 'видя', *ваїлāн* 'плача'; монгор.: *нтаран* 'спя', *гуін* 'бегая'; дунс.: *уджэн* 'видя', *кіэліэн* 'говоря'; баоан. *кэлјāң* 'говоря'.

В могольском языке форма слитного деепричастия пока не зарегистрирована за отсутствием достаточного текстового материала.

Считается установленным, что слитное деепричастие генетически представляет собою отглагольное имя на *-н* типа современного монгольского *шингэн* 'жидкий' от *шингэ-* 'впитываться', к которому восходит также одна из изъявительных форм настоящего времени на *-на*, о чем речь уже шла выше (см. стр. 123). Дело в том, что это деепричастие в монгольских языках может сопровождаться постпозиционным отрицанием *үгеі* 'не'. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в ордосском диалекте слитное деепричастие может принимать частицу безличного притяжания *-ān*, например, *јавунāн* 'со временем', 'идя', 'продолжая идти', а это вообще свойственно именам и глагольным формам именного происхождения. Однако необходимо учитывать, что в древнейшем памятнике монгольского языка XIII в., т. е. в «Сокровенном сказании» и других сочинениях, слитное деепричастие применяется с препозиционной частицей отрицания *үлү* 'не', характерной именно для «чистых» глагольных форм. Поэтому вряд ли можно считать, что слитное деепричастие находится в этимологической связи с отглагольными именами типа современного монгольского *шингэн* 'жидкий' от *шингэ-* 'впитываться', поскольку к тому же здесь встречаются затруднения семасиологического характера.

Скорее всего можно предполагать, что слитное деепричастие генетически связано с омертвелым ныне причастием настоящего

[77] Именно это подтвердил А. Мостарт, сообщивший нам в своем письме от 22 июня 1961 г., что у наринтгорских монгоров конечный согласный *-д* сохраняется лишь в заимствованных словах.

времени на *-і* ← **-ј* ← **-н*, остатки которого можно видеть в словах типа халх. *даруй* 'немедленно', *гаруй* 'свыше' и т. п.[78]. В этой связи следует заметить, что вряд ли в старомонгольском языке глагольная форма на *-н*, будучи еще «причастием», предикативно могла употребляться во множественном числе, как это казалось Г. И. Рамстедту[79]. Здесь речь идет о глагольной форме на *-т*, о которой писали С. А. Козин и Э. Хэниш[80]. Если бы эта форма представляла собою множественное число «причастия» на *-н*, то последнее мы должны были бы найти в подобной же предикативной позиции, примененное по той же синтаксической модели, чего в действительности нет.

Условное деепричастие

Условное деепричастие (Converbum conditionale), иногда называемое формой условного наклонения, в монгольских языках и диалектах представлено рядом форм, в генетическом отношении совершенно разнородных, но объединенных в одну общую группу лишь вследствие единства своих значений, отклонения от которого не бывают сколько-нибудь существенными. Из ряда форм условного деепричастия необходимо прежде всего выделить те, которые наиболее употребительны в монгольском этнолингвистическом мире и в которых генетически непосредственными носителями значения условности оказываются элементы *-с-* и *-л-*, точнее говоря, *-с-* плюс гласный и *-л-* плюс гласный, т. е. *-с*-овые и *-л*-овые формы.

Как это будет показано ниже, *-с*-овые формы условного деепричастия в монгольских языках и диалектах некогда образовались по одной из двух морфологических моделей, а именно путем присоединения элемента *-с-* либо к форме перфектного претерита или причастия настоящего времени, либо непосредственно к основе спрягаемого глагола. Результатом образования этих *-с*-овых форм условности по первой морфологической модели являются, в частности, суффиксы *-басу* ~ *-бесү* (← **ба-*, суффикс перфектного претерита, + **-су*) и *-ҕасу*~*-гесү* (← *-ҕа-*, суффикс причастия настоящего времени, + **-су*). Образование тех же форм по второй морфологической модели можно видеть, например, в бурятском послелоге *ha* ← (см. ниже) 'если'.

Суффикс *-басу* ~ *-бесү* является средством выражения условного деепричастия в старописьменном монгольском языке, напри-

[78] Б. Я. Владимирцов, *Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке*, стр. 55.

[79] Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 92.

[80] С. А. Козин, *Об одной неизвестной глагольной форме в монгольском письменном языке древнего периода монгольской литературы*, — «Ученые записки Ленинградского государственного университета, Серия филологических наук», Л., 1939, стр. 28—33; E. Haenisch, *Grammatische Besonderheiten in der Sprache des Mangol-un Niuca Tobca' an*, — «Studia Orientalia», XIV, Ss. 20—23, Helsinki, 1950.

мер: *олбасу* 'если найдет', *медебесӯ* 'если узнает' и т. д. Кроме того эта условная форма, подвергаясь соответствующим фонетическим изменениям, встречается иногда и в устной речи, но преимущественно в зонах распространения монгольского и ойратского старописьменных языков, где она употребляется грамотеями, рапсодами, певцами и ораторами. Этим обстоятельством и объясняется эмфатическая долгота гласного в составе суффикса данного деепричастия, которая соответствует обычной манере чтения старописьменных монгольских текстов: *-бāсу* ~ *-бāс* ~ *-ѡāсу* ~ *-ѡāс* и т. п. Правда, Чингелтей отмечает употребительность этой формы условного деепричастия в речи кукунорских монголов наряду с условными же формами на *-бал* и *-хулā* ~ *-хлā*: *ӯлін гарвāсу сӯдер дусуна* 'если поднимается облако, то падает тень'[81].

По мнению Г. И. Рамстедта, элемент **-су* восходит к **-асу*, в котором *-а-* рассматривается, по-видимому, как основа омертвелого вспомогательного глагола **а-* 'быть'[82], что не подтверждается конкретными или исторически засвидетельствованными данными, а потому является лишь гипотетическим предположением. К такому предположению Г. И. Рамстедт пришел, по-видимому, сопоставляя данную форму на *-басу* с формой *-ƀасу*, которая в памятниках монгольской речи XIV в., например в квадратной письменности, отражается в виде *-'асу* : *болу'асу* 'если будет', *но'кда'асу* 'если подпадет' и т. д. Эта форма условного деепричастия на *-ƀасу* и есть та *-с*-овая форма, которая образовалась в результате наращения элемента **-су* к форме причастия настоящего времени и в старописьменном монгольском языке представлена в одном единственном образовании от основы вспомогательного глагола *бō-* 'быть', а именно — *бōгесӯ* 'если будет'[83]. Поэтому из рассмотрения различных возможностей образования исходно-прототипного суффикса данной формы условного деепричастия, как непосредственного носителя значения условности, элемент **-а-* или **-аƀа* следует пока что исключить. Таким образом, этимологическому исследбванию подлежит, собственно, лишь элемент **-су* (или **-с-* вообще, если при этом учитывать показания не одного лишь старописьменного монгольского языка).

В этой связи необходимо прежде всего устранить одно недоразумение, возникшее при попытке некоторых исследователей возвести элемент **-су* к гипотетическому **-суƀа* или **-суƀаі*, а это в свою очередь было связано с неправильной интерпретацией

[81] Чінггелтеі, *«Думдаду улус-дакі монгƀол тӧрӯл-ӯн келен-нӯгӯд ба монгƀол келен-ӯ аjалƀу-нуƀуд-ун jерӯнгкеі баjідал*, — «Монгƀол теӯке, келе, бічіг», Кӧкехота, 1957, № 12, стр. 46—47 (далее — Чінггелтеі, *Думдаду улус-дакі монгƀол тӧрӯл-ӯн келен-нӯгӯд*).

[82] Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 123.

[83] Однако и этот единственный случай образования условного деепричастия от формы причастия настоящего времени, зарегистрированной в старописьменном монгольском языке, представляется загадочным, если при этом иметь в виду форму предельного деепричастия от того же глагола *бō-* 'быть': *бōгетеле* вместо ожидаемого *бōтеле!*

формы выражения условности в бурятском языке[84]. Дело в том, что в различных бурятских диалектах имеется послелог *hā* 'если', употребляемый при всех именах и причастиях, например: *гол hā* 'если это река', *мӯ hā* 'если плох', *олōҥ hā* 'если много', *олō hā* 'если нашел', *харā hā* 'если видел', *олōхō hā* 'если найдет'. То, что бурятское *hā* является не суффиксом условного деепричастия, а послелогом с указанным значением, вытекает из его неподчиненности гармонии гласных, нормально долгого качества конечных гласных слов, при которых оно применяется, и возможности его употребления при всех именах (иначе говоря, если бы в бурятском языке это *hā* было суффиксом рассматриваемого здесь деепричастия, то приведенные бурятские примеры должны были бы иметь следующий вид: *олôhō* 'если нашел' и *харâhā* 'если видел', а другие были бы вообще невозможны, поскольку имена не могут принимать суффиксы из серии глагольных). В данном случае отметим только, что долгота гласного *ā* в этом послелоге *hā* и дала повод некоторым исследователям возводить рассматриваемый нами элемент **-су* к гипотетическому **-суƀа* или **-суƀаі* (правда при этом принимается во внимание и форма *-саі*, встречающаяся в некоторых памятниках монгольской письменности, о чем см. ниже). А между тем эта долгота появляется здесь вполне закономерно, ибо, как известно, в монгольских языках искони краткие конечные гласные односложных слов вообще становятся долгими, например, х а л х. *тā* ← **та* 'вы', *х'і-* ← **кі-* 'делать', *бā* ← **ба* 'и', 'да' и т. п. Поскольку, следовательно, бурятское *hā* 'если' в качестве послелога является самостоятельным и односложным словом, а не суффиксом условного деепричастия, постольку его конечный гласный оказывается долгим.

Нечто близкое к тому, что обнаруживается в бурятском языке, мы находим также в дагурском языке, в хайларском говоре которого показатель условности (по-видимому, послелог) *сā* 'если' как бы превращается в суффикс условного деепричастия *-āсā* ~ *-ɜсɜ* ~ *-ōсō*, сочетаясь с суффиксом неупотребительного ныне причастия настоящего времени и в своем вокализме подчиняясь гармонии гласных[85]. В бутхайском говоре дагурского же языка форма условного деепричастия образовалась по другой морфологической модели, которая была характерна, например для языка квадратной письменности, т. е. путем присоединения элемента **-с-* к форме причастия настоящего времени, также неизвестного ныне и в этом говоре; *хар'ɜс* 'если вернуться', *онōс* 'если сесть верхом', *болōс* 'если будет'.

[84] См., например, G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 105.

[85] Как это в настоящее время происходит с халхаским послелогом *дēр* 'на', гласный которого начинает на наших глазах подчиняться гармонии гласных: *дāр* ~ *дēр* ~ *дōр* ~ *дōр*. Имеющиеся в литературе данные о дагурском языке не позволяют более точно определить грамматическую сущность элемента *-сā*, в «суффиксе условного деепричастия», ибо в наличных транскрибированных дагурских текстах долгота и сверхдолгота гласных совершенно не различаются.

Таким образом, *-с*-овые формы деепричастия оказываются различными даже в пределах говоров одного и того же языка, в данном случае — дагурского.

Что касается бурятского послелога *hā* 'если', то он, конечно, представляет собою форму условного деепричастия, образованную в очень ранних «протобурятских» диалектах по другой морфологической модели, а именно путем присоединения элемента **-с-* непосредственно к основе ныне омертвелого вспомогательного глагола **а-* 'быть', которая при этом сама со временем исчезла, как и в ряде других случаев (ср. например бур. *hаҥ* и халх. *саҥ* ← **агсан* — связка прошедшего времени из причастия того же времени). Иными словами, бур. *hā* восходит к **асу* или **ас-*. Возможно, что то же самое надо сказать и относительно хайларско-дагурского элемента *-сā*, о чем см. выше.

По этой же второй морфологической модели, т. е. путем присоединения элемента **-с-* непосредственно к основе спрягаемого глагола, форма условного деепричастия образуется в некоторых бурятских диалектах, например в баргутском (суффикс *-hā*), в монгорском (суффикс в говоре хуцза *-са*, в наринтольском говоре *-дза*), дунсянском и баоаньском (суффикс *-сэ*) языках, например: баргут.: *ороhō* 'если войти', *гарhā* 'если выйти'; монгор.: *мудеса* 'если узнает', *редза* 'если прибыл'; дунсян.: *јавусэ* 'если идти', *матасэ* 'если забыть'; баоан.: *дāрсэ* 'если замерз', *ідэрсэ* 'если устал'. Нет оснований полагать, что в этих языках суффиксы условного деепричастия представляют собою следствие усечения суффиксов соответственно **-ҕаса*, **-ҕаджа* или **-ҕасэ* ← **-ҕа-* + **-с-*. Примечательно, что в этих же языках отсутствует форма причастия настоящего времени.

В различных памятниках старомонгольской литературы, преимущественно в произведениях, в которых явственно сказывается влияние устной диалектной речи, встречается форма условного деепричастия на *-са*, если передавать ее в точной и буквальной транслитерации, например: *унаса* 'если упадет', *ебдересе* 'если разрушится', *болуса* 'если будет' и т. п. Однако если учитывать, что в этих произведениях соответствующие авторы-грамотеи средствами старомонгольского алфавита транскрибировали диалектные формы, а по морфологическим правилам старописьменного монгольского языка суффиксы с начальным *-с-* не требуют вставного гласного *-у-* (между собою и основой спрягаемого глагола), то в действительности этот суффикс *-са* необходимо интерпретировать как *-āса* ← **-ҕа* (суффикс причастия настоящего времени) + **-с-*. В противном случае вместо *болуса* мы имели бы *болса!* Поэтому приведенные выше примеры соответственно необходимо представить в виде *унāса*, *ебдерēсе* и *болōса*[86]. Иными словами,

[86] Встречающаяся иногда в некоторых старомонгольских сочинениях форма этого же деепричастия на *-саі* является либо эмфатической вариацией предыдущей формы на *-са*, либо (появившейся по аналогии) контаминацией с желательной формой на *-суҕаі* (см. выше).

здесь перед нами образование *-с*-овой формы условного деепричастия по первой морфологической модели, т. е. не от основы спрягаемого глагола непосредственно. В данном случае задача исторической морфологии и сравнительной монголистики заключается, следовательно, в том, чтобы по данным различных памятников старомонгольской литературы, могущих быть территориально локализованными, определить, в каких монгольских диалектах прошлого форма условного деепричастия образовывалась по первой из описанных выше морфологических моделей, а именно путем присоединения суффикса *-са* к форме причастия настоящего времени. Пока же надо отметить, что это главным образом те диалекты монгольских языков, которые были распространены преимущественно на восточных окраинах монгольского этнолингвистического ареала.

Изложенное выше показывает нам, каким образом в монгольских языках настоящего и обозримого прошлого образуются различные формы условного деепричастия. Если образование этого деепричастия по второй морфологической модели непосредственно от основы спрягаемого глагола не требует особых комментариев, то значительно сложнее обстоит дело с образованием этой же деепричастной формы по первой морфологической модели путем наращивания элемента **-с-* к форме перфектного претерита или причастия настоящего времени. Пока что наши данные не позволяют сказать, что представляло собою некогда, за пределами обозримого прошлого, образование рассматриваемого нами деепричастия на *-басу* (о концепции Г. И. Рамстедта выше уже упоминалось).

Предложенная Г. И. Рамстедтом реконструированная им модель *-басу* ← **-ба* + **асу* (по-видимому, **а-* + **-су*), как уже упомянуто выше, весьма гипотетична и не подтверждается какими-либо конкретными данными. И если эта рамстедтовская модель в какой-нибудь мере соответствует исторической действительности, то последняя могла иметь место в древнейших монгольских или даже «протомонгольских» диалектах. Дело в том, что такая модель вообще чужда строю монгольских языков настоящего и исторически обозримого прошлого: индикативные формы глагола в этих языках не могли и не могут применяться в качестве первых, или препозиционных, компонентов какого бы то ни было аналитического соединения. Следовательно, сочетание перфектного претерита от основы какого-нибудь глагола с любой формой вспомогательного или иного глагола в монгольских языках абсолютно невозможно. Поэтому форму условного деепричастия на *-басу* надо признать наидревнейшей в монгольских языках, происхождение которой следует отнести к той поре, когда в этих языках именные формы глагола и собственно глагольные формы еще, по-видимому, не дифференцировались. Примечательно, что эта условная форма не встречается в живых

нгольских языках, если не считать отдельных случаев ее проникновения из книжной литературы в устную речь.

В тесной связи с изложенным представляет особый интерес азанный А. Бобровниковым и требующий дополнительного исследования и специальной проверки случай образования условной рмы будущего времени путем присоединения частицы *-āсу* (*а-* + ?) к изъявительной форме настоящего времени: *jабунāсу* 'если дет ходить', *iренēсӯ* 'если придет'[87].

Что же касается формы условного деепричастия на *-ҕасу*, то нные бурятских и дагурских диалектов приводят нас к формуе **-ҕа-* (суффикс причастия настоящего времени) + **-а-* (основа ертвелого ныне вспомогательного глагола **а-* 'быть') + **-су* или - (непосредственный носитель значения, условности). Как известно, такая модель в монгольских языках вполне обычна. едовательно, во всех монгольских языках настоящего и исрически обозримого прошлого, кроме монгорского, дунсянго и баоаньского, невозможность образования *-с*-овой форусловного деепричастия непосредственно от основы знаменательного глагола оказывается примечательной и в данном слуе свидетельствует о древнейшем характере *-с*-овых форм этого причастия вообще.

Как бы ни решался вопрос о морфемном составе рассмотрен выше форм условного деепричастия, непосредственным носием значения последнего оказывается, повторяем, элемент **-с-*, е. **-с-* плюс гласный. Этот элемент, или суффикс, *-s-* можно, всей вероятности, сопоставить с тюркским показателем услов формы *-са*, этимология которого все еще продолжает остаться предметом различных догадок и предположений[88].

Если в старописьменном монгольском, бурятском, дагурском, нгорском, дунсянском и баоаньском языках наиболее распрораненным или даже единственным средством выражения условсти являются различные *-с*-овые формы условного деепричастия, лючая сюда и бурятский послелог *hā* 'если', а в ойратском лмыцком) языке форма на *-хлā*, то в диалектах современного нгольского языка таковым оказывается условное деепричастие суффиксом *-ѡал* ~ *-ѡалā* (орфографически *-вал*) ~ *-бал* ~ *-балā*, котором конечный гласный оказывается эмфатическим явлением, пример: х а л х.: *авбал* 'если взять', *орвол* 'если войдет'; о р д.: *гараѡал* 'если отдохнет', *гарѡула* 'если выйдет'. В бурятском особенно ойратском языках эта условная форма употребляется чительно реже, нежели в современном монгольском языке, и

[87] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 144.

[88] Основным недостатком такого рода догадок и предположений являет стремление некоторых исследователей этот показатель условности *-са* во бы то ни стало возвести к какому-нибудь знаменательному слову, наличму в каких-либо тюркских языках. Конечно, такие попытки «этимологизивания» различных суффиксов широкого лингвистического ареала на зыбкой чве местных данных почти никогда не могут увенчаться успехом.

применяется преимущественно в различного рода поговорках, загадках и других произведениях устной народной словесности, распространенных во всем монгольском этнолингвистическом мире.

Относительно этой *-л*-овой условной формы в свое время Г. И. Рамстедтом было высказано предположение, что ее показатель *-бал* ~ *-бала* восходит к сочетанию суффикса перфектного претерита *-ба* и частицы *еле*[89]. Как известно, эта частица является средством выражения логического ударения и может применяться при любом члене предложения, но ни в какой степени не имеет и не имела в истории монгольских языков значения условности или близкого к последней. Ни в каких памятниках и произведениях монгольской литературы нет данных, которые могли бы свидетельствовать, что сочетания перфектного претерита с частицей *еле* выражают условность. Не имеет подобного значения и любое другое сочетание этой частицы с какими-либо другими грамматическими формами. Поэтому изложенное предположение Г. И. Рамстедта относительно происхождения данной *-л*-овой формы условного деепричастия трудно считать обоснованным как семасиологически, так и фактически. Не находит для себя опоры это предположение и в других алтайских языках, в которых нет ничего такого, с чем можно было бы сопоставить эту *-л*-овую условную форму монгольского языка. Упоминаемое Г. И. Рамстедтом относительное местоимение маньчжурского языка *еле* 'все' также не может быть использовано для данной цели, поскольку оно совершенно не имеет значения условности и к тому же, по-видимому, заимствовано маньчжурами из монгольского литературного языка.

Следовательно, вопрос о происхождении *-л*-овой формы условного деепричастия, распространенного, как уже сказано, преимущественно в диалектах монгольского языка, следует считать требующим дополнительного исследования, поскольку приведенное выше предположение Г. И. Рамстедта основано лишь на внешнем фонетическом сходстве элемента *-л-* с частицей логического ударения *еле*.

Кроме *-с*-овых и *-л*-овых форм условного деепричастия в монгольских языках имеются и другие формы этого же деепричастия, а именно: 1) *-хулā* (в ордосском диалекте), *-халā* ~ *-хлā* ~ *-хнā* (в ойратских диалектах; в калмыцком языке орфографически *-хла*), *-хлā* ~ *-хнā* ~ *-лā* (в говорах восточномонгольского диалекта), соответствует старописьменному монгольскому будущему причастию в соединительном падеже, что вполне точно и отражает происхождение данной формы условного деепричастия: *jабухуi-луҕа* = о р д. *jаѡухулā* = к а л м. *йовхла* 'когда пойдет', 'если пойдет'; о й р. *болхнā* 'если будет', *бāхнā* 'если имеется', в о с т.-м о н г.: *iрхелā* 'если придет', *унлā* 'если упадет'. Эту

[89] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 104—105.

форму условного деепричастия называют иногда последовательным деепричастием, о чем речь будет идти ниже[90];

2) *-ӯн ~ -ңгӯн* (в ордосском диалекте, в других монгольских диалектах пока не обнаружена), например, *бāгӯн* 'если имеется', *медеңгӯн* 'если знает'. Эта ордосская форма условного деепричастия весьма загадочна по своему происхождению как в семасиологическом, так и в морфологическом отношениях, хотя ее умозрительно очень легко возвести к **-ҕун*, что, однако, ничего не объясняет и никак не может быть обосновано.

Уступительное деепричастие

Уступительное деепричастие (Converbum concessivum) в монгольских языках и диалектах образуется по моделям, которые в общем аналогичны моделям производства описанного выше условного деепричастия: элемент, восходящий к исходно-прототипному **-чу* и оказывающийся основным носителем значения уступительности, наращивается к форме либо перфектного претерита, либо причастия настоящего времени. Результатом этого в первом случае являются генетически составные суффиксы данного деепричастия *-бачу* (в старописьменном монгольском языке), *-ваджіӓ* (в монгорском языке), *-wачĭ ~ -wӑч ~ -wч* (в большинстве диалектов современного монгольского языка; орфографически *-вч*), *-вчн* (в калмыцком языке, очень редко), а во втором случае — *-jāч* (в арухорчинском говоре), *-jāш* (в хорчинском говоре и дагурском языке). Примеры:

класс.: *олбачу* 'хотя и нашёл', *медебечӯ* 'хотя и узнал'; монг.: *авуваджіӓ* 'хотя и взял', халх. (орфографически): *явавч* 'хотя и пошёл', *очивч* 'хотя и отправился'; арухорч. *харājāч* 'хотя и проклинает'; хорч. *орjōш* 'хотя и идёт' (о дожде); даг.: *jаўjāш* 'хотя и пошел', *хэлjэ̄ш* 'хотя и сказал'; калм.: *болвчн* 'хотя (и был)'.

Уступительное деепричастие образуется также путем присоединения к *-с*-овой форме условного деепричастия элемента *-jэ* (в дунсянском языке), *-jа* (в минхэ-монгорском говоре), *-да* (в худзу-монгорском говоре и шара-уйгурском диалекте) или *-дэ* (в баоаньском языке), например: дунс. *ірэсэjэ* 'хотя и придет', хуцзу-монгор. *ідесада* и шара-уйг. *едеседа* 'хотя и скушает', баоан. *орсэдэ* 'хотя и пойдет' (о дожде). По всей вероятности, в этих языках уступительное деепричастие представляло

[90] A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. LII. — Как известно, в монгольских языках, как и в других, значения условных и различных временны́х форм глагола оказываются весьма близкими друг к другу. Отметим тут же, что данная форма условного деепричастия распространена в тех монгольских языках и диалектах, где имеется и форма соединительного падежа. В старописьменном монгольском языке под несомненным влиянием устной диалектной речи ордосского типа встречается форма *-хула~-кӯле* преимущественно со значением условности, тогда как будущее причастие в соединительном падеже употребляется во временно́м значениии.

собою аналитическую форму, генетически состоявшую из условного деепричастия знаменательного глагола и, по-видимому какой-то именной формы вспомогательного глагола **а-* 'быть', выступавшей в дательно-местном падеже на *-jа ~ -jэ* или *-да ~ -дэ* и ныне подвергшейся выпадению.

В бурятском языке значение уступительности выражается частицей *-шье* (орфографическая форма, соответствующая различным диалектным вариациям, например *-шх ĭ*, *-шіjĕ*, *-шĭ* ← **-чігі* ← **-чу* плюс загадочный элемент **-гі*, т. е. **-чугі* (?). Это бурятское *-шье* определяется именно как частица уступительности постольку, поскольку оно применяется при самых разнообразных формах и разрядах слов, чаще всего сопровождаясь послелогом условности *hаа* 'если', например: *мориншье hаа* 'даже если конь', *ороошье hаа* 'если даже вошел', *шишье* 'хотя бы и ты', *тэндэшье* 'даже там', *харгуйгааршье ябаа hаа* 'хотя бы отправился по дороге', 'даже если отправится и по дороге'. Как видно из этих примеров, значение уступительности оказывается тесно связанным со значением усилительности или, точнее говоря, исторически вытекающей из последней. Этой бурятской частице уступительности (и усилительности) в современном монгольском языке соответствует аналогичная частица того же происхождения *ч* (орфографическая форма вместо диалектных *ч* ← **чу* и *чіг* ← **чігі*, которая пишется в письме раздельно), например: *би ч мэднэ* 'знаю и я', *тэр ч явна* 'пойдет и он', *бодсон ч үгүй* 'даже не думал.'

Как отметил еще А. Бобровников, впервые указавший на происхождение суффикса уступительного деепричастия *-бачу*, данное деепричастие среди остальных деепричастий монгольских языков занимает совершенно особое место: второй компонент суффикса *-бачу*, т. е. *-чу*, и частица *чігі* употребляются часто раздельно, будучи применены «даже прежде глагола», например: калм. *ніген цаг чігі болбо* 'хотя бы прошел один час' (т. е. 'хотя бы один час'), монг. *ӯнен чі ідебе* 'хотя бы и точно съел'[91].

М. Ф. Козырев приводит ряд примеров из современного монгольского языка, свидетельствующих об употреблении частицы *ч* ← **чу* в сочетании с перфектным презенсом и имперфектным презенсом: *Ханд хэдэн зуун төгрөг авлаа ч дор нь арилгаж амжина* 'Хотя и получила Ханда несколько сот тугриков, но тут же их растратила'; *Хурал дээр үг хэлж байгаа хүмүүс ярихдаа ямар ч бэрхшээлээс айхгүй зориг хатуужилтай даван туулна ч гэх шиг дорвитой ярьж байх юм* 'Ораторы, выступающие на собрании, говорят так складно, как будто они не боятся никаких трудностей и твердо и стойко все могут одолеть'. В заключение автор полагает, что термин «уступительное деепричастие» представляет собою «лишь условное наименование» и что частица *ч(у)* «выполняет чисто синтаксическую функцию, сходную

[91] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 143.

с функцией союза, и обслуживает связь придаточного предложения с главным»[92]. В связи с этим можно заметить, что вопрос о правомерности термина «уступительное деепричастие» должен быть окончательно решен после более тщательного исследования структуры оборота данного деепричастия. Известно, что в оборотах обстоятельственных деепричастий подлежащее, или субъект действия, выражается родительным или винительным падежом,— именно в этом плане структура оборота уступительного деепричастия пока еще не изучена в необходимой степени.

Продолжительное деепричастие

Продолжительное деепричастие (Converbum abtemporale) имеется почти во всех монгольских языках и диалектах, кроме дунсянского, ойратского (калмыцкого) и могольского языков, в которых эта деепричастная форма либо пока не зарегистрирована, либо ее значение передается иными средствами. Показателем этого деепричастия является суффикс *-ҕсаҕар* и *-ҕсабар* (соответственно в старописьменном монгольском языке классического и доклассического периодов), *-сāр* (в монгорском и монгольском языках, а также в цицикарском и хайларском говорах дагурского языка, селенгинском и сартульском диалектах бурятского языка и ойратском диалекте, распространенном в Китае), *-рсāр* (в бутхайском говоре дагурского языка), *-сэр* (в баоаньском языке), *-hāр* (во всех бурятских диалектах, кроме селенгинского и сартульского). Примеры:

класс. *оруҕсаҕар* 'продолжая входить', *медегсегер* 'продолжая знать'; халх. (орфографически) *явсаар* 'продолжая идти', монгор. *тӯсāр* 'продолжая дуть' (о ветре); бутхайск. *вачӣрсāр* 'продолжая встречать', *гӯрсэр* 'продолжая бегать'; баоан. *сāгасэр* 'продолжая ждать', *јусэр јусэр* 'продолжая разговаривать'; бур. (орфографически) *дуулаhаар* 'продолжая петь', *хэhээр* 'продолжая делать'.

Все эти приведенные вариации суффикса продолжительного деепричастия восходят к сочетанию суффиксов причастия прошедшего времени и орудного падежа. Иными словами, продолжительное деепричастие в монгольских языках генетически представляет собою причастие прошедшего времени в форме орудного падежа: **-ҕса-* (←**-ҕсан*) плюс **-ҕар ~ *-јар ~ *-бар*. В калмыцком языке (данные по другим ойратским диалектам пока не уточнены) такое сочетание семасиологически не развивалось в данную деепричастную форму, продолжая выражать причинность, хотя при этом конечный согласный *-н* суффикса причастия прошедшего времени оказался утраченным. В этой связи надо отметить, что в монгольских языках наряду с продолжительным деепричастием широко применяется прошедшее причастие в орудном падеже и выражает причинность, поскольку при этом конечный согласный *н* суффикса данного причастия не выпадает. Об этом писал в свое время еще А. Бобровников, приводя примеры 1) *кебтегсен-ијер* 'по той причине, что лежал' и 2) *кебтегсегер* 'лежа', 'продолжая лежать'[93].

Несколько особняком стоит бутхайско-дагурская форма суффикса продолжительного деепричастия *-рсāр*, поскольку здесь как бы лишним оказывается начальный согласный *р*. По-видимому, этот согласный *р* представляет собою развитие из *ҕ*, если он вообще не является действительно «лишним», т. е. как бы вставным, что не поддается удовлетворительному объяснению. Иными словами, вполне возможно, что эта бутхайско-дагурская форма суффикса продолжительного деепричастия *-рсāр* развилась из **-ҕса-ҕар ~ -ҕса-бар ~ *ҕсајар*.

По указанию Г. Й. Рамстедта, в могольском языке форма продолжительного деепричастия образована из прошедшего причастия в форме дательного падежа: *-ксō* ← **-ҕсан-а*[94]. Однако такое образование данного деепричастия с семасиологической точки зрения кажется загадочным, а поэтому напрашивается два вывода: 1) либо при ограниченности текстового материала по могольскому языку действительное значение формы на *-ксō* понято не вполне точно, т. е. данная форма, возможно, и не является продолжительным деепричастием, 2) либо надо предполагать, что суффикс *-ксō* развился из **-ксōр*, хотя в могольском языке не является обычным выпадение конечного согласного *-р*, по крайней мере — в суффиксе орудного падежа. Впрочем, здесь можно предполагать влияние тюркских диалектов, в которых причастия в дательном падеже имеют деепричастные значения.

Последовательное деепричастие

В монгольских языках и диалектах показатель последовательного деепричастия (Converbum successivum) является генетически сложным, так как в его состав вошли: 1) *-ху* ← **-ку*, суффикс причастия будущего времени, 2) элемент **-лу-*, являющихся первым компонентом суффикса соединительного падежа *-луҕа*[95] и 3) *-*-бар ~ *-ҕар ~ *-јар*, суффикс орудного падежа. Результатом

---

[92] М. Ф. Козырев, *Относительно «уступительного деепричастия» в монгольском языке*, — сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока», М., 1958, стр. 182.

[93] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 145.

[94] G. J. Ramstedt, *Mogholica*, S. 57.

[95] Об этом см. Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*. т. I, стр. 174—175. — Пользуемся здесь случаем указать на одну неточную формулировку, содержащуюся на этих же страницах нашей работы: вместо «...*-лāр* есть соединение первоначального *-ла*, наличного в монгорском языке, и форматива местного падежа *-ҕа* → *-а*» следует читать «... *-лāр* есть соединение первоначального **-лу-* и форматива орудного падежа **-бар ~ -ҕар ~ *јар*».

этого в настоящее время и является суффикс данного последовательного деепричастия *-халāр ~ -хулāр ~ -хлāр* (в монгольском и бурятских диалектах; орфографически соответственно *-хлаар* и *-халаар*), *-гула* (в монгорском языке, по-видимому, ←**-ҕулар* ← **-хулаҕар ~ *-кулуҕар* поскольку, в этом языке выпадение некоторых конечных согласных, в том числе и *-р*, является обычным и если в данном случае форма *-гула* не является соответствием одной из условных форм типа ордосского *-хулā*), *-хлāр(н) ~ -кнāр(н)* в ойратских диалектах[96]; здесь факультативное наращение конечного *-н* пока не представляется ясным так же, как оказываются загадочными элементы *-н*, *-ані* или *-анджін* в ордосской деепричастной форме, определяемой А. Мостартом как последовательное деепричастие (см. его «Textes Oraux Ordos», p. 52). Примеры:

х а л х. (орфографически): *явахлаар* 'как только ушел', *бичихлээр* 'как только написал'; б у р.: (орфографически): *буухалаар* 'как только опустился', *мэдэхэлээр* 'как только узнал'; м о н г о р.: *давагула* 'как только перевалил' (через гору), *регула* 'как только пришел'; о й р.: *јавхлāрн* 'как только пойдет', *ірхлāрн* 'как только придет'.

Иногда в качестве формы последовательного деепричастия приводят будущее причастие в орудном падеже, например, в дагурском языке: *јаўгўэр* 'когда поеду', *ōгōрін* 'лишь только выпьет[97]. Как нам кажется, в данном случае скорее следовало бы говорить лишь о том, что в некоторых монгольских языках и диалектах будущее причастие в орудном падеже употребляется иногда в значении последовательного деепричастия. Характерно, что именно в таких монгольских языках и диалектах будущее причастие в орудном падеже в значении целевого деепричастия либо совершенно не применяется, либо применяется крайне редко.

Выше уже отмечалось, что иногда условное деепричастие на *-хулā ~ -хлā* интерпретируется как последовательное деепричастие, для чего, по-видимому, имеется известное семасиологическое основание. Однако это обстоятельство никак не должно приводить нас к смешению различных по своему образованию форм, форм 1) условного деепричастия на *-хулā ~ -хлā*, генетически сочетание суффиксов будущего причастия и соединительного падежа и 2) последовательного деепричастия на *-хулāр ~ -хлāр*, генетически сочетание суффиксов будущего причастия и орудного падежа с элементом **-лу-* между ними, как это показано уже выше. В данном случае можно было бы говорить лишь о некоторых явлениях контаминации двух обозреваемых деепричастных форм, которая имеет место в отдельных монгольских языках и диалектах.

В заключение отметим, что попытка возвести суффикс последовательного деепричастия к сочетанию суффиксов будущего причастия, соединительного и орудного падежей, т. е. к **-хулуҕабар*, вряд ли может быть признана удачной и убедительной. Дело в том, что в таком случае вместо *-хулāр ~ -хлāр* в качестве показателя данного деепричастия мы имели бы *-хулāгāр ~ -хлāгāр*, поскольку в монгольских языках при присоединении суффиксов с долгими гласными к склоняемым основам с долгими же конечными гласными, как известно, образуются два конечных слога с долгими гласными в каждом из них, х а л х. *улаа* 'подвода' — *улаагаар* 'подводой', но: *арга* 'способ' — *аргаар* 'способом'.

Предварительное деепричастие

Предварительное деепричастие (Converbum contemporale) более или менее широко применяется в классическом монгольском и дагурском языках, а также во всех монгольских и бурятских диалектах, в качестве своих показателей имея следующие группы суффиксов:

1) *-маҕча* — в классическом монгольском языке, *-магч* — в восточном и центральном монгольских диалектах, *-магчэ* — в шарауйгурском диалекте, *-мăгц* — в халхаском и западном монгольских диалектах; 2) *-мч* — в бааринском и шилингольском монгольских говорах, *-мсă* — в хоринском, агинском и других восточнобурятских диалектах, *-мсā* — в хучин-баргутском говоре; 3) *-мсăр* — в аларском, хоринском и некоторых других бурятских диалектах, *-мсāр* — во всех бурятских диалектах, *-мтэр* — в дагурском языке, *-мслāр* — в аларско-бурятском диалекте; 4) *-мкī* — в дагурском языке; 5) *-гуэ̄тэр* — в дагурском языке; 6) *-нāрāн* — в восточном монгольском диалекте, например в бааринском, арухорчинском и хорчинском говорах. Примеры:

к л а с с.: *медемегче* 'как только узнал', *орумаҕча* 'как только вошел'; х а л х. (орфографически): *явмагц* 'как только ушел', *ирмэгц* 'как только пришел'; б а а р и н. *ўджемч ~ ўджéнēрēн* 'как только увидел'; а г и н.-б у р. *гарăмсă* 'как только вышел'; х у ч и н-б а р г. *оромсō* 'как только вошел'; а л а р.-б у р. *гарăмсăр ~ гарăмсāр ~ гарăмслāр* 'как только вышел'; д а г. *ужэмтэр ~ ужгуэ̄тэр* 'как только увидел', *ōмкī* 'как только выпил'.

Как видно из представленных примеров и перечня суффиксов предварительного деепричастия, во многих из указанных монголь-

[96] На наличие этих форм в ойратском диалекте указывает Чингелтей в своей работе «Думдаду улус-дакі монгҕол тӧрӱл-ӱн келен-нӱгӱд» (в журнале «Монгҕол теӱке, келе бічіг», Кӧкехота, 1958, № 1, стр. 47). К сожалению, автор свое сообщение не сопроводил примерами. Автор-также указал на наличие в ойратском же диалекте и говорах восточномонгольского диалекта форм условного деепричастия на *-хлā ~ -хнā* (см. там же). Следовательно, чередование согласных *л~н* в составе приведенных суффиксов имеет сравнительно широкое распространение.

[97] Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 66. — Отметим здесь, что на стр. 120 этой же работы Б. Х. Тодаевой приводится указание на наличие в баоаньском языке предварительного деепричастия с суффиксом *-гума*, например: *рэгума* 'как только пришел', *хічэлгума* 'как только постригся'. Однако, по-видимому, эта баоаньская форма на *-гума* является последовательным деепричастием и соответствует монгорской форме последнего на *-гула*.

ских языков и диалектов существуют и применяются параллельные формы данного деепричастия.

Относительно первой группы суффиксов предварительного деепричастия следует признать правильной концепцию Г. И. Рамстедта о том, что они восходят к *-*маг*- плюс *-*ча*. Как известно, суффикс -*маг*- ныне в монгольских языках и диалектах является уже давно омертвелым и наличным лишь в некоторых отглагольных именах типа халх. *холимог* 'смешанный' от *холи*- 'смешивать', *ээдмэг* 'заквашенное молоко' от *ээд*- 'закваситься', *хуурмаг* 'фальшивый' от *хуур*- 'обманывать'. В некоторых тюркских языках суффикс -*мак*, соответствующий монгольскому непродуктивному -*маг*, является продуктивным и живым формативом «инфинитива» и в настоящее время (ср., например, *олмоқ* 'брать', *бормоқ* 'идти' и т. д.) или, наоборот, непродуктивным формантом отдельных имен существительных, означающих орудие, предмет или результат действия (ср., например, тур. *çomak* 'дубина', *yumak* 'клубок' и 'мяч')[98]. Что касается элемента *-*ча*, то это — древнемонгольский или, точнее говоря, общеалтайский суффикс уравнительного падежа[99]. Следовательно, предварительное деепричастие генетически представляет собою отглагольное имя в уравнительном падеже, хотя с семасиологической точки зрения здесь скорее напрашивается именно исходный, как первоначально и думал Г. И. Рамстедт, встретивший затем, по-видимому, непреодолимые затруднения фонетического характера[100].

Относительно второй группы суффиксов (-*мч*, -*мсă* ~ -*мсā* ← *-*мча*) скорее всего надо думать, что в данном случае суффикс уравнительного (исходного?) падежа на -*ча* некогда наращивался к отглагольно-именному слову на -*м*, которое можно видеть в словах типа халх. *ээдэм* (наряду с *ээдэг*) 'заквашенное молоко' от *ээд*- 'закваситься', *тохом* 'потник' (под седло) от *тох*- 'положить на спину', *барим* 'мера в обхват пальцами руки' от *бари*- 'держать'. Хучин-баргутское -*мсā* есть, по-видимому, эмфатический вариант -*мса* ← *-*мча*. В этой связи весьма примечательно, что в ойратском диалекте, распространенном в Китае, зарегистрирована как бы аналитическая форма данного предварительного деепричастия, состоящая из сочетания отглагольного имени на -*м* с послелогом *цацӯ* (= халх. *чацуу* 'равно', 'одинаково', 'равный', 'одинаковый'), например: *кӯрӯм цацӯ* 'как только достиг', *кӧдлм цацӯ* 'как только тронулся', *тохм цацӯ* 'как только оседлал', *јовм цацӯ* 'как только ушел'[101]. Конечно, это отглагольное имя на -*м* не может быть признано формой слитного деепричастия, ибо в ойратском

[98] А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, стр. 114.

[99] Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 51—52.

[100] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, Ss. 115—117.

[101] Чінггелтеі, *Думдаду улус-дакі монгҕол тӧрӯл-ӯн келен-нӯгӯд*, — «Монгҕол теӯке, келе бічіг», Кӧкехота, 1958, № 1, стр. 47; Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 41.

диалекте, как и во всех диалектах монгольских языков, формативом этого деепричастия является суффикс -*н*, никогда не чередующийся с согласным -*м*. Кроме того, как известно, в монгольских языках вообще сочетание слитного деепричастия с любым последующим словом невозможно, если последнее не является глаголом или отглагольным именем, сохраняющим свойства глагола.

Следовательно, суффиксы -*мч*, -*мсă* ~ -*мсā*, восходящие к исходно-прототипному *-*мча*, не могут рассматриваться как усеченные вариации формы на *-*маҕча*. К этому исходно-прототипному суффиксу *-*мча* несомненно восходят также суффиксы третьей группы: -*мсāр* ← *-*мсар* ← -*мча-р*, -*мтэр* ← *-*мча-р* и -*мслāр* ← *-*мча-лу* (?)-*р*. Если в аларско-диалектном суффиксе предварительного деепричастия -*мслāр* можно предполагать развитие по аналогии с -*мсāр*, то в остальных суффиксах данной группы загадочным является элемент *-*р*. Дело в том, что здесь более первоначальной является, по-видимому, форма с кратким гласным, от которой по аналогии (например, с продолжительным деепричастием, которое по значению близко к предварительному деепричастию и о котором речь будет идти ниже) образуется форма с долгим гласным: *-*мсар* → -*мсāр*. Иными словами, в составе компонентов этих суффиксов обозреваемого деепричастия трудно усмотреть наличие форматива орудного падежа, поскольку в противном случае совершенно невозможно было бы объяснить краткость гласного в суффиксах -*мсар* и -*мтэр* (как известно, в составе суффикса данного падежа гласный является долгим: -*āр* ← *-*бар* ~ *-*ҕар* ~ *-*јар*).

В дагурской форме суффикса предварительного деепричастия -*мкī* легко видеть рассмотренный выше отглагольно-именной суффикс -*маҕ* плюс гласный элемент -*ī*, о котором мы лишены возможности сказать что-либо определенное (но, может быть, это не что иное, как суффикс местного падежа *-*ā* → -*ī*?). Равным образом пока ничего определенного невозможно утверждать относительно этимологии восточномонгольского диалектного суффикса предварительного деепричастия -*нāрāн* и дагурского -*гуэ̄тэр*. Дело, по-видимому, заключается в том, что эти суффиксы определены как формативы предварительного деепричастия лишь в ходе недавних полевых диалектологических исследований и без достаточно полного изучения случаев их употребления сравнительно с остальными, описанными нами выше суффиксами и вариациями данного деепричастия. При таких условиях уточнять этимологию этих суффиксов на основании только их внешнего звукового сходства с какими-либо другими формативами было бы преждевременно.

Предельное деепричастие

Предельное, или совместное, деепричастие (Converbum terminale) распространено во всех монгольских языках и диалектах и образуется посредством суффиксов, исходным прототипом которых яв-

ляется *-*тала*, а именно: -*тала* (в старописьменном монгольском, современном монгольском, могольском, дагурском, дунсянском и ойратском языках, языках с различной степенью редукции гласных вплоть до их выпадения, как и в приводимых ниже суффиксах), -*тара* (в ряде восточнобурятских диалектов, а также в харачинском, шилингольском, ордосском говорах монгольского языка), -*делā* ~ -*дерā* ~ -*тула* (в монгорских диалектах), -*тэла* (в баоаньском языке), -*сар* (в западнобурятских диалектах). Примеры:

класс.: *ҕартала* 'до выхода', *очітала* 'до отхода'; халх. (орфографически): *явтал* 'до ухода', *иртэл* 'до прихода'; мог.: *каратала* 'пока смотрит'; даг.: *эргэ̄тэ̄л* 'пока повернулся', *олтӧл* 'пока не нашел'; дунс.: *курутала* 'пока не достигнет', *тулiэтала* 'пока сжигает дрова', калм. (орфографически): *йовтл* 'до отхода', *суутл* 'пока сидит'; бур.: *баритар* (*барисар*) 'пока держит', *буутар* (*буусар*) 'пока не спустился'; ордос.: *болтор* ~ *болтол* 'пока не станет', *дататар* 'пока тянет'; монгор.: *болiдела* 'пока не станет', *ōлiдерā* 'пока не найдет'; баоан.: *ваҕатэла* 'пока стирает', *ҕадэтэла* 'пока косит сено'.

Относительно исходно-прототипного суффикса предельного деепричастия -*тала* в настоящее время складывается мнение, что здесь мы имеем дело с отглагольным образованием на *-*та* (или *-*да*, что менее вероятно) в местном падеже на *-*ла*. Впервые это мнение было высказано С. А. Козиным, который в образовании на *-*та* видел гипотетическое причастие древнемонгольского языка, тогда как *-*ла*, по его предположению, является сокращенной формой суффикса соединительного падежа, т. е. *-*ла* ← *-*луҕа*[102]. Однако В. Л. Котвич предпринял попытку улучшить концепцию С. А. Козина на основе реальных данных тунгусо-маньчжурских языков, -*та* (или -*да*) — суффикс причастия незаконченного действия в форме местного падежа на -*ла*[103]. Как видно из изложенного, здесь мы видим по существу одну и ту же концепцию, поскольку местный и соединительный падежи в алтайских языках оказываются связанными друг с другом[104]. К этому же мнению фактически присоединился и Г. И. Рамстедт[105], который в свое время высказался совершенно иначе. Так, в 1903 г. Г. И. Рамстедт писал, что суффикс предельного деепричастия -*тала* или -*тал-а* представляет собою сложное образование: *-*тал-* ← *-*дал-* (суффикс отглагольных имен типа *джарудал* 'расход' от *джару-* 'использовать') и *-*а* (суффикс дательного, или местного падежа)[106]. Поскольку сопоставление суффиксов -*тала* и -*дал* является явно натянутым, постольку это прежнее мнение Г. И. Рамстедта надо

[102] С. А. Козин, *Об одной неизвестной глагольной форме в монгольском письменном языке*, стр. 33.
[103] W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, s. 271.
[104] Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, т. I, М., 1953, стр. 174.
[105] Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 113.
[106] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, Ss. 111—112.

признать устаревшим. Кроме того, как правильно отметил В. Л. Котвич, отглагольное имя на -*дал* не обладает признаками и свойствами глагола, без чего любое отглагольное имя не может дать начало развитию глагольных форм, как причастных, так и деепричастных.

Приведенные выше различные варианты суффикса предельного деепричастия (-*тара*, -*дела*, -*дера*) являются, конечно, результатом различного развития исходно-прототипного суффикса *-*тала* по законам фонетической системы того или иного монгольского языка и диалекта. Что касается западнобурятского суффикса этого же предельного деепричастия -*сара* ~ -*сар*, то о нем можно сказать то же самое. Однако Г. И. Рамстедтом было высказано предположение, что этот западнобурятский суффикс -*сара* ~ -*сар* якобы восходит к суффиксу *-*са* ← *-*ча-*, образующему отглагольное имя типа классического *јабуча* 'темп', 'ход' и приведенному выше *-*ла*, т. е. суффиксу местного падежа в тунгусо-маньчжурских языках[107].

Попутное деепричастие

Попутное деепричастие, употребляющееся в речи сравнительно редко и пока что обнаруженное лишь в некоторых монгольских и восточнобурятских диалектах, выражается посредством суффиксов: 1) -*ңгā* (в современной монгольской и бурятской орфографии -*нгаа*) — зарегистрирован в хоринском, баргутском и других восточнобурятских диалектах и некоторых говорах халхаского диалекта, 2) -*ңгӯт* (в современной монгольской орфографии -*нгуут*) — отмечен в чахарском, шилингольском, алашань-эдзинаском и некоторых халхаских говорах монгольского языка. Примеры:

монг. *явангаа* ~ *явангуут* 'по ходу', *оронгоо* ~ *оронгуут* 'входя'; бур. *бэшэнгээ* 'пиша', *ошонгоо* 'отправляясь'.

Происхождение этих суффиксов для монголистики продолжает пока оставаться неопределенным. Как правильно заметил Г. И. Рамстедт[108], предположение о том, что суффикс -*ңгā* восходит к отглагольному имени на *-*н* в дательном падеже, т. е. к сочетанию суффиксов -*-*н*-*-*а*, или к тому же отглагольному имени на *-*н* с частицей безличного притяжания, т. е. к *-*н-iјан*, встречает препятствия со стороны морфологической фонетики, поскольку в обоих случаях вместо -*ңгā* мы должны были бы иметь -*нā*. Более вероятным могло бы быть предположение Руднева — Рамстедта о том, что суффикс -*ңгā* развился в порядке ассимиляции из суффикса же *-*мга-*, о котором речь будет идти в разделе о деепричастии образа действия, если бы при этом можно было удовлетворительно объяснить второй суффикс попутного деепричастия -*ңгӯт*. Весьма возможно, что в данном случае более близок к исти-

[107] Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 119.
[108] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 110.

не был В. Л. Котвич, который допускал здесь влияние «богатой морфологии» тунгусо-маньчжурских языков[109], в глагольной системе которых имеется ряд деепричастных форм с элементом *-нга-*, например, маньчжурского деепричастия будущего времени на *-нгала*: *досингала* 'прежде чем войдет'[110].

Как сообщает Сеченбатор, в бааринском и горлосском говорах монгольского языка попутному деепричастию по значению соответствует загадочная форма на *-лāгāн*, например *јабалāгāн* 'по ходу'(?). Отсутствие достаточного количества материала не позволяет точно определить значение и употребление данной бааринско-горлосской деепричастной формы, что в свою очередь затрудняет разбор этимологии ее суффикса. Однако Сеченбатор этот суффикс возводит к суффиксу перфектного презенса *-луҕа* с частицей безличного притяжания *-бан*[111], что весьма сомнительно, поскольку в монгольских языках изъявительные формы не могут сопровождаться какими бы то ни было притяжательными частицами. Равным образом невозможно трактовать эту форму как соединительный падеж на *-луҕа* с той же частицей безличного притяжания, так как в тех же монгольских языках глагольные основы по падежам не склоняются. Но, может быть, здесь мы имеем дело с какой-то усеченной формой причастия настоящего времени, которое в соединительном падеже с указанной притяжательной частицей семасиологически могло бы дать начало образованию попутного деепричастия?

Заменное деепричастие

В бурятских и монгольских диалектах имеется так называемое заменное деепричастие (Converbum prolocotivum), показателем которого является суффикс *-ңхāр* (в бурятском языке орфографически *-нхаар*) или *-хāр* (в монгольском языке орфографически *-хаар*), например: бур.: *ябанхаар* 'вместо того, чтобы идти', *оронхаар* 'вместо того, чтобы войти', *ерэнхаар* 'вместо того, чтобы прибыть'; монг.: *давахаар* 'вместо того, чтобы перевалить через гору', *гарахаар* 'вместо того, чтобы выйти'; орд.: *дāхāр* 'вместо того, чтобы нести на себе'.

Бурятский суффикс заменного деепричастия *-ңхāр* восходит к сочетанию слитного деепричастия с формой причастия будущего времени в орудном падеже от основы вспомогательного глагола **а-* 'быть', т. е. к **-н *аху-бар*. Этим объясняется то обстоятельство, что вокализм этого суффикса в бурятском языке не подчиняется действию законов сингармонизма гласных. В монгольских же диалектах это деепричастие представляет собою причастие будущего времени (непосредственно от основы знаменательного глагола) в орудном падеже, хотя в этих диалектах названное причастие в данном падеже вообще выражает цель, например: *гархāр* 'чтобы выйти', *олхōр* 'чтобы найти'. Вполне возможно, что описанная монгольская форма заменного деепричастия образовалась из той же аналитической формы, что и бурятская по аналогии с формой продолжительного деепричастия.

Следует отметить, что точные границы распространения заменного деепричастия в зоне бурятских и монгольских диалектов пока еще определенно не установлены.

В дунсянском, дагурском и баоаньском языках, а также в шара-уйгурском диалекте, согласно отрывочным сведениям, значение заменного деепричастия передается формой предельного деепричастия[112].

Целевое деепричастие

Целевое деепричастие, называемое также конечным деепричастием (Converbum finale), имеет в монгольских языках две совершенно различные формы, а поэтому можно говорить о двух целевых деепричастиях. Целевое деепричастие первое свойственно старописьменному монгольскому языку (суффикс *-р-а*), монгорскому (суффикс *-ра* ~ *-ла* — в зависимости от диалектов), дунсянскому и баоаньскому языкам (суффикс *-лэ* ← **-р-а*). Примеры:

класс. *одур-а* 'чтобы отправиться', *медер-е* 'чтобы узнать'; монгор. *сагара* 'чтобы спросить', *авула* 'чтобы взять'; дунс. *тарілэ* 'чтобы сеять', *кіэлэ* 'чтобы делать'; баоан. *кэлэ* 'чтобы делать', *нджэлэ* 'чтобы смотреть'.

Исходный прототип этого суффикса **-р-а* выяснен уже давно — он представляет собою отглагольное имя на **-р-* с суффиксом дательного падежа **-а*. Как известно, в тюркских языках суффикс *-р* образует преимущественно форму будущего причастия. В монгольских же языках с суффиксом *-р* сохранились лишь отдельные слова типа халх. *өндөр* 'высокий', *бузар* 'грязный' и т. п.

Целевое деепричастие второе распространено в бурятском и монгольском языках, имея суффикс *-хā* (орфографически *-хаа*) ← **-ху-* (суффикс будущего причастия) + **-а* (суффикс дательного падежа, давно уже утраченного современными монгольскими языками). В некоторых бурятских диалектах наряду с суффиксом *-хā* имеется еще *хајā* (орфографически *-хаяа*) ← **-хуј-* (суффикс того же будущего причастия) + **-а* (суффикс дательного падежа), например: *ошохоёо* 'чтобы идти', *дарахаяа* 'чтобы давить'. В некоторых внутреннемонгольских диалектах (арухорчинском, харачинском, туметском и т. п.) суффиксом этого же деепричастия является

---

[109] W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, s. 274.

[110] И. Захаров, *Грамматика маньчжурского языка*, СПб., 1879, стр. 196.

[111] Сеченбаҕатур, *Баҕнрік-у аман аралҕун-у тухаі*, — Монгҕол келе джокіјал, теўке», Кökехота, 1959, № 11, стр. 50.

[112] Чінггелтеі, «*Думдаду улус-дакі монгҕол төрўл-ўн келен-нўгўд*,— «Монгҕол теўке, келе бічіг», Кökехота, 1958, № 12. стр. 45. — К сожалению, в этой работе нет примеров, иллюстрирующих применение предельного деепричастия в значении заменного.

*-хуă ~ -хўĕ ← *-хуj-а*, например: *абхуă* 'чтобы взять', *ідхўĕ* 'чтобы кушать'.

В классическом монгольском языке будущее причастие в дательном падеже также служило средством выражения цели, например: *медекӯj-е* 'чтобы узнать'. Из сказанного очевидно, что применительно к современным монгольским языкам форма на *-хā* определяется как целевое деепричастие постольку, поскольку в этих языках форма дательного, или местного, падежа на **-а* омертвела уже давно.

Принято полагать, что в генетической связи с целевым деепричастием первым находится так называемое цитатное, или приготовительное, деепричастие (Converbum praeparativum) на *-рун*, имеющееся только в старописьменном монгольском языке и совершенно неизвестное в живой речи. Это цитатное деепричастие, употребляющееся ныне перед прямой речью, образуется от основ весьма немногих глаголов, преимущественно речевых, например: *ӯгӯлерӯн* 'сказал', *джарліҕ болурун* 'соизволил повелеть' и т. п. Считается, что суффикс *-рун* восходит к сочетанию рассмотренного выше суффикса отглагольного имени **-р-* и **-ун*, суффикса, предположительно, родительного или орудного падежа[113]. Однако все попытки монголоведов обосновать это утверждение успехом не увенчались[114]. Дело в том, что с семасиологической точки зрения совершенно невозможно объяснить, каким образом отглагольное имя на **-р-* в форме одного из названных падежей дало начало образованию цитатного деепричастия. Ограниченный объем образования данного деепричастия от основ немногих речевых глаголов и столь же ограниченная сфера его применения лишь в старописьменном монгольском языке несомненно говорят о каком-то влиянии древнеуйгурского литературного языка (калька?) и о тюркском типе образования форм на *-рун* вообще. В этой связи надо заметить, что образования на *-рун* в примерах типа *jабурун коjіна* 'после ухода' (несомненная форма родительного падежа от основы отглагольного имени на *-р-*), с одной стороны[115], и *джарліҕ болурун* 'соизволил повелеть', с другой, являются, по всей вероятности, омоформами, из коих пока не очень ясна вторая, которая может оказаться генетически связанной с формой слитного деепричастия, как бы это ни казалось исключенным.

Деепричастия ограниченного распространения

Кроме рассмотренных выше деепричастных форм, встречаются и такие деепричастия, которые имеют распространение лишь в отдельных монгольских языках и диалектах и лингвистическая география которых пока еще точно и окончательно не установлена.

[113] Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 49, 86.
[114] W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, s. 252.
[115] Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 86.

Ниже мы остановимся лишь на некоторых из этих деепричастий ограниченного распространения, а именно на деепричастии образа действия, деепричастии степени действия и причинном деепричастии, поскольку по состоянию наших сведений о монгольских языках и диалектах у нас нет возможности исследовать все деепричастия, известные лишь в отдельных диалектах.

Деепричастие образа действия распространено среди ряда бурятских диалектов и широко применяется в бурятском литературном языке, имея в качестве своего показателя суффикс *-мгашаа* например: *оромгошоо* 'входя', *баймгашаа* 'стоя', *ябамгашаа* 'идя', 'на ходу'. Этот суффикс является генетически составным: 1) **-мга-*, имеющийся в суффиксе образования отглагольных прилагательных типа бурятского же *мартамгай* 'забывчивый', 2) *-ша*, по-видимому, из **-сі-* (ср. бур. *хэбтэши* 'лежанка' от *хэбтэ-* 'лежать') плюс **-а*, суффикс местного падежа. Поэтому вряд ли можно думать, что суффикс данного деепричастия образа действия восходит к сочетанию суффиксов **-мҕаі-* и **-чі*, суффикса образования отглагольных имен деятеля, поскольку такая этимология описываемого суффикса не оправдывается с семасиологической точки зрения. С этим деепричастием не следует смешивать отглагольное прилагательное (причастие?) на *-мгайша ← *-мҕаі-чі*, распространенное лишь в некоторых бурятских диалектах.

Деепричастие степени действия, известное в некоторых бурятских диалектах, в качестве своего показателя имеет суффикс *-хыса* (фонетически *-хісă*), например, *мэдэхысэ* 'пока не узнает', *орохысо* 'пока не войдет', *туршахыса* 'пока не испробует'. Этот суффикс представляет собою генетически сочетание суффиксов причастия будущего времени *-хуі-* и так называемого предельного падежа *-са ← -ча*. Наряду с этим деепричастием степени действия во всех бурятских диалектах широко распространено деепричастное образование на *-са ← -ча*, например: *ханхинаса* 'так сильно, что звенит', *гараса* 'так сильно, что выйдет', *ургаса* 'так сильно или так долго, что вырастет'. По-видимому, суффикс этого деепричастного образования генетически связан с суффиксом предельного падежа, хотя и представляется необычным то, что падежный суффикс присоединяется непосредственно к основе глагола.

Причинное деепричастие пока обнаружено исследователями в некоторых говорах монгольского языка, распространенных в Чахаре и Ордосе, его суффиксы—*-мӓн*, *-мӓджін*, *-мӓнджін* (в бааринском говоре), *-мāн* (в чахарском говоре), *-мā*, *-мāн*, *-маджін* и *-мāнджін* (в ордосском говоре), например: баарин. *jабмӓнджін* 'так как пошел', *хелмēн ~ хелмēджін* 'так как сказал', *ӯджмӓн* 'так как видел'[116]; чахар. *хелмēн* и орд. *хелмēджін* 'так как сказал'[117], орд. *абмāджін* 'так как возьмет', 'если возьмет'.

[116] Сеченбаҕатур, *Баҕарін-у аман аjалҕун-у тухаі*, «Монгҕол келе джокіjал, теўке», Кӧкехота, 1959, № 11, стр. 51.
[117] Чінггелтеі, *Думдаду улус-дакі монгҕол тӧрӯл-ӯн келен-нӯгӯд*, — «Монгҕол теўке, келе бічіг», Кӧкехота, 1957, № 12, стр. 42.

Таблица 9

Деепричастные формы

Языки и диалекты / Деепричастия	Класс.	Монг.	Бур.	Ойр.	Даг.	Монгор.	Дунс.	Баоан.	Исходный прототип
Соединительное	*-джу, -чу*	*-джї, -чї*	*-жä, -шä*	*-дж, -ч*	*-джї*	*-джі*	*-джы*	*-джі*	**-дї, *-ді*
Разделительное	*-ʒад*	*-ät*	*-ät*	*-ät*	*-ар, -ä*	*-ä*	*-дэнэ*[5]	—	*-ʒа-д*
Слитное	*-н*	*-ӈ*	*-ӈ*	*-н*	*-н*	*-н*	*-н*	*-[j]аӈ*	*-н*
Условное	*-басу*[1]	—	—	—	—	—	—	—	*-ба-су*
	-ʒасу	—	—	—	*-äсä, -äс*	*-са*[2]	*-сэ*	*-сэ*	*-ʒа-су, -су*
	-хула	*-х[у]лä*[3]	—	*-хлä*[3]	—	—	—	—	*-ку-лу-ʒа*
	—	*-лä*	—	—	—	—	—	—	*-лу-ʒа?*
	—	*-бäл, -вäл*	*-бäл*	*-вл-*	—	—	—	—	*-ба-ла?*
	—	*-ӯн, -ӈгун*	—	—	—	—	—	—	?
Уступительное	*-бачу*	*-бäч, -вäч*	—	*-вчн*	—	—	—	—	*-ба-чу*
	—	*-jäч, -jäт*	—	—	*-jаш*	—	—	—	*-ʒа-чу*
	—	—	—	—	—	*-сада,*	?	*-сэдэ*	?
	—	—	—	—	—	*-саjа*	*-сэjэ*	?	?
Продолжительное	*-ʒсаʒар*	*-сäр*	*-häр*	—	*-[р]сäр*	*-сäр*	?	*-сэр*	*-ʒ-са-ʒар*
Последовательное	—	*-х[а]лäр*	*-хäläр*	*-хлäр[н], -хнäр[н]*	—	*-гула*	?	*-гума*	*-ку-лу-ʒар*
Предварительное	*-маʒча*	*-мäгч*[4]	—	—	—	—	—	—	*-маʒ-ча*
	—	*-мч, -мсä*	*-мсä*	—	—	—	—	—	*-м-ча*
	—	*-нäрäн*[5]	—	—	—				?
	—	—	*-мсäр*	—	*-гуэтэр*[5]	—	—	—	*-м-ча-ʒар*
	—	—	*-мсäр*	—	—	—	—	—	*-м-ча-ʒар?*
	—	—	*-мслäр*	—	—	—	—	—	*-м-ча-лу-ʒар*
Предельное	*-тала*	*-тälä, -тäрä*	*-тäрä, -сäр*	*-тл*	*-тал*	*-тула*[6]	*-тала*	*-тэла*	*-та-ла?*
Степени действия	—	—	*-хїсä-*	—	—	—	—	—	*-куі-ча*
	—	—	*-сä*	—	—	—	—	—	*-ча*
Попутное	—	*-ӈгä*	*-ӈгä*	—	—	—	—	—	*-н-ʒа*
	—	*-ӈгӯт*	—	—	—	—	—	—	*-н-ʒу-д?*
Заменное	—	*-хäр*	*-ӈхäр*	—	—	—	—	—	*-н-аку-ʒар*
Целевое	*-ра*	—	—	—	—	*-ра, -ла*	*-лэ*	*-лэ*	*-р-а*
	—	*-хä, -хуä*	*-хä-, -хäjä*	—	—	—	—	—	*-куі-а*
Образа действия	—	—	*-мгäшä*	—	—	—	—	—	*-мʒа-сі-а?*
Причинное	—	*-мäн, -мäн, -мä[н]джін, -мä[н]джін*	—	—	—	—	—	—	?
Мгновенное[7]	*-ʒас-*	*-гäс-*	*-гät*	*-гс*	?	?	?	?	*-ʒа-с*
	-с-	*-с-*	*-т-*	- -	?	?	?	?	*-с*

Примечания: 1) в прочих монгольских языках является книжной формой; 2) чередуется с *-дза*; 3) имеется вариант *-хнä*; 4) если вариант *-мäгц*; 5) эти формы не находятся в этимологической связи с прочими формами (о границах распространения диалектных форм бурятского и монгольского языков говорится в соответствующих разделах данной работы); 6) имеются варианты *-делä* и *-дерä*; 7) применяется это деепричастие в сочетании с речевым глаголом *ге-* 'говорить'. В таблице не показаны деепричастные формы монгольского языка, в котором имеются соединительное и предельное деепричастия с суффиксами соответственно *-джі* ~ *-чі* и *-тала*. Кроме того, в этом же языке в значении продолжительного деепричастия употребляется прошедшее причастие в дательно-местном падеже (*-ксä*). О монгольском спряжении глагола см. Shinobu Iwamura, *The Zirni Manuscript, A persian-mongolian glossary and grammar*, pp. 23 — 28.

Эту деепричастную форму в ордосском говоре А. Мостарт определяет как Converba rei prius agendae и сообщает, что она обозначает такое второстепенное действие, которое необходимо предшествует главному, и при известных условиях заменяет собою условное деепричастие[118].

Относительно состава и этимологии суффиксов данного причинного деепричастия в настоящее время трудно что-либо сказать.

Наконец, в некоторых баргутских говорах исследователи находят две формы «предварительного» деепричастия: 1) *-ӯт*, например *ідӯт* 'как только поел', и 2) *-ӓлһӓр*, например *хевтӗлһӗр* 'как только лег'[119]. Первый из этих суффиксов, по-видимому, соответствует бурятскому *-ӯт*, встречающемуся в единственном отглагольном образовании *јабӯт* 'моментально', 'сразу'. Относительно же второго суффикса «предварительного» деепричастия *-ӓлһӓр* сказать что-либо трудно из-за ограниченности необходимых баргутских текстов. Весьма возможно, что здесь перед нами форма продолжительного деепричастия от глагольных основ на *-л-*, в свою очередь образованных от отглагольных имен на долгий конечный гласный (ср. бур. *эдеэлһээр* 'как только поел' ← *эдеэл-* 'есть' ← *эдеэ-* 'пища' ← *эди-* 'есть', 'кушать').

---

[118] A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, pp. LIII—LIV.

[119] Чінггелтеі, *Дамдаду улус-дакі монгђол тӧрӯл-ӯн келен-нӯгӯд*, — «Монгђол теӯке, келе бічіг», Кӧкехота, 1957, № 12, стр. 29.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Употребление глагольных форм в монгольских языках изучено еще далеко не равномерно. Можно считать более или менее изученным применение этих форм в калмыцком, бурятском, классическом и современном монгольских языках, тогда как в отношении остальных монгольских языков мы в состоянии только сказать, что они имеют те или иные формы глагола, значения которых пока в деталях совершенно не изучены. К тому же существование некоторых из этих языков (дунсянского и баоаньского) нам стало известно лишь недавно. Если для морфологического исследования соответствующих грамматических форм вообще достаточно иметь только свидетельство об их наличии в том или ином языке, то для изучения их значений в различных употреблениях необходимо, конечно, обладать большими текстами и литературой на данном языке. А между тем мы не располагаем надлежащими материалами на могольском, дагурском, монгорском, дунсянском и баоаньском языках. Это обстоятельство и отражается, конечно, на том изложении употребления глагольных форм в монгольских языках, к которому мы и переходим ниже, пользуясь материалами лишь на калмыцком, бурятском, классическом и современном монгольских языках.

Глагольные формы в монгольских языках по их синтаксическим функциям делятся на следующие:

1) окончательные, употребляемые в предложении только предикативно и подразделяемые на а) повелительно-желательные и б) изъявительные;

2) неокончательные, подразделяемые на а) причастия, которые в предложении употребляются в любой синтаксической позиции, и б) деепричастия, употребляемые лишь в обстоятельственной функции в широком смысле этого слова.

ПОВЕЛИТЕЛЬНО-ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Те формы монгольского глагола, которые рассматриваются в настоящем разделе, объединяются в одну общую группу форм одного повелительно-желательного наклонения. Правда, с семасиологической точки зрения, учитывая различные модальные значения этих форм, их можно было бы интерпретировать как формы

различных наклонений, например, повелительного, желательного, дубитативного и т. д. Однако в монголистике различные модальные значения соответствующих форм обращения монгольского глагола принято фиксировать в наименованиях каждой из них, ибо то общее, что их объединяет, превалирует над тем, что их разъединяет. С семасиологической точки зрения повелительно-желательные формы выражают такое обращение говорящего, которое имеет своей целью вызвать совершение какого-нибудь действия со стороны слушающего или третьего лица, как отсутствующего, так и присутствующего при собеседовании двух первых лиц. А в какой форме выражается такое обращение (категорическое приказание, вежливая просьба, мольба, пожелание, предупреждение, опасение и т. д.), с грамматической точки зрения представляется несущественным и второстепенным. К тому же практически различия между повелительно-желательными формами глагола часто оказываются не столь уж большими, как это излагается в теории, поскольку обстановка речи, контекст, интонация и т. п. чрезвычайно многообразят значения этих форм.

С грамматической точки зрения существенно важным является то, что из многочисленных форм монгольского глагола только повелительно-желательные имеют одну, общую и свойственную лишь для них, препозиционную частицу запрета со значением 'не': класс. *буу*, халх. *битгий*, калм. *бишкэ*, монгор. *бі*, бур. *бү* и т. д. А между тем все прочие формы монгольского глагола имеют другие частицы отрицания, принадлежащие только им и никогда не употребляющиеся с повелительно-желательными формами глагола.

Повелительная форма 2-го лица (императив)

Императив, выражающий категорическое требование или обычную просьбу совершить какое-либо действие немедленно, в бурятском, калмыцком и дагурском языках является повелительной формой 2-го лица единственного числа, тогда как в классическом монгольском, монгорском и современном монгольском (халхаском и других диалектах) — оказывается той же формой 2-го лица обоих чисел, например: бур. *Тэрэ хоёр буруугаа энэ дары туужа абаашажа үг!* (Х. Н.) 'Немедленно сгони этих двух телят!'; калм. *Төрскэннь тэлэ йов, Теркэ хортур бос!* (К. Э.) 'За родину свою трудись. На коварного врага вставай!'; даг. *Халбчэсэ хумпа!* 'Если жарко, то выкупайся!'; класс. *Нада сігүдері-јін кілбелген өнггетү көкүр хара хујаҕ-ијан ача!* (Г.—4) 'Дай мне свой черно-синий панцирь, сверкающий блеском росы!', *Долуҕан көл морібан нада ача!* (Г.—25, из обращения Гесера к семи альбинам) 'Дайте мне семь ваших коней!', *Саҕун бајін јабухуі-дур солунгҕа біраҕу метү јабу та!* (Л. сб.—59) 'В обыденной жизни будьте вы смирны как телята!'; халх. *Та нар яв!* (Лувс.) 'Идите вы!', *Чи үүнийг аваачиж өг!* (Далх.) 'Отнеси ты это!'; монгор. *Чі аву* 'Возьми ты!', *Тасге до јау!* 'Вы идите сейчас!'

Что касается могольского, дунсянского и баоаньского языков, то опубликованные тексты регистрируют употребление императива в качестве формы 2-го лица единственного числа, например: мог. *Морінї ачара!* 'Приведи коня!'; дунс. *Чы міні удуджы ҥэні шыды јаву!* 'Ты веди меня к нему!'; баоан. *Чэ чоҥлэ!* 'Ты послушай!'[1]

Как правильно отметил в свое время еще А. Бобровников, императив в определенных случаях может выражать обращение и к 3-му лицу, чаще всего отсутствующему: *Хормуста тнгрі ҕурбан көбегүд-ијен іре кемебе* (Г.—3) 'Небожитель Хормуста велел позвать к нему трех его сыновей' (букв. 'Хормуста небожитель трех сыновей своих «приди» сказал'). Особенность этого примера заключается в том, что в нем наличествует речевой глагол *кемебе*, обычно передающий только прямую речь. Такого рода применение императива наблюдается преимущественно в классическом монгольском языке и некоторых диалектах современного монгольского языка, например в ордосском: *Теденүт джа!* (Ордос.—44) 'Пусть они укажут!', *Аду мал-чін джуджа̄ра* (там же) 'Пусть твои табуны и стада размножатся!' А. Мостарт указывает, что при этом императив приобретает значение оптативной формы.

Как это будет видно в ходе нашего дальнейшего изложения, система повелительно-желательных форм в монгольских языках характерна тем, что эти формы преимущественно различаются между собою по степени «настойчивости и обязательности повеления». Сказанное вытекает из того, что повеление присутствующему лицу по своей непосредственности имеет бо́льшую силу, нежели отсутствующему, как и обращение к одному лицу сильнее обращения ко многим. Отсюда, по мнению А. Бобровникова, происходит нарушение различия повелительно-желательных форм по лицам и числам[2]. Равным образом, действие, которое должно быть исполнено немедленно, повелевается с бо́льшей категоричностью, нежели то, которое нужно исполнить после. Однако, надо полагать, именно вследствие характера модальности описываемых форм в монгольских языках и начали эти формы постепенно различаться по лицам и особенно числам. Иными словами, повелительно-желательные формы в древних монгольских языках первоначально отличались друг от друга главным образом степенью повеления и желания, т. е. были окрашены модальными оттенками. Отсюда и вытекают, в частности, изложенные особенности в употреблении императива в современных монгольских языках.

---

[1] По личному сообщению Б. Х. Тодаевой, в дунсянском и баоаньском языках императив является повелительной формой 2-го лица обоих чисел.

[2] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 333.

Императив не имеет специального показателя и поэтому совпадает с чистой основой глагола, которая сама по себе никакой синтаксической функции не несет. Однако основа глагола применяется в качестве первого компонента дублированной формы продолжительного деепричастия. Кроме того в монгорском и дунсянском языках она употребляется иногда вместо сопутствующих деепричастий (может быть, здесь просто явление выпадения конечного согласного *-н* в форме слитного деепричастия?)[3].

Повелительно-наставительная форма 2-го лица (прескриптив)

Прескриптив выражает такое обращение ко 2-му лицу совершить какое-нибудь действие, которое должно быть выполнено в будущем, а не вслед за моментом речи. Причем такое обращение носит более вежливый характер, чем при употреблении императива. Эта форма распространена в халхаском и бурятских диалектах, а также в классическом монгольском языке под несомненным влиянием устной речи халхаского типа: бур. *Тэрэхэн хоёр буруугаа үглөө үдэр эртэхэн туугаад манайда асаржа үгөөрэй* (Х. Н.) 'Тех двух телят завтра рано утром пригони к нам!'; халх. *Та авгайд эрхвиш намайг хагалсан гэж бичээрэй* (Далх.—38) 'Ты тёте обязательно напишешь, что [бумагу] разорвал я'; класс. *Чі ене сöні буу унтараі* (Л. сб.—120) 'Ты в эту ночь не спи!'

Прескриптив, выражающий обращение ко 2-му лицу, в числе уточняется контекстом и обстановкой речи или, в бурятских диалектах, лично-предикативными частицами: *Маргааша ябаарайш* 'Завтра пойдешь!' и *Маргааша ябаарайт*! 'Завтра пойдете'. В дагурском языке этой халхаско-бурятской форме прескриптива соответствует форма на *-гāнī~-гāнē*: *Даўдăгāншін* 'Ты бы прочитал', *Ірэ̄гэ̄нтāн̀* 'Вы бы пришли'. Как видно из примеров, дагурская форма прескриптива выражает просьбу или совет совершить соответствующее действие с оттенком сослагательности и в числе уточняется лично-предикативными частицами, что однако не всегда имеет место.

Следовательно, прескриптив отличается от императива как в отношении времени, так и по характеру модальности. Именно по этой причине Г. И. Рамстедт склонен был вообще не учитывать временно́й оттенок данной глагольной формы в халхаском диалекте[4].

Повелительно-просительная форма 2-го лица (прекатив)

Эта повелительно-просительная форма в современном монгольском, дагурском, калмыцком и бурятском языках выражает повеление или просьбу совершить какое-нибудь действие в течение

[3] Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 84 и 102.
[4] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 5.

ближайшего времени или немедленно, причем в значении этой формы оттенки убедительной просьбы, настойчивого увещевания или усиленного понукания являются главными и наиболее существенными: халх. *морь маань гамнаж яваа*! (Р.—6) 'Береги же нашу лошадь!'; даг. *едегēдж ўкō* (МОНК—VI—163) 'Вылечи, пожалуйста!'; калм. *үрәһән тохит, унад мордий, үгиһэн келит, сонсад мордий*! (Б. Б.) 'Оседлайте же молодого коня, поедем на нем, говорите же речи, послушаем и уедем'; бур. *Зохид юумын байгаа һаа хэлэжэ үгыт* (Х. Н.) 'Если есть что-нибудь интересное, то расскажите, пожалуйста!'; орд. *Чі дўгīдēн ірē*! (Ордос. 44) 'Иди же ты к своему брату!'

Таким образом, с семасиологической точки зрения данный прекатив может рассматриваться в качестве эмфатического варианта императива, хотя эти две формы в морфологическом отношении не являются, вопреки мнению А. Мостарта[5], связанными друг с другом.

Рассмотренные выше три формы повелительно-желательного наклонения 2-го лица, полностью представленные не во всех монгольских языках, со всей очевидностью показывают, в какой степени вообще сильны в системе монгольского глагола оттенки модальности. Далее, как это видно из изложенного, если прескриптив и прекатив оказываются во всех отношениях более или менее соответственно одинаковыми и имеются не во всех монгольских языках, то императив в отношении категории числа (обоих чисел в одних монгольских языках или только единственного числа в других) является неодинаковым и наличествует во всех монгольских языках. В этом обнаруживается то обстоятельство, что прескриптив и прекатив в названных языках представляют собою формы сравнительно недавнего образования, тогда как императив — это древнейшая глагольная форма для тех же монгольских языков.

Повелительная форма 2-го лица множественного числа (бенедиктив)

Эта бенедиктивная форма, отсутствующая в дунсянском, монгорском и баоаньском языках, а также в большинстве внутреннемонгольских диалектов, представляет собою обращение различной степени интенсивности и категоричности. В более старинных текстах классического монгольского языка эта форма выражает преимущественно категорическое требование совершить какое-либо действие, а в более поздних текстах этого же языка и в современных монгольских языках и диалектах, в которых она имеется, передает лишь простое обращение, очень часто употребляясь в различных воззваниях: *Танар ҕурбан ҕоул-ун екі-ji саjіхан сакі-*

[5] A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. XLIV.

ҕтун, бітегеі бусуд кӱмӱн-і нутуҕлаҕулуҕтун! (А. Т.) 'Тщательно охраняйте истоки трех рек, и не позволяйте селиться там чужим людям!' *Албату черіг мінӱ, сонусуҕтун та!* (Л. сб.—59) 'Войска мои подвластные, слушайте вы!'

В более поздних текстах того же классического монгольского языка и в современных монгольских языках и диалектах, в которых имеется бенедиктив, он передает обращение ко 2-му лицу множественного числа с меньшей степенью категоричности: класс. *уул седкӱл-і дуҕар алдал ӱгеі-бер абчу ӱджегтӱн!* (Э.—124) 'Получайте и читайте этот журнал, не пропуская ни одного номера!'; бур. *Харагты энэ Онгойе* (Шад.) 'Посмотрите на этого Онгоя!'; калм. *Та нааран суутн!* (Б. Б.) 'Садитесь вы поближе'!; халх. *Сурагчид, та нар хичээлдээ орогтун!* (Б. Ц.)' 'Школьники, идите на урок!' Эта же форма применяется и при вежливом обращении ко 2-му лицу единственного числа во всех тех монгольских языках, в которых она имеется, — ограничимся здесь лишь одним примером из калмыцкого языка: *Аав, нааран суутн* (Б. Б.) 'Отец, садитесь поближе!'

Повелительно-желательная форма 3-го лица (консессив)

Повелительно-желательная форма 3-го лица выражает пожелание, разрешение или повеление, чтобы какое-либо лицо выполнило то или иное действие, а поэтому очень часто употребляется в разного рода воззваниях и обращениях ко 2-му лицу в отношении отсутствующего, т. е. 3-го лица, например, класс. *хубісхал-ун есергӱӱ даjісун-нуҕуд сӧнӱтӱгеі* (Э.—95) 'Долой (букв. 'да сгинут') врагов революции!'

Однако эта форма в классическом монгольском языке применяется и при обращении ко 2-му лицу, причем не только для выражения просьбы или желания, как это предполагал А. Бобровников[6], но и для передачи категорического приказания: *Худалдуджу ӱне-jі абчу іретӱгеі* (ШК-П) 'Продай [кбня] и принеси сюда деньги!'; *Хасар еджен-ече дутахуі-дур улус-ун еджен джарліҕ болурун: Сӱбегетеі баҕатур-і ечіджӱ некетӱгеі* (Л. сб.—59) 'Когда Хасар убежал от повелителя, тот приказал Субегетею: Пойди и найди!'; *Чі-бер ечіге еке-jӱген кӱндӱлен амуҕуланг саҕутуҕаі*[7] (Л. сб.—68) 'Почитая своих родителей, живи счастливо!'; *Та ендече хоjісі бусатугаі* (Х. Х.—134) 'Вы отсюда возвращайтесь назад!'; *Тӧб намхан саҕутуҕаі* (Вл.—75) 'Сиди тихо и смирно!'

В текстах «Сокровенного сказания» этот консессив употребляется лишь применительно к 3-му лицу, преимущественно единственного числа: *quda kö'ü-ben mörelgü bö'esü ottuqai, üjejü ötör iretüqai* (§ 69) 'Раз сват так горюет о своем мальчике, то пусть мальчик съездит к себе, да поскорее прибудет сюда!'; *Bidan-u bolja'an jamuqa-dača boltuqai* (§ 104) 'Место и время встречи пусть назначает Джамуха!' В этих же текстах при непосредственном обращении говорящего ко 2-му лицу консессив употребляется в том случае, если данное лицо названо в 3-ем лице, например: Дей-Сечен, обращаясь к Есугей-багатуру и называя его «сват», говорит: *ökin minu ücü'ügen büyü, quda üjetüqai* (§ 65) 'Моя дочь еще малютка, пусть сват посмотрит ее'.

В современных монгольских языках и диалектах консессив с суффиксами, восходящими к *-туҕаі*, употребляется применительно к 3-му лицу обоих чисел: даг. *Ӓн мэдэ̆тгэї* 'Пусть они знают'; орд. *Бічіге борӧн оротогӧе̄* 'Пусть пойдет небольшой дождь'; бур. (в отдельных застывших выражениях) *үрөөл болтӧгоё* 'Да будет счастье'; калм. *Умштха гигэд нанд дегтр авч өгв* (Б. Б.) 'Мне купили книгу, сказав «пусть читает»'; халх. (в некоторых выражениях литературного стиля) *Манай эх орон мандах болтогой!* 'Да здравствует наша родина!'

Консессив *на -г~-к*, отсутствующий в дагурском и классическом языках, в современных монгольских языках и диалектах применяется лишь в обращениях к 3-му лицу или, точнее, относительно 3-го лица: халх. *Гончиг танайд очиг* (Б. Ц.) 'Пусть Нончиг пойдет к вам'; калм. *Санж мөр зург* (Б. Б.) 'Пусть Санж нарисует коня'; бур. *Газар дуулаг, гахай шангнаг* (поговорка) 'Пусть слышит [вся] земля, пусть прислушивается свинья'; монгор. *Нда̄ аладза аларагі* 'Если он хочет меня убить, то пусть убьет'; баоан. *Тэ jаджэ на̄тэсэ на̄тэгэ* 'Если мальчик хочет играть, пусть играет'.

Как уже было отмечено, формы консессива на *-туҕаі* и *-г* сосуществуют в ойратских (как в Калмыкии, так и в Китае и Монголии) и внутреннемонгольских диалектах, в семасиологическом отношении несколько отличаясь одна от другой, правда, не во всех случаях своего употребления. Форма консессива на *-г~-к* от другой формы того же консессива на *-туҕаі* отличается главным образом тем, что она может выражать не только повеление или желание, чтобы действие было совершено 3-м лицом, но и разрешение, чего не выражает форма на *-туҕаі*. В известных случаях консессивная форма на *-г~-к* выражает также как бы примирение говорящего с тем, что фактически уже началось, — такое значение форма на *-г~-к* имеет, впрочем, во всех монгольских языках: если, например, на бурятском языке говорящему сообщают, что 3-е лицо уже отправилось в путь вопреки желанию говорящего, то последний, примирившись с этим фактом, может сказать *ябаг* (чаще с частицами *лэ даа*: *ябаг лэ даа*) 'ну ладно, пусть уж идет'. К сожалению, такие случаи употребления консессива на *-г~-к* нами в текстах не обнаружены, хотя они довольно часты в устной речи.

[6] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 335.

[7] В пекинском издании «Сідітӱ кегӱр» (стр. 28) вместо *саҕутуҕаі* применена императивная форма *саҕу*.

Пропозитивная форма 1-го лица

Данная форма, в числе уточняемая иногда лично-предикативными частицами или контекстом речи, выражает готовность говорящего совершить какое-либо действие и преимущественно употребляется в тех случаях, когда кто-либо предлагает свои услуги или просит позволения что-то сделать. При этом говорящий как бы напрашивается или порывается совершить то или иное действие. Примеры:

класс. *Нада морі ача, бі некеджў ачараджу өгсў* (Г.—39) 'Дай мне коня и позволь мне найти и доставить'; *Ђоул дегере јісўн сара болтала кўлијесў бі* (Г.—138) 'Подожду-ка я у реки до девяти месяцев'; бур. *Бидэнэр ябаһуубди, таанар эндээ байгты* (С.—43) 'Дайте нам отправиться, а вы оставайтесь здесь'; калм. *Та зогсжатн, би түрүлэд умшсв* (Б. Б.) 'Вы подождите, прочитаю-ка сначала я'.

В текстах «Сокровенного сказания» пропозитивная форма 1-го лица на *-су* применяется довольно широко: *Buluqan daqu-yin qari'u butaraqsan ulus-i činu būgūtkeldūjū öksū* (§ 96) 'За твою соболью доху я соберу тебе твой разбредший люд'; *Nökör nuti sumu nada ača, bi, qarbulaldusu* (§ 91) 'Дай мне, друг, лук и стрелы, буду-ка я отстреливаться'.

В старописьменном монгольском языке и текстах «Сокровенного сказания» вместо пропозитивной формы на *-су* довольно часто применяется форма на *-суђаі*: *Бі енде-ече хојар түмен моріту черіг абчу джегўн ђар болсуђаі* (А. Т.) 'Я возьму отсюда двадцатитысячную конницу и составлю левый фланг'; *Біде кеі буу талбіджу черігі турсі джу ўджесўгеі* (Л. сб.—134) 'Мы холостыми выстрелами пощупаем [вражеских] воинов'; *Көбегўн-і чіңў бі ілегесўгеі* (Викр.—82) 'Пришлю я тебе твоего мальчика'; *Či ende bayi, ві sirqa aqtatan tede būi hūldejū qarsuqa* (С. ск., § 90) 'Ты стой здесь, а я сгоню оттуда тех соловых лошадей'; *Ükü'esū inu ūkūsūqei, a'asu inu asuqai* (С. ск., § 24) 'Умереть так умереть мне! Живу быть, так буду жить!'

В ойратском языке, судя по текстам калмыцкого литературного языка, пропозитивная форма применяется крайне редко. Употребление же этой формы в современном монгольском языке (собственно — в халхаском диалекте) нуждается в тщательном изучении методами диалектологического исследования и филологического или текстологического анализа произведений самых разнообразных стилей и жанров. Дело в том, что в этом языке наблюдаются различные контаминации диалектных и книжных форм, неожиданные семасиологические изменения и т. п. — это в такой же степени относится и к классическому монгольскому языку, примеры из которого мы выше приводили и в котором часто обнаруживаются элементы и влияние множества местных диалектов. Такая картина в монгольском лингвистическом ареале особенно часто наблюдается в случаях, когда в одном из монгольских языков имеется лишь одна какая-либо форма, которой в другом языке соответствуют две или даже три формы. Что касается бурятского языка, то в нем отличие его пропозитивной формы 1-го лица от описываемой ниже желательной формы является наиболее отчетливым и ясным.

Желательная, или оптативная, форма

Данной формой говорящий выражает желание, чтобы какое-нибудь действие было кем-либо совершено, причем такое желание не содержит в себе никакого оттенка повеления, например: бур. *һанаһанаа хүсэһэйш, һарбайһанаа бариһайш* (Им.—103) 'Достичь бы тебе задуманного, схватить бы тебе искомое'; калм. *Бадмиг көдлмшәс һарад сурһульд орхла ормднь би орса* (Б. Б.) 'Если Бадма уйдёт с работы на учебу, поступить бы мне на его место'; орд. *Біенўн чігеджі кігēсā, танўт хараджі бāгāсā* (Ордбс.—45) 'Сделать бы это мне так, а вам бы посмотреть'; баоан. *Бэ нджаңсэ нэгэ асђэсэ, чэ чоңлэ* 'Я спрошу-ка у него кое-что, а ты послушай'; класс. *Туђул-іјан бўрідкеджў ўджесеі* 'Собрать бы тебе своих телят и посмотреть'.

В современном монгольском литературном языке желательная форма на *-сугай* (в теории как бы равная устной форме на *-āсā*, или орфографической *-аасай*) употребляется в разного рода публичных и официальных обращениях: *Ариун цэврийн хууль дүрэм зөрчигчидөд зохих шийтгэлийг үзүүлсүгэй* (Э.—103) 'В отношении лиц, нарушающих правила санитарии, применять соответствующие меры взыскания'; *Зохих арга хэмжээ авч гүйцэтгүүлэхийг мал тариалангийн яаманд тушаасугай* (там же) 'Проведение необходимых мероприятий возложить на министерство скотоводства и земледелия'. Как уже выше говорилось, в классическом и современном монгольских литературных языках письменная форма на *-сугай* часто передает то пропозитивную форму 1-го лица, то желательную форму 3-го лица, поскольку в живой халхаской речи нет особого показателя первой из этих форм, как и самой последней. Дело в том, что в классическом языке написания типа *-су* и *-ђасай*~*-ђасуђаі* не считались стандартными и орфографически выдержанными, будучи признаваемы просторечными. В современном же монгольском литературном языке предпринимаются ныне попытки регламентировать различие между суффиксами, с одной стороны, *-сугай*, как показателя чисто литературной, или книжной, формы пропозитива 1-го лица, и, с другой, *-аасай*, как средства выражения желательной формы 3-го лица. Очевидно, что употребление формы на *-сугай* в официальной документации и публичной речи все же стоит особняком, поскольку в этом случае данная форма не может быть признана пропозитивной вообще. Правда, в некоторых учебных пособиях по современному монгольскому литературному языку оговаривается, что форма на *-сугай* наряду с формами на

-тугай и *-гтун* используется лишь в официальной документации, лозунгах, призывах и произведениях высокого стиля[8].

Изучая пропозитивную форму на *-аасай* (всех трех лиц в бурятском и других монгольских языках, но лишь 3-го лица в халхаском диалекте) в современном монгольском литературном языке, следует учитывать, что процесс дальнейшего развития этого языка происходит в условиях, когда в общественной и литературной жизни всего монгольского народа активное участие принимают носители не одного халхаского диалекта, а ряда монгольских диалектов, например бурятского и ойратского. Отсюда проистекает все то, о чем выше говорилось, поскольку буряты и ойраты в своей речи четко различают названные повелительно-желательные формы глагола.

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица (волюнтатив)

Волюнтатив в монгольских языках выражает намерение говорящего совершить какое-нибудь действие, а также обращение ко 2-му лицу присоединиться к 1-му для выполнения намеченного действия, например, класс. *Бі тере аҕулан-дур очіј-а* (Викр.—143) 'Пойду-ка я на ту гору'; калм. *Нанла хамдан балһс орий* (Б. Б.) 'Поедем вместе со мною в город'; бур. *Хормойн шэнээн газарһаа хорин бухал абая* (Ант.—109) 'С клочка земли давайте получим сена на двадцать стогов'; халх. *Чи нэг зогс, би нэг хэлье* (Далх.) 'Ты постой немного, а я кое-что скажу'; мог. *ірáјӧӯ* 'Прибудьте'; даг. *Ба бадā ідэјā* 'Поедим-ка кашу'; монгор. *Чіаніӧчіја* 'Выпью-ка я чаю'; баоан. *Мангэ энэ шунэ оншэјэ* 'Прочитаемте эту книгу'.

В официальной документации на современном монгольском языке волюнтатив, как и желательная форма, применяется в качестве как бы формулы обращения: *Жолоочийн 322 торт үнэмлэхийг гээгдсэн тул хүчгүй болгоё* (Y.—3561) 'Шоферское удостоверение за номером 322 по случаю утери считать недействительным'.

В некоторых текстах на классическом монгольском языке волюнтатив употребляется в сочетании с вопросительными словами, содержа в себе оттенок как бы недоумения: *Алі джӯг-тӯр одуја бі* (Г.—83) 'В какую бы сторону мне отправиться?', *Долуҕан кӧл морі-бан ӧгкӯле, біде јаҕу унуја* (Г.—25) 'Если отдать семь своих лошадей, то на чем бы нам самим ехать?'

Так как в бурятском языке волюнтатив является формой только множественного числа, при волеизъявлении 1-го лица единственного числа применяется причастие будущего времени с лично-притяжательной частицей данного лица и числа *-мни*:

[8] Ш. Лувсанвандан, *Монгол хэлний зуйн сурах бичиг*, Улаанбаатар, 1956, стр. 86.

Би ара гаража аргали хароажа асарахамни (Балд.) 'Я отправлюсь на север и привезу сюда серну, пристрелив ее из лука'.

Выше уже отмечалось, что в бурятском языке различие между пропозитивной формой 1-го лица и оптативом проявляется со значительно большей отчетливостью, нежели в других монгольских языках. Как это совершенно очевидно, данное обстоятельство и весьма широкое употребление пропозитива в бурятской речи находятся в безусловной связи с тем, что во всех бурятских диалектах волюнтатив является формой лишь множественного числа и по существу оказывается только пригласительной. Поскольку данные всех монгольских языков, кроме бурятского, говорят о том, что волюнтатив с незапамятных времен был формой обоих чисел 1-го лица, постольку надо считать, что в бурятском языке эта волюнтативная форма лишь с какого-то времени не стала употребляться применительно к единственному числу того же 1-го лица. Это, конечно, связано также с тем, что в системе глагола монгольских языков модальная сторона явно преобладала над другими категориями, над категориями лица, времени и числа, которые, следовательно, надо признать позднейшими.

Дубитатив

Дубитатив в классическом монгольском, ойратском, современном монгольском и отчасти бурятском языках выражает предостережение, опасение и боязнь, как бы не совершилось какое-нибудь действие: класс. *Тан-іјен ӱкӱгӱджеі геджӱ чінггебе бі* (Г.—119) 'Я сделал это так потому, что боялся, как бы вы не умерли', *Ене нӧкӱр-ӱн седкіл-і јаҕакін хуҕулху болуҕуджа* (Панч.—82) 'Как же можно обескуражить этого друга' (т. е.: 'Как бы не обескуражить этого друга'); орд. *гарāн халāгӯдж гече* 'боясь, как бы не обжег свои руки', *аріхі ӯвул согтогӯҥ гече* 'боясь, что если выпьет вино, то опьянеет'; халх. *Барих болуузай гэж усан дотор ургамалын дотор нуугджээ* (Далх.) '[Лягушка], опасаясь, что ее поймают, спряталась в речной траве'.

Аналогичное употребление дубитатива встречается и в текстах «Сокровенного сказания»: *Minu tula aqa de'ü-tür mawuqalin bolulča'-u-ǰai* (§ 131) 'Как бы братья не перессорились из-за меня', *Širgü'etü namayi alaǰu ile'ü-ǰai* (§ 149) 'Как бы меня не убил Ширгуэту'.

В бурятских диалектах форма на *-уужа* является не только дубитативной, так как она приобрела также значения заверительной формы 1-го лица и повелительной формы 3-го лица. Заверительная форма употребляется тогда, когда говорящий откладывает совершение какого-нибудь действия на будущее, не желая заниматься этим в момент речи или уклоняясь от этого вообще: *Баярайнгаа тухай байтараа хэлүүжэм* (Баяр—99) 'Насчет Баяра я расскажу потом', *Ламые ерэхэдэ үлгыень нюугаадшье*

байгуужабдл (Ч. Цыд. — 21) 'Когда придет лама, то колыбель мы спрячем'. Этой же формой выражается заверение, что какое-нибудь действие будет совершено в будущем непременно: *Оргодоhон тухайдатнай би эжы абадатнай дамжуулуужам* (Ар. онт. — 22) 'О вашем бегстве я уж передам вашим родителям'. В известном смысле заверительная форма 1-го лица по значению противоположна пропозитивной, в случае употребления которой говорящий не уклоняется от совершения того или иного действия, а, наоборот, как бы сам напрашивается на совершение чего-либо.

Повелительно-допустительная форма в бурятском языке выражает либо некатегорическое повеление, либо пожелание говорящего, чтобы какое-нибудь действие состоялось в будущем и было совершено 3-им лицом: *Хэрбэеэ хэн халуудаа hаа, газаа-hуугуужа* (Ч. Цыд. —238) 'Если кому будет жарко, то пусть он посидит на улице'; *Элбэг нэгоон соо байг! Алёна hаажа байгуужа* (Ч. Цыд. — 136) 'Пусть [теперь корова] остается на изобильной траве! Пусть [потом] будет доить Алена!' Эта же форма выражает какое-либо действие, не взирая на которое говорящий изъявляет свое намерение во что бы то ни стало совершить что-то: *Иимэ гоёдые би шабараар хэжэрхихэб, үнгэрэвл hаа сохюужал* (Ч. Цыд. — 116) 'Таких нойонов я забросаю глиной. В худшем случае пусть побьют меня'.

Иногда повелительно-допустительная форма передает сомнение говорящего относительно реальности какого-нибудь факта: *Шинии ишмэ гоё hайхан Кяхтада ерэhэн байгуужа Коковин. Тэрэшни Петербургада гү, али хилын саана байдаг* (Ч. Цыд.— 187) 'Вряд ли приехал Коковин в твою прекрасную Кяхту. Он теперь либо в Петербурге, либо уже за границей'.

Вместе с тем в бурятском языке форма на *-уужа* часто применяется и в обычном дубитативном значении, чаще всего сопровождаясь при этом речевым глаголом *гэжэ* 'говоря': *Аалаар, гэнтэ манайхин дуулуужан* (Ж. Тум. — 36) 'Тише, как бы не услышали наши'; *Шамайе гэнтэ ерэнгүй байгуужан гэжэ hанаалби* (Ж. Тум. — 36) 'А я думала, что ты вдруг не придешь'.

Не подлежит сомнению, что такое разнообразие в значениях бурятской формы на *-уужа* отчасти объясняется многообразием диалектов бурятского языка. К сожалению, в этом плане изучение дубитативной формы в различных бурятских диалектах еще не проведено с достаточной полнотой. Но можно уже в настоящее время утверждать, что если в том или ином из этих диалектов форма на *-уужа* преимущественно является показателем заверительной или повелительно-допустительной формы, то она в меньшей степени употребляется в дубитативном значении, заменяясь в этом случае изъявительными формами на *-ба* и *-лай* в сочетании с лично-предикативными частицами, о чем речь будет идти ниже.

Обороты обращения

Повеление, долженствование и некоторые выражения обращения в монгольских языках передаются не только при помощи повелительно-желательных форм глагола, но и посредством разного рода синтаксических конструкций и лексических сочетаний, которые мы условно называем оборотами обращения. Эти обороты обращения не подвергались специальному исследованию, хотя о них отдельные сведения сообщаются в различных учебных пособиях по монгольским языкам. Ниже нами, ради известной полноты описания, вкратце излагаются основные обороты обращения в той мере, в какой они строятся при помощи глаголов и являются наиболее распространенными в хорошо изученных монгольских языках: бурятском, калмыцком (сведения об ойратских диалектах в Китае и Монголии весьма скудны), современном и классическом монгольских языках.

1. Класс. *керегтеі*, халх. и бур. *хэрэгтэй* и калм. *кергтэ* 'надо' (имя существительное *керег* || *хэрэг* || *керг* 'дело' в совместном падеже; ср. тюрк. *керек* 'нужно', 'надо', 'необходимо') или соответственно *керег үгеі*, *хэрэггүй* и *керг уга* 'не надо' (букв. 'дела нет') в сочетании с будущим причастием выражает надобность или ненадобность совершения какого-нибудь действия: класс. *чеберлекү керегтеі*, халх. *цэвэрлэх хэрэгтэй*, бур. *сэбэрлэхэ хэрэгтэй* и калм. *цеврлх кергтэ* 'надо чистить'; класс. *кікү керег үгеі*, халх. *хийх хэрэггүй*, бур. *хэхэ хэрэггүй* и калм. *кех керг уга* 'не надо делать'. Иногда в классическом монгольском языке, как и в других монгольских языках, вместо *керегтеі* употребляется в том же значении *керег* в именительном падеже: *тусхаі ніген дебтер джокіјаху керег буі* (Э. — 111) 'Нужно составить особую брошюру' (букв. 'Особую одну брошюру составить дело есть').

Вместо причастия будущего времени в сочетании с обозреваемым *керег үгеі*//*хэрэггүй* употребляется причастие прошедшего времени с частицей логического ударения *чу*//*ч*//*-шье*, в результате чего полученный отрицательный оборот содержит в своем значении оттенок «не стоит и...»: класс. *орүбсап чу керег үгеі*, халх. *орсон ч хэрэггүй*, бур. *ороhоншье хэрэгүй* 'не стоит и заходить', 'нет нужды и заходить'.

2. Класс. *јосутай*, халх. *ёстой* и бур. *ёhотой* 'должно', 'необходимо' (имя существительное *јосун* // *ёс*//*ёhон* 'правило', 'обычай', 'порядок' в совместном падеже) в сочетании с будущим причастием выражает необходимость и непременную обычность совершения действия и отличается от предыдущего *керегтеі* большей категоричностью: класс. *татаху јосутаі*, халх. *татах ёстой*, бур. *татаха ёhотой* 'необходимо тянуть'.

3. В современном монгольском литературном языке, преимущественно в публицистическом стиле, особенное употребление получило слово *чухал* 'важно', сочетающееся с причастием будущего

времени с частицей притяжания 3-го лица *байгуулах нь чухал* 'важно организовать'.

4. В публицистическом стиле современного монгольского языка очень широко применяется оборот, состоящий из условного деепричастия и глагола *зохи-* 'соответствовать', 'подходить', 'годиться' и выражающий категорическое требование или непреложную обязательность совершения какого-либо действия: *байгуулбал зохино* 'необходимо организовать'. Так как в бурятском языке глагол *зохихо*, соответствующий монгольскому *зохих*, не получил описанного значения последнего, то подобное сочетание по-бурятски (*байгуулбал зохино*) означает в данном случае 'если бы организовать, то получилось бы хорошо, подошло бы'.

5. Соединительное деепричастие в сочетании с глаголом *бол-* выражает действие, подлежащее разрешению или, при наличии отрицания, запрету, а также объективную возможность или невозможность действия: класс. *оруджу үлү боломуі*, калм. *орж болшго* 'входить нельзя', 'вход не разрешается'; класс. *кіджү болумуі*, халх. *хийж болно*, бур. *хэжэ болоно* 'сделать можно'. Оттенки этого оборота — запрет или объективная невозможность — зависят от контекста.

6. В калмыцком языке причастие будущего времени в сочетании с частицей *-мн* (← **jaбума* 'вещь', 'предмет', а не ← *мөн* 'именно', 'действительно') употребляется для выражения категорического требования: *Керг бәәхлә күцәхмн* (Б. Б.) 'Если есть дело, то [его] надо непременно сделать'.

7. К оборотам обращения можно условно отнести сослагательный оборот со значением «хорошо бы», который образуется сочетанием условного деепричастия с предикативным класс. *сајін бөлүге*, халх. *сайн билээ* и бур. *һайн бэлэй* 'хорошо ведь': класс. *орубасу сајін бөлүге*, халх. *орвол сайн билээ*, бур. *оробол һайн бэлэй* 'хорошо бы войти'. Этот оборот можно было бы назвать условно-желательным.

Изложенным не исчерпываются все имеющиеся в монгольских языках обороты обращения, которые подлежат более тщательному изучению, особенно в таких языках, как могольский, дагурский, монгорский, дунсянский и баоаньский.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Изъявительные формы глаголов недаром еще А. Бобровниковым были названы «окончательными» (таковыми же считаются и императивные формы). Дело в том, что в монгольских языках предложение преимущественно должно оканчиваться глаголом (предикатом или связкой) в изъявительной или императивной форме. Если же сказуемым оказывается какое-нибудь имя, то последнее должно сопровождаться связкой, даваемой чаще всего именно в изъявительной форме. Правда, при этом связка настоящего времени часто опускается. Следовательно, глаголы в

изъявительной или императивной форме синтаксически обязательно оказываются только сказуемыми. А это обстоятельство — определенная и постоянно закрепленная синтаксическая функция названных форм глагола — приводит к тому, что лишь тогда сказуемое может не занимать в предложении последнего по порядку места, когда оно выражено изъявительными формами глагола. Так как имена, и причастия в том числе, в предложении играют различную синтаксическую роль, то порядок их в предложении чрезвычайно строг и зависит от их синтаксической функции.

Сказанное подтверждает общеизвестное и давно уже установленное в лингвистике положение о том, что там, где слабо выражены морфологические показатели, большую роль играет порядок слов в предложении[9]. Как известно, в монгольских языках сказуемое располагается после всех прочих членов предложения. Поскольку же изъявительные и императивные формы монгольских (и, конечно, ряда других) языков как бы являются морфологическим выражением предикативной функции глагола, постольку порядок членов предложения, точнее, — определенное место сказуемого во фразе, не является обязательным именно в тех случаях, когда предикативно применяются эти глагольные формы. Такое явление можно наблюдать во всех монгольских языках и диалектах настоящего и прошлого, как в письменных текстах, так и особенно в устной речи, не говоря уже о диалектах. Что касается именных сказуемых, выраженных собственно именами и причастиями, то они могут не занимать последнего места в предложении преимущественно в тех случаях, когда они снабжены лично-предикативными частицами. Это «нарушение» особенно часто имеет место в устной речи; что же касается письменного языка, то в нем указанный закон обычно соблюдается очень строго, хотя в этом особой необходимости, казалось бы, и нет. Но, тем не менее, и в письменных текстах довольно часто встречаются примеры, в которых сказуемые, выраженные изъявительной или императивной формой глагола, оказываются в предложении не на последнем месте. Подобное явление, как уже сказано, особенно часто наблюдается в устной речи, которая располагает таким важным средством определения синтаксической функции какого-либо слова, как интонационное членение предложения. В классическом монгольском языке жанром, по форме близким к устной речи, является беллетристика, особенно та, которая своими корнями уходит в фольклор. Поэтому не случайно, что именно в беллетристических жанрах этого языка мы преимущественно обнаруживаем многочисленные примеры, в которых сказуемое, выраженное изъявительными формами, располагается не на последнем месте предложения. Ограничимся

[9] См., например: Э. Сэпир, *Язык*, М., 1934, стр. 91; Л. А. Булаховский, *Курс русского литературного языка*, Харьков, 1937, стр. 315.

ниже лишь несколькими примерами: *Джаҕан-і унуджу одба көбегүн-і јен үджере* (Шм. — 162) 'Отправился верхом на слоне взглянуть на своих сыновей'; *Седкіл-іјен джобанін јабуба тєре ҕаджар-тур* (Викр. — 62) 'Обеспокоенный отправился в ту местность'; *Мал таҕуджу ҕарба ебүген* (Г. — 19) 'Старик вышел, погнав скот'.

В известном монгольско-тюркско-арабском словаре «Мукаддимат ал-Адаб» также встречается множество примеров с такого же рода перестановкой сказуемого, которую нельзя считать случайной или результатом небрежности переписчиков этого словаря, так как в нем нет случаев перестановки именных сказуемых: *Ірекӱні удаба бічік* 'Письмо, которое должно было прийти, задержалось'; *Küүн сіба'ун олон болба ереjін* 'У мужа детей стало много'.

Здесь нам нет необходимости останавливаться на том, в силу чего происходит та или иная перестановка членов предложения в монгольских языках, — это дело описательных грамматик каждого из этих языков. Но в самом общем виде здесь можно сказать, что в монгольском предложении самое последнее место занимает тот из его членов, на который падает логическое ударение. Правда, в устной речи соответствующая перестановка членов предложения происходит в результате спешки и т. д.

Приступая ниже к описанию употребления изъявительных форм глагола в монгольских языках, считаем необходимым сказать несколько слов насчет терминологического обозначения этих форм. Дело в том, что та или иная изъявительная форма от одного монгольского языка к другому имеет разные временные значения. Поэтому если мы будем говорить, что, например, имперфектный презенс в таком-то языке выражает действие будущего времени, то это надо понимать в том смысле, что общемонгольский имперфектный презенс в данном языке является формой именно будущего времени. Конечно, в описательной грамматике того или иного отдельного монгольского языка данная изъявительная форма должна называться формой будущего времени, а не имперфектным презенсом (само собою разумеется, сказанное не всегда должно означать, что имперфектный презенс здесь приобрел значение будущего времени). Такой терминологии можно было бы избежать, если бы не было слишком громоздким вместо «имперфектный презенс» каждый раз говорить, например, «форма на *-на*».

Вообще же, наряду с русской монголоведной терминологией и ради краткости, в нашей работе применяется та латинизированная терминология, которая была введена в научный оборот главным образом Г. И. Рамстедтом и ныне является общепринятой в монголистике, хотя во многих случаях она оказывается неточной, особенно в системе обозначения именно изъявительных форм глагола и отчасти причастий («номен» вместо «причастие» и т. д.).

Имперфектный презенс

В самом общем виде можно кратко сказать, что имперфектный презенс в монгольских языках выражает действие настоящего и будущего времен, а в чисто грамматическом плане — настояще-будущего времени, т. е. как бы одного непрошедшего времени. Точная временная локализация действия, выраженного данной глагольной формой, улавливается в контексте речи, в частности благодаря наличию или отсутствию разного рода обстоятельств времени вроде класс. *марҕасі* 'завтра', *едүге* 'теперь', *ірекӱ он-дур* 'в будущем году' и т. п. Кроме того имперфектный презенс иногда окказионально обозначает действие так называемого расширенного настоящего времени, присущее какому-нибудь предмету в силу природы последнего или условий его существования и необязательно совершающееся именно в момент речи, например: класс. *Джарім сібаҕуд ебүл-деген дулаҕан орондур нісүмүі* 'Некоторые птицы на зиму улетают в теплые края'; бур. *үбәлдөө наран һулаар шарана* (Им. — 96) 'Зимою солнце греет слабо'; калм. *Лозүнгин сүүлд хәәхргч темдг тәвгднә* (Павл. — 8) 'После лозунгов ставится восклицательный знак'; халх. *Бүргэд гурван сарын дундуур өндөглөнө* (Далх.) 'Орлы несут яйца в середине марта'.

Если нужно особо подчеркнуть, что действие происходит в данный момент речи, т. е. выразить единично-конкретное, то применяется имперфектный презенс от основы составного глагола. Иными словами, знаменательный глагол ставится в форме соединительного или слитного деепричастия и сопровождается вспомогательными. Примеры:

класс. *Тере үјіледбүрі-јін ҕаджар-тур 1500 орчін аджілчід арад-ун кереглекü ед-бараҕа үјіледбүрілен ҕарҕаджу бајімуі* (МЭО. — 49) 'На этом предприятии около 1500 рабочих производят необходимые аратам товары'; халх. *Би авдаа очихыг хүсэж байна* (Далх.) 'Я хочу ехать к своему отцу'; бур. *Манай эхэ оронютаг сэнгэлиг хүхюүн, сэсэглиг гоё боложо байна* (Шад.) 'Наши места становятся радостными и прекрасными'; калм. *Армения Грузьяла зергдж бәәнә* (Павл. — 47) 'Армения граничит с Грузией'; дунс. *Нэ надуджы вэінэ* 'Он играет'.

В калмыцком и дунсянском языках, а также в западнобурятских и некоторых монгольских (например, дархатском) диалектах в этом же значении употребляется имперфектный презенс несовершенного вида (см. в разделе о видах): калм. *Тана школ бәргджәнә* (Павл. — 47) 'Ваша школа строится'; дунс. *Һэ надуджывэ* (ср. выше: *надуджы вэінэ*) 'Он играет'; дархат. *Бі герӣ бүлгӣжӣнӣ* 'Я сгружаю свою юрту'; западнобур. *Тэндӣ үлӣд јабжӣнӣ ха* 'Там, кажется, люди ходят'.

Знаменательный глагол в форме имперфектного презенса может выражать единично-конкретное действие и без вспомога-

тельного глагола, если контекст и предмет высказывания точно подсказывают, что действие происходит в момент речи независимо от того, свойственно оно данному предмету или нет: класс. *аҕула ӧгеде олан кӯмӯн дабкілдуна* (Чб. —69) 'В гору скачет множество людей'; халх. *Бид бол дэлхий дээр хааяагүй эндхийн адил байдаг шиг санана* (Далх.) 'Мы думаем, что на земле везде так же, как и у нас'; бур. *Тэндэ һуугты гэжэ гараараа заана* (Х. Н.) 'Рукой показывает, где нужно садиться'; калм. *кевәһәрнь урһсн моднь көкрҗ мануртҗ үзгднә* (М. Б.) 'Виднеются зеленые деревья, растущие по берегам'; монгор. *Те нде сӯна* 'Он сидит здесь'.

Имперфектный презенс в соответствующем контексте обозначает также действие будущего времени: класс. *Бі танар-і бӧгем-іјер баҕсі-јін сурҕаҕулі-јін егӯден асхаджу оркіна* (Чб. — 59) 'Я высажу всех вас у дверей педагогического училища'; халх. *Би энэ замаар очно, чи тэр замаар оч* (Далх.) 'Я пойду по этой дороге, а ты ступай по той дороге'; даг. *Ан ӯл ірэн* 'Они не придут'; дунс. *Чы энэ джунҕала шіджіэнэ* 'Ты будешь шить этой иголкой'.

Необходимо обратить особое внимание на то, как настоящее и будущее времена разграничиваются в дагурском, баоаньском и монгорском языках. В дагурском и дунсянском языках имперфектный презенс соответственно на *-н* и *-нэ* является изъявительной формой будущего времени, т. е. приблизительно так же, как в халхаском диалекте, в котором эта форма преимущественно выражает действие именно будущего времени и весьма редко — настоящего. В дунсянском языке, как мы выше видели, действие настоящего времени выражается формами 1) *-джывэ* ← **-джу бајіна* → 2) *-джы вэінэ*. В дагурском же языке единично-конкретное действие настоящего времени выражается формой на *-джāбэї* ~ *-јāбэї* ← **-джу* (соединительное причастие) плюс ** буі* (вспомогательный глагол со значением 'сущий'): *јаўджāбэї* ~ *јаўјāбэї* 'идет'. Вообще же в дагурском языке в значении имперфектного презенса применяется общемонгольский имперфектный претерит *-баі* → *-бэї*: *бā ідэ̆бэї* 'мы едим'.

В монгорском и баоаньском языках древнемонгольский имперфектный презенс на *-м* оказывается формой будущего времени: монгор. *Чі сурем* 'Ты будешь учиться', баоан. *Бэ тэ авунэ танім* 'Я узна́ю того мальчика'. Выше уже приведен пример из монгорского языка на употребление имперфектного презенса *-на* со значением настоящего времени. Что касается баоаньского языка, то в нем действие настоящего времени выражается формой на *-джі* (1-е лицо) и *-джо* (2-е и 3-е лицо), восходящей либо к форме имперфектного претерита (в пользу этого предположения говорит характер различения лиц по огласовке суффикса данной формы), либо к сочетанию **-джу бајі-* (см. дунс. *-джывэ*) с выпадением вспомогательного глагола, т. е. второго компонента данного сочетания: *Бэ гунзонэ варджі* 'Я заканчиваю работу', *Чэ авунэ тэ̄рджо* 'Ты держишь ребенка', *Нджаң ндаңнэ хāджо* 'Он закрывает дверь'.

Остается сказать, что в ойратском и бурятском языках действие будущего времени выражается причастием на *-х* ~ *-хӑ*, о чем речь будет ниже. Употребление имперфектного презенса в могольском языке уточнить пока трудно из-за отсутствия достаточного количества материалов, но имеющиеся сведения говорят о том, что в этом языке данная глагольная форма выражает действия настоящего времени как расширенного (окказионально), так и «обычного»: *Могōл мōіні турту баріна* 'Моголы ловят рыбу сетями', *Тонāр јобунáм бі* 'Я иду вместе с вами'.

Таким образом, в отношении употребления имперфектного презенса монгольские языки расходятся между собою. Общим для большинства или почти всех монгольских языков является то, что сочетание соединительного деепричастия знаменательного глагола со вспомогательным глаголом *бајі-* 'быть' в форме имперфектного презенса выражает единично-конкретное действие настоящего времени. Расхождения между этими языками в отношении имперфектного презенса можно показать в следующей таблице.

Таблица 10

Употребление имперфектного презенса

Временное значение форм / Язык	*-м, -муі*	*-на, -нам*
Классический	настоящее и будущее (настояще-будущее?)	
Современный монгольский	нет	будущее, окказионально настоящее расширенное и, реже, настоящее конкретное
Бурятский и ойратский (по данным калмыцкого)	нет	настоящее конкретное, окказионально настоящее расширенное и, реже, будущее
Дагурский	нет	будущее, чаще всего с отрицанием *ӯл* 'не'
Могольский	будущее	настоящее конкретное и окказионально настоящее расширенное
Дунсянский	нет	будущее
Монгорский	будущее	настоящее конкретное и окказионально настоящее расширенное
Баоаньский	будущее	будущее (редкая форма)
Исходное значение в древнем монгольском языке	настояще-будущее, или непрошедшее	

Перфектный презенс

Характерным для системы глагола в монгольских языках является наличие в ней, кроме имперфектного презенса, таких трех изъявительных форм, которым в зарубежной монголоведной литературе присвоены наименования перфектного презенса, перфектного и имперфектного претеритов и которые в нашей отечественной монголистике и учебных пособиях, издаваемых в Элисте, Улан-Удэ и Уланбаторе, определяются главным образом как различные формы прошедшего времени. Причем поиски различий между этими тремя изъявительными формами идут в двух направлениях.

С одной стороны, различия эти пытаются свести к степени завершенности действий и градации в рамках одного и того же прошедшего времени. Так, например, Бадмин Бата утверждает, что в калмыцком языке имеются три изъявительные формы прошедшего времени: 1) на *-ла*, т. е. перфектный презенс (по зарубежной терминологии), для обозначения недавно совершенного действия (*удан эс болсиг*), 2) на *-дж*, *-ч*, т. е. имперфектный претерит, для сообщения о совершении действия и 3) на *-в*, т. е. перфектный претерит, для выражения действия прошедшего времени[10]. Проф. Ш. Лувсанвандан пишет, что в современном монгольском языке перфектный презенс выражает «теперь законченное действие», имперфектный претерит — прошедшее продолженное действие, а перфектный претерит — «прошедшее законченное действие», причем все эти три формы включаются в общую группу форм прошедшего времени[11]. Нельзя сказать, чтобы приведенные характеристики калмыцких и современных монгольских изъявительных форм отличались достаточной определенностью и, чего вообще невозможно требовать от авторов школьных пособий, должной полнотой.

С другой стороны, различия между описываемыми изъявительными формами монгольского глагола находят главным образом в том, что а) перфектный претерит выражает действие, заканчивающееся в момент речи или закончившееся раньше, а поэтому называется либо изъявительной формой настояще-прошедшего времени, либо повествовательной формой (х а л х. *гарав* 'выходит'); б) перфектный презенс передает такое совершившееся действие, о котором как бы лишь напоминается, и называется либо заведомо известной изъявительной формой прошедшего времени, либо второй повествовательной достоверной, или прежде известной, формой (х а л х. *гарлаа* 'как известно, вышел', 'ведь вышел'); в) имперфектный претерит обозначает такое действие, совершение которого представляется как бы неожиданным, и определяется как третья повествовательная форма нечаянная, или неожиданная[12] (х а л х. *гарчээ* 'оказывается, вышел').

Разнобой в определении значений трех изъявительных форм отражает вполне реальную и объективную трудность, с которой приходится сталкиваться как авторам учебных пособий для средних школ, так и лицам, занимающимся специальными исследованиями системы монгольского глагола. Причина этого заключается в том, что историческое развитие глагольных форм в монгольских языках протекало в условиях сложного переплетения временных значений с модальными и не в одинаковой степени завершилось в том или ином из этих языков, в той или иной жанровой сфере от фольклора и устной речи до публицистики и деловой документации. Вследствие этого различия между тремя изъявительными формами монгольского глагола обнаруживаются иногда лишь в частностях, о чем нам ниже главным образом и придется говорить[13].

Перфектный презенс в трактовке А. Бобровникова употребляется «при изложении такого обстоятельства, которое предполагается уже известным слушающему, или когда говорящий не рассказывает как новость, а только напоминает уже известное»[14]. Этот частный оттенок в значении перфектного презенса по-русски может передаваться вводными словами типа «ведь», «как известно» и «видишь ли», хотя при переводе с монгольского языка на русский к ним практически не прибегают. В общем в отношении употребления этой формы здесь можно ограничиться следующими суммарными заключениями.

1. Перфектный презенс не выражает действие настоящего времени. Однако в некоторых случаях наблюдаются исключения, если кто-либо как бы «застается» в процессе такого действия настоящего времени, которое переходит из прошедшего в будущее: х а л х. *баахан айж явлаа* (Х. Т.—115) 'Бегу я в страхе'; к л а с с. *ӱлігерчі малчін Джірҕал-ача ӱлігер сонусху-бар мордалуҕа* (Ц.—3—9) 'Поехал к скотоводу-сказителю Джиргалу послушать былину'; о р д. *Ӧрвӧлгӧтї бечік вӓн: ӧртӧгӧр гарлӓ* (Ордос.—251) 'Срочное письмо, оно отправлено почтой'.

2. Перфектный презенс выражает такое действие будущего времени, в отношении которого делается предостережение или о совершении которого можно говорить как о факте, должном непременно состояться: б у р. *Хосорлойлди! Хосорлойлди!* (Ж. Тум.—

[10] Бадмин Бата, *Хальмг келнд учебник*, Элст, 1959, стр. 124.

[11] Ш. Лувсанвандан, *Монгол хэлний зу йн сурах бичиг*, стр. 87. — Учебные пособия по монгольским языкам, составленные калмыцкими, монгольскими и бурятскими педагогами, являются чрезвычайно ценными в научном отношении, поскольку последние по необходимости вынуждены искать сжатые и ясные определения наиболее важного и самого специфического в значениях той или иной грамматической категории.

[12] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 134—135. См. также Г. D. Санжеев, *Грамматика калмыцкого языка*, стр. 73.

[13] Отсюда ясна чрезвычайная условность латинизированной терминологии в монголистике, принятая для этих форм.

[14] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 350.

251) 'Погибли мы! Погибли мы!'; халх. *чамайг хариу ч гүй шааж аллаа, бушуу нум сум хоёроо онилж авахгүй юу!* (Х. Т.—87) 'Непременно тебя убьют без лишних слов, не приготовить ли тебе лук со стрелами!'; орд. *Джā бі јавулā* (Ордос.—47) 'Ну я пошел'; *Би энд үхлээ* (Х. Т.—51) 'Ну я погиб здесь'.

2. Перфектный презенс преимущественно выражает действие прошедшего времени, законченность которого несомненна или подразумевается сама по себе: класс. *мінӱ кӧбегӱні хаҕан булiјан абачіджу алалуҕа* (Викр.—30) 'Моего мальчика хан насильно увел и убил'; халх. *Мод навчлаад өнгийн цэцэг алаглалаа* (Далх.—32) 'Деревья покрылись листьями, и запестрели разноцветные цветы'; бур. *Хонинойнгоо олондо хото шэбээ бодхолойб, хольшор багын эрхэдэ обоо хилэ дабалайб* (Ант.—87) 'Поставил я изгородь, так как у меня много овец; перешел я границу, так как был в пору своей резвой молодости'; калм. *Савр эн дегтр умшла* (Б. Б.) 'Савар прочитал эту книгу'; даг. *Āн уджлэдэ* 'Они видели'.

Перфектный презенс употребляется, иногда безразлично чередуясь с двумя другими изъявительными формами прошедшего времени, когда говорящий избегает однообразия, т. е. по эвфоническим соображениям: халх. *Хүү цааш явваа. Хаанайд очлоо даа. Алтан уяанд буучх жээ* (Х. Т.—99) 'Мальчик отправился дальше. Направился к ханскому двору. Остановился у золотой коновязи'.

В бурятских диалектах перфектный презенс встречается очень редко, а в некоторых из них совершенно неизвестен, как и в монгорском, дунсянском и баоаньском языках. О точном значении этой глагольной формы в могольском языке сказать что-либо трудно из-за слабой изученности этого языка вообще.

Таким образом, перфектный презенс в монгольских языках выражает действие, безусловное совершение которого говорящий считает необходимым особо подчеркнуть. Примечательно, что лишь это основное значение перфектного презенса древнемонгольского языка сохраняется во вспомогательном глаголе класс. *бӧлӱге*, халх. *билээ*, бур. *бэлэй* и т. д., о чем см. выше на стр. 76.

Имперфектный претерит

Как известно, имперфектный претерит выражает действие, которое оказалось либо неожиданным, либо необычайным, а поэтому данная форма по своему значению противоположна перфектному презенсу. Существенное различие между этими двумя изъявительными формами глагола может быть проиллюстрировано следующим образом: халх. *Энэ гэрт баавгай байдаг санжээ* (Далх.) 'В этой избушке, оказывается, жил медведь'. Если в этом предложении вместо *санжээ* (← **аҕсан аджуҕу*: причастие прошедшего времени от основы вспомогательного глагола **а-* 'быть,

плюс имперфектный претерит от основы того же глагола) употребить *билээ*, т. е. перфектный презенс от основы вспомогательного глагола **бӧ-* 'быть', то получим: *Энэ гэрт баавгай билээ* 'В этой избушке жил ведь медведь'. В первом случае что-то было неизвестно и оказалось неожиданным, когда об этом узнали, а во втором—известно, о чем лишь как бы напоминается. Такое значение данной имперфектно-претеритной формы особенно прочно сохраняется ею в тех случаях, когда сказуемое выражается или сопровождается вспомогательными глаголами: халх. *Энэ газрын ойр орчимд хүн огт байсангүй юмсанжээ* (Далх.) 'В ближних окрестностях не было, оказывается, ни одного человека'; калм. *Эн мөрн хурдн бээж* (Б. Б.) 'Эта лошадь оказалась быстрой'.

Неожиданность или необычайность какого-нибудь действия может быть четырех родов: 1) для говорящего, 2) для слушающего, 3) для обоих собеседников (во всех этих трех случаях из отдельно взятой фразы не всегда можно понять, для кого же из собеседников что-то оказалось неожиданным, если это не было ясным из предшествующего рассказа), 4) для действующих лиц, о которых речь идет в данном повествовании: класс. *Ебӱген гӱјіджу туҕул-іјан бӱрідкебе, туҕул-інӱ бӱрін аджуҕу* 'Старик побежал и сосчитал телят, которые все оказались налицо',—наличие всех телят оказалось неожиданным лишь для старика, тогда как автор (говорящий) и читатель (слушающий) об этом уже знали из предыдущего повествования[15].

Так как предполагается, что говорящему о самом себе всегда что-либо известно, то отсюда вытекает необычность употребления или даже неупотребительность имперфектного претерита при 1-м лице. Во всяком случае такое употребление данной формы встречается крайне редко в тех монгольских языках, в которых наличны все три изъявительные формы прошедшего времени со строгим сохранением их исконных модальных особенностей. Из классического монгольского языка можно привести лишь некоторые примеры такого необычного употребления имперфектного претерита: *Бі ене кеӱкед-ӱд-ӱн джокіјаҕсан толі-јі ӱджегсегер даҕараху јадаху-јі чӧм умартаджухуі* (Индж.—97) 'Просматривая словарь, составленный этими детьми, я совершенно позабыл о холоде и усталости'; *Біденер ајімаҕ-ун тӧлӱгелегчі-јі ірегед бајіху-дур медегсен ӱгеі саҕуджухуі* (Л. сб.—122) 'Мы пребывали в неведении о прибытии представителя аймачного управления'.

Но все сказанное сводится почти на нет тем, что в письменном языке и устной речи давно уже имеет место «вольное» употребление имперфектного претерита. Вот почему только анализ

[15] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 359 (данный пример взят А. Бобровниковым из Гесериады). А. Бобровников (см. там же, стр. 356—360) говорит о трех родах неожиданности, не выделяя случаи, когда что-либо может оказаться неожиданным для обоих собеседников.

применения разных форм вспомогательных глаголов, восходящих к *а- 'быть' или *бӧ- 'быть', позволяет восстановить первоначальные значения и действительную функцию описываемых форм глагола в том виде, в каком это сформулировано А. Бобровниковым и как об этом говорилось уже выше. «Вольное» же употребление имперфектного претерита А. Бобровниковым интерпретировалось следующим образом: «Событие, поражающее своей нечаянностью, естественно обращает на себя внимание слушателя. Отсюда происходит новое употребление третьей повествовательной формы для того, чтобы выставить на вид слушателям какое-нибудь событие, как особенно замечательное»[16]. Поэтому в стилизованной речи, особенно в устных народных сказках, в которых все нарочито представляется необыкновенным и сказители которых стремятся поразить своих слушателей разными неожиданностями, наблюдаются частые случаи произвольного применения имперфектного претерита, когда в этом, казалось, не было особой необходимости. Примеры:

класс. *Бараҕун ҕар-іјан ертен-ӱ ілдӱ-јін баріҕул дегере талбіджеі* (Ц.—2—23) 'Свою правую руку положил на рукоятку старинного копья'; халх. *Цааш явж байтал нэг байшин дайралджээ* (Х. Т.—29) 'Когда они направились дальше, показался один дом'[17]; калм. *Бадм өрүн ирж* (Б. Б.) 'Бадма пришёл вечером'; баоан. *Чэ нāдэ кэлсаңнэ мартэджэ* 'Я забыл о том, что ты мне говорил'.

Однако при всем изложенном выше специфические особенности имперфектного претерита проявляются в том, что эта форма:

1) не выражает действия настоящего и будущего времен как в сильной, так и в слабой синтаксической позиции, т. е. независимо от контекста,— в этом ее существенное отличие от всех прочих изъявительных форм, если здесь учитывать окказиональное употребление перфектного презенса и имперфектного претерита со значением указанных времен;

2) не употребляется для выражения предостережения или высказывания опасения,— в этом ее существенное отличие от перфектного презенса и имперфектного претерита, окказионально применяющихся как бы вместо дубитативной формы глагола;

3) не используется в тех случаях, когда какое-либо действие уже известно или предполагается общеизвестным,— в этом ее коренное отличие от перфектного презенса,— заметим здесь же, что никакая другая изъявительная форма глагола не употребляется в тех случаях, когда хотят что-либо представить как нечто неожиданное: это — монополия имперфектного претерита;

4) оказывается неустойчивой в том смысле, что она исчезла

[16] Там же, стр. 363.

[17] Впрочем, в этом примере наличие дома оказалось неожиданным не для собеседников, а для тех, о ком речь идет в рассказе.

или исчезает в ряде монгольских языков, например в бурятском, дагурском и дунсянском, иногда сохраняясь лишь от основ отдельных глаголов, преимущественно вспомогательных,— это связано с общей тенденцией большинства монгольских языков выражение модальных значений с глагольных форм переложить на лексические средства.

Из сказанного очевидно, что если в поле зрения исследователя оказывается только то общее, что объединяет все изъявительные формы, то найти различия между последними чрезвычайно трудно. Это, между прочим, означает, что при изучении соответствующих форм глагола (да и остальных частей речи) необходимо учитывать не только наличное в их значениях, но и то отсутствующее, которое имеется в значениях других глагольных форм.

Перфектный претерит

Если в монгольских языках перфектный презенс и имперфектный претерит обладают известными модальными оттенками и именно поэтому в некоторых из этих языков начали исчезать или исчезли, то перфектный претерит, будучи лишен в своем значении каких-либо дополнительных модальных и иных оттенков, оказывается наиболее употребительной и известной формой во всех названных языках. Эта изъявительная форма глагола выражает такое действие, которое закончилось в прошлом, до момента речи или перед событием, составляющим предмет повествования, а равно действие, завершение которого в момент речи представляется несомненным, т. е. действие и настоящего времени: класс. *Бі мӧн сајі тендече іребе* (Индж.—101) 'Я только что пришел оттуда'; бур. *Хара түмэр һадагни хадын шэмэг болобо* (Балд.) 'Мой чёрный железный сагайдак стал украшением горы'; калм. *Бийсинь туск дууг байрта айсар дуулв* (Л. Ц.) 'Радостно запели о нем песню'; халх. *тэртээ ууланд түймэр шатаж байхыг үзэв* (Х. Т.—154) 'Увидел, как там, на горе, занялся пожар'; монгор. *Бу тарāні авува* 'Я купил семена'; дунс. *Кавысыла холуджы ірэвэ* 'Прибежали дети'; баоан. *Нджан базарсэ сэ ро* 'Он не вернулся из города'; мог. *Кана бі, канāса аппа-то?* 'Где это имеется, откуда вы взяли?'

Так как перфектный претерит выражает иногда действие и настоящего времени, но такое, завершение которого несомненно, то эта форма может быть заменена имперфектным презенсом. Такая же обратная замена имеет место и в тех случаях, когда о прошлом рассказ ведется описательно. Поэтому перфектный претерит и имперфектный презенс довольно часто употребляются один вместо другого: класс. *Мінӱ аха-бар есе чідаба: едӱге еден-нӱ ҕар-тур оруджу бајімуі* (Викр.—3) 'Мой старший брат не справился: теперь он попадает в их руки'. Эта же фраза в пекинском издании Викрамадитья дана иначе: *Аха-мінӱ есе чіда-*

баі: едүге еден-ү ҕар-тур оруба 'Мой старший брат не справился теперь он попал в их руки'. В сочинении «Алтан тобчи» мы находим следующее: *Хулусуту наҕур-тур хунг ҕалаҕун өндегелбе ґеле, мөн хулусун-дур ітегеджү саҕуҕсаҕар хулату маҕу сібаҕун-дур өндеге джулджаҕа-бан ідегдебе* (Л. сб.—60) 'Говорят, лебедь снес яйца на камышевом озере и, доверившись камышам, допустил, чтобы злая птица-мышелов съела его яйца и его птенцов'. У Саган Сечена эта же фраза имеет следующий вид: *Хулусуту наҕур-а хун ҕалаҕун өндегелемүі, хулусун-іјан сегүдер-е ереджу ітеген аҕсаҕар холіту сібаҕун-а өндеген джулджаҕан-іјан ідегден амуі*[18] 'Лебедь кладет свои яйца в камышевом озере и, полагаясь на тень камыша, допускает, чтобы злая птица съела его яйца и птенцов'.

Употребление перфектного претерита со значением формы настоящего времени особенно часто наблюдается в живой речи, когда несомненное завершение действия именно в данное время представляется очевидным, так сказать, в контексте обстановки. Например, если все видят людей, к чему-либо приближающихся, то монголы обычно говорят: *Тэд ирэв* 'Они пришли', тогда как по-русски сказали бы: «Они прибывают». В письменной речи такое употребление перфектного претерита несколько ограничено, поскольку при этом не всегда возможно изобразить контекст обстановки.

Именно в силу изложенного в дагурском языке перфектный претерит превратился в изъявительную же форму настояще-будущего времени: *Акā ірэбэї* 'Старший брат придет', *Бі мэдэбэї* 'Я знаю'. Изложенное же привело к тому, что перфектный претерит в некоторых монгольских языках употребляется в дубитативном значении, выражая предостережение или опасение, причем из контекста и обстановки речи должно всегда явствовать, что речь идет о будущем: класс. *Табун джаҕун джіл-ече джірҕал-даҕан тасіҕураджу саҕуба чі* (Г.—1) 'Смотри, предаваясь своим забавам, не просиди более пятисот лет'; *Сајін ере-ји-чі нү нохаі баріджу ідегүджеі, нохаі-дур ідегүлүгед джобаланг манду болҕаба чі* (Г.—39) 'Твоего доброго молодца не съела бы собака; смотри, не дай собаке съесть его и не причини нам страданий'; бур. *Маргааша орой бодожо хээрээ гарахаяа хожомдобош* 'Смотри, как бы ты завтра не опоздал на поле, встав поздно'.

Таким образом, перфектный претерит в монгольских языках является одной из тех глагольных форм, которые за исторически обозримый период не подверглись каким-либо существенным семасиологическим и грамматическим изменениям, а поэтому во всех этих языках имеют более или менее одинаковое значение и аналогичное употребление.

[18] Erdeni-yin Tobči, *Mongolian Chronicle by Sagan Sečen with a critical introduction by A. Mostaert and an editor's foreword by F. W. Cleaves*, pt II, Cambridge, Massachusetts, 1956, p. 76.

ПРИЧАСТИЯ

В монгольских языках причастия отличаются от всех остальных форм глагола тем, что они могут выступать в качестве любого из членов предложения: 1) определения, находясь непосредственно перед определяемым именем в форме своей основы или родительного падежа, 2) подлежащего, употребляясь в именительном падеже и чаще всего сопровождаясь лично-притяжательными частицами, 3) дополнения или обстоятельства, принимая падежные суффиксы, т. е. подвергаясь падежному склонению, или управляясь различными послелогами, и 4) сказуемого, занимая в предложении самое последнее по порядку место, т. е. оказываясь его, предложения, заключительным членом. Учитывая специфические особенности причастий в монгольских языках, типы их употребления надо сгруппировать на 1) непредикативный (с подразделениями соответственно на атрибутивный, субъектный и объектный) и 2) предикативный. Дело в том, что кроме изложенной особенности эти причастия чрезвычайно характерны также в лексикологическом, или лексико-семасиологическом, отношении: они в своем непредикативном употреблении могут окказионально обозначать не только действие, но и исполнителя, объект или результат действия, чего, как общеизвестно, совершенно нельзя сказать о причастиях, например в индоевропейских языках, в которых наблюдаются лишь явления субстантивации типа русских «заведующий», «командующий», «искомое» и т. п. Нижеследующие примеры поясняют изложенное:

класс. 1) *јаҕума боҕуху-ану јаҕума боҕуджу, тасулбурі бічікү-інү бічіджү буі* (Л.сб.—97) 'Кто вещи обвязывает, кто квитанции выписывает' (сцена в магазине, букв. 'вещи обвязывающие вещи обвязывают'), здесь причастия *боҕуху-ану* и *бічікү-інү* соответственно от глагольных основ *боҕу-* 'обвязывать' и *бічі-* 'писать' обозначают исполнителей действий; 2) *Черіг-үн буудаху-ану чдгереджеі* (Чб.—73) 'Стрельба солдат стала редкой',—здесь причастие *буудаху-ану* от *бууда-* 'стрелять' обозначает действие; 3) *ҕар-тур баріҕсан чінү јаҕун буі* (Викр.—156) 'Что ты держишь в руке?',—тут причастие *баріҕсан* от *барі-* 'держать' означает объект действия; 4) бур. *һааһанцинь һабаар дүүрэг* (А. П.—538) 'Пусть жбаны наполнятся надоенным (по смыслу точнее было бы перевести: 'тем, что надоили')',—причастие *һааһанцинь* от *һаа-* 'доить' обозначает результат действия, т. е. «молоко». При разборе значений причастий в двух последних примерах необходимо учитывать, что они, причастия, даны в форме прямого залога, а не страдательного, как это было бы вполне обычно в рус-

ском языке («держимое» и «надоенное»)[19]. Для большей прозрачности излагаемого и показа зависимости лексического значения причастий от контекста мы вынуждены дать ниже четыре примера с одним и тем же халхаским причастием *саасан* от *саа-* 'доить', принципиально ничем не отличающиеся от уже приведенных выше и в иллюстративных целях искусственно составленные нами, поскольку в литературе совершенно невозможно найти такого рода примеры с одним и тем же лексическим составом: *Эрт саасан нь надтай явна* 'Кто рано подоил, тот и пойдет со мной'; *эрт саасан нь одоо билчиж явна* 'Та [корова], которую подоили рано, теперь пасется'; *эрт саасан нь зүйтэй* 'Правильно, что подоили рано'; *эрт саасан нь одоо гашилжээ* 'То [молоко], что надоили рано, теперь прокисло'.

Такого рода лексико-семасиологическим модификациям причастия в монгольских языках не подвергаются, когда они употребляются в предикативной позиции. Но зато эти причастия именно в предикативной позиции выражают действия, которые в общем довольно четко локализуются по времени. Именно это и учитывается в монголистике при характеристике причастий с точки зрения определения их временных значений.

Таким образом, в монгольских языках причастия, могущие употребляться в качестве любого из членов предложения, это такие формы глагола, которые выражают: 1) действие различной степени законченности или определенным образом локализованное во времени, 2) исполнителя действия и 3) либо объект, либо результат действия. Если какая-либо глагольная форма отвечает только первому требованию, то это повелительно-желательная, изъявительная или деепричастная форма; при наличии лишь второго условия соответствующее образование от глагольной основы оказывается именем деятеля, или номен акторис; в третьем же случае мы будем иметь дело с разного рода отглагольными именами. Из синтаксических особенностей причастий вытекают и их морфологические особенности, или, точнее говоря, морфологические особенности причастий дают им возможность выступать в любой синтаксической позиции. Это означает, что причастия могут склоняться по падежам и управляться послелогами. Таковы главные и наиболее характерные черты причастий в монгольских языках. К сказанному надо добавить, что эти причастия могут принимать суффиксы множественного числа, обозначая при этом лишь исполнителей действия: халх. *ирсэд* 'прибывшие' от *ирсэн* 'прибывший', 'прибытие в прошлом', *суулцсад* 'участники собрания' от *суулцсан* 'вместе сидевший', 'присутствовавший на собрании', 'совместное сидение в прошлом'; бур. *үхэһэд* 'умершие' от *үхэһн* 'умерший', 'умирание в прошлом'[20].

[19] Это обстоятельство сильно затрудняет буквальный и объяснительный перевод монгольских примеров на русский язык, в котором имеются лишь отдельные случаи такого рода, например «сидячее место», т. е. действительное причастие вместо страдательного, «ожидаемого» по смыслу, так как непереходные глаголы вообще не могут быть в форме страдательного залога.

Из сказанного выше очевидны те различия между монгольскими и, например, индоевропейскими причастиями, которые привели к тому, что после ряда трудов Г. И. Рамстедта в зарубежной монголистике причастия монгольских языков именуются глагольными именами (номен верба). По этому поводу Г. И. Рамстедт писал, что такого рода имена находятся на грани между именем и глаголом и что сопоставление с инфинитивом и причастием других языков не является достаточным в сравнительном плане[21]. Что же касается русской монголистики, то в ней за обозреваемыми глагольными формами давно и прочно укоренилось терминологическое обозначение как причастий, поскольку это оказалось необходимым для отграничения их от отглагольных имен, обозначающих процессы.

Выше уже было вскользь сказано, что в монгольских языках причастия выражают действия различной степени законченности или определенным образом локализованные во времени. При уточнении временных значений причастий необходимо отсекать те модификации, которые привносятся разного рода связками и вспомогательными глаголами, участвующими в образовании так называемых сложных временных форм и подлежащих рассмотрению в описательных грамматиках каждого из монгольских языков.

Ниже мы рассмотрим особенности употребления причастий в монгольских языках, опуская те отдельные причастные формы, которые известны лишь в одном каком-либо из этих языков, поскольку об употреблении таковых можно узнать из тех же описательных грамматик и поскольку их обозрение не способствует пониманию общемонгольского.

Будущее причастие

Во всех монгольских языках причастие будущего времени безусловно выражает действие будущего времени, если оно употребляется в предикативной позиции, например: класс. *Ніҕта чілаҕурхаҕ кӧрӱсӱн-дӱ тӧмӱсӱ тарібасу ургуху ӱгеі* (Y.— 2992) 'Если картофель сажать на голую каменистую почву, то он не вырастет'; бур. *Табан зуун алтан зоос мүнгэ үгэхэб* (Ант. — 54) 'Я дам пятьсот золотых монет'; калм. *Хөрн жилин*

[20] В старомонгольском языке причастия во множественном числе могли применяться в качестве определений имен, также данных в форме множественного числа, и поэтому не могли в подобной синтаксической позиции сами по себе самостоятельно обозначать исполнителей действия. Это же самое иногда можно видеть ныне в некоторых бурятских диалектах. О причастиях в индоевропейских языках см. А. Мейе, *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*, М. — Л., 1938, стр. 205 и 375—380.

[21] G. I. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 32. — Точнее было бы сказать, что причастиям свойственны черты как глагола, так и имени.

ноолдан хөөн хөөнэн мартгхий? (Д.Б.) 'Разве будет позабыта в веках двадцатилетняя борьба?'; халх. *Хичнээн жилин газраас морь уралдах вэ?* (Х. Т. — 152) 'С расстояния скольких лет пустим лошадей в бег?'; монгор. *Бу алі морі хонігу?* 'На какой лошади мне ехать?'

Так как в бурятском и калмыцком языках имперфектный презенс употребляется главным образом как форма настоящего времени, будущее причастие в этих языках оказывается основной формой предикативного выражения действия будущего времени. Поскольку, наоборот, в современном монгольском языке имперфектный презенс является формой преимущественно будущего времени, постольку в данном языке будущее причастие в предикативной позиции встречается крайне редко, особенно без связок.

Преимущественно в бурятских диалектах чаще всего встречается двоякое применение будущего причастия в предикативной позиции: 1) с лично-предикативными частицами, например: *Гайха тагна, юушье үзэхэш* (Ант. — 54) 'Сколько ни удивляйся, увидишь все, что угодно', и 2) с лично-притяжательными частицами, например: *Баабай, хаана ошохошниб?* (Балд.) 'Отец, ты куда собрался идти?', *Би энэ нүхэндэ орохомни* (Ант. — 73) 'Я хочу пробраться в эту яму', *Шубуунай үндэгэ хулгайлжа абахыешни харахамни* (Ант. — 78) 'Хочу я посмотреть, как ты будешь красть у птицы яйца'; *Ши юунда намайе буудахашниб?* (Ант. — 12) 'Зачем хочешь стрелять в меня?', *Унахашни!* 'Упадешь!' В первом случае утверждается только то, что будет иметь место в будущем, а во втором — выражается какое-либо отношение говорящего к предстоящему или предполагаемому действию: настроение, желание, убежденность, опасение или заключение на основании того, что имеется в момент речи, например, видят, что лошади оседланы: значит — едут; ребенок поднимается по крутой лестнице: значит—упадет и т. д. Кроме того, как видно из некоторых примеров, в бурятском языке будущее причастие с лично-притяжательной частицей 1-го лица единственного числа употребляется со значением волюнтатива, так как последний в этом языке является формой лишь множественного числа, о чем уже говорилось.

Аналогичное употребление будущего причастия с лично-притяжательными частицами встречается иногда и в классическом монгольском языке (под влиянием халхаского диалекта): *Бі енде валджаβураху-ні да!* (Ц.—1—45) 'Я здесь с ума сойду!', *Одо бсіјe-бен абчу келекү-ні!* (Ц.—1—46) 'Теперь ведь наговорит мстя!'

Таким образом, будущее причастие с лично-притяжательными частицами выражает чаще всего такое действие будущего времени, которое может и не состояться, если принять какие-либо меры, — отсюда вытекает как бы предупредительный оттенок в употреблении такого оборота («Упадёшь!» — значит: «Берегись!»).

Иногда этим оборотом высказывается как бы сожаление: бур. *Ябахашни* 'Уходишь' (смысл: «что же мне остается делать?»).

Будущее причастие в сочетании со связками класс. *јаβума~јум*, халх. и бур. *юм←*јаβума* 'вещь', 'нечто' обозначает долженствование или пожелание, а также и сослагательность: класс. *Јаβу-бан күлијекү јум біле?* (Ц. — 1 — 45) 'Чего я должна ждать?'; бур. *Энэ хүбүүгээ һалгаагаад, бэшэ тээшэ ябуулха үлдэхэ юм байна* (Ант. — 53) 'Надо бы этого парня отделить и куда-нибудь отправить'. Часто вместо этого оборота применяются обороты будущего причастия со связками класс. *јаβума аβсан* (букв. 'нечто было'), халх. *юмсан*, бур. *юм һэн*, класс. *аβсан, сан*, бур. *һэн*, иногда срастающиеся с класс. *аджуβу*, халх. *жээ*, бур. *жа* (соответственно: *јаβума аβсан аджуβу, юмсанжээ, юм һанжа*): класс. *Күмүн-теі јаріху јаβума аβсан* (Ц.—1—44) 'Надо бы с кем-нибудь поговорить'; халх. *Тэднийхнийг нүүлгэх юмсан* (Санж.) 'Надо бы их переселить'; бур. *Байз, тэрэ мори бариха юм һэн* (Санж.) 'Подожди, надо бы поймать того коня'; класс. *үджегчід-түр сонір-хал-ијар ілегүү бајіху агсан аджуβу* (Ц.—1—59) 'Для зрителей было бы интереснее'; халх. *Энэ сайхан хангай нутгий нь бушуу түргэн авах сан* (Х. Т. — 61) 'Надо бы поскорее захватить эту прекрасную хангайскую степь'.

Встречаются случаи применения таких оборотов и без указанных модальных оттенков: класс. *Хојіту едүр чімаји алаху аджуβу* (Л. сб. — 68) 'Завтра тебя убьют', *Монгβол улус-тур маβу үјіледчү јабуху аβсан аджуβу* (Г. — 12) 'В Монголии [ламы] творили злодеяния'.

Будущее причастие в сочетании со вспомогательным глаголом класс. *бөлүге~біле*, халх. *билээ*, бур. *бэлэй* выражает действие, совершение которого представляется крайне желательным, причем иногда такое выражение сопровождается оттенком сослагательности: класс. *Ене бабаβаі-ача јаβакіджу орβун өжајілаху бөлүге?* (У. Б. — 26) 'Как бы это убежать от этого медведя?'; халх. *Яаж өвийлэх билээ?* (Х. Т. — 108) 'Как бы одолеть?'; калм. *Би болхла цагтан ирх билэв* (Павл.) 'Я бы прибыл своевременно'; бур. *Хэнтэй ябаха бэлэйб?* (Хилт.) 'С кем бы мне отправиться?'

В некоторых текстах классического монгольского языка и «Сокровенного сказания» в подобных оборотах будущее причастие выражает обычное и, в отличие от многократного причастия, постоянное действие: *Хабур-ун екін сара-јін сөні біде үнеге бүгүде уліху бөлүге* (Л. сб. — 51) 'Мы, все лисицы, ночью первого весеннего месяца должны (=имеем обыкновение) выть'; *Qurban ne'ürit qajara qaraqu büle'e* (С. ск. — § 4) 'Видел (=мог видеть) на расстоянии трех перекочевок'. В этих фразах вспомогательный глагол *бөлүге~бүле'е* как бы напоминает слушающему об общеизвестном явлении.

Будущее причастие в сочетании со связкой класс. *болумуі*,

формой имперфектного презенса от *бол-* 'становиться', чаще всего выражает действие с оттенком долженствования, необходимости или неизбежности последнего: класс. *Унтаху нојір үгеі манаджу хараҕулху чу јабудал бајіху болумуі* (Л. сб. — 95) 'Бывает и так, что приходится без сна стеречь [скот]', *Тере хоҕурунду джам талбіху-дур ҕаджар-і уҳуджу тегсілекү дөгерге аджіл-і кікү болумуі* (Ү. — 2927) 'При проведении дороги нужно будет выполнить земляные работы'; бур. *Хэмнай яваха болоно?* (Санж.) 'Кому из нас придется отправляться?'

Будущее причастие в сочетании с одной из форм прошедшего времени от того же глагола *бол-* выражает, что скоро должно совершиться действие, например, в результате наступления соответствующего момента, принятия решения или вынужденного обстоятельства: класс. *Ерденітү олан чімег-үд-ідін емүсчү јабуху болба* (Г. — 83) 'Надев свои драгоценные украшения, [Гесер] собрался в путь', *Ејімү-дүр чі маргасі јабуху болджеі* (Чб. — 55) 'Поэтому (= теперь выходит так, что) ты должен ехать завтра'; халх. *Модон гэрт баавгайн хамт суух болжээ* (У. Б. — 6) 'Придется жить вместе с медведем в деревянной избушке'; бур. *Хамта хойноһоонь мордохо болобоби* (Балд.) 'Придётся нам ехать вслед за ними'; калм. *Күн болһн йовх болв* (Павл.) 'Все [теперь скоро] должны отправляться'.

В халхаских говорах и восточнобурятских диалектах будущее причастие с отрицанием *-гүй* обозначает действие настоящего времени, но в том почти единственном случае, когда такое действие выражается глаголом *мэд-~мэдэ-* 'знать': халх. *мэдэхгүй*, бур. *мэдэхэгүй* (в западнобурятских говорах: *мэдэнэгүй*) 'не знает'. Несомненно, что в данном употреблении такого оборота обнаруживается известная экспрессивность отрицания.

В калмыцком языке весьма характерно употребление будущего причастия с частицами: 1) *-мн←*мөн* 'именно', 'действительно' и 2) *-ш←біші←*бусу* 'не, а...' В первом случае с крайне отчетливой экспрессивностью высказывается, что какое-либо действие непременно совершится или должно совершиться: *Николай өндр ирхмн* (Б. Б.) 'Николай сегодня непременно придет'. Впрочем, в калмыцком языке частица *-мн*, в употреблении чередующаяся с утвердительным словом *мөн←*мөн*, применяется и при других причастиях: *Түүнд давтж келсмн* (или *келсн мөн*) 'Ему говорилось повторно', *Бадм дегтр хурдар умшдг мөн* (или *умшдмн*) 'Бадма ведь книгу читает бегло'. Во втором случае с той же экспрессивностью отрицается какое-нибудь действие: *Бидн танаһур орхшвдн* (Павл.) 'Мы к вам заходить не будем', *Би таниг таньхшв* (Б. Б.) 'Я вас не знаю'. В калмыцком языке наряду с частицей *-ш* существует относительное отрицание *биш* 'не, а...', к которому и восходит данная частица и которое имеется в остальных монгольских языках (класс. *бусу*, халх. *биш*, бур. *бэшэ*): калм. *Би ик наста күн бишв* (Б. Б.) 'Я не очень пожилой человек' (подразумевается: сравнительно молодой). Таким образом, в калмыцком языке общемонгольское *бусу* подверглось семасиологическому раздвоению, сопряженному и с фонетической дифференциацией, чего нет в остальных монгольских языках.

Таково в монгольских языках будущее причастие, когда оно употребляется в предикативной позиции.

Переходим к рассмотрению случаев непредикативного употребления причастия будущего времени, т. е. объектного, субъектного и атрибутивного применения этого причастия, что можно было бы объединить под общим наименованием «субстантивированное употребление», если бы это не было ассоциировано с субстантивацией. При объектном употреблении будущее причастие может выражать действие будущего, настоящего или прошедшего времени, что уточняется временным значением подчиняющего глагола, который в предложении или словосочетании следует за данным причастием, если последнее не применяется атрибутивно. Иначе говоря, действие будущего причастия относится к тому же времени, что и действие предикативного глагола: класс. *Чі намаји морі унуҕад ірекү-ји хараҕсан сіу да* (Ц. — 1—24) 'Ты же видел, что я прибыл верхом на лошади', *Ілегүдекү-ји уҕута саса метү-дүр хуріјан хадаҕаламуі* (Л. сб. — 93) 'В кожаных мехах прячут то, что остается', *Чідаху јадаху-бар јабусжу үсжеје* (Л. сб. — 59) 'Попытаемся отправиться так, как сумеем'; бур. *Хатанайнгаа хангай уулын хабсагайда харшанда баригдаад байхада абарһан баатар энэ юм* (Балд.) 'Вот витязь, который спас твою супругу, когда она в хангайских ущельях была схвачена недобрыми людьми', *Дээшэ гарахадаа хайша хайшаа аймхайгаар хараашална* (Мал.) 'Поднимаясь выше, со страхом оглядывается по сторонам', *Хариин холо зориходонь хазаарта мориень бэлдээрэй! Хатуу дайнда мордоходонь хабата зэбсэгыень бэхилээрэй!* (Балд.) 'Когда они устремятся в далекую чужбину, готовь их верховых коней! Когда они отправятся в жестокий бой, их оружие выправляй!' халх. *Хаалгыг гараар барьж хөдлөхөд нээгдлээ* (У. Б.) 'Когда дверь толкнули руками, она открылась'; калм. *Намаг ирхд Саер гертән бәәж* (Павл.) 'Савр был дома, когда я пришел к нему'.

Таким образом, время действия, выражаемого будущим причастием в своем объектном употреблении, оказывается будущим по отношению не к моменту речи, а ко времени действия предикативного глагола. Однако такая зависимость будущего причастия от подчиняющего глагола несколько ослабляется, если оно сопровождается своими обстоятельственными словами времени или если разные действия по логике вещей должны в определенной последовательности следовать друг за другом, не совершаясь одновременно, например: класс. *Сіне бајісін-дур оруху-ду емүсүмуі* (Чб. — 61) 'Наденут, когда будут въезжать в новый дом'. *Бі табудакі хонуҕ дегере негүкү-дүр јаҕума-бан белед-*

кегед баjіjа (Чб. — 42) 'Пятого числа, к моменту переселения, я со своими вещами буду готова'. *Бӯкӯ чідал-іjан сібхан ҕарҕаху-jі урijалаjа* (Ц. — 1 — 70) 'Призываем отдать все свои силы'; калм. *Эндр манад холас гишчнр ирхиг би медлэв* (Павл.) 'Сегодня я узнал, что к нам издалека приедут гости'; бур. *Мангадхайн харбахые хүлеэн һууба ха* (Ант. — 148) 'Сидел ожидая, когда же мангус пустит стрелу'.

При объектном употреблении будущее причастие лексической субстантивации подвергается крайне редко, главным образом в устной диалогической речи (в литературе примеров мы не нашли), например, среди бурят иногда можно слышать фразы типа *Маргааша ябахыень гэртэ оруулаад унтуул* 'Того, кто отправляется завтра, уложи спать в юрте' (букв. 'завтра отправляющегося в юрту введи и спать уложи').

При субъектном употреблении будущее причастие имеет различные значения, которые можно проиллюстрировать следующими примерами: класс. *Тнгрі-дӯр ҕарху-ні тнгрі-дӯ ҕарба, лусун хад-ту оруху-ні оруба* (Г. — 11) 'Те, кому предстояло подняться на небо, поднялись на небо; те же, кому предстояло спуститься к царям лусов (водных божеств), спустились'; бур. *Ябахань ябан, үлэхэнь үлэг* (Им. — 109) 'Идущие пусть идут, остающиеся пусть останутся'. В этих примерах будущее причастие обозначает действующие лица или, в последнем примере, лицо, подвергшееся действию, — одним словом, здесь речь идет о лицах, а не о действиях. Что же касается времени, в течение которого действуют лица в этих примерах, то оно, как подсказывал контекст, будущее и, в последнем же примере, настоящее. В тех же случаях, когда необходимо обозначить лицо, действующее в момент речи, т. е. в течение настоящего времени, то в калмыцком языке употребляется многократное причастие, о расхождениях и схождениях которого с будущим причастием будет сказано особо (см. стр. 206).

Однако будущее причастие при субъектном употреблении все же чаще всего выражает действие как процесс, например: класс. *Ӯге келекӯ-ні іраҕу тодурхаі* (Чб. — 69) 'Речь его приятна и ясна' (букв. 'Слово говорение-его приятно и ясно'); халх. *Биеэ цэвэр авч язах нь их хэрэг мэн* (У. Б.) 'Содержать себя в чистоте — весьма важное дело; бур. *Ябахань вершоог, эдихэнь горшоог* (поговорка) 'Как идти, так всего на вершок, а как кушать, так на целый горшок' (букв. 'хождение его вершок, трапезничание его — горшок'); калм. *Уняртсн теегт хатяр гөрэс үзхнь йир соньмҗата* (Павл.) 'Очень странно видеть во мглистой степи изможденного зверя'. В калмыцком языке будущее причастие чаще всего при выражении действия как процесса заменяется отглагольным именем существительным на *-лһн* или *-дл*, например: *Порт-Атурин унлһн самодержавин унлһн бәәсмн* (Павл.) 'Падение Порт-Артура было падением самодержавия', *Мөрнә гүүдлнь үзмҗтә* (Санж.) 'Бег лошади замечателен'.

Приведенные примеры иллюстрируют субъектное употребление будущего причастия с лично-притяжательными частицами. Однако в монгольских языках это причастие может довольно часто оказаться в позиции подлежащего и без таких частиц, например: класс. *Одо улам хоjісі хура усун-у чаҕ болху оjіратуба* (Индж. — 109) 'Приближается теперь наступление дождливого периода', *Удаҕсан ӯгеі харангҕуі болху сіхаджу* (Индж. — 116) 'Скоро будет темно' (букв. 'Скоро темнота наступление подгоняет'); бур. *Хүн болохо багаһаа, хүлэг болохо унаганһаа* (поговорка) 'Человеком стать — [так надо] с детства, рысаком стать — [так это зависит от того, каким он является, еще будучи] жеребенком'. Функционирование будущего причастия в качестве подлежащего возможно преимущественно в тех случаях, когда оно во фразе предшествует непосредственно следующему за ним глаголу или находится в конце интонационно выделенной синтагмы.

Во многих случаях можно обнаружить такое субъектное употребление будущего причастия, когда оно оказывается подлежащим лишь формально, фактически являясь обстоятельством или таким компонентом предложения и сложного синтаксического целого, которому трудно найти место в общепринятой синтаксической классификации, например: калм. *Өрлэ босад гархнь өвдгцэ цасн орҗ* (Павл.) 'Когда он утром встал и вышел, то оказалось, что выпал снег по колено', *Ораһаснь маажхнь тавн өтн унм, җагрмгаснь маажхнь арвн өтн унм тарха хоҗһр* («Джангар», из песни о Хонгоре) 'Такой он шелудивый, что с него падало пять червей, когда поцарапаешь его с макушки, падало десять червей, когда поцарапаешь его с висков' (букв. 'С макушки поцарапать — пять червей падает...); класс. *Джочід геjігчід ірекӯ інӯ тоҕа ӯгеі олан, теденер-ӯн ідекӯ, ууҕуху, ініjелдӯкӯ, баjасулдуху-ану гер хаҕарамара* (Л. сб. — 114) 'Прибытие гостей было многочисленным, и они ели, пили, смеялись и веселились так, что разваливалась юрта' (букв. 'гости прибытие-их без счета множество, их трапезничание, выпивание, смеяние и торжествование [таковы, что] юрта разваливалась'), *Сімнус харін Халаша-хаҕан-і оруҕулджу абуҕад алба абху-ану ніген едӯр ніген таjіджі терігӯлен джаҕун кӯмӯн-і абху бӧлӯге* (Викр. — 28) 'Шимнусы, захватив Халаша-хагана, ежедневно брали в дань по сто человек во главе с тайджием' (букв. 'Шимнусы Халаша-хагана захватив дань взимание: ежедневно с тайджием во главе сто человек брали ведь'). Такого рода обороты в известной степени можно было бы рассматривать как паратаксическое целое.

Как видно из всех приведенных примеров, будущее причастие при субъектном употреблении с лексико-семасиологической точки зрения напоминает собою инфинитив, например, индоевропейских языков, — этого никак нельзя сказать относительно всех прочих форм монгольского глагола. Ведь при этом временна́я окраска будущего причастия является более бледной и неопределенной,

нежели при его же объектном и особенно предикативном употреблении. Именно поэтому будущее причастие может рассматриваться как такая глагольная форма, которая при субъектном употреблении выражает как бы панхронное действие. Вот почему это причастие иногда интерпретируется как форма неопределенного, или неокончательного, наклонения, обозначающая «действие без всякого ограничения времени, числа и действующих лиц»[22]. В равной мере по этой же причине будущее причастие в монголоведных лексикографических пособиях является общепризнанной словарной формой.

Будущее причастие в определительной или атрибутивной позиции выражает действие, которое либо должно совершиться в будущем, либо представляется назначением или процессным свойством какого-нибудь предмета. В первом случае это причастие оказывается формой конкретного будущего времени, например: калм. *намрар ирх күн* 'человек, который прибудет осенью'; бур. *маргааша тайгада гараха хүн* 'человек, который завтра отправляется в тайгу; халх. *явах газраа ч мэдэхгүй, таних айл ч үгүй* (Э. — 264) 'Не знает, куда и ехать, и айла знакомого нет' (букв. 'Ехать место не знает, узнавать айла даже нет'). Во втором же случае будущее причастие представляет собою форму панхронно-потенциального времени, например: класс. *джакідал бічікü чаҕасу* 'почтовая бумага', 'бумага для писем' (букв. 'письмо писать бумага'); бур. *тэргэ тэмээгээр ябаха тэгшэ харгы* 'ровная дорога, по которой можно проехать на телегах и верблюдах'; халх. *харах нүд сонсох чих* 'глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать'; калм. *умших дегтр* 'книга для чтения'.

Так как какое-либо предстоящее действие является лишь фактом будущего, могущим почему-либо и не состояться, то отсюда и применение будущего причастия для обозначения действия вообще и процессного свойства или назначения предмета, например книга для чтения может быть еще не прочитана или вообще не будет прочитана. Этим обстоятельством и объясняется то, что действие будущего причастия в определенных случаях оказывается панхронно-потенциальным, а само это причастие по значению — близким к инфинитиву индоевропейских языков, особенно русского в конструкциях типа «наука побеждать», «время жить, время умирать» (нем. *Zeit zu leben Zeit zu sterben*) и т. п. Вот почему в монгольских языках будущее причастие гораздо чаще всех прочих причастий подвергается субстантивации и преимущественно употребляется в атрибутивной позиции второго типа, в силу чисто практических потребностей общения значительно реже применяясь для выражения конкретного будущего действия, поскольку речь идет о той же атрибутивной позиции, т. е. о первом типе последней.

[22] Александр Попов, *Грамматика калмыцкого языка*, стр. 134.

В бурятском языке будущее причастие иногда может выступать в атрибутивной позиции, употребляясь в форме орудного падежа и выражая определенную экспрессивность или модальность с оттенками «хорошо бы», «легко» и т. п.: *Шагнахаар онтхон бэлэй, дуулахаар онтхон бэлэй* 'Вот ведь былина, которую хорошо бы послушать, вот ведь былина, которую хорошо бы спеть', *Тати гэмэ номо, таби гэмэ номондо тудлгдахаар хомор хүн бэлэйл* (Балд.) 'Не такой ведь он человек, которого легко пристрелить из любого лука и любой стрелой'.

Если будущее причастие при субъектном и, изредка, объектном употреблении может подвергаться лексико-семасиологической субстантивации окказионально и в зависимости от контекста, то этого совершенно нельзя сказать, когда оно находится в атрибутивной позиции, как и в предикативной. Но атрибутивное употребление будущего причастия, в отличие от предикативного, может привести его к субстантивации. Правда, такое явление наблюдается очень редко, главным образом в современном монгольском языке, при условии выпадения соответствующих определяемых имен, например: *нягтлан бодох бичээч→нягтлан бодох* 'бухгалтер', *үнэмлэх бичиг→үнэмлэх* 'удостоверение' и т. п. Особенно часты такие случаи субстантивации будущего причастия в просторечии: *хянан байцаах комис→хянан байцаах* 'контрольная комиссия', *ардыг гэгээрүүлэх яам→гэгээрүүлэх* 'министерство народного просвещения', *дотоодыг хамгаалах газар→хамгаалах* 'государственная внутренняя охрана', *сурган гэгээрүүлэх хэлтэс→сурган гэгээрүүлэх* 'культурно-просветительный отдел' и т. п.

Таким образом, только что показанная субстантивация будущего причастия, связанная с выпадением определяемых имен, принципиально отличается от той, которая имеет место при его субъектном и иногда объектном употреблении, а по структурному типу напоминает собою субстантивацию прилагательных, типа, например, русских «столовая», «рабочий», «дежурный» и т. п.

Причастие возможности

Причастие возможности характеризует объект или предмет такого действия будущего времени, совершение которого признается очевидным, вероятным, неизбежным, возможным, допустимым или необходимым. В предложении это причастие употребляется преимущественно в атрибутивной и предикативной позициях, а также в прочих синтаксических функциях, если оно сопровождается, как правило, вспомогательным глаголом в одной из причастных или деепричастных форм. Именно такое применение данной глагольной формы делает ее причастной, а не деепричастной, как это казалось А. Д. Рудневу[23]. Примеры:

[23] А. Д. Руднев, *Хори-бурятский говор*, § 180.

класс. *Баβчаку хабур-ун уларіл-ун аβуджім чілүген-дүр ерегтеі емегтеі күмүн ердем бічіг сурху ба ојуху, ескекү, уралаху дархалаху дархалаху-јі сурчу болумар-а; беје-јін ебедчін-і емчілегүлбесү едегереджу чідамар-а; сурβаβулі сојул-дур орулдаβсад-тур кічіјел немегдемер-е* (Л. сб.—89) 'Лишь весною, когда много свободного времени, мужчины и женщины могли учиться грамоте, шить, кроить, мастерить и заниматься ремеслом; могли и поправить свое здоровье, если была возможность лечиться, а у учащихся открывалась возможность усилить свои занятия'; халх.: *Одоо үүнд арга хэмжээ авмаар байна* (Ү.—3047) 'Теперь необходимо по отношению к нему принять меры', *Дийлмээр болбол миний хойноос очоорой. Дийлмээргүй болбол битгий очоорой* (Х. Т.—119) 'Если возможно одолеть его, то отправляйся вслед за мной. Если невозможно одолеть, то оставайся'; калм. *Ахр эгшг эрэ соңсгдмар келгднэ* (Павл.—11) 'Краткие гласные произносятся так, что [их] еле слышно'; бур. *ород хэлэ һайн мэдэмээр хүн* (Ант.—85) 'человек, хорошо знающий русский язык', *Үглөөнэй мүшэдтэй жэшээлжэ бэшэмээр өөрыншни гэрэлтэй нүдэд байнал* (Ц. Д.) 'Вот таковы твои прелестные глаза, что их надо описать, уподобляя утренним звездам', *Тэрэ харгуйгаар ябамаар байгаа* (запись из устной речи) 'По той дороге проехать было возможно'.

Причастие возможности субстантивации почти никогда не подвергается. Равным образом нельзя считать это причастие отглагольным именем прилагательным, так как оно обладает способностью управлять всеми падежами, а это есть важнейшая черта глагола в монгольских языках.

Многократное причастие

Многократное причастие, как известно, выражает такое действие, которое для предмета является обычным в течение известного времени, определяемого связкой или, при непредикативном употреблении этой глагольной формы, вспомогательными глаголами в одной из причастных форм. Иными словами, данное причастие выражает ряд последовательных акций одного и того же действия, приписываемых предмету в качестве его свойств или обыкновений и совершающихся в течение одного и того же времени. Если же связка или вспомогательные глаголы при этом опускаются, то действие многократного причастия относится к расширенному настоящему времени или, при наличии обстоятельственных слов типа халх. *одоо* 'теперь', окказионально к собственно настоящему времени. Поэтому-то данная глагольная форма называется также многократным причастием настоящего времени, наряду с которым в монгольских языках имеется еще однократное причастие настоящего времени[24].

[24] А. Д. Руднев, *Лекции по грамматике монгольского письменного языка*, М., 1931, стр. 42; А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 136.

Многократное причастие отсутствует в могольском, монгорском, дунсянском, баоаньском и дагурском языках и имеется во всех прочих монгольских языках, в которых оно употребляется почти совершенно одинаково. Поэтому мы ниже ограничимся лишь приведением некоторых примеров употребления этого причастия, причем нам надо будет особо отмечать его отличия от имперфектного презенса с окказиональным значением настоящего расширенного времени и будущего причастия при употреблении в атрибутивной позиции второго типа (см. выше, на стр. 204).

1) Многократное причастие — сказуемое: класс. *Бату Кесіг хојар үргүлджү джакідал-ијар харілчадаβ болβа* (Д. С.) Бату и Кешиг установили между собой письменную связь' (букв. 'Бату и Кешиг постоянно письмами обмениваться стали'); калм. *Шавтсн гаран боочкад дәкн күрз авдг билә* (У. Д.—40) 'Перевязав больную руку, снова брался за лопату', *Гал уга газрас утан гардго* (поговорка) 'Дыма без огня не бывает'; бур. *Би зундаа элдэб жэмэс түүдэгби* (Им.—110) 'Я летом обычно собираю разные ягоды'. Если в последнем примере многократное причастие заменить имперфектным презенсом (*Би зундаа элдэб жэмэс түүнэби*), то данное действие окажется как бы постоянно совершающимся как одно непрерывное, тогда как при многократном причастии оно совершается неоднократно, как бы с перерывами, т. е. представляет собою ряд акций одного и того же действия, причем в обоих случаях мы можем иметь дело с расширенным настоящим временем.

2. Многократное причастие — определение: халх. *уудаг ус* 'вода, которую обычно пьют' (уже, но необязательно в момент речи, ср. *уух ус* 'питьевая вода' или, в зависимости от контекста, 'вода, которую будут пить', *ууж байгаа ус* 'вода, которую пьют в момент речи'); бур. *Хойшоо хаража хусадаг, урагшаа хаража улидаг хоёр гүлэгэ* (А. М.) 'Щенята, которые вообще лают, глядя на север, и обычно визжат, глядя на юг'. Как видно из примеров, многократное причастие отличается от будущего причастия тем, что оно в атрибутивной (и предикативной) позиции обозначает процессное свойство какого-нибудь предмета на основании уже совершавшихся акций данного действия. От причастия настоящего времени в той же атрибутивной позиции многократное причастие отличает то, что оно обозначает действие как свойство предмета, тогда как первое выражает действие, конкретно совершающееся в момент речи независимо от того, свойственно оно данному предмету или нет: *хусадаг нохой* 'вообще лающая собака', *хусажа байгаа нохой* 'собака, которая лает' (в данный момент, ср. *хусаха нохой* 'собака, которая должна или будет лаять'). Многократное причастие от основ некоторых глаголов, употребляясь атрибутивно, не отличается от будущего причастия: халх. *бичиг үсэг мэддэг хүмүүс* или *бичиг үсэг мэдэх хүмүүс* 'люди, которые знают грамоту', т. е. 'грамотные люди' (нельзя быть грамотным многократно; от осно-

вы данного глагола конкретное будущее действие выражается будущим причастием при наличии обстоятельств времени: *ирэх жил бичиг үсэг мэдэх күмүүс* 'люди, которые будут грамотными в будущем году').

3. Многократное причастие — подлежащее: халх. *Ажлыг хир зэрэг үнэлэн үздэг нь тун ч илэрхий* (У. О.—2212) 'Хорошо видно, как ценят работу'; бур. *Бага хүбүү дахуулжа асраад балай захингүй табидагтнай буруу байна даа, баатар* (Балд.) 'То, что вы, витязь, привели сюда маленького мальчика и отпустили его без достаточных наставлений, есть ваша провинность' (в этом примере многократное причастие по эвфоническим соображениям употреблено вместо прошедшего, что видно из ответа витязя: *Хүсэд заагаагүй табиһан минии гэм юумэ бэзэ* 'Да, это моя вина, что отпустили без должного наставления'); калм. *Теднэ нүднь секгдх дутман Ленинд болн түүнэ партьд иткгдгнь икдэд бээв* (У. Д.—43) 'По мере того как раскрывались их глаза, росло и их доверие к Ленину и его партии'. В калмыцком языке при необходимости субстантивно выразить действующее лицо вместо будущего причастия, обычного в этой функции в прочих монгольских языках, чаще всего применяется многократное причастие: *Меддгнь босж үг келцхэв* (Павл.) 'Знающий (тот, который знает) встал и сказал речь', *сурһулян сээнэр сурдгнь мөрэ авх* (Павл.) 'Тот, кто будет хорошо учиться, победит в соревновании'.

4. Многократное причастие в объектном употреблении семасиологически не отличается от остальных причастий: класс. *Ертен-у бајідаҕ-ача-бан енг ілегӯӯ сӯртеі-бер, уріду-јіп бајідаҕ-ача-бан улам ілегӯӯ джібхулангтаі* (Ц.—1—12) 'Значительно мощнее того, что бывало раньше, еще величественнее того, что бывало прежде', *Бі чу абудаҕ-ҕанг абуја, та чу ӧггӯдегген ӧгкӯ болджі* (Х. Х.—129) 'Я возьму то, что мне обычно причитается, а вы дадите то, что должны дать'; халх. *Хяналт анхааралтай ажилладаггүйгээс зарим дугаарууды ингэж олноор дутагдаж* (У. О.—2205) 'Некоторые номера [газет] во множестве не доставляются из-за того, что работают без контроля и невнимательно; калм. *Залхуһин герт түлэн уга, зальгдгин герт хот уга* (поговорка) 'У ленивого дома дров нет, у обжоры (у того, кто объедается) дома еды нет'; бур. *Намдаа найдан хүндэлдэг һаа ашыень харюулхые арсахагуй бэзэт* (Балд.) 'Если вы питаете ко мне доверие и уважение, то, надеюсь, не будете возражать против того, чтобы отблагодарить его'.

Для калмыцкого языка очень характерно употребление многократного причастия при глаголе *дасх* 'научиться', 'привыкать', тогда как в остальных монгольских языках в этих случаях применяется соединительное деепричастие или будущее причастие в винительном или, иногда, дательно-местном падеже: *Би мингрглъскэр кглдг дасхар бээнэз* (У. Д.—19) 'Я хочу научиться

говорить по-мингрельски', *Би умшдг дасвв* (Павл.) 'Я научился читать'.

Остается сказать, что многократное причастие в настоящее время лексической субстантивации никогда не подвергается, чем оно коренным образом отличается от однократного причастия, в прочих случаях весьма сходного с ним.

Однократное причастие

Однократное причастие выражает такое действие, которое обычно для какого-нибудь предмета и в отличие от действия многократного причастия совершается как единый процесс, не распадающийся на ряд акций. Поэтому однократность такого действия не следует понимать в смысле мгновенности, единичности или меньшей протяженности во времени. Поэтому однократное причастие в большей степени, чем многократное, выражает действие расширенного настоящего времени, если при этом иметь в виду его употребление со связкой настоящего времени или вообще без таковой. Во всем остальном это причастие, за исключением случаев субстантивации, почти ничем не отличается от многократного. Именно этим обстоятельством объясняется, что однократное причастие в монгольских языках оказывается единственной глагольной формой, которая, субстантивируясь, служит средством образования отглагольных имен деятеля и имен прилагательных, например: класс. *удурідуҕчі* 'руководитель' от *удурід-* 'руководить', халх. *эрхлэгч* 'заведующий' от *эрхлэ-* 'заведовать'; калм. *медгч* 'знаток' от *мед-* 'знать', *күцэгч* 'исполнительный' от *күцэ-* 'исполнять'; бур. *түрүүлэгшэ* 'председатель' от *түрүүл-* 'быть во главе'. В современном монгольском языке это причастие применяется также для образования отглагольных имен типа *авагч* 'приёмник (в радиосвязи)' от *ав-* 'брать', *ус төрөгч* 'водород' (букв. 'воду рождающий') от *төр-* 'рожать', 'родиться' (во многих диалектах только 'родиться') и т. п. Конечно, однократное причастие не могло бы быть средством образования такого рода отглагольных имен деятеля, если бы оно выражало лишь единичное действие,— об этом приходится говорить потому, что наименование этого причастия как однократного иногда вызывает недоразумения.

Некоторые исследователи склонны отрицать глагольность однократного причастия, считая его преимущественно отглагольным именем деятеля и, следовательно, утратившим свои способности управлять падежами и выражать действия как процессы[25]. Это, однако, справедливо только отчасти, как это будет видно из нашего дальнейшего изложения.

1. Однократное причастие в объектной и субъектной позициях, если оно не подвергалось субстантивации в качестве имени

[25] G. J. Ramstedt, *Über die Konjugation*, S. 32.

деятеля, в монгольских языках все же употребительно, хотя и весьма редко: класс. *Муур баҕасу-бан ніҕуҕчі егӯн-ече улам ҕарба* (Вл.—477) 'Отсюда и пошло то, что кошки прячут свой кал', *Тере хараҕдаҕчі манаі гер біле* (Х. Х.—95) 'То, что виднеется там, ведь наша юрта'; калм. *Басң эс мэдгдгчэр эгчэн орж ирхинь хэлэһэд бээнэ* (У. Д.—26) 'Басанг незаметно следил за тем, не войдет ли его старшая сестра'; бур. *Зай, тэрэ минии хэлэгшые ши хээгүш?* (Ант.—69) 'Ну, ты сделал то, о чем я говорил?'

2. Однократное причастие в атрибутивной и предикативной позициях употребляется значительно чаще, нежели в объектной и субъектной: класс. *Кӧбӯлджегчі егӯлен-ӯ дегегӯр, кӧкерегчі тнгрі-јін доҕуур ніген ніскӯ онгҕуча нісӯн јабумі* (Лувс.) 'Летит один самолет выше облака колыхающегося, ниже неба синеющего'; калм. *цээлһгожэх үгиг дахгч цээлһлт* (Павл.) 'определение, следующее за определяемым словом'; бур. *Илагшын эрхэ минии, илагдашын хохи шинии* (Балд.) 'Право победившего за мной, участь побежденного за тобой', *Сэрэгүүднай яатараа удабаб ямар илалтатай ерэгшэд ааб?* (Балд.) 'Чего это задержались наши воины, с какими победами они прибудут?', *Араатанише ойҕо хараа һаа амин голыень хадхагшаб* (Аб.) 'Если вижу я близко зверей, то пронзаю их насмерть'.

В монгорском, дунсянском и баоаньском языках однократное причастие употребляется в значении причастия настоящего времени, что, по-видимому, объясняется отсутствием в этих языках общемонгольского причастия на *-ҕа//-ā*, как и многократного, например: монгор. *уроджін удіе* 'входная дверь', дунс. *һэ јавучын шы кіэн вэ?* 'Кто это там идущий?; баоан. *Тэ морэнэ тоҕчоңнэ урэ* 'Пригласи седлающего лошадь'. Впрочем, отсутствие достаточного материала не позволяет с точностью установить значение данного причастия в этих языках. А. де Смедт и А. Мостарт пишут, что однократное причастие в монгорском языке по значению соответствует многократному, отсутствующему в этом языке[26]. Б. Х. Тодаева и Чингелтей сообщают, что общемонгольское однократное причастие в названных языках является именно причастием настоящего времени[27].

В целом относительно однократного причастия можно сказать следующее: 1) в классическом монгольском языке глагольная форма на *-ҕчі*, первоначально будучи именно причастной, все более и более утрачивала свой глагольный характер и переставала употребляться в объектной и субъектной позициях; 2) в современном монгольском языке эта глагольная форма имеет тенденцию превратиться в отглагольное прилагательное и имя деятеля,

[26] A. de Smedt et A. Mostaert, *Le dialecte monguor*, II partie, p. 117.

[27] Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 82, 120 и 119; Чінггелтеі, *Думдаду улус-дакі монгҕол тӧрӯл-ӯн келе-нӯгӯд*, — «Монгҕол теӯке, келе бічіг», Кӧкехота, 1958, № 12, стр. 43—44.

в связи с этим теряя свои способности управлять всеми падежными формами, т. е. переставая обрастать зависящими от нее словами, дополнениями и обстоятельствами: если, например, еще около двадцати пяти лет назад в этом языке можно было встретить примеры типа *сониныг эрхлэгч* 'редактор газеты' (букв. 'редактирующий газету'), то в настоящее время мы находим *сонины эрхлэгч* (винительный падеж заменился родительным, поскольку управление винительным падежом есть монополия глагола); заслуживает особого внимания то обстоятельство, что при этом отглагольное имя на *-гч* обозначает не только действующее лицо, деятеля, но и предмет, например: *авагч* 'приёмник' (в радиосвязи и т. д.) от *ав* 'брать', *устөрөгч* или *ус төрөгч* 'водород' от *ус* 'вода' и *төр-* 'рожать', 'родиться' (во многих диалектах только 'родиться'), *дамжуулагч* и *нэвтрүүлэгч* 'проводник' (в физике и технике) соответственно от *дамжуул-* 'передавать' и *нэвтрүүл-* 'распространять' и т. п.[28].

3. В бурятском и калмыцком языках однократное причастие продолжает сохранять свои исконные свойства глагола почти полностью, хотя в некоторых диалектах этих языков оно перестает применяться в объектной и субъектной позициях; для калмыцкого языка характерно, что его порядковые числительные представляют собою форму однократного причастия от глагольных основ, образованных от соответствующих числительных и совершенно неупотребительных в речи, за исключением *негд-* 'объединяться' от *негн* 'один': *тавдгч* 'пятый' от *тавд-←тавн* 'пять', *хойрдгч* 'второй' от *хойрд-←хойр* 'два' и т. д.[29].

Однократное и многократное причастия, с одной стороны, и имперфектный презенс, с другой, в том, в чем они сходятся, существенно отличаются друг от друга тем, что эти причастия выражают действия расширенного настоящего времени в силу своих основных и главных значений, тогда как для имперфектного презенса такое значение является окказиональным и зависящим от контекста. Столь же существенное отличие названных причастий от будущего причастия, атрибутивно примененного для обозначения назначения какого-нибудь предмета (например, халх. *уух аяга* 'чашка для питья' и *унах морь* 'лошадь для езды'), заключается в том, что они употребляются тогда, когда как бы вывод говорящего о том или ином назначении предмета делается на основании уже имевших место фактов, на-

[28] Прежде эта форма могла приобретать подобные значения лишь окказионально в крайне редких случаях, преимущественно при опущенном определяемом имени в быстрой и небрежной бытовой речи.

[29] В некоторых бурятских диалектах такая форма числительных применяется со значением порядковости из определенного количества, например *нэгэдэгшэ* 'первый' (из десяти, двенадцати и т. д.), (см. А. Д. Руднев, *Хори-бурятский говор*, § 92).

пример: халх. *уудаг аяга* 'чашка, из которой пьют' и *унадаг морь* 'лошадь, на которой ездят'. В окинской рукописи монгольской эпической повести о Хан-Харангуе говорится следующее: *Танаі джерге-јің ходжіҕарханду аҕуху ајаҕа бусу біле, манаі хан аба сібаҕун-данг очіху-ду джоҕуҕладаҕ ајаҕа біле* (Х. Х.—95) 'Эта чашка не для питья таких плешивеньких, как вы, а это — чашка, из которой наш хан пьет кумыс во время своих выездов на охоту'. В кызыльской версии этой же повести приведенная фраза выражена несколько иначе: *Танар метӯ ходжігір кӯӯ аҕуху саҕаджін бусу, ман-у хаҕан аба гӯрӯгесӯнду морілаху-ду чаі джоҕуҕлаху саҕаджін буі* 'Это ведь чашка не для питья таких паршивых мальчишек, как вы, это ведь чашка, из которой нашему хану пить чай во время своих выездов на охоту'[30]. Иными словами, если будущее причастие в атрибутивном употреблении выражает чаще всего лишь потенциальное действие, которое может и не состояться, то однократное и многократное причастия обозначают действия, уже имевшие место и поэтому-то являющиеся обычными в настоящем или будущем. Однако приведенные примеры из разных списков «Хан-Харангуя» говорят о возможных случаях стилистического разнообразия[31].

Настоящее причастие

Об употреблениях и значениях настоящего, или несовершенного, причастия можно судить по данным классического и современного монгольских и бурятского языков, ибо это причастие оказывается чрезвычайно редкой формой в доклассическом монгольском и ойратском (по крайней мере в калмыцких диалектах) языках и совершенно отсутствует в остальных монгольских языках. При этом весьма примечательно то большое различие между этими тремя языками, которое наблюдается в употреблении и значениях данного причастия. В классическом и современном монгольских языках форма на *-ҕа*||*-ā* является причастием настоящего времени, почти совершенно неупотребительным в предикативной позиции, по крайней мере без связок, тогда как в бурятском языке она оказывается причастием прошедшего времени[32], почти совершенно неупотребительным, наоборот, в непредикативной функции,— в данном случае имеется в виду употребление этого причастия в положительной форме. В субъектной и объектной позициях настоящее причастие во всех трех названных языках встречается очень редко,— здесь речь идет о применении данного причастия в отрицательной форме, без частиц отрицания. Примеры:

класс. *Харін кен-дӯр бајіҕа јум?* (Чб.—50) 'Но у кого это находится?', *хамту јабуҕа ајіл-ун джалаҕу* (Даржаа) 'молодой односельчанин, идущий вместе', *Мінӯ беје маҕу бајіҕаду седкіл джоҕаджу ҕајіна* (Чб.—41) 'Беспокоится из-за того, что я нездоров', *Мал-ијан керкін чірмајін малладжу бајіҕабан тоҕчі дурадчеі* (Д. С.) 'Коротко упомянула о том, с каким прилежанием она выращивает свой скот', *Герман фасіст-і бутачокіджу ҕајіҕа-таі адалі-ҕар мал-ун-ијан төлӯге джідкӯджӯ* (Чб.—40) 'Борясь за [выращивание] своего скота с таким же рвением, с каким громят германских фашистов', *Мінӯ нідӯндӯр сегӯлчі-јін удаҕа аміду джогсуджу бајіҕа-ану хараҕдаджӯ біле* (Ц—1—27) 'Перед моими глазами стоит как живой, каким я его видел в последний раз' (букв. 'перед моими глазами в последний раз живым стоящий виднеется'); халх. *Дайрах нь чангарч ҕайгааг хэлэхийн хамт нэлээд хүний амь үрэгдсэний харамсав* (Y.—2999) 'Рассказав об усилении воздушных налетов, выразил сожаление по поводу гибели большого количества людей', *Обручев ҕүтээлийг гарган ажилласаар байгаа нь манай өсөж ҕайгаа сэхээтэнд яруу жишээ мөн* (Цэв.) 'Для нашей растущей интеллигенции ярким примером является то, что Обручев по-прежнему продолжает плодотворно трудиться'; бур. *Юун болооб, яагааб? Адуундатнай шоно ороо гү? Али алта зөөридэтнай хулгай оробо гү?* (Ант.—59) 'Что случилось, что произошло? Не волк ли забрался к вашим табунам? Или вор пробрался к вашему имуществу?'.

В бурятском языке, как уже отмечено, настоящее причастие почти никогда не употребляется в предикативной и особенно атрибутивной позиции, но довольно часто применяется в объектно-обстоятельственной функции преимущественно с некоторыми послелогами: *Шамайе абажа үгөөгүй һаань курсыншни эрхилэгшые ҕада хараажирхихаб* (Мал.) 'Если он тебя не примет, то я здорово поругаюсь с заведующим курсами', *Пальто абахаа ерээ хадашни үгэхэ байгааб* (Мал.) 'Если бы ты пришёл просить пальто, то я бы дал тебе'.

В калмыцком языке настоящее причастие употребляется крайне редко, главным образом в поговорках и пословицах общемон-

---

[30] Г. Д. Санжеев, *Кызыльская рукопись монгольской эпической повести «Хан-Харанҕуй»*, — «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 286.

[31] Дело ни в какой степени не может, конечно, меняться от того, что в русском переводе эти отличия между обозреваемыми глагольными формами по стилистическим обстоятельствам не всегда отмечаются. Вообще же точные значения многократного и однократного причастий в русском переводе передаваемы посредством вводных выражений типа «имеет обыкновение делать то-то» или «обычно делает то-то», а это в стилистическом отношении для русского языка представляется излишним и громоздким из-за частоты употребления названных причастий во всех монгольских языках.

[32] С учетом употребления этой формы и в отрицательной конструкции ее чаще всего называют причастием настояще-прошедшего времени, поскольку к тому же в бурятском языке имеется всего три причастия прошедшего времени на *-аа, -һан* и *-нхай*, которые необходимо было каким-нибудь образом различать терминологически.

ские языки несколько отличаются друг от друга, причем на одном полюсе находится современный монгольский язык, в котором это причастие при предикативном употреблении почти не сопровождается связкой настоящего времени *байна* 'есть', а на другом — бурятский, в котором применение данной связки обязательно, так же как и в старописьменном монгольском языке (*ɓaјi-муі* или *амуі* 'есть'), например: совр.-монг. *Багш гэрт орсон*, бур. *Багша гэртэ ороһон байна*, ст.-монг. *Баɓсі гертӯр оруɓсан амуі* 'Учитель вошел в дом' (в двух последних случаях букв. 'учитель в дом вошедший есть').

Однако отметим, что если в современном монгольском языке предикативно применяемое прошедшее причастие сопровождается связкой *байна*, то последняя приобретает модальное значение «оказываться». Причем вывод со значением «оказывается» основывается на определенных признаках состоявшегося действия, свидетелем коего говорящий не был, тогда как имперфектный претерит выражает, что совершение какого-нибудь действия оказалось неожиданным для говорящего независимо от отсутствия или присутствия последнего при акте этого действия. Подобное значение эта связка в бурятском и классическом монгольском языках может иметь лишь окказионально. Что касается прочих монгольских языков, то они либо занимают промежуточное положение между современным монгольским и бурятским языками, либо в синтаксическом отношении пока изучены очень слабо.

Как уже отмечалось нами, причастия обозначают, кто каков есть или в каком состоянии находится в силу содеянного им действия, тогда как индикативы выражают, кто что сделал, — здесь мы говорим как об атрибутивном употреблении причастий, так и об их предикативном применении. Хотя в ходе длительного развития глагольной системы в монгольских языках указанное различие между причастиями и индикативами давно начало постепенно стираться, оно все же продолжает сохраняться и в настоящее время. Сказанное обнаруживается в том, что предикативно употребляемое прошедшее причастие в монгольских языках может сопровождаться и такой связкой, как класс. *јаɓума*, халх. и бур. *юм* ← **јаɓума* 'вещь', 'предмет', 'нечто', например: класс. *Худа медегсен јаɓума*, халх. *Худ мэдсэн юм*, бур. *Худа мэдэһэн юм* 'Сват ведь узнал' (букв. 'Сват есть нечто, что-то узнавшее)[36].

Равным образом об этом свидетельствует то, что в бурятском языке часто наблюдаются случаи применения прошедшего причастия в специфической обстоятельственной функции без какого

[36] Так как в разделе о категории времени роль и значение связок и вспомогательных глаголов уже освещены, здесь нет особой надобности подробно говорить о предикативном употреблении прошедшего причастия или приводить какие-либо дополнительные примеры.

бы то ни было оформления: *Мори хараа тэргэлһэн, хүрзэ һүхөө абаһан, Элеэгэй үйлсэдэ бэлэн байхат* (Ж. Тум. — 138) 'Будьте готовы на Элейской улице запрягшие лошадей и держащие лопаты и топоры'; *һэрэмжэ хэрэгтэй, пулемет тодхоһон яɓажа ɓолохо* (Ж. Тум. — 160) 'Нужна бдительность, [они] возможно, будут двигаться, установившие пулеметы'; *Зата гартаа ташуур бариһан Дүүмэ сооһоо гаража* (Х. Н.) 'Зата выходит из Думы, держащий в своей руке кнут'; *Опоснхи сагаан халат үмдэһэн орожо грэнэ* (Х. Н.) 'Опоонхи входит одевшийся в белый халат'; *Онгой тармуур бариһан орожо ерээ* (Шад.) 'Онгой вошел держащий грабли'. В русском переводе этих бурятских примеров стилистически следовало бы причастия передавать деепричастиями или иными синонимичными средствами, т. е. соответственно: 'будьте готовы с запряженными лошадьми и с лопатами и топорами в руке'; 'будут двигаться, установив пулеметы'; 'выходит из Думы, держа в руке кнут' (или 'с кнутом в руке'), 'входит Опоонхи, одетый в белый халат' (или 'в белом халате'), 'вошел Онгой с граблями в руке' (или 'держа грабли'). Однако тогда нам не удалось бы передать оттенки в значениях бурятских причастий. Особенность такого применения прошедшего причастия именно в том и заключается, что при этом обозначается, в каком состоянии действует то или иное лицо (которое при этом не определяется, как в случае, когда причастие находится в атрибутивной позиции), и не указывается, каким образом производится действие (для этого используется одно из сопутствующих деепричастий). Для пояснения излагаемого можно привести примеры употребления русских причастий и прилагательных в обстоятельственной позиции: *охотники вернулись усталые и измученные* (ср. *усталые и измученные охотники вернулись*). Надо особо отметить, что в такой обстоятельственной функции прочие причастия в монгольских языках не употребляются, если не считать завершенно-прошедшего причастия, имеющегося только в бурятском же языке: *номо һаадагаа агсанхай орожо ерэнэ* (ремарка в пьесе Н. Балдано «Бабжа Барас баатар») 'входят, закинувшие свои луки со стрелами'. Правда, А. Мостарт привел несколько примеров такого же применения настоящего причастия в ордосском говоре, о чем выше уже упоминалось на стр. 215.

То же специфическое свойство монгольских причастий проявляется и тогда, когда прошедшее причастие употребляется в объектно-обстоятельственной позиции, при которой в соответствующем состоянии оказывается не действующее лицо, подлежащее, а объект действия: класс. *чімаjі тӧрӯджӯ оркіɓсан-і біде теджіједжӯ јеке болɓалуɓа* (Викр. — 23) 'Мы ведь вскормили и вырастили тебя, брошенного [матерью] после родов', *Баса ніген хомха аракі ɓаруɓсан-і асура-нар абуɓа* (Вл. — 472) 'Как только появилась кружка вина, ее взяли асуранары (мифические существа)' (букв. 'Еще кружку вина появившуюся взяли асуранары'), *ніген чаjібур джіɓасун ɓокі-ду оруɓсан-і*

гольского распространения, т. е. в устойчивых словосочетаниях и застывших оборотах, а также в атрибутивной позиции и в сочетаниях со вспомогательными глаголами в форме предельного деепричастия: *Тер мини умша дегтр* (Б. Б.) 'Это — книга, которую я читаю', *Хур ора бәәтл мини үр гарч йовад хонгтан гертән ирв* (Павл.) 'Несмотря на то что дождь продолжал идти, мой друг вышел и к ночи прибыл домой'. Характерно, что в калмыцком языке это причастие никогда не склоняется, т. е. не употребляется в объектно-обстоятельственной функции, а в отрицательной конструкции заменяется разделительным деепричастием: *Долан гертән ирәд уга* (Оч.) 'Долан домой еще не пришла', *Рыбаков дасад уга кергтән күчр зүткә болн йир сән тодлврта бәәж* (У. Д.—35) 'Рыбаков с жаром брался за дело, к которому он еще не привык, и хорошо разбирался в нем'.

Таковы существенные различия между монгольскими языками в употреблении настоящего причастия, наименование которого не соответствует его значению в бурятском языке[33]. Однако между этими языками совершенно отсутствует какое бы то ни было различие, когда данное причастие употребляется в отрицательной форме, т. е. с частицами отрицания класс. *ӱгеі* и *едӱі*, халх. *-гүй* и, редко, *-дүй*, бур. *-гүй* и, в восточных диалектах, *-дүй*, в джоу-удаском и джиримском говорах *-дӓ*, в ордосском и уджемчинском говорах *-дї~-дӱї*, в прочих говорах центрально-монгольского диалекта *-гӱї*[34]. Очень важно отметить, что эти отрицания при настоящем причастии имеют значение 'еще не'. Иными словами, это причастие в отрицательной форме выражает такое действие, которое еще не совершилось и не совершается, но, по мнению говорящего, ожидалось или ожидается, которое должно произойти. Примеры:

класс. *Бӱтӱн сара дууҕаруҕа ӱгеі-бен інггіджӱ дууҕардаҕ бајіна* (Ц.—1—45) 'Так-то он и говорит после того, как молчал целый месяц' (смысл: целый месяц ожидали, что он будет говорить), *Морі унуджу суруҕадуі, кӱјітен джібер-тӱ даҕараҕсан хојар-ні* (Чб.—71) 'Эти двое еще не научились ездить на лошади верхом и [поэтому] продрогли на холодном ветру'; халх. *Энэ онд «Матар» сэтгүүл огт очоогүй байна* (У. О.—2205) 'В этом году пока еще совершенно не доставлен журнал «Матар

[33] Некоторые языковеды на лингвистической конференции 1936 г. в Улан-Удэ предлагали эту глагольную форму впредь именовать изъявительной, но вынуждены были считаться с тем, что она в отрицательной конструкции или в сочетании с послелогами продолжает весьма продуктивно сохранять свои исконные причастные свойства. Впрочем, мы здесь не упоминаем тех исследователей, которые все причастия считают изъявительными формами, если они употребляются в предикативной позиции.

[34] Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ряде монгольских диалектов Китая настоящее причастие употребляется весьма редко или вообще не применяется, если оно не сопровождается приведенными частицами отрицания (см. Чінггелтеі, *Думдаду улус-дакі монгҕол тӧрӱл-ӱн келе-нӱгӱд*,— «Монгҕол теӱке, келе бічіг», Кӧкехота, 1957, № 12, стр. 36 и 42).

(Крокодил)»', *Хэнд хэдийгээс эхлэн захиа ирээгүй нь тодорхой байна* (У. О.—2212) 'Ясно, кому и с какого времени письма еще не приходят'; бур. *Тайга хүбшэдэмнай танигдаагүй, үдхэн хүбшэдэмнай үзэгдөөгүй та, худамнай, хэн агша бэлэйт?* (Котий Баатар) 'Кто же вы, сват, которого еще не знают в наших таёжных сопках, которого еще не видели в наших густых сопках?', *Ханилһан һайхан Хабхарайнь харин ерээгүй байба* (Шад.) 'Однако его милая красавица Хабхарай [тогда] еще не приходила'.

Следовательно, настоящее причастие в своей отрицательной форме обозначает как бы ожидаемое несовершенное действие будущего времени и в данном значении не может быть заменено какой-либо другой глагольной формой,— в этом его жизненность в тех монгольских языках, где оно имеется, даже утрачивая свою положительную форму.

В ордосском говоре настоящее причастие употребляется как бы «вместо» разделительного деепричастия: *авӓ јаву-* 'идти, что-либо взяв с собой' (*авӓт јаву-* 'идти, что-то получив и, возможно, не взяв с собой'), *дагӓ јаву-* 'идти за кем-либо не отставая' (*дагӓт јаву-* 'идти вслед за кем-нибудь, возможно, отставая'). По-видимому, здесь оттенок такой же, как и при аналогичном употреблении прошедшего причастия, о чем А. Мостарт не сообщает[35] и о чем см. ниже на стр. 216—217.

Прошедшее причастие

Прошедшее причастие, имеющееся во всех монгольских языках, в гораздо большей степени, нежели остальные причастия этих языков, сохраняет и выявляет исконную природу причастий вообще, а поэтому оно в некоторых отношениях нуждается и в более подробном рассмотрении.

Прошедшее причастие обозначает действие, полностью совершившееся до момента речи или до наступления другого действия, которое выражается каким-либо последующим глаголом, вспомогательным глаголом и связками, о чем выше уже говорилось на стр. 197. Временные значения этого причастия очень хорошо передаются в переводе соответствующими формами глагола немецкого языка: халх. *би бичсэн* 'ich habe geschrieben', *би бачсэн билээ* 'ich hatte geschrieben', *би бичсэн байх* 'ich werde geschrieben haben' (соответственно по-русски: 'я написал', 'мною будет уже написано').

По характеру употребления прошедшего причастия монголь-

[35] A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. LI. — Приведенные примеры А. Мостартом соответственно переводятся как 'emporter' ('нести') и 'partir à la suite de quelqu'un' ('идти за кем-нибудь'). Конечно, без дополнительных пояснений никакие переводы с одного языка на другой вне контекста вообще не могут полностью и точно передать все оттенки в значениях любой грамматической формы.

Бегтер Белгӯтеі аха дегӯӯ хоjаҕула булijаджу абуба (С. ск. — 76, по Дамдинсуруну) 'Братья Бектер и Белгутей вдвоем отобрали у нас блестящую рыбку, как только она попалась на удочку' (букв. 'одна блестящая рыбка на удочку попавшуюся...'); халх. *115-дугаар тоот үнэмлэхийг алдсаныг хүчгүй болгоё* 'Удостоверение за № 115 по случаю утери считать недействительным'.

Эта своеобразная объектно-обстоятельственная причастная конструкция чрезвычайно легко может быть заменена атрибутивной. Однако при этом были бы утрачены оттенки в значении данной конструкции, которые вообще очень трудно передать по-русски без дополнительных пояснений[37]. Например, всю фразу о рыбке можно изложить по-монгольски в следующем виде: *ҕокiду оруҕсан чаjiбур джiҕасун-i Бегтер Белгӯтеі аха дегӯӯ хоjаҕула булjiаджу абуба* 'Братья Бектер и Белгутей вдвоем отобрали у нас блестящую рыбку, попавшуюся на удочку' (по-монгольски при этом может подразумеваться, что рыбку отобрали и после того, как она давно уже была снята с удочки). Вообще же в монгольских языках излагаемой здесь конструкции стараются избегать, так как прошедшее причастие в винительном падеже обозначает действие, а поэтому эту же фразу с гипертрофированно-формальной точки зрения можно «понимать» и так: '...отобрали попадание рыбки на удочку!'

Таким образом, мы изложили то, в чем прошедшее причастие выявляет исконную природу монгольских причастий вообще, особенности которой все более и более утрачиваются по мере того, как эти причастия в некоторых из названных языков начинают применяться предикативно без связок или без вспомогательных глаголов и все меньше и реже употребляться в некоторых непредикативных позициях. Сказанное особенно относится к будущему причастию в калмыцком и бурятском языках и причастию на-*ā* ← * -*ҕа* в бурятском языке.

Что касается субъектного употребления прошедшего причастия, то в том, в чем оно ничем не отличается, например, от будущего причастия, можно ограничиться лишь немногими примерами без специального рассмотрения: класс. *Ечегсен туjiлдаҕсан-ану хочурчу ергi-ҕоу-дур унаджухуi* (Л. сб. — 89) 'Уставшие и изнуренные падали в обрывах и канавах'; бур. *Урид хаюулһамнай тоолоод хэбтэхэ* (Ант. — 153) 'Кто из нас будет сброшен раньше, тот и будет считать' (букв. 'раньше сброшенный будет считать'); халх. *Бас биейин тамирын талбарыг байгуулсан нь дөхөм болов* (Y. — 3112) 'Помогло то, что устроили спортивную площадку', или 'Помогло устройство спортивной площадки'; калм. *Чини келснчн чик* (Павл.) 'Справедливо то, что ты сказал', *Хөөткән сансн цецн, хуучан хатхсн урн* (поговорка) 'Мудр тот, кто думает о будущем, искусен зашивающий старое' (букв. 'о будущем задумавший мудр, старое починивший искусен'). В этих примерах прошедшее причастие обозначает как действия, так и действующие лица и сопровождается лично-притяжательными частицами (за исключением последнего примера), которые применяются и в качестве показателей подлежащего и без которых последнее обходится лишь в определенных случаях, когда оно не может быть понято как определение какого-нибудь следующего за ним имени.

Однако в монгольских языках встречаются многочисленные случаи такого применения прошедшего причастия в именительном падеже, сопровождаемого теми же лично-притяжательными частицами, когда вопреки ожиданию оно оказывается не подлежащим какого-нибудь предложения или логически субъектным членом словосочетания, а тем, что условно можно назвать пока квазиподлежащим или квазиподлежащным причастным оборотом (дальнейшее уточнение этого явления предоставим грамматистам). Примеры:

класс. *Халджан бiјӯ геджӯ кӧгегсен-мiнi хара буха баjiнам* (Г. — 49) 'Погнался я как будто бы за белоголовым [быком, а оказывается это] черный бык', *Есi тесi-бен хараҕсан-чiнi мал-ун хота хоб хоҕусун* (Ц. — 1 — 21) 'Посмотрел ты по сторонам — загон для скота совсем пуст'; бур. *Жаахан ашаяа эльгээһэмни энэ яһан харита сэмэгэ сэмэгэ тэбэрүүлже табяа* (Шад.) 'Послал я своего внучонка, а его отпустили назад, дав ему голую кость без мяса', *Эрээн нохойгоо тэжээһэмнай эжэндээ мэдэхээр эрхэлнэл* (из одной песни аларских бурят) 'Пеструю собаку вскормили мы, а она при всех ласкается к своим хозяевам' (букв. 'Пеструю собаку кормление-в прошлом-наше — к хозяевам-своим — чтобы-все-знали — ласкается'); халх. *Холбооны хороо нь хар гэрт байна. Яагаад гэвэл нэг байшин бариулж байсан барьж дуусаагүй нураад ойчжээ* (Y. — 2998) 'Почтовая контора помещается в закопченной юрте. Дело в том, что строили один дом, который, незаконченный постройкой, совсем развалился' (букв. 'один дом строить-поручили-они — строить еще не кончили — обрушившись развалился').

Первая часть каждого из приведенных примеров формально является причастным подлежащным оборотом, поскольку причастие в именительном падеже с лично-притяжательной частицей обычно выполняет функцию подлежащего. Следовательно, вторая часть каждого из этих примеров является предложением-сказуемым, т. е. вся эта конструкция в целом формально соответствует, например, русскому сочетанию предложения-подлежащего с предложением-сказуемым. Правда, в некоторых отдельных случаях такая монгольская конструкция как бы напоминает собою паратаксическое соединение двух самостоятель-

[37] Эти трудно передаваемые оттенки в русском языке иногда можно находить в выражениях типа *мы видели охотников усталыми и измученными* и *я застал детей играющими в прятки* (ср.: *мы видели усталых и измученных охотников* и *я застал детей, играющих в прятки*, или *...которые играют в прятки*).

ных предложений с той весьма существенной разницей, что вместо первого из них в монгольских языках применяется причастный оборот, а не законченное предложение: класс. *Ебесӯ урҕуҕсан-ану хоні імаҕа ӯлӯ хараҕдамуі* (У. О. — 1759) 'Трава выросла, и овцы и козы не видны', т. е. 'Выросла такая высокая трава, что овец и коз не видно'. Иногда такого рода конструкция на русский язык переводима сложноподчиненным предложением с придаточным обстоятельства времени: бур. *Лаблаад хараһамни баруун хүлдэнь шинии улаан сабахи байгаа* (Шад.) 'Когда я внимательно присмотрелся, то на его правой ноге оказался твой красный сапог' = 'Присмотрелся я внимательно, а на его правой ноге твой красный сапог'[38].

Но как бы ни трактовать описываемую монгольскую конструкцию с чисто грамматической точки зрения, квазиподлежащный причастный оборот выражает действие или событие, после которого наступает другое, оказывающееся неожиданным, отчасти противоположным предшествующему или почему-либо особо примечательным[39].

В монгольских языках излагаемая нами синтаксическая конструкция с квазиподлежащным оборотом, в котором прошедшее причастие сопровождается лично-притяжательными частицами, возможна лишь тогда, когда подлежащее такого оборота не является в то же самое время подлежащим второй, заключительной, части данной же конструкции (аналогично тому, как это бывает в сложносочиненных предложениях). В противном случае прошедшее причастие принимает частицу безличного, или возвратного притяжения, например: класс. *Дулма асаҕуху-ҕан беркесіјегсегер неліјед удаҕсан-іјан джоріҕладжу асаҕуҕсан амуі* (Даржаа) 'Дулма долго не решалась спросить, но, наконец, осмелилась и спросила'; бур. *Улад зонхон хоёрынь унтажа хэбтэһэнээ һэриһэн шэнги болобо* (А. Тороев) 'Люд-народ спал, и [вдруг] весь как будто проснулся', *Манай халуун зүрхэнэй ошон бадаран байһанаа мүнөө унтараа* (Шад.) 'Пылали искры наших горячих сердец, а ныне успокоились'.

Во всех рассмотренных нами случаях предикативного и субъектного, в том числе и квазиподлежащного, употребления прошедшее причастие обозначает уже состоявшееся (до момента речи или предмета повествования) действие совершенно независимо

[38] Нечто аналогичное можно наблюдать и в тех случаях, когда прошедшее причастие сопровождается лично-притяжательными частицами, будучи в форме винительного падежа: *Гурбалдайн гурбан сэсэнише хаалгаатай һууһаниишень татуулжа асараад* (из сказки о трех умниках) 'Вызвал к себе трех умников Гурбалдаевых, которые сидели взаперти' (подразумевается: 'ничего не ведая' или 'вызвали неожиданно для них').

[39] Иногда квазиподлежащный причастный оборот выражает причинность какого-нибудь действия, например: класс. *Сајін сајіхан-і сајітур келегсен-чіні бајарлаба* (Х. Х. — 100) 'Рад, что ты рассказал о ее красоте и прелестях'; бур. *Нүдыень абаһамни холо ошохоо болио* 'Когда я вынул у нее (овцы) глаза, она уже не могла больше уходить далеко'.

от временных значений каких-либо управляющих глаголов, конечно, за исключением связок и вспомогательных глаголов. В атрибутивном и объектно-обстоятельственном употреблениях прошедшего причастия его временные значения являются многообразными, поскольку при этом оно оказывается в относительно слабой синтаксической позиции, определяемой либо подчиняющим глаголом, либо контекстом в целом. Нижеследующие примеры поясняют сказанное.

Прошедшее причастие в атрибутивной позиции выражает действие, которым характеризуется предмет-определяемое и которое совершается в прошлом 1) либо по отношению к тому, о чем говорится в подчиняющем глоголе, 2) либо по отношению к моменту речи, 3) либо по отношению к тому и другому одновременно. В первом из этих случаев мы имеем дело с относительным прошедшим временем, которое по отношению к моменту речи может быть «давнопрошедшим» или, наоборот, будущим, а во втором и третьем случаях перед нами абсолютное прошедшее время.

Если определяемое имя с причастным определением взято вне контекста или если подчиненный глагол, в том числе и связка, представлен в одной из форм настоящего времени, то атрибутивно примененное причастие выражает действие абсолютного прошедшего времени, например: класс. *кӯмӯн-ӯ оркіҕсан кӧке будаг* 'синяя краска, которую кто-то оставил', бур. *Бадмын бариһан байшин тээ тэндэ байна* 'Вон там находится дом, который построил Бадма'. Если подчиняющий глагол представлен в одной из форм прошедшего времени, то атрибутивное причастие выражает действие «давно прошедшего» времени, например: калм. *Долана келсн тууляс кесгинь тодлулж авлав* (Павл.) 'Из загадок, которые рассказала Долан, я запомнил много'; бур. *Гараһан түрэһэн дайдадаа хара ехэ далайе харайлгажа гаталба* (из песни о Шоно-баторе) 'К своей стране, где он появился и родился, направился верхом на коне, перескочив через великое черное море'. Если подчиняющий глагол представлен в одной из форм будущего времени и в свою очередь подчиняется третьему глаголу в одной из форм прошедшего времени, то атрибутивное причастие выражает действие будущего времени по отношению к моменту речи и, одновременно, прошедшего — по отношению к действию своего подчиняющего глагола: халх. *Уран сайханы бүлгэмүүдийг нэгэтгэж, цаашид нэгдсэн хүчээр ажиллах болгов* (Y. — 3006) 'Решено объединить кружки художественной самодеятельности и в дальнейшем вести работу объединенными силами' (объединение сил происходит после решения, но раньше ведения работы).

Но если подчиняющий глагол дан в одной из форм будущего времени и в свою очередь никакому другому глаголу не подчиняется, то атрибутивное причастие выражает действие 1) либо относительного прошедшего времени, т. е. будущего по отноше-

нию к моменту речи и, одновременно, прошедшего по отношению к действию подчиняющего глагола, 2) либо абсолютного прошедшего времени, — то и другое зависит от контекста речи, в том числе и от лексического значения самих причастий, а также от обстановки речи. Примеры:

1) *Төөлэһэн зураһан газартам ябаха гээшэ байналта, түхэрээлһэн газартам хонохо гээшэ байналта* (обычная в бурятском эпосе формула расставания жениха с поезжанами и свитой своей невесты, спешащего домой для подготовки свадебного обряда) 'Поезжайте по тем местам, где чертой я проведусь, в тех ночуйте местах, где я кругом вскружусь'[40].

2) *Түрэһэн аба эжыһээнь юрөөлынь абан мордоорой* (из бурятской песни-обращения к невесте, отправляемой к жениху) 'Поезжай с благословением своего отца и матери, которые родили тебя'; бур. *Хариһаа ерэһэн дайсаниие хамха сохихо хабатайл* (Ант. — 90) 'Может разгромить врага, прибывшего с чужбины'; *Унтажа хэбтэһэн хүниие татажа һэрүүлдэг бэлэйл* (из эпоса) 'Людей, которые легли спать, будят ведь потрогав'.

Вторая группа примеров не вызывает никакого затруднения с точки зрения определения временных значений атрибутивных причастий. Первый же пример, будучи взят вне контекста, понимаем двояким образом: во-первых, в том виде, как это только что передано нами по контексту, и, во-вторых, иначе (при условии, что проведенным напутствием жених после свадебного торжества провожает в обратный путь поезжан, уже знающих дорогу с ее приведенными чертами и кругами, т. е. с путевыми знаками): 'поезжайте по тем местам, где чертой я провелся, в тех ночуйте местах, где я кругом вскружился'. Однако в обоих случаях оформление всего этого обращения жениха остается одним и тем же, поскольку в монгольских языках изъявительные формы глагола не употребляются в атрибутивной позиции[41].

Изложенным далеко не исчерпываются временны́е значения причастий, функционирующих в качестве определений, значения, чрезвычайно многообразные и требующие специального исследования. В отношении временны́х значений употребление прошедшего причастия в объектно-обстоятельственной позиции по существу ничем не отличается от атрибутивного применения этого же причастия. Поэтому мы ниже остановимся лишь на некоторых

---

[40] «Аламжи Мерген», Бурятский эпос, Стихотворный перевод Ивана Новикова. Вводная статья и комментарии Г. Д. Санжеева, М.—Л., 1936, стр. 218.

[41] Например, в русском языке атрибутивно употребительны и причастия и формы изъявительного наклонения, образующие разнообразные определительные придаточные предложения и причастные обороты: дороги с проведенными чертами и кругами; дороги, по которым проведены (...были проведены, будут проведены) черты и круги и т. п.

других особенностях прошедшего причастия при его объектно-обстоятельственном применении.

Во-первых, прошедшее причастие при таком его применении, особенно объектном, окказионально может подвергаться частичной субстантивации, обозначая не действие, а действующее лицо или, наоборот, предмет действия, например: калм. *Уульсиг сурһ, инэсиг сур* (поговорка) 'Заплакавшего поучай, а у засмеявшегося спрашивай'; халх. *уншсаныг тайлбарлуулах* 'комментировать то, что читали'; класс. *ідегсэн ууҕугсан-іјан сінггегекӯ-јін тула* (Вл. — 487) 'чтобы переварить то, что съели и выпили'. Вообще же прошедшее причастие в объектно-обстоятельственной позиции обозначает действие, например: халх. *Сайхан ордоныг бүтээн бэлэглэсэнд онц сайн сурлагын амжилтаар хариу хүргэхийг батална* (Цэвэгмэд) 'В ответ на то, что для нас построили и дали нам прекрасный дворец, заверяем, что будем учиться на отлично'; бур. *Шандаган һөөл ехээр айһандаа хүлөө мэдэн харайба* (Аб.) 'Заяц в очень сильном страхе (=когда очень сильно испугался) ускакал со всех ног'; калм. *Деер бичгдснэс ахрар товчлгджахнь* (Павл. — 16) 'Из того, что изложено выше, коротко отмечается'; класс. *Ніген етегед-ече малтаҕсан-іјар ҕоу-ану аҕудам болуҕад джаҕан ӧбер-іјен босулуҕа* (Л. сб. — 51) 'Когда (=так как) с одной стороны ров подкопали, он сделался просторным, и слон сам выбрался изо рва'.

Во-вторых, если в классическом и современном монгольских языках прошедшее причастие форму винительного падежа образует от своей полной основы, то в калмыцком языке — от своей усеченной основы, т. е. теряя свой конечный согласный *н* (в бурятском языке, собственно в его некоторых диалектах, такое явление наблюдается спорадически), например: класс. *оруҕсан-і*, халх. *орсоныг*, калм. *орсиг*, бур. *ороһониие* и *ороһые* 'о том, что вошел' или 'вошедшего'. В связи с этим заслуживает внимания то обстоятельство, что в бурятском языке иногда можно наблюдать тенденцию к использованию двух «форм» винительного падежа прошедшего причастия в семантических целях: *Хайшан гээд үрөөһэн нюдэнэйнь муу болоһые мэдээбши?* (Ант. — 125) 'Каким образом ты узнал, что у него один глаз стал хуже видеть', *Хубхай дайсанай хорото гарынь Соеедуудэй үргэн орон дээгүүр эритэ хутага далайн байһыень эгээ бидэнэр мэдэнэлди* (Дунаев) 'Знаем же мы, что над широкими просторами страны Советов коварная рука подлого врага размахивает ножом'. В этих двух примерах прошедшее причастие, данное в форме винительного падежа от своей усеченной основы, обозначает объективное действие, тогда как в следующих примерах оно же, данное в форме того же падежа от своей полной основы, выражает не действия, а лица: *Үхэһэниие амидыруулдаг, үгырэһэниие баяжуулдаг* (из эпического описания красавиц-волшебниц) 'Умершего оживляет, обедневшего обогащает';

Тэрэ улад зон сооhоо урид эмээл моритой байhаниинь ябуулха хэрэгтэй (из устной речи) 'Из тех людей прежде всего надо отправить имеющих оседланных коней'. Впрочем, надо отметить, что в бурятском литературном языке примеры второго рода нами пока не зарегистрированы вследствие, по-видимому, орфографической нивелировки.

В-третьих, если в классическом и современном монгольских языках прошедшее причастие в орудном падеже сохраняет свой конечный согласный *н*, то в калмыцком языке этот согласный выпадает, например: класс. *оруҕсан-іјар*, совр.-монг. *орсноор* и калм. *орсар* соответственно от класс. *ору-*, совр.-монг. и калм. *ор-* 'войти', Что касается бурятского языка, то в нем наблюдаются обе «формы» прошедшего причастия в орудном падеже, различия между которыми в настоящее время пока еще не установлены, — возможно, что здесь мы имеем дело с явлениями диалектного характера.

Примечательно, что в калмыцком языке нет особого продолжительного деепричастия, которое в прочих монгольских языках представляет собою, как известно, прошедшее причастие в орудном падеже, так сказать, калмыцкого типа, поскольку в этом языке данное причастие образует свою форму орудного падежа, теряя свой конечный согласный *н*. Может быть, было бы точнее сказать, что в калмыцком языке прошедшее причастие в орудном падеже выражает все те основные значения, которые в других монгольских языках передаются двумя дифференцированными формами, т. е. формой собственно прошедшего причастия в орудном падеже и продолжительным деепричастием. Впрочем, нельзя исключить возможности того, что в калмыцком языке прошедшее причастие в орудном падеже и продолжительное деепричастие являются исторически сложившимися омонимами, омоформами. Однако такое предположение могло бы оправдаться в том случае, если бы удалось доказать, что, во-первых, в калмыцком языке форма на *-сар* выражает все значения продолжительного деепричастия, а этого, по-видимому, сказать нельзя, что, во-вторых, в некую раннюю пору в калмыцком языке прошедшее причастие в орудном падеже сохраняло свой конечный согласный *н*, утратившийся позже, и что, в-третьих, в ту же раннюю пору в этом языке одновременно и параллельно существовало также и продолжительное деепричастие, — исследовательские поиски в этом направлении по данным памятников ойратской, или заяпандитовской, письменности успехом увенчаться не могут, поскольку в ней традиционно копировались формы старописьменного монгольского языка.

Вообще же прошедшее причастие в орудном падеже в монгольских языках, в том числе и в калмыцком, обозначает преимущественно причинное действие, иногда с оттенком условности, например: халх. *Бичсэн юум олон болсноор бас сайн нэр олох биш* (Ц. — 1—3) 'Тем, что много напишешь, доброе имя себе не

найдешь'; класс. *Ечіге-ні есе медегсен-іјер абчу ідем гетел* (Г. — 23) 'Отец, не зная (='так как не знал'), хотел было съесть'; калм. *Үгин эклцд h үзгин орнд г үзг бичсәр үгин чинр сольгдхш* (Павл.) 'Если в начале слова вместо буквы *h* написать букву *г*, то значение слова не изменится'[42]. В калмыцком языке прошедшее причастие в орудном падеже обозначает также то, что в остальных монгольских языках передается продолжительным деепричастием, например: *Урhц ик болсар цуhар дала буудята болв* (Павл.) 'С тех пор, как (='по той причине, что') урожаи стали богатыми, теперь все имеют много хлеба', *Глаголин эн янзнь глаголин хойрдгч нүүрт бәәсәр дамжулгдҗ гурвдгч нүүрт бәәснүр заквр келгдхлә керглгднә* (Павл.) 'Данная глагольная форма, продолжая оставаться глагольной формой 2-го лица, употребляется при обращении к 3-му лицу'.

Прошедшее причастие в орудном падеже употребляется в монгольских языках для выражения и некоторых других значений, например: класс. *Бусуд-і алі олдаҕсан-іјар чімедег бӧлӱге* (Викр. — 125) 'Прочих наряжали тем, что нашли', (т. е. одеваливо что попало), *Тан-у хаҕан-у сігӱгсен-іјер ӱлӱ болху* (Викр. — 3) 'Не следует поступать так, как это рассудил ваш хан'; халх. *Мэдэгдэхүүнүүдийг цуглуулан авснаар үл барам Обручев бол монголын ард түмэнд их тусыг хүрэгжээ* (Ү. — 3301) 'Обручев не ограничился тем, что собрал [ценные научные] сведения, он оказал также большую помощь монгольскому народу'; калм. *Деер келгдсәр талин келнәс орсн Нь болн НИЙ чилhтә үгмүд төргч падеждән Я авх болҗ гарчана* (Павл.) 'Согласно тому, что сказано выше (='по сказанному выше', букв. 'выше сказанным'), иноязычные слова с конечными *Н* и *НИЙ* в родительном падеже принимают окончание *я*', *Талин келнәс орсн үгмүд олзлгдҗ шингрсәрнь үлдәхмн* (Павл.) 'Иноязычные слова оставлять [в калмыцком письме] в том же виде, в каком они усвоены' (в калмыцкой устной речи).

Таким образом, мы рассмотрели различное употребление прошедшего причастия в классическом монгольском, бурятском, калмыцком и современном монгольском (халха-монгольском) языках. Об употреблении же этого причастия в остальных монгольских языках судить пока трудно из-за отсутствия достаточного количества текстовых записей и каких-либо пространных литературных произведений, поскольку моголы, дагуры, монгоры, дун-

[42] Так как в калмыцком языке прошедшее причастие в орудном падеже особенно часто применяется для выражения причинного действия, то оно в исходном падеже с данным значением почти не употребляется. К тому же для выражения причинности в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, используются и многие другие средства, как грамматические, так и лексические.

сяне и баоаньские монголы не имеют письменности на своих языках. В монголистике лишь установлено, что в этих языках имеются соответствующие формы прошедшего причастия. Известно все же, что в монгорском языке прошедшее причастие, как и настоящее и будущее, в своем предикативном употреблении сопровождается частицами 1) 1-го лица *-i* и 2) 2-го и 3-го лица *-a*, о чем мы уже упоминали в разделе о категории лица (см. выше на стр. 92).

Завершенно-прошедшее причастие

Завершенно-прошедшее причастие выражает такое действие прошедшего времени, которое закончилось до момента речи и исполнитель которого еще не вернулся в исходное положение. В данном случае дело вовсе не сводится только к тому, что при применении этой причастной формы действие характеризуется со стороны завершенности или степени законченности. Равным образом завершенно-прошедшим причастием отмечается не только та или иная градация результативности и фиксируется не только отсутствие или наличие результата действия. Следовательно, эта причастная форма, распространенная в некоторых восточнобурятских диалектах и ныне весьма употребительная в бурятском литературном языке, не вполне соответствует наименованию, используемому исследователями для ее обозначения.

Для того, чтобы уловить оттенок в значении завершенно-прошедшего причастия, необходимо рассмотреть его в сопоставлении с прошедшим причастием, с которым оно во многих отношениях однозначно. Например, если в определительном обороте с прошедшим причастием *эндэ ерэһэн багша* 'сюда прибывший учитель' сообщается, что речь идет об учителе, который прибыл сюда, то при этом не уточняется, вернулся он обратно или нет. Поэтому этот оборот может быть понят вне контекста двояко: 'учитель, который прибыл сюда' и 'учитель, который был здесь'. Точно так же двояко может быть понято выражение *аба тайгада ошоһон юм*: 'отец отправился в тайгу' и 'отец был в тайге' — в зависимости от того, вернулся отец из тайги или нет. Если же в обоих этих примерах определительное прошедшее причастие заменить завершенно-прошедшим причастием, т. е. соответственно сказать *эндэ ерэнхэй багша* и *аба тайгада ошонхой*, то понимание примеров окажется однозначным: 'учитель, который прибыл сюда' (подразумевается: еще находится здесь) и 'отец отправился в тайгу' (и еще не вернулся оттуда).

Завершенно-прошедшее причастие употребляется преимущественно в атрибутивной и предикативной позициях и почти никогда не субстантивируется: *Аяар холо хойто зүгтэ мүнхэ мүльһөөр хушагданхай хүйтэн далай байдаг юм* (Им.) 'Далеко далеко на севере находится холодное море, покрытое вечными

льдами', *Байгал далайн долгилсо дуулама бэсагад үдэнхэй* (Нимбуев) 'Девушки такие появились, о которых надо распевать так, чтобы взволновался Байкал-море'.

Эта причастная форма употребляется преимущественно при 3-м лице, что, по-видимому, объясняется изложенным оттенком в ее значении. Однако в литературе встречаются случаи применения ее и при 1-м лице: *Иимэ хадаа мүнөө би мүнхэ наһа олонхойб* (Ант. — 201) 'Поэтому-то теперь я вечную жизнь обрел'. В данном случае здесь сказывается многодиалектность бурятского языка, поскольку носители некоторых бурятских диалектов не различают значения разных причастий.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Монгольские языки характерны большим многообразием таких различных форм глагола, которые всеми монголистами объединяются под одним общим наименованием «деепричастия». Общим для всех этих глагольных форм является то, что они 1) не могут быть в предложении конечными, или заключительными, сказуемыми, а это отличает их от всех остальных форм глагола, 2) никогда не употребляются в функции определения имени, что свойственно только причастным формам глагола, — случаи типа бур. *Бадма гэжэ багша* 'Учитель Бадма' (букв. 'Бадма говоря учитель') являются единичными и сводятся лишь к особенностям употребления речевого глагола *гэ-* 'говорить', 3) никоим образом не могут применяться в качестве подлежащего, что также свойственно лишь причастиям, и, конечно, 4) ни при каких обстоятельствах не подвергаются субстантивации.

В монгольских языках деепричастия выражают действия, которые либо сопутствуют действиям управляющих глаголов, либо являются обстоятельствами, при которых совершаются действия тех же управляющих глаголов. В соответствии с этим деепричастия в названных языках делятся на 1) сопутствующие (соединительное, слитное и разделительное) и 2) обстоятельственные (условное, уступительное, целевое, предварительное, последовательное, предельное, продолжительное, попутное, причинное, «цитатное» и др.), — сопутствующие деепричастия могут выражать обстоятельственные действия лишь контекстуально, например: бур. *Би газаа гаража хүйтэ абааб* 'Выходя на улицу, я простудился' (по смыслу: 'так как я выходил на улицу, то простудился'). Характерным отличием обстоятельственных деепричастий является синтаксическая и смысловая стабильность каждого из них, тогда как синтаксические функции сопутствующих деепричастий изменчивы и зависимы от соответствующего контекста. Отметим тут же, что в монголистике обстоятельственные деепричастия иногда называются «псевдоконвербиальными формами глагола».

С точки зрения временных значений монгольские деепричастия всегда находятся в слабой синтаксической позиции, поскольку они в этом отношении целиком зависят от управляющих глаголов, исключая отдельные случаи, обусловленные соответствующим лексическим окружением. Иными словами, деепричастия выражают действия того же времени, что и действия управляющего глагола, — назовем это время контекстуальным. Однако в рамках такого контекстуального времени деепричастия выражают действия предшествующего, синхронного или предстоящего времени, которые никоим образом не следует смешивать соответственно с прошедшим, настоящим или будущим временем (вот почему вместо «деепричастие настоящего или прошедшего времени» в монголистике принято говорить «деепричастие соединительное или разделительное»). В соответствии с этим в монгольских языках 1) условное, уступительное, причинное, предварительное, последовательное, продолжительное и разделительное деепричастия можно считать формами предшествующего времени' 2) соединительное, слитное, попутное, образа действия, продолжительное (последние два — окказионально) деепричастия — формами синхронного времени, 3) степени действия, целевое и предельное деепричастия относятся к формам предстоящего времени. При этом предполагается, что эти деепричастия употребляются без вспомогательных глаголов или вне сочетания с обстоятельственными словами времени, при наличии которых соответствующие временные значения обозреваемых форм глагола могут видоизменяться самым различным образом. Предшествующее, синхронное и предстоящее времена этих деепричастий могут совпасть соответственно с прошедшим, настоящим и будущим временами в том случае, если управляющий глагол окажется в предикативной позиции, будучи применен в форме настоящего времени.

Чрезвычайно знаменательно то обстоятельство, что если повелительно-желательные, изъявительные и причастные формы глагола по своим значениям и синтаксическому употреблению иногда существенно меняются при переходе от одного монгольского языка к другому или даже при переходе от одного диалекта к другому, то значения и особенности применения каждого из деепричастий в общем за небольшими исключениями совершенно одинаковы и идентичны во всех монгольских языках. Различие же между монгольскими языками в отношении деепричастий заключается только в том, что не все эти формы глагола одинаково представлены в каждом из названных языков, — это особенно касается обстоятельственных деепричастий, исторически образовавшихся значительно позже сопутствующих и статистически употребляемых гораздо реже, нежели последние. Это обстоятельство дает нам возможность наше дальнейшее изложение употребления деепричастий в монгольских языках сделать максимально кратким.

Сопутствующие деепричастия

Соединительное деепричастие

Соединительное деепричастие в монгольских языках является наиболее употребительной формой глагола. Так, например, на 122-й странице монгольского литературного сборника «Монгҕол келен-ӯ іраҕу наjіраҕулҕа» (Уланбатор, 1934), раскрытой нами наугад, глаголы в этой деепричастной форме встретились 22 раза, тогда как во всех прочих формах — всего лишь 48 раз (напомним, что в классическом монгольском языке всего имеется более 25 форм глагола). Это деепричастие, будучи чрезвычайно употребительным, в то же время оказывается наиболее богатым по своим значениям и синтаксическим функциям.

Соединительное деепричастие выражает действие определяющее и поясняющее, т. е. характеризующее, каким образом протекает действие управляющего глагола, а поэтому лишь в данном отношении напоминает русское деепричастие несовершенного вида от основы настоящего времени: класс. *Бі сӯке-бен баріджу хусу оҕтулба* (Л. хр.—144) 'Я срубил березу, держа топор'; халх. *Миний дүү гэртээ харьдж очжээ* (Лувс.) 'Мой младший брат ушел, отправляясь домой'; калм. *Долан ду дуулж, хөэдән хурдар тууж, газртан ирв* (Павл.—120) 'Долан прибыла на место, распевая песни и быстро погоняя своих овец'. Так как функции соединительного деепричастия многообразны, то в современном монгольском литературном языке, особенно в публицистическом стиле, во избежание недоразумений эту форму стилистически заменяют сочетанием будущего причастия со словом *зэргээр* (*зэрэг* 'ряд', 'степень'[43] в орудном падеже) или *замаар* (*зам* 'дорога', 'путь' в орудном падеже, — несомненная калька с русского) 'путем', 'посредством': *Хөдөө тосгонуудар бас ч намын бус идэвхитнийг оролцуулах зэргээр намын ухуулан танилцуулах ажлыг явуулбал зохино* (Y.—2784) 'В сельских местностях агитационно-разъяснительную работу партии необходимо проводить также путем вовлечения в нее беспартийного актива', *Цаг тухайд шудрагаар төлөх замаар ардуудаас өөрийн хөсгийг хөдөлгөх болгохо* (Y.—2675) 'Путем своевременной и справедливой оплаты сделать так, чтобы араты включили [в работу по перевозке товаров] свои перевозочные средства'.

Соединительное деепричастие выражает действие, протекающее одновременно с действием управляющего глагола или, в соответствующем контексте, предшествующее этому второму действию. Иными словами, данное деепричастие употребляется в функции

[43] В подобных случаях из ряда значений полисемантичных слов нами приводятся лишь те, из которых вытекает служебное применение таких слов.

сказуемого слитного[44] и сочиненного предложения, но не обстоятельства, как это мы кратко показали выше: *Ере күмүн гер түр төруджү, кегере үкүкү јосутаі* (Х. Х.—136) 'Мужчина родится дома и погибает на поле [брани]'; халх. *Зөв харж инээж, буруу харж уйлна* (обычное эпическое выражение) 'Смеется, смотря прямо, плачет, смотря в обратную сторону'; бур. *Гулва ноён гуурһа бэхэеэ гаргажа, саарһа хэрэгээ дэлгэжэ, хоолойгоо шангаар заһана* (Х. Н.) 'Голова вынимает чернила с пером, раскладывает бумаги с делами и громко откашливается'.

Как известно, в монгольских языках в позиции неконечных сказуемых сочиненного предложения употребляются сопутствующие деепричастия, в том числе и соединительное, например: класс. *Ебүл-үн боҕуні едүр өнггереджү, наран бараҕун-а келбејігед, аҕула-јін сегүдер баҕуба* (Чб.—70) 'Зимние короткие дни миновали, солнце склонилось к западу и с гор спустилась тень'; бур. *Үүлэ манан дэгдэжэ, үнгын шубууд жэргэбэ* (Ант.—3) 'Улетучились облака и туманы, запели птицы всех цветов'; калм. *Хавр болж, цасн хәәлв* (Павл.) 'Настала весна, и снега растаяли' (букв. 'Весна наступая, снега растаяли').

Соединительное деепричастие в соответствующих контекстах обозначает различного рода обстоятельственные действия, особенно в тех случаях, когда характер причинно-следственной или иной связи между различными действиями прозрачен в такой степени, что нет никакой необходимости прибегать к падежно-послеложным причастным конструкциям или употреблять обстоятельственные деепричастия. Таким образом, мы здесь встречаемся с явлениями своеобразного паратаксиса: класс. *Аба чіҥ адуҕа-бан гемінгече ніҕуджү өндүр аҕулан-дур ҕаруҕсан амуі* (Ц.—1—30) 'Твой отец поднялся на высокую гору, пряча (чтобы спрятать) от интервентов свой табун'; ойр. *Негё залу морі усулдж голдо одwа* (Обр.—72) 'Один юноша отправился к реке поить (букв. 'поя') лошадь', бур. *Хура бороо ехэ орожо, таряа ногоомнай хүгжэхэ байна* 'Пойдут большие дожди, наши хлеба и травы будут расти хорошо' или (если дожди уже были) 'шли большие дожди, наши хлеба и травы будут расти хорошо'[45].

Соединительное деепричастие, подчиняясь некоторым глаголам, выражает действия, которые являются объектами других действий, и поэтому оно в таких случаях оказывается прямым дополнением подобно, например, русскому инфинитиву. Примечательно, что если в прочих синтаксических позициях соединительное деепричастие стилистически может легко заменяться какими-либо другими формами глагола, то в данной объектной функции оно является незаменимым. Здесь имеется в виду подчинение этого деепричастия таким глаголам, как класс. *чіда* 'мочь', *јада-* 'не мочь', *сур-* 'научиться', *үдже-* 'попробовать', 'испытать' (букв. 'смотреть'), *бол-* в значении 'можно' или, при отрицании, 'нельзя' и некоторые другие: класс. *Тере үјіледбүрі-јін еджед өрі-бен төлүджү чідаху үгеі болба* (Ц.—4—27) 'Хозяева того предприятия оказались не в состоянии платить свои долги', *Морід-ану терген-дүр јабуджу суруҕсан амуі* (Ү.—2507) 'Их лошади приучились ходить в тележной упряжи'. *Өбер-үн үре-ји теджіједжү үдженје* (Г.—11) 'Попробуем вскормить свое дитя'; халх. *Хэн хүн зоригоор орж үл болно* 'Никто не может войти без разрешения', *Нар сүрхий халааж эхлэв* 'Солнце начало сильно пригревать'; бур. *Би малаа оруулжа ядабаб* 'Я не смог загнать свой скот'; калм. *Эн му мөрөр йовж болшго* 'На этой плохой лошади ехать невозможно'.

По своим синтаксическим функциям соединительное деепричастие целиком зависит от подчиняющих глаголов, как это мы выдели из предыдущих примеров. Ниже приведем примеры, в которых это деепричастие оказывается в позиции подлежащего, определения и дополнения, поскольку именно в этих же позициях употреблены подчиняющие глаголы:

класс. *Мал-ијан арачілан хамгаладжу, болбасун емнелгебер емчілегүлкү-іҥ чіхула болумуі* (У.—2925) 'Важно бережно охранять свой скот и пользоваться современной ветеринарией', — здесь соединительное деепричастие *хамаҕаладжу* 'охраняя' оказалось подлежащим, поскольку таковым является подчиняющий глагол в форме будущего причастия *емчілегүлкү* (букв. 'подвергать лечению'); *үјіледбүрічін-ү хоріја-ану нам-ун төб хоріјан-у бүгүде, улус-ун 28-дуҕар Баҕа хурал-ун ҕарҕаҕсан тоҥтуҕал сіідбүрі-ји джүјіл бүрі дегере бејелегүлджү, көделмурі дегере јеке бүтүгел-і ҕарҕаджу, hітлерчүд-үн үкүл-і улам бүрі түргедкекү джорілҕа-јін доура монгҕол-ун хубісхал-ун 25 джіл-үн оі-ји уҥтуджу урулдуҕан-і джокіјаба* (Ү.—2919) 'Комитет профсоюзной организации к 25 годовщине монгольской революции организовал соревнование под знаком всемерного выполнения решений пленума Центрального Комитета партии и XXVIII сессии Малого хурала, выпуска большей продукции труда (='повышения производительности труда') и [тем самым] еще большего ускорения гибели гитлеровцев', — в этом предложении глаголы в форме соединительного деепричастия *бејелегүлджү* и *ҕарҕаджу* (букв. соответственно 'выполняя' и 'выпуская') оказались определениями к имени *джорілҕа* 'задача', 'знак', ибо такова синтаксическая функция подчиняющего их причастия *түргедкекү* 'ускорить'; *Одо джарім күмүс өнггерегсен джіл-дүр мал-ијан джун-у белчігер-түр ертекен ҕарҕаджу, хорсіјан-у ачіја тегегебүрілегсен-ијен біден-дүр јаріджу өгчеі* (Э.—118) 'Теперь некоторые люди рассказали нам о том, как они в прош-

[44] Здесь и дальше слитным предложением называется лишь такое, в котором при одном подлежащем имеется несколько сказуемых, а не предложение с однородными членами вообще.

[45] В маньчжурском языке настоящее и прошедшее деепричастия применяются в аналогичной синтаксической позиции для выражения причинности, цели и т д. (см. И. Захаров, *Грамматика маньчжурского языка*, стр. 192 и 211).

лом году пораньше угнали свой скот на летние пастбища и занялись перевозкой грузов местного кооператива', — здесь соединительное деепричастие *ҕарҕаджу* (букв. 'угоняя') синтаксически согласуясь с объектным причастием *тегегеҕӯрілегсен* ('занялись перевозкой'), является прямым дополнением, поскольку оно по смыслу вовсе не поясняет, каким образом люди занялись перевозкой груза.

Такое разнообразное синтаксическое употребление соединительного деепричастия, как и разделительного, вытекает из того, что в монгольских языках повелительно-желательные, изъявительные и, соответственно, причастные формы глагола применяются преимущественно в конечных позициях, т. е. в ряду однородных глагольных членов предложения или однородных глагольных же компонентов словосочетания, занимают самое последнее место, подчиняя себе все предыдущие глаголы, находящиеся в формах названных деепричастий и синтаксически согласующиеся с управляющими глаголами. Такое применение сопутствующих деепричастий аналогично применению именных основ в различных падежных конструкциях. Как известно, в монгольских (и вообще алтайских) языках из ряда однородных членов предложения соответствующее падежное оформление получает лишь последний, например: бур. *Бадма, Доржо, Галдан гурбанда нэм эльгээбэ* 'Бадме, Доржи и Галдану отправили книгу' (букв. 'Бадма, Доржи, Галдан троим книгу отправили').

Разделительное деепричастие

В слитном и сочиненном предложениях речь идет о ряде действий, совершающихся либо одновременно, либо последовательно одно за другим. В первом случае в позиции неконечных сказуемых такого рода предложений употребляется соединительное деепричастие, как это мы видели выше, а во втором случае — разделительное деепричастие или, по неточному наименованию, деепричастие прошедшего времени. Такова, так сказать, теория, в действительности же во многих случаях это правило нарушается, что чаще всего обусловливается либо стилистическими и эвфоническими обстоятельствами, либо «небрежностью» говорящего: очень часто соединительное и разделительное деепричастия в речи употребляются одно вместо другого. Поэтому специфические особенности в употреблении этих деепричастных форм глагола приходится определить весьма ограничительно в следующем виде: 1) если нужно подчеркнуть или особо отметить, что несколько действий протекают одновременно, то применяется соединительное деепричастие, 2) если же необходимо также особо подчеркнуть, что какие-либо действия совершаются не одновременно, а одно за другим, то используется разделительное деепричастие. Например: класс: *Олан тегӯн-і сонусуҕад, седкіл јеке кӧделджӯ, Чоҕту сӧнӯтӯгеі кемен баркіралдумуі* (Ц.—3—37) 'Люди услышали это и в крайнем волнении закричали «долой Цогту!»' (букв. 'Люди, это услышав, крайне волнуясь, закричали...'), — здесь люди сначала услышали «это» (передано разделительным деепричастием *сонусуҕад* 'услышав'), а затем закричали, одновременно крайне волнуясь (выражено соединительным деепричастием *кӧделджӯ* 'волнуясь'); халх. *Эндээс гарч чадахгүй гэж бодоод гүйн одлоо* (Далх.) '[Мальчик], решив, что [сестра] не сможет выйти отсюда, отправился бегом'; ойр. *Чӣ гурwӑ хонāт ірӗ* (Обр.—70) 'Ты проночуй трое суток и возвращайся'; калм. *Тедн сэн идгтэ газр хээһэд нүүдг бээж* (Павл.) 'Они, осмотрев места с хорошими травами, перекочевывали'; бур. *Шүрэ мүнгэн ногтоороо морио ногтолжо баряад, шудхамал мүнгэн хазаараараа хазаарлажа баряад, уян татан орхибо* (А. Тороев) 'Надел на коня недоуздок из коралла и серебра, надел [затем] узду из литого серебра и оставил его на привязи'.

В связи с излагаемым необходимо отметить начинательный оттенок в значениях некоторых монгольских глаголов, например во фразах типа класс. *Чі намаjі морі унуҕад ірекӯ-jі хараҕсан сіу* (Ц.—1—19) 'Ты же видел, как я приехал верхом на лошади' (букв. 'ты же видел, что я приехал, севши верхом на лошадь') или бур. *Хүбүүншни орон дээрээ хэбтээд номоо уншана* 'Твой сынок, лежа на своей кровати, читает книгу' (букв. 'Сынок твой, на свою кровать легши, книгу читает').

Из этих примеров видно, что глаголы класс. *уну-* и бур. *хэбтэ-* соответственно означают 'сесть верхом' и 'лечь', а не 'сидеть верхом' и 'лежать', — иными словами, монгольские глаголы с начинательными оттенками в своих значениях иногда соответствуют русским глаголам совершенного вида. Об этом приходится говорить потому, что в таких случаях монгольские глаголы в форме разделительного деепричастия по-русски передаются в форме несовершенного деепричастия от основы настоящего времени изъявительного наклонения, а потому грамматическая природа монгольского разделительного деепричастия может быть понята неправильно.

Вообще можно отметить, что сфера употребления разделительного деепричастия в монгольских языках значительно у́же сферы употребления соединительного деепричастия. Если часто соединительное деепричастие может быть применено вместо разделительного, то обратного не бывает, особенно в тех случаях, когда первое употребляется при глаголах *чіда-* 'мочь', *јада-* 'не мочь', *сур-* 'научиться', *бол-* 'можно' и т. п., о чем см. выше на стр. 231, а также в целевом значении: нельзя, например, вместо *Морі усуладжу ҕоул-дур одба* 'Отправился к реке поить лошадь' сказать *Морі усулаҕад ҕоул-дур одба*, ибо тогда получится 'напоил лошадь и затем отправился к реке'.

Однако в тех случаях, когда разделительным деепричастием выражается противопоставление одного действия другому, то оно не может быть заменено соединительным, например: класс. *Хо-*

јар борбі ўгеі бі-чіні хојіна-ача хараҕад хочурба, үјілен-дўр баріҕдаҕад бі-чіні ўкўл-ијен кўлијегед хочурба (Ц.—1—33, из предсмертной речи волка, попавшего в капкан) 'Я-то остался без двух ног, глядя вслед [за своими убежавшими собратьями], я-то, оказавшийся в капкане, так и остался, ожидая своей смерти', в подобных примерах разделительное деепричастие может быть заменено лишь продолжительным деепричастием, т. е. вместо *хараҕад* и *кўлијегед* соответственно можно сказать *хараҕсаҕар* и *кўлијегсегер* 'продолжая глядеть' и 'продолжая ждать' (как это видно, разделительное деепричастие по-русски переводится несовершенным деепричастием). Такие случаи применения разделительного деепричастия были в свое время отмечены А. Бобровниковым, который при этом приводил следующие примеры: *Хајірлал ўгеі ӧгліге ӧгкў-јі номлаҕад, харамту хаҕан-у герген болҕаху бују* 'Проповедуя подавать милостыню без скупости, разве сделаешь меня супругой скаредного царя', *Дӧрбед Далаі тајісі хојар аха кӧбегўн-деген баҕа-јі ӧггўгед, Дајічі-хосіҕучі-ду јеке-јі ӧггўгсен* 'Дэрбэтский Далай-тайши своим старшим сыновьям дал меньше, а Дайчин-хошучию — больше'[46].

Такая противопоставительная функция разделительного деепричастия особенно четко сохраняется в бурятском *аад* ← **аҕад*, в форме разделительного деепричастия от омертвелого вспомогательного глагола **а-* 'быть': *Табан жил соо сугтаа һуутараа нэгэшьє дуу гаралсаагүй аад, мүнөө хэлэ ама татаха болобо* (Шад.) 'Жили вместе целых пять лет и при этом ни разу не повышали друг на друга голоса, а теперь вот такие раздоры начались', *Тэрэ добо дээрэ хоёр набтар аад бүдүүн хуһад* (Мал.) На том холме две низкорослые, но толстые березы'. Ср. следующие примеры из классического монгольского языка, в которых отражаются значения халхаского глагола *аад*: *Бўме нелијед болбасуралтаі кўмўн аҕад, ном унгсіху дуратаі аджуҕу* (Ц.—2—13) 'Буме, будучи весьма культурным человеком, любила читать книги', *Кўмўс асару олан аҕад, кўмўн оруху арҕа ўгеі* (Ц.—2—12) 'Народу было [так] много, что пройти было невозможно'. Равным образом некоторые глаголы в формах соединительного и разделительного деепричастий в процессе лексикализации стали заметно отличаться друг от друга по своим значениям, например: класс. *чінгкігед*←**тејін кігед* 'так сделав'→халх. *тэгээд*, бур. *тиигээд*, орд. *чігēт*, калм. *тиигэд* означает 'затем', 'потом', 'так сделав', в то время как класс. *чінггеджў* ← **тејін кіджў* → бур. *тиижэ*, халх. *тэгэж* означает 'так', 'таким образом'.

Характерной чертой разделительного деепричастия является то, что оно в калмыцком языке употребляется и с отрицанием *уга* 'не', обстоятельство, совершенно необычное для него в остальных монгольских языках, в чем некоторые исследователи

[46] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 307.

видят доказательство именного происхождения этого деепричастия. Однако особенно важно учесть, что данное деепричастие при этом применяется и в тех случаях, когда в остальных монгольских языках используется настоящее, или несовершенное, причастие: *Кергтэ юмн кегдэд уга* (Х. Y.—3930) 'Нужные вещи еще не сделаны', *Мартад уга болхт* (Х. Y.—3930) 'Вы, конечно, еще не забыли', *Кино хаврас нааран үзүлгдэд уга* (Х. Y.—3930) 'С самой весны кинокартины еще не демонстрировались', *Малдан хот белдэд уга колхоз энд уга* 'Здесь нет колхоза, который еще не заготовил бы для своего скота корм', *Цасн орад уга цаг* 'Время, когда еще снег не выпал', *Нарн гарад угад йовий* 'Отправимся, пока еще солнце не взошло'[47].

Такое употребление разделительного деепричастия, по-видимому, возникло по двум причинам. Во-первых, оно возникло из-за обычного в монгольских языках опущения связки настоящего времени, в данном случае калм. *бээнэ* 'есть', например: *йовад, уга (бээнэ)* 'ушедши отсутствует', т. е. 'ушел и [теперь его здесь нет' → *йовад уга* — 'еще не ушел'. Во-вторых, такой сдвиг в значении отрицательной формы разделительного деепричастия произошел в порядке контаминации с причастной формой на *-а*, которая в современном калмыцком языке употребляется очень редко: *йовад уга (бээнэ)* 'ушедши отсутствует' → *йовад уга (бээнэ)* 'еще не ушел' ← *йова уга (бээнэ)* 'еще не ушел'. В этой связи уместно напомнить, что ведь слитное деепричастие с отрицанием *ўгеі||-гүй* в монгольских языках употребляется только в обстоятельственной позиции, ни в каких других синтаксических функциях не выступая. Примечательно при этом, что в калмыцком языке разделительное деепричастие с отрицанием *уга* не употребляется, в противоположность слитному, в обстоятельственной позиции. Поэтому отрицательная форма разделительного деепричастия в калмыцком языке сама по себе еще не может служить доказательством именного происхождения данной глагольной формы.

В связи с излагаемым обращает на себя внимание наличие в дагурском и монгорском языках формы разделительного деепричастия на *-ā*, а ведь к тому же в этих языках отсутствует причастная форма на *-ā*←**-ҕа*, которая, как уже сказано, почти не употребляется в современном калмыцком языке.

Слитное деепричастие

Слитное деепричастие, называемое также модальным, особенно широко употребляется для выражения одновременных действий, когда «два глагола описывают одно и то же действие, только одним высказывается общее понятие, а другим — частное, так

[47] Г. Д. Санжеев, *Грамматика калмыцкого языка*, стр. 98, 140 и 142.

что значение одного глагола уже заключается в другом, или когда один глагол употребляется (подобно качественным именам) для ограничения смысла другого»[48], т. е. для большего уточнения многозначного глагола. Из изложенного вытекают два важных обстоятельства.

Во-первых, слитное деепричастие особенно часто встречается в составе парных глаголов в качестве их первого компонента, например: халх. *эмчлэн анагаа-* 'вылечить' (букв. 'леча оздоровить'), *өргөн барь-* 'преподнести' (букв. 'поднимая держать'), *үйлэдвэрлэн гарга-* 'выпускать (продукцию)' (букв. 'производя выпускать'), *оргон зайл-* 'бежать', *хянан шалга-* 'контролировать', *сэлбэн зас-* 'отремонтировать', *цэвэрлэн арилга-* 'вычистить' и т. п. Подобные примеры во множестве имеются во всех тех монгольских языках, в которых наличествует слитное деепричастие.

Во-вторых, многие глаголы в форме слитного деепричастия как бы превратились в наречия образа действия и даже места, например: халх. *урьдчилан* 'заблаговременно', 'заранее' от *урьдчил-* 'делать заблаговременно', *ёсчлон* 'по форме', 'как следует' от *ёсчил-* 'делать как полагается', *зэрэглэн* 'рядом' от *зэрэглэ-* 'становиться в ряд', 'равняться', *сандан мэндэн* 'в спешке', 'крайне торопливо' соответственно от **санда-* (ныне неупотребительно, ср. *сандар-* 'чрезмерно торопиться', 'быть в замешательстве') и *мэнд-* 'спешить', 'прийти в смятение', *орчин тойрон* 'поблизости', 'около', 'вокруг', 'окрестность' соответственно от *орч-* 'кружиться' и *тойр-* 'окружать', 'обходить кругом', *дахин* 'снова' от *дахь-* 'повторять' (имеются наречия с этим же значением от данной глагольной основы *дахиж* и *дахиад*, соответственно формы соединительного и разделительного деепричастий), *бариитлан* 'на основе' от *бариитал-* 'придерживаться' и т. п., также имеющиеся в остальных монгольских языках.

Сказанное вовсе не означает того, что слитное деепричастие уже не употребляется в речи. А. Бобровников указывал также, что оно применяется для обозначения такой быстрой преемственности разновременных действий (в рамках все же одного грамматического времени), что они «сливаются как бы в одно действие»[49], например: класс. *Сангдун менгдүн босун сабун уубуджу ідекү мету* (Л., сб.—91) 'В спешке как бы завтракает, то вскакивая, то садясь' (т. е. 'на ходу'); халх. *Нугасууд ганганан сандарцгаасан* (Далх.) 'Утки замучили [лягушек] гогоча и крякая'; бур. *Шандаган ехээр айһандаа шэшэрэн һалганан байба даа* (Абидуев) 'Заяц в сильном страхе стоял, дрожа и трепеща'. Если в форме слитного деепричастия следует друг за другом несколько близких по значению глаголов, полусинонимов и синонимов или повторяется один и тот же глагол, то тем самым выражается

[48] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 313—314.
[49] Там же, стр. 313.

длительное действие, совершающееся с короткими или мгновенными перерывами: класс. *Бајін бајін асудаб-чіні јабу буі* (Ц.—1—41) 'Чего это ты все спрашиваешь?', *Чіну-а хабурубад бучаджу ірекү болбау гегсен-деген хучан хучан маналуба* (Ц.—1—35) 'Полагая, что волк может снова вернуться, [собака] была на страже, все лая и лая'; халх. *Энэ баавгайгаас яаж оргох билээ гэж бодон бодон байлаа* (Далх.—6) 'Она все думала-думала, как бы убежать от этого медведя'; *Шоно Баатарай хабые харан үзэн мэдэхэдээ бэе бэедээ хэлсэнэ* (Ант.—51) 'Присмотревшись к мощи Шоно Батора (букв. 'глядя и смотря'), они о том переговариваются друг с другом'.

При всем изложенном выше слитное деепричастие употребляется в тех же обстоятельственных значениях, что и соединительное: класс: *Бату чаҕан тобусу буджігінабулун далда оруба* (Ц.—1—13) 'Бату скрылся, поднимая облако белой пыли'; халх. *Чоно бүх хүчээ гарган тун дөт замаар гүйлээ* (Далх.—15) 'Волк побежал по прямой дороге, напрягая все свои силы'; бур. *Олон зон хэрүүлтэй шуугиатай түрсэлдэн орожо ерэнэд* (Балд.) 'Люди толпою входят, толкаясь, с руганью и шумом'.

Данное деепричастие, равно как соединительное и разделительное, применяется также в позиции неконечного сказуемого сочиненного предложения и в качестве дополнений при некоторых глаголах. Примеры:

класс. *Чабатаі Сартабул-дур хабан сабун, дед-ану Джүчі Тогмаб-тур хабан сабуджу, думдаду-ану Өгедеі хабан орон-і сакіба* (П.—65) 'Чагатай воссел ханом в Персии, Джучи — в Кипчакии, а средний сын [Чингисхана] Угедей занял великоханский престол', *Ене мету көбегүн-і хамібa-ача олун чідаху буі* (Л. сб.—69) 'Где можно найти такого юношу?' *Өкін үдженед тегүн-дүр тачіјаджу хабачан јадан теберіджү үгүлерүн* (Л. сб.—69) 'Девушка, увидев, влюбилась и, не сумев разлучиться с ним, обняла его и сказала'; халх. *Бүргэд үзээд түүний дээгүр нисэж хумсаар савардан эхэллээ* (Далх.) 'Увидев [кабана], орел начал летать над ним и царапать его когтями', *Хөдөө тал хөхрөн хөндийн ногоо жигдэрлээ* (Далх.) 'Степи зазеленели, в котловинах поднялись травы'; бур. *Эйнэнь хашхиран, тэрэнь дуулан байна, яахашье аргагүй* 'Этот кричит, тот поет: ничего нельзя поделать'.

Как известно, глагол класс. и бур. *алда-*, халх. и калм. *алд-* 'терять', 'уронить', подчиняя себе другой глагол в форме слитного деепричастия, приобретает значение «чуть не...», например: класс. *унан алда-* и халх. *унан алд-* 'чуть не упасть'; бур. *Бата тэрэ шубууе барин алдаба* (Им.—121) 'Бата чуть было не поймал ту птицу'.

В ордосском говоре отмечены любопытные случаи, как думает А. Мостарт, применения слитного деепричастия в функции отглагольного прилагательного, правда, всего лишь в двух загадках (даны слева):

1) *Нāгӯң нāгӯң муду-чін*
најаң хојор салāтā;
салā бӯрīн ӯрчігīтī,
ӯрчігī бӯрīн ӧндӧгӧтī.

2) *Гӯїң гӯїң шаргагчін;*
гӯчігдекӯī шаргагчін;
бāӗң бāӗң шаргагчін,
барігдакӯī шаргагчін.

1) *Муду-чін нāгӯң нāгӯң*
најаң хојор салāтā;
салā бӯрін ӯрчігīтī,
ӯрчігī бӯрīн ӧндӧгӧтī.

2) *Шаргагчін гӯїң гӯїң*
гӯчігдекӯī шаргагчін;
шаргагчін бāӗң бāӗң
барігдакӯī шаргагчін.

Эти загадки А. Мостарт соответственно переводит: 1) 'Дерево, которое раскачивается, имеет восемьдесят две ветви; на каждой ветви имеются гнезда, а в каждом гнезде есть яйцо' (отгадка: просо); 2) 'Это — газель, которая бежит, это — газель, которую не догонишь; это — газель, которая стоит на месте; это — газель, которую не поймаешь' (отгадка: мираж)[50]. Однако, как нам думается, здесь мы встречаемся с инверсией, весьма обычной в монгольской рифмованной речи (справа нами показано, как эти загадки выглядели бы в прозаической речи). Например в одной монгольской детской песне мы вместо *Улаан-баатар*' 'Улан-Батор' нашли *Баатар-улаан*, так как следующий стих начинался словом *багачууд* 'дети', ради рифмовки с которым и инверсировано название монгольской столицы (как известно, в монгольской поэзии чрезвычайно сильна начальная рифма). Поэтому мы бы предложили несколько иной перевод этих двух ордосских загадок: 1) 'Дерево это раскачивается от ветра и имеет...' (далее так же, как и в переводе А. Мостарта); 2) 'Эта газель — такая газель, которая бежит и бежит, и никак ее не догонишь; эта газель — такая газель, которая (хоть и) все стоит на месте, и (все-таки) ее не поймаешь'.

Если слитное деепричастие в своей положительной форме встречается в речи реже остальных сопутствующих деепричастий, то оно довольно часто употребляется с постпозиционным словом-отрицанием класс. *ӯгеі* (халх. и бур. *-гүй*, калм. *уга*) 'не' или с препозиционной частицей отрицания класс. *ӯлӯ* (халх. и бур. *ӯлӗ*) 'не'. Дело в том, что слитное деепричастие в монгольских языках является единственной деепричастной формой, которая может употребляться со словом-отрицанием *ӯгеі*, не теряя своего конвербиального свойства, чего нельзя сказать относительно разделительного деепричастия, применяемого в калмыцком языке как бы вместо причастной формы

[50] A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, pp. 419, 430; A. Mostaert, *Folklore Ordos*, Peip'ing, 1947, pp. 474, 478.

на *-а* с этим *уга*[51]. Правда, в своей отрицательной форме слитное деепричастие меняет свой конечный согласный *н* на *л* во всех монгольских языках, кроме бурятского. Впрочем возможно, что образование на *-л* является супплетивно-отрицательной формой слитного деепричастия (синтаксически же — всех трех сопутствующих деепричастий), т. е. суффикс *-л* не представляет собой фонетического видоизменения показателя слитного деепричастия *-н* так же, как он не имеет генетической связи с суффиксом *-л*, образующим отглагольные имена типа халх. *мэдэл* 'знание' от *мэд-* 'знать'[52]. Примеры:

класс. *Тере хаҕан даҕун ҕарул ӯгеі јабуба* (Викр.—112) 'Тот хан отправился, ничего не сказав'; халх. *Хэрэв ололгүй харивал бид толгойгоо авхуулах юм* (Х. Т.—29) 'Если мы вернемся домой, не найдя [рыбки], то лишимся своих голов'; калм. *Орнасн өндәж, босл уга алһдж, дууна тетрадь шүүрнә* (Т. Г.—59—5—70) 'Не поднимаясь и не вставая со своей кровати, хватается за тетрадь с записанными песнями'; бур. *Алагдаһан дайсанише илагдаһанда тоолоно гэдэг, алагдангүй илагдаһан дайсанише хэндэ тоолодог бэ?* (Балд.) 'Говорят, убитого врага считают побежденным, но кем же считать врага, побежденного, не будучи убитым?'

Относительно употребления слитного деепричастия с препозиционной частицей отрицания *ӯлӯ//ӯл* 'не' нам придется говорить особо, в связи с изложением отрицания вообще (см. ниже на стр. 250—259).

Обстоятельственные деепричастия

Как уже упоминалось, обстоятельственные деепричастия в монгольских языках отличаются от сопутствующих весьма существенно тем, что они в синтаксическом и смысловом отношениях стабильны и в своих значениях не подвержены контекстуальным изменениям, если не считать некоторых отдельных случаев. Поэтому наше предстоящее обозрение этих деепричастий может быть предельно кратким. Кроме того, о причинном деепричастии из-за отсутствия необходимых текстовых материалов нам придется вообще умолчать.

Обстоятельственные деепричастия выражают действия, с которыми действия подчиняющего глагола находятся в определенных временных, причинно-следственных, целевых, условных и иных модальных связях.

[51] Эта причастная форма в калмыцком языке употребляется очень редко.

[52] В некоторых случаях образуются как бы омоформы типа, например, калмыцких *үкл уга* 'не умирая' и *үкл уга* 'бессмертный' (*үкл уга орчлн* 'нетленный мир', 'царство бессмертия'). Однако, если отрицательная форма деепричастия может быть образована от любой глагольной основы, то отглагольные имена на *-л* количественно весьма ограничены

Условное деепричастие

Условное деепричастие выражает действие, при наличии которого может совершаться действие подчиняющего глагола, — это относится ко всем формам этого деепричастия, к первой на *-басу*, ко второй на *-бал* и к третьей на *-хула*. Примеры:

класс. *Чі намаjі мартаху ўгеі болбасу бі чімаjі мартаху ўгеі* (Ц. — 1 — 13) 'Если ты меня не забудешь, то и я тебя не забуду', *Чі мангҕус-і есе гўjічекўле дӧрбен табаҕ-і-чіні тасур чабчіджу алаjа* (Х. Х. — 93) 'Если ты не догонишь мангуса, то я убью тебя, отсекая все твои четыре ступни'; халх. *Эхэлбэл дуусах хэрэгтэй, эрвэл олох хэрэгтэй* (поговорка) 'Если начали, то надо кончать, если стали искать, то надо найти'; бур. *Ноёдоор хэрэлдэбэл нюргагүй, нохойдоор хэрэлдэбэл хормойгүй* (поговорка) 'Если с господами поругаться, то быть без спины, если с собаками поругаться, то остаться без подола'; калм. *Кемр үүлн хурхла боран орх* (поговорка) 'Если тучи соберутся, то быть дождю'.

Условное деепричастие первое обозначает также такое действие, в конечный момент которого или непосредственно за которым совершается действие подчиняющего глагола: класс. *Тере ніген хатун-і абубасу, тегўн-ече Наран-герелтў кемекў ніген кӧбегўн тӧрўбе* (Л. сб. — 67) 'Когда он взял одну жену, то от нее родился мальчик по имени Наран-герелту', *болҕумджітаі-бар хаҕалҕа-jі тонгсібасу болуна кемекў сонустаба* (Чб. — 69) 'Когда осторожно постучали в дверь, то послышалось «можно»'. Такое же неусловно-временно́е значение имеет условное деепричастие третье: калм. *Чанад идж үзхлә амтнь сән махн бәәж* (Павл.) 'Когда сварили и попробовали, то на вкус мясо оказалось хорошим'. В таком временно́м значении формы условного деепричастия употребляются преимущественно тогда, когда подлежащие их оборотов, с одной стороны, и основной части всего предложения, с другой, оказываются разными.

В классическом монгольском языке условное деепричастие первое очень часто употребляется в сопровождении показателя орудного падежа (?) *-бар*, выражая при этом уступительность: *Хатун-іjан нірван болуҕсан-у тула джобабасу-бар седкіл-дўр джокісту чімаjі ўджегед, седкіл-мінў сергўбе* (Викр. — 95) 'Хотя я и горевал по случаю кончины супруги, сердце мое успокоилось, когда я увидел тебя, такую прекрасную'.

Условное деепричастие, как видно из приведенных примеров, выражает действие, предшествующее действию управляющего глагола. Однако если нужно выразить действие, которое по отношению к действию управляющего глагола должно быть предстоящим, то применяется аналитическая форма, состоящая из будущего причастия от основы знаменательного глагола и условного деепричастия от основ вспомогательных глаголов (класс. *абасу* от **а-* 'быть', *болбасу* от *бол-* 'становиться',

халх. и бур. *болбол*, или, во избежание гаплологии, *бол*, класс. *кемебесў* от *кеме-* 'говорить', халх. *гэвэл* от *гэ-* 'говорить', бур. *гэбэл* или *гээ hаа*, — эти вспомогательные слова можно считать союзами подчинения со значением «если»): класс. *Алус хола ҕаджар ачіjа тегегеў ўсілекў абасу морід-іjан тахулаҕулху керегтеі* (Y. — 1249) 'Если предстоит перевозка грузов в далекие места, то лошадей надо подковать'; халх. *Маргааш хөдөө гарах бол одоо эндэх ажлаа дүүргэх ёстой* 'Если завтра надо ехать в степь, то здешнюю работу следует закончить'; бур. *Иигээд тайгадаа гарахамни гээ hаа мүнөө юумээ түхөөрэ* 'Если ты едешь в тайгу, то теперь готовь свои вещи'.

В кратких высказываниях, если предстоящее действие оказывается уже решенным, то форма условного деепричастия образуется непосредственно от основы знаменательного глагола: бур. *Ябабал яба* 'Если отправляешься, то отправляйся'.

Как уже говорилось, обстоятельственные деепричастия, условное в том числе, выражают действие предшествующее, синхронное или предстоящее безотносительно к моменту речи. Однако для установления временной связи действия, например, условного деепричастия с моментом речи, в монгольских языках прибегают к более сложным конструкциям, в которых большую роль играют причастия, сопровождаемые вспомогательными глаголами в форме условного деепричастия: класс. *Ўjіле бўтўгсен абасу та jаҕакін jабумуі?* (Y. — 1247) 'Если дело уже сделано, так чего вы ходите?', *Кербе оруху керег буі абасу, урід-іjар оруху джӧбсіjерел-і абчу оруҕтун* (Л. сб. — 118) 'Если вам войти по какому-нибудь делу, то получите сначала разрешение [на то, чтобы] войти'; бур. *Шамтай ошохо болоо hаа шанга хэлсээн хэрэгтэй* (Абидуев) 'Если предстоит ехать вместе с тобой, то нужно об этом серьезно поговорить'. С этим связано то, что в монгольском языке условное деепричастие стало усиленно употребляться в сравнительных оборотах, по-видимому, не без влияния русского языка: класс. *1926 он-дур 3 мінгҕан кўмўн Ўнен сонін-і джакіjаладжу баjіҕсан болбасу ене 1945 он-дур 26 мінгҕан ҕаруі кўмўн джакіjаладжеі* (Y. — 2956) 'Если в 1926 году на газету «Унэн» подписывалось 3 тысячи человек, то в 1945 году подписалось свыше 26 тысяч человек'. Вообще же прежде такие сравнительные обороты выражались причастиями с лично-притяжательной частицей: класс. *1861 он-дур ніген кўмўн-дўр бода мал дӧрбен-ече ілегўў нуҕдаджу баjіҕсан-ану 1909 он-дур ніге чу нуҕдаху ўгеі болуҕсан* (Ц. — 21) 'Если в 1861 году на одного человека приходилось свыше четырех голов крупного рогатого скота, то в 1909 году не приходилось и одной головы' (о дархатах Хубсугольского района).

Остается сказать несколько слов о некоторых частных явлениях, связанных с употреблением условного деепричастия. В Гесериаде часто употребляется форма условного деепричастия на *-са*, например: *Гесер мерген хаҕан сергегеджі есе чідаса те-*

гӯн-ече ӧгӧре(вместо *ӧгере*) *кен сергегеджі чідаху буі?* (Г. — 62) 'Если не сможет разбудить его мудрый Гесер-хан, то кто же еще может разбудить?', *Ене олан ердені ӯгеі болуса бі ӯлӯ очіху буjу* (Г. — 64) 'Если не будет всего этого добра, то я не пойду'. В этой же Гесериаде встречаются случаи употребления перфектного претерита вместо условного деепричастия, например: *Оруба ору, харіба харі, та хоjар-ун джоріҕ* (Г. — 60) 'Если вступаете в бой, то вступайте, если уходите, то уходите, — воля ваша'.

Уступительное деепричастие

Уступительное деепричастие выражает действие, вопреки которому совершается другое: класс. *чі марҕасі іребечӯ надатаі jабуджу амджіна* (Д. С.) 'Успеешь поехать со мною, если даже прибудешь завтра', *Ҕасалабачу туса ӯгеі* (Викр. — 20) 'Сколько ни горюй, бесполезно', *Хаміҕа чу хонуба баріху керег ӯгеі* (Викр. — 54) 'Где бы они ни ночевали, задерживать не надо', — в последнем примере мы видим инверсию второго компонента суффикса уступительного деепричастия, т. е. вместо *хонубачу — чу хонуба*, причем частица *чу* интонационно примыкает к вопросительному *хаміҕа*: *хаміҕа-чу*, как это встречается во всех тех случаях, когда в предложении имеется любое вопросительное слово.

В калмыцком языке это деепричастие применяется очень редко: *Зоя Цевг хойр хоорндан зөвәр удан селвгцж, дурна ик, берк болвчн олна кишг түүнәс даву гиж шиидәд, дуран тәкх болна* (Т. Г. — 59 — 5 — 95) 'Хотя Зоя и Цевек и любили друг друга очень сильно, но отложили решение своей судьбы, интересы общественного счастья ставя выше личного'. Как уже говорилось, уступительное деепричастие совершенно не встречается в бурятском языке и очень редко применяется в халхаском и ойратском диалектах, в которых оно соответственно заменяется оборотами с частицами *чиг*, *-шье*, *чигн* или *бийнь*: халх. *Чамайг эхнэрээ хийж чадахгүй байсан чиг чамайг би алж чадана* (из речи мангуса в эпосе) 'Хотя я не смог сделать тебя своей женой, но убить тебя сумею'; бур. *Бурят зон үсөөншье һаа богоол зараса болоогүй юм* (Балд.) 'Бурятский народ не был в рабстве, хотя он и малочисленный'; калм. *Долан ора гарч йовсн бийнь цагтарн ирв* (Павл.) 'Долан прибыла во-время, хотя и вышла поздно'.

Продолжительное деепричастие

Продолжительное деепричастие выражает такое действие, которое совершается на всем протяжении другого действия, и отличается от почти всех остальных деепричастий тем, что исполнителями этих разных действий является одно и то же лицо: класс.

Босуҕсан кӯмӯн босуҕсаҕар уjіла! саҕуҕсан кӯмӯн саҕуҕсаҕар уjіла! есе jабуҕсан кӯмӯн баjіҕсаҕар уjіла! ідегсен кӯмӯн ідегсегер уjіла! кемен хаҕан еjімӯ джарліҕ болба (Г. — 62) 'Хан [по случаю смерти своей жены] приказал: пусть тот, кто встал, плачет стоя! пусть тот, кто сел, плачет сидя! пусть тот, кто не двинулся с места, плачет пребывая на месте! пусть тот, кто кушает, плачет кушая!' бур.; *Бабана тэхэ эбэрээ һарайлгаһаар, һүүлээ шодойлгоһоор, һахалаа бамбалзуулһаар хүрэжэ гэртээ ерэбэ* (Ант. — 247) 'Козел Бабана прибывает домой, все раздвигая свои рога, все торчком поднимая свой хвост и все потряхивая своей бородой'; орд. *енӯнī гартāң барісāр іri* 'Ступай, все время держа это в руках'.

В тех случаях, когда речь идет о временах, действия продолжительного деепричастия и подчиняющего глагола относятся к разным исполнителям или предметам: класс. *Ене дзjін баjілдуҕан екілегсегер ҕурбан джіл болджу баjімуі* (Y. — 2897) 'С тех пор, как началась эта война, исполняется три года', *Едӯр хонуҕ одун харбуху метӯ тӯрген ӧнггергсегер Октобер-ун баjар оjіратаба* (Чб. — 61) 'Дни продолжают миновать стремительно, точно метеоры, а праздник Октября уже приближается'.

Очень часто продолжительное деепричастие выражает такое действие, после которого его исполнитель сразу же приступает к другому действию, а поэтому одно действие является непосредственным продолжением другого (вот почему в предложении с подобным оборотом продолжительного деепричастия всегда имеется лишь одно действующее лицо, одно подлежащее)[53], например: бур. *Тэрээниие мэдэжэ абаһаар шабгансын шанага соо уһа хэжэрхибэ* (Им. — 21) 'Он налил воду в уполовник старушки, как только узнал это', *Үнеэһүүднай зуһаландаа ороһоор гол тээшээ буушээ* 'Наши коровы сразу же бросились к реке, как только прибыли на летнее кочевье'; орд. *Бі будāгāн ідесēр jawуjā* 'Я отправлюсь сразу же после того, как съем обед' (в переводе А. Мостарта: je partirai dès que j'aurai pris mon repas[54]).

Поскольку продолжительное деепричастие выражает, таким образом, длительно совершающееся действие, то оно является в монгольских языках единственной формой глагола, при которой последний может быть дублирован, находясь в форме своей основы, например, халх. *яв явсаар*, бур. *яба ябаһаар* и класс. *jабу jабуҕсаҕар* 'продолжая идти и идти'. В таких случаях это деепричастие выражает такое длительное действие, которое совершается кем-либо настойчиво и упорно до тех пор, пока поставленная цель не будет им достигнута: класс. *Мāл емнелгеjін сурҕаҕулі хоҕ хаjадаҕ ҕаджар-тур хоҕ-іjан хаjаху-jін*

[53] В этом состоит отличие данного деепричастия от последовательного и предварительного.

[54] A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. XLII.

орон-дур хасіјан-у дотур-а абчіран обуҕала обуҕалаҕсаҕар хасіјан-у баруҕ тег думда-ача дегегсі ҕарчеі (Y. — 2928) 'В ветеринарном техникуме (букв. 'ветеринарный техникум') вместо того, чтобы сбрасывать мусор на свалку, так нагромоздили его во дворе, что куча мусора поднялась почти на половину высоты двора', бур. *Сагаадай Мэргэн хүбүүн сабша сабшаһаар сабшана, сагаан яһан болгоно, дара дараһаар дарана, далан хэһэг болгоно; Буха Хара хаан буулга буулгаһаар буулгана, боро шорой болгоно, гэшхэ гэшхэһээр гэшхэнэ, гэдэһэ яһан болгоно* (Им. — 129) 'Сагадай Мэргэн все рубит и рубит, пока не получается белая кость, все давит и давит, пока не получается семьдесят кусков; Хан Буха Хара все валит и валит, пока не получается серый прах, все топчет и топчет, пока не получается голая кость'.

За последние 30—40 лет в монгольском языке продолжительное деепричастие очень часто выступает в функции самостоятельного конечного сказуемого, сопровождаясь связками *баји-* и *іре* и выражая действие, продолжающееся длительно и как бы переходящее из прошлого в настоящее: класс. *Чі баса кебтегсегер бајіна уу?* (Ц. — 1 — 40) 'Ты все лежишь?', *Одо емнелге-јін ҕаджар-ун аджілчід тус аджіл-ијан јабуҕулуҕсаҕар бајіму* (Y. — 1234) 'Теперь работники больницы все еще продолжают вести эту работу', *Монгҕол арад түмен Джөблелтү Холбуҕату улус-таҕан нејіте-јін дајісун һітлерісм-і есергүчен темечекү сідурҕу темечел-дүні бүкү күчү-бер тусалаҕсаҕар іребе* (Y. — 2921) 'Монгольский народ всемерно помогал и помогает Советскому Союзу в его справедливой борьбе против всеобщего врага, против гитлеризма'.

Учащающиеся случаи такого синтаксического применения данного деепричастия в современном монгольском языке начинают приводить даже к тому, что при этом связки настоящего времени уже иногда не используются, как и в случаях предикативного функционирования прошедшего, будущего и многократного причастий: *манайхан явсаар* 'Наши все еще идут'.

Последовательное и предварительное деепричастия

Последовательное и предварительное деепричастия по своим значениям не совсем близки друг к другу. Первое из них выражает такое действие, в момент завершения которого наступает другое, и таким образом конец первого действия по времени совпадает с началом второго действия. Поэтому последовательное деепричастие часто оказывается однозначным с продолжительным и третьим условным деепричастиями, чего никак нельзя сказать относительно предварительного деепричастия. Примеры:

халх. *Зах дээгүүр явахлаар амитан бүгд авч байна* (Х. Т. — 22) 'Стоит только появиться на рынке, как все люди начинают брать'; бур. *Газаа гараад ябахалаараа Ошор зүүн гар таладаа үндэр добо хараба* (Ант. — 249) 'Когда Ошир вышел на улицу и отправился, то на левой стороне увидел высокий холм', *Бидэ наранай гарахалаар гэртэһээн гаражга ябаа һамди* (Им. — 127) 'Мы отправились из дома, как только солнце начало всходить'; калм. *Дегтриг өнгөн өгч умшхларн бидн умшсан сәәнәр медвдн* (Павл.) 'Когда нам отчетливо и ясно прочитали книгу, мы хорошо поняли прочитанное', *Чинрлгч нерн бәәлһнә нернә цәәлһгч үг болж йовхларн тер бәәлһнә нерән дахж эс хүврдг* (Б. Б.) 'Если (когда) качественное имя оказывается определением предметного имени, то оно не согласуется с ним и не изменяется' (по падежам и числам); баит. *Очхдарн ене-чін чамā абха* (Обр. —70) 'Когда пойдешь, тебя он схватит тут же'.

Предварительное деепричастие обозначает такое действие, после совершения которого немедленно наступает другое, и употребляется преимущественно «для показания такой связи между действиями, по которой одно из них непосредственно является за другим, как его следствие»[55]. Таким образом, здесь начало одного действия не совпадает с концом другого, как это мы видели при рассмотрении последовательного деепричастия. Примеры: класс. *Енекү хаҕудасу-јі абумаҕча даруі беје-бер-ијен іресүгеі* (Л. сб. — 122) 'Явиться сюда лично и немедленно по получении этой записки'; халх. *Түүний хашгаралтыг сонсмогц бүх шувууд айн ширвэгдэнэ* (У. Б. — 12) 'Все птицы в страхе дрожат, лишь только услышат его (орла) клекот'; бур. *Ши тэндэ хүрэмсөөрөө Батые наашань эльгээгээрэй* (Им. — 126) 'Как только прибудешь туда, сразу же пошли сюда Бату'.

Как видно из изложенного, предварительное деепричастие отнюдь не выражает одновременности двух действий, а поэтому считать его одновременным деепричастием (converbum contemporale) нельзя.

Предельное деепричастие

Эту глагольную форму в русской монголистике принято называть то предельным деепричастием, или деепричастием предела, то совместным деепричастием, отражая тем самым различные значения, выражаемые данной формой. В монгольской же литературе эту деепричастную форму называют «встречным деепричастием» (*угтуулах нөхцөл үг*), а в зарубежной монголистике — converbum terminale.

Во-первых, предельное деепричастие обозначает такое действие, до наступления или, наоборот, завершения которого совершается другое действие, — иными словами, здесь одно действие во временном отношении оказывается как бы пределом для другого, например: класс. *Бі чімаји іретеле хадаҕалджу чі-*

[55] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 322.

даху буі (Викр. — 48) 'До твоего прихода я это сумею сохранить'; бур. *Наранай оротор гэртээ хүрэхэбди* (Им. — 125) 'До захода солнца мы доберемся домой'; калм. *Долан час болад угабәәтл би хәрж ирвв* (Павл.) 'Не было еще семи часов, как я уже прибыл домой'. Подобное значение предельного деепричастия привело к тому, что оно широко применяется также для выражения такого действия, которое для другого целенаправленного действия является степенью его интенсивности, например: бур. *Огторгойдо утаан болотор, уулада тооһон болотор харбажархиба* (Х. Н.) 'Так пустил стрелу из лука, что в небесах поднялся дым, а в горах — пыль'; халх. *Нойтон модыг ноцтол, хуурай модыг хугартал зодоод байжээ* (Х. Т. — 23) 'Так его бил, что разгорелось сырое дерево, а сухое — сломалось'. Как видно из примеров, предельное деепричастие выражает предстоящее действие, — отсюда и его данное наименование.

Во-вторых, предельное деепричастие обозначает и такое синхронное действие, которому в каком-либо отношении как бы противопоставляется другое, совершающееся одновременно с ним, например: бур. *Би нугаһа агнажа ябатараа галуу алажархёо һэм* (Им. — 125) 'Я, охотясь на уток, раздобыл гуся'; халх. *Эд жимсээ түүгээд гэртээ буцаж явтал нэг харсан нь Маша байдаг гүй* (Далх. — 5) 'Когда они после сбора ягод возвращались домой, то, оглянувшись, увидели, что Маши нет'; класс. *Уріда-јін кеўкен-і арајіхан абчу јабутала едўге нілха чісутаі-јі јаҕакін абчу јабуху буі* (Викр. — 20) 'Кое-как неся прежнего ребенка, как же понесем еще одного новорожденного, лежащего в крови?' Противопоставительное употребление предельного деепричастия включает в себя также обозначение неожиданности или непредвиденности: халх. *Ажилчны клубд иртэл эрт байна* (Далх.) 'Когда пришли в клуб для рабочих, то было еще рано', *Морио тавиад очтол долоон улаан халзан тэмээ байжээ* (Х. Т. — 23) 'Когда отпустили коней и пошли, то там оказалось семь красных лысых верблюдов'; класс. *Долуҕан хонуҕ јабутала ніген ӧкін-інў нірајілаба* (Викр. — 20) 'Когда они шли уже седьмой день, одна девушка родила'. Такое противопоставительное употребление данного деепричастия с выражением неожиданности свойственно классическому и современному монгольским языкам, но не зарегистрировано в других монгольских языках. Чаще всего при таком употреблении предельного деепричастия большую роль играют глаголы движения, как это и видно из большинства приведенных примеров, а также вспомогательные глаголы, примененные в форме этого деепричастия: *Ҕурбан ердені чаҕласі ўгеі ауҕа кўчў тегўсўгсен бӧгетеле јаҕун-у тула ўлў такіху буі*[56] 'Почему бы не почитать три драгоценности, когда они преисполнены великой силой', *Енекў аджіл-ј јабуҕулбасу джокімуі кемен джіҕабурілаҕсан атала јаҕу чу кігсен ўгеі болаі* (Y. — 1731) 'Ничего не сделали, в то время как было указано, что необходимо провести эту работу'.

[56] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 323.

Деепричастие степени действия

Это деепричастие выражает такое действие, которое характеризует крайнюю степень интенсивности какого-нибудь другого действия: *Хориин зон хүл татахысаа хүдэлхэ болохо юм* (Х. Н.) 'Хоринские люди должны будут трудиться так, что протянут свои ноги'. Равным образом, широко распространенное в бурятском языке деепричастное образование на *-са* обозначает действие, показывающее, с каким напряжением своих сил кто-либо совершает соответствующее действие: *Далайда үрмэ гарса, шулуун дээрэ ногоо гарса зугаална* (эпическая гипербола) 'Так беседуют, что на море образуется пена, а на камне появляется трава', *Энэ хоёрой тэмсэлдээн энэ дайдын эбдэрсэ, тэрэ дайдын тэхэрсэ байха болтогой* (Ант. — 28) 'Пусть эти двое состязаются до тех пор, пока не рухнет этот мир и не настанет свет другой'.

Следовательно, это деепричастие напоминает собою предельное деепричастие, когда последнее употребляется для выражения степени действия. Однако определенное различие между этими формами состоит в том, что действие первой из них не является непосредственной целью действия подчиняющего глагола (когда, например, герои эпоса ведут оживленную беседу, они тем самым вовсе не добиваются того, чтобы на море образовалась пена, а на голом камне появилась трава: этого они могут даже и не знать), тогда как действие предельного деепричастия такой целью может оказаться. Кроме того, действие подчиняющего глагола при деепричастии степени действия не прекращается, а между тем при предельном деепричастии оно приостанавливается, поскольку цель оказывается достигнутой.

Деепричастие образа действия

Это деепричастие употребляется тогда, когда лицо, совершая какое-либо действие, не занимает обычного для данного случая положения или не принимает удобной позы: *Галша һумгашаа орон дороһоо нэгэ үрөөһэн сад сой дүрөө абажа* (Х. Н.) 'Галша из-под кровати достал одно стремя с позументами сидя' (то есть не поднимаясь с кровати и продолжая по-прежнему сидеть: как сидел, так сидя и достал одно стремя с позументами), *Баймгашаа эдеэлхэеэ һанаа хүн хүн гүш?* 'Ты что это за (подразумевается: странный) человек, хочешь кушать стоя (т. е. не сидя за столом)?', *һуумгашаа унтаба* 'спал сидя' (т. е. не ложась на кровать). Как нетрудно понять, деепричастие образа

рямнай ябад гээдлэ байшана 'Наша лошадь то пойдет немного, то вдруг останавливается'; *халх. Олмоо татс хийгээд орхив* 'Слегка подтянул подпругу'. А. Мостарт приводит ордосскую форму мгновенного вида, которая имеется также и в других монгольских диалектах: *бултйгйк бултйгйк гехкхё* 'время от времени высовываться, быстро исчезая', *аңгйк аңгйк гехкхё* 'открывать и закрывать рот' (например, о рыбе, вынутой из воды)[58].

Мгновенный вид образуется также и от изобразительных слов при помощи глагола *ге-* 'говорить' или *кі-* 'делать': класс. *даб ге-* 'броситься с места', бур. *бур бур гэ-* 'булькать' и т. п.

ОТРИЦАНИЕ

В системе глагола монгольских языков имеются двоякого рода препозиционные частицы отрицания: а) запретительные, употребляемые только при повелительно-желательных формах и описанные выше на стр. 118, и б) собственно отрицательные, применяемые при изъявительных, причастных и деепричастных формах, *есе* 'не' и *үлү* 'не'. Таким образом, причастия и деепричастия в силу также и этого обстоятельства не могут выключаться из системы монгольского глагола вообще и составлять особые части речи, отличные от глаголов.

По мнению А. Бобровникова, различие между частицами отрицания *үлү* и *есе* носит, как сказали бы мы теперь, модальный характер: частица *үлү* «отрицает прямо и решительно, показывает, что если действие не совершилось, то это... так и должно было случиться; *есе* показывает, что действие хотя не совершилось или не совершается, однако... оно было возможно», будучи ожидаемым говорящим[59]. Но это замечание А. Бобровникова не подтвердилось фактами языковой действительности. Поэтому еще со времени О. Ковалевского в монголистике получило общее признание положение о том, что частица *үлү* применяется при глагольных формах настоящего и будущего времен, тогда как *есе* употребляется при глагольных формах прошедшего времени[60].

Таким образом, для монгольских языков, как, например, и для тунгусо-маньчжурских, характерно то, что в их грамматической системе каждая определенная группа глагольных форм имеет только ей присущую частицу отрицания, запрета. Для этих же языков специфично, что все чисто глагольные частицы отрицания или запрета, которые не применяются при именных частях речи, являются препозицинными, тогда как именные отрицания оказываются постпозициноными: общеименное *үгеі* 'не', 'без', 'нет', относительное *бусу* 'не, а...' и несовершенное *едүі* 'еще не'.

Употребление частиц отрицания *үлү* и *есе* наиболее ясно обнаруживается в старописьменном монгольском языке доклассического и классического периодов, в котором мы находим следующее: а) частица *үлү* употребляется при всех формах имперфектного презенса, т. е. при формах на *-м*, *-муі*, *-нам*, *-на* и *ју*, будущего, многократного, однократного и, в единичных случаях, постоянного причастий, слитного и, изредка, приготовительного, или «цитатного», деепричастий; б) частица *есе* применяется при формах перфектного презенса, имперфектного и перфектного претеритов, прошедшего причастия, соединительного, разделительного, условного, уступительного и предельного деепричастий. Следовательно, в старописьменном монгольском языке с этими отрицательными частицами не употребляются причастия настоящего времени, возможности и завершенно-прошедшее, а также деепричастия продолжительное, последовательное, предварительное, попутное, заменное, целевое, степени действия, образа действия и причинное (перечень названных глагольных форм дан с учетом различных диалектных заимствований, поскольку не все эти формы имеются в старописьменном монгольском языке).

Исключения из изложенных правил употребления частиц отрицания *үлү* и *есе* иногда встречаются в некоторых отдельных произведениях монгольской литературы, например в монгольских переводах известного сочинения Сакья-Пандиты Subhāṣitaratnanidhi и комментариях к ним, в Гесериаде и т. п. Частица *үлү* вместо ожидаемой *есе* применяется при формах перфектного претерита (*үл өгөв*[61] 'не дал'), соединительного деепричастия [*үл тоож*[62] 'не считаясь', *үлү дежілүгдеджү*[63] 'не терпя поражения', *үлү гүјічегдеджү* (Г.—9) 'не будучи настигнутым', *үлү джіңаджу*[64] 'не показывая'], разделительного деепричастия (*үлү ороңад*[65] 'не вошедши') и условного деепричастия (*үлү дуралабасу*[66] 'если не полюбить', *үлү дуңулбасу*[67], 'когда не прошли'). Частица *есе* вместо ожидаемой *үлү* встречается при форме причастия будущего времени (*эс чадах*[68] 'не суметь', *эс харавхын янар*[69] и

[58] A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. XLIV.
[59] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 176.
[60] О Ковалевский, *Монгольско-русско-французский словарь*, Казань, 1844, стр. 190 и 528. В последующей монголоведной литературе употребление глагольных частиц отрицания не было уточнено окончательно.

[61] Эрдэнийн сан Субашид, *Цахар гэвш Лувсанчүлтэмийн орчуулга ба тайлбар*, Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Дамдинсүрэн, Ж. Дүгэржав, Улаанбаатар, 1958, стр. 112 (далее — Эрдэнийн сан Субашид).
[62] Там же, стр. 145.
[63] Ердені-јін санг Субасіді, Көкехота, стр. 176.
[64] Алтан тобчі, *Дегедү дебтер*, Улаңанбаңатур, 1937, стр. 40.
[65] F. W. Cleaves, *The Sino-Mongolian inscription of 1362 in Memory of prince Hindu*, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 12, Cambridge, Massachusetts, 1949, p. 65.
[66] Ердені-јін санг Субасіді, стр. 123.
[67] Алтан тобчі, *Доураду дебтер*, Улаңанбаңатур, 1937, стр. 86.
[68] Эрдэнийн сан Субашид, стр. 145.
[69] Там же, стр. 151.

бы сказать: необычного образа) действия образуется от основ очень немногих глаголов.

Попутное деепричастие

Попутное деепричастие выражает такое действие, в ходе совершения которого попутно или мимоходом осуществляется другое. Следовательно, попутным оказывается действие не самого этого деепричастия, а подчиняющего глагола: бур. *Морёо уһалхаа ошонгоо нэгэ хүнэг уһа абалсаарай* (Им. — 130) 'Когда пойдешь поить коня, принеси кстати ведро воды'; *Гэртээ бусангаа түлеэ тээгээд ябашуужамди* (Им. — 130) 'Возвращаясь домой, попутно привезем дрова'; *Арад зоной дунда абарал буулгажа, зөөри суглуулангаа ошолтой гү гэжэ һанагдана* (Ар. онт. — 3) 'Не отправиться ли нам совершать молебствия в народе, кстати, собирая даяния', халх. *Хот очингоо тэдний түүгээр дайраарай* (из записей Г. Рамстедта) 'Когда поедешь в город, загляни к ним попутно'. Это деепричастие употребляется в речи очень редко, так как в необходимых случаях вместо него прибегают к использованию будущего причастия в дательно-местном падеже: бур. *морёо уһалхаа ошоходоо нэгэ хүнэг уһа абалсаарай* 'когда пойдешь поить коня, принеси ведро воды'.

Заменное деепричастие

Заменное деепричастие выражает действие, совершение которого признается нежелательными или менее «выгодным», нежели другое, считаемое более желательным: бур. *Хараалта муу нэрэ эдлэжэ амиды ябанхаар солото һайн нэрэ эдлээд үхэһэн дээрэ* (Балд.) 'Чем жить, нося проклятое и недоброе имя, лучше погибнуть, приобретя доброе имя', *Дааража ябанхаар даажа ябаһаниинь дээрэ* (поговорка) 'Чем мерзнуть, лучше что-нибудь нести на себе'.

Это деепричастие употребляется редко[57], так как чаще всего вместо него используется будущее причастие в родительном падеже в сочетании со словом *орон* 'место' в дательно-местном падеже (бур. *ябахын орондо* 'вместо того чтобы идти', халх. *суухын оронд* 'вместо того чтобы сидеть') или прошедшее причастие в исходном падеже в сочетании со словом бур. *дээрэ*, халх. *дээр* (бур. *Эндэ ябаһанһаа тэндэ ошоһон дээр* 'Чем здесь ходить, лучше туда отправиться', халх. *Дэмий сууснаас явсан дээр* 'Чем зря сидеть, лучше идти').

[57] Например, мы не нашли примеров его применения в современной монгольской литературе, хотя оно упоминается в учебных пособиях по монгольскому языку.

Целевое деепричастие

Целевое деепричастие обозначает такое действие, которое является непосредственной целью действия подчиняющего глагола: класс. *Хан кӧбегӱн хулаҕаі кіре оjіра гетеджӱ саҕуҕсан* (Викр. — 23) 'Царевич сидел поблизости, чтобы совершить кражу', *Біде усун-дур угіjара одсуҕаі* (Вл. — 73) 'Мы отправимся купаться в реке'; баоан. *Агу матэҕдэ сэ кэлэ шджо* 'Девушка ушла поливать цветы'; дунс. *Уіліэ кіэлэ ірэсэн кун вэ* 'Это человек, который приехал к нам работать'; монгор. *Моріне фуніла ҕаріва* 'Вышел, чтобы ехать верхом'; бур. *Байгал далайе онгосоор гаталжа, хурдан түргэн дуулгахаяа ерэлэйб* (Балд.) 'Я прибыл сюда, пересекая Байкал-море на лодке, чтобы как можно скорее сообщить об этом'.

Однако в монгольских языках для выражения цели вместо целевого деепричастия чаще всего используются другие средства: а) будущее причастие в орудном падеже, которое в этой форме некоторыми исследователями даже называется целевым деепричастием (бур. *ябахаар* 'чтобы идти', халх. *сурахаар* 'чтобы учиться'), б) будущее причастие в сочетании с речевым глаголом халх. *гэж*, бур. *гэжэ*, калм. *гиж* и т. п. со значением 'чтобы' (букв. 'говоря': калм. *йовх гиж* 'чтобы идти'), в) будущее причастие в родительном падеже в сочетании с послелогом класс. *тула* и *тӧлӱге*, калм. *төлә*, бур. *тула*, халх. *тул* и *төлөө* 'для' (класс. *оруху-jін тӧлӱге*, калм. *орхин төлә* 'для того чтобы войти' и т. д.).

«Мгновенное деепричастие»

Кроме с неодинаковой полнотой рассмотренных нами деепричастий, почти во всех монгольских языках исследователи находят так называемое «мгновенное деепричастие», converbum momentanei, которое по существу не является деепричастной формой. Дело в том, что это «деепричастие» играет роль первого компонента аналитической формы мгновенного, или ослабленного, вида, выражающего действие, которое производится мгновенно и прерывается мгновенно же, не будучи доведенным до конца, или же совершается слегка. Показателем этого «деепричастия» (таковым его можно и признать в составе данной аналитической формы) является суффикс *-с* или *-д*. Вторым компонентом мгновенного вида является речевой глагол *ге-* 'говорить' или *кі-* 'делать'. Примеры:

класс. *Даjісун донгҕус гед далда оручілуҕа* (Ц. — 1 — 26) 'Противник высунулся было, но сразу же скрылся', *Ніген джіҕасу дегегсі-бен чохус гекӱі ӱджегед Ӱнеге тере ухус гекӱі-дӱр джіҕасун далаі-jін іруҕар одба* (Вл. — 469) 'Лиса увидела, как из-под воды высунулась было рыба, и [чтобы поймать ее] бросилась было в воду, но рыба исчезла в глубине моря'; бур. *Мо-*

римнай ябад гээдлэ байшана 'Наша лошадь то пойдет немного, то вдруг останавливается'; *халх. Олмоо татс хийгээд орхив* 'Слегка подтянул подпругу'. А. Мостарт приводит ордосскую форму мгновенного вида, которая имеется также и в других монгольских диалектах: *бултйгйк бултйгйк гехкхё* 'время от времени высовываться, быстро исчезая', *аңгйк аңгйк гехкхё* 'открывать и закрывать рот' (например, о рыбе, вынутой из воды)[58].

Мгновенный вид образуется также и от изобразительных слов при помощи глагола *ге-* 'говорить' или *кі-* 'делать': класс. *даб ге-* 'броситься с места', бур. *бур бур гэ-* 'булькать' и т. п.

ОТРИЦАНИЕ

В системе глагола монгольских языков имеются двоякого рода препозиционные частицы отрицания: а) запретительные, употребляемые только при повелительно-желательных формах и описанные выше на стр. 118, и б) собственно отрицательные, применяемые при изъявительных, причастных и деепричастных формах, *есе* 'не' и *үлү* 'не'. Таким образом, причастия и деепричастия в силу также и этого обстоятельства не могут выключаться из системы монгольского глагола вообще и составлять особые части речи, отличные от глаголов.

По мнению А. Бобровникова, различие между частицами отрицания *үлү* и *есе* носит, как сказали бы мы теперь, модальный характер: частица *үлү* «отрицает прямо и решительно, показывает, что если действие не совершилось, то это... так и должно было случиться; *есе* показывает, что действие хотя не совершилось или не совершается, однако... оно было возможно», будучи ожидаемым говорящим[59]. Но это замечание А. Бобровникова не подтвердилось фактами языковой действительности. Поэтому еще со времени О. Ковалевского в монголистике получило общее признание положение о том, что частица *үлү* применяется при глагольных формах настоящего и будущего времен, тогда как *есе* употребляется при глагольных формах прошедшего времени[60].

Таким образом, для монгольских языков, как, например, и для тунгусо-маньчжурских, характерно то, что в их грамматической системе каждая определенная группа глагольных форм имеет только ей присущую частицу отрицания, запрета. Для этих же языков специфично, что все чисто глагольные частицы отрицания или запрета, которые не применяются при именных частях речи, являются препозицинными, тогда как именные отрицания оказываются постпозициоными: общеименное *үгеі* 'не', 'без',

[58] A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, p. XLIV.
[59] А. Бобровников, *Грамматика...*, стр. 176.
[60] О Ковалевский, *Монгольско-русско-французский словарь*, Казань, 1844, стр. 190 и 528. В последующей монголоведной литературе употребление глагольных частиц отрицания не было уточнено окончательно.

'нет', относительное *бусу* 'не, а...' и несовершенное *едүі* 'еще не'.

Употребление частиц отрицания *үлү* и *есе* наиболее ясно обнаруживается в старописьменном монгольском языке доклассического и классического периодов, в котором мы находим следующее: а) частица *үлү* употребляется при всех формах имперфектного презенса, т. е. при формах на *-м*, *-муі*, *-нам*, *-на* и *ју*, будущего, многократного, однократного и, в единичных случаях, постоянного причастий, слитного и, изредка, приготовительного, или «цитатного», деепричастий; б) частица *есе* применяется при формах перфектного презенса, имперфектного и перфектного претеритов, прошедшего причастия, соединительного, разделительного, условного, уступительного и предельного деепричастий. Следовательно, в старописьменном монгольском языке с этими отрицательными частицами не употребляются причастия настоящего времени, возможности и завершенно-прошедшее, а также деепричастия продолжительное, последовательное, предварительное, попутное, заменное, целевое, степени действия, образа действия и причинное (перечень названных глагольных форм дан с учетом различных диалектных заимствований, поскольку не все эти формы имеются в старописьменном монгольском языке).

Исключения из изложенных правил употребления частиц отрицания *үлү* и *есе* иногда встречаются в некоторых отдельных произведениях монгольской литературы, например в монгольских переводах известного сочинения Сакья-Пандиты Subhāṣitaratnanidhi и комментариях к ним, в Гесериаде и т. п. Частица *үлү* вместо ожидаемой *есе* применяется при формах перфектного претерита (*үл өгөв*[61] 'не дал'), соединительного деепричастия [*үл тоож*[62] 'не считаясь', *үлү дежілүгдеджү*[63] 'не терпя поражения', *үлү гүјічегдеджү* (Г.—9) 'не будучи настигнутым', *үлү джіңаджу*[64] 'не показывая'], разделительного деепричастия (*үлү орорад*[65] 'не вошедши') и условного деепричастия (*үлү дуралабасу*[66] 'если не полюбить', *үлү дуңулбасу*[67], 'когда не прошли'). Частица *есе* вместо ожидаемой *үлү* встречается при форме причастия будущего времени (*эс чадах*[68] 'не суметь', *эс харавхын янар*[69] и

[61] Эрдэнийн сан Субашид, *Цахар гэвш Лувсанчүлтэмийн орчуулга ба тайлбар*, Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Дамдинсүрэн, Ж. Дүгэржав, Улаанбаатар, 1958, стр. 112 (далее — Эрдэнийн сан Субашид).
[62] Там же, стр. 145.
[63] Ерденіі-јін санг Субасіді, Көкехота, стр. 176.
[64] Алтан тобчі, *Дегедү дебтер*, Улаңанбаңатур, 1937, стр. 40.
[65] F. W. Cleaves, *The Sino-Mongolian inscription of 1362 in Memory of prince Hindu*, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 12, Cambridge, Massachusetts, 1949, p. 65.
[66] Ерденіі-јін санг Субасіді, стр. 123.
[67] Алтан тобчі, *Доураду дебтер*, Улаңанбаңатур, 1937, стр. 86.
[68] Эрдэнийн сан Субашид, стр. 145.
[69] Там же, стр. 151.

есе харбуху інару[70] 'до пуска стрелять из лука', *есе неjілекӯ*[71] 'не быть сходным'). Равным образом в халхаской и бурятской устной речи встречаются отдельные случаи употребления данной частицы с причастием будущего времени: халх. *эс мэдэх* 'не знать', бур. *эһэ болохо* 'не состояться', *эһэ мэдэгдэхээр* 'незаметно', 'так, чтобы не узнали'. Однако такого рода отступления, являющиеся единичными, не меняют общей картины в целом: все же частица *ӱлӱ* применяется при глагольных формах настоящего и будущего времен или, по выражаемым ими действиям, ориентированных на эти времена, тогда как *есе* употребляется при глагольных формах прошедшего времени. То же самое в общих чертах обнаруживается и в современных монгольских языках и диалектах, за исключением калмыцкого, в котором частица *ӱлӱ* неизвестна, а *эс* ← *есе* является единственной глагольно-отрицательной частицей, по-видимому, при футурных и презенсных формах глагола заменившей (?) собою частицу *ӱлӱ*.

Как и в старописьменном монгольском языке, в современных монгольских языках и диалектах имеются следующие глагольные частицы отрицания: **ӱлӱ* → монгор. *лī*, дунс. *уліэ*, баоан. *лэ*, даг. *ӱл*, мог. *лӱ* ~ *ле*, халх. *ӱлĕ* (орфографически *үл*) и бур. *ӱл`ĕ* ~ *ӱл`ĭ* (орфографически *үлэ*), употребляемые при формах настоящего и будущего времен, и **есе* → монгор. *сī* ~ *се*, дунс. *эсэ*, баоан. *сэ*, даг. *сэ*, мог. *се* ~ *с*, халх. *ес* (орфографически *эс*) и бур. *еһĕ* (орфографически *эһэ*), применяемые при формах прошедшего времени. Правда, употребление этих частиц в могольском, монгорском, дунсянском, баоаньском и дагурском языках еще нуждается в более тщательном исследовании, поскольку эти языки в настоящее время вообще изучены слабо, в частности из-за недостаточного количества диалектологических текстов. Что же касается бурятского и современного монгольского языков и их диалектов, то в них частицы отрицания соответственно *эһэ*//*эс* и *үлэ*//*үл* применяются чрезвычайно редко, преимущественно в застывших словосочетаниях типа бур. *үлэ мэдэг* 'незаметно' (букв. 'пусть не знает!'), *үлэ мэдээшэ* 'незнающий', *эһэ болохо юумэ* 'недопустимый', 'то что не положено', *эһэ мэдэгдэхээр* 'незаметно', 'так, чтобы не узнали', монг. *үл барам* 'не только, но и', *үл барагдах* 'неистощимый', *үл болно* 'нельзя', 'воспрещается', *үл мэдэг* 'незаметно', *үл мэдээч болох* 'притвориться незнающим' и некоторые другие, преимущественно в определительных оборотах.

Вообще же в современных монгольских языках препозиционные глагольные частицы отрицания *есе* и *ӱлӱ* все более и более заменяются постпозиционным именным отрицанием *ӱгеі* 'не', 'без', 'нет' → бур. *-гӱī* 'не', 'без', *ӱгӱī* 'нет' (соответственно орфографически

[70] Ердені-jін санг Субасіді, стр. 221.

[71] Б. Я. Владимирцов, *Bodhicaryāvatāra Çāntideva, Монгольский перевод Chos-kyi Ḥod-zer'a*, Л., 1929, стр. 184.

-гүй и *үгы*), монг. *-гӱī* 'не', 'без', *ӱгӱī* 'нет' (соответственно орфографически *-гүй* и *үгүй*), калм. *-гā* ~ *-гō* 'не', 'без', *угā* 'не', 'без', 'нет' (соответственно орфографически *-га* ~ *го* и *уга*)[72]. При этом такая замена одних форм отрицания другими сопровождается существенными изменениями во всей системе глагольно-отрицательных конструкций.

1. Изъявительные формы с глагольными частицами отрицания почти никогда не применяются в современном монгольском и бурятском языках, если не считать единичных исключений, о чем выше уже упоминалось. В калмыцком языке с отрицанием *эс* иногда употребляется главным образом перфектный претерит, чего нельзя сказать относительно прочих изъявительных форм. Характерной чертой бурятского языка является то, что в его диалектах перфектный претерит и особенно имперфектный презенс сопровождаются постпозиционным *үгы* 'не'.

2. Причастия, будучи именными формами глагола, в современных монгольских языках широко применяются с постпозиционным именным отрицанием *ӱгеі*, все более и более вытесняющим собою глагольные отрицания *ӱлӱ* и *есе*, из коих последнее продолжает все же удерживаться в калмыцком языке, применяясь как бы наряду с *уга*. При этом заслуживает особого внимания то, что во всех монгольских языках только причастие настоящего времени а) никогда не употреблялось с глагольными отрицаниями *есе* и *ӱлӱ*, б) с отрицанием *ӱгеі* имеет значение «еще не сделал то-то» и в) в калмыцком языке при отрицании *уга* заменяется разделительным деепричастием. Примечательно также и то, что в старописьменном монгольском языке, восточнобурятских диалектах и некоторых говорах восточномонгольских диалектов при причастии настоящего времени вместо отрицания *ӱгеі* чаще всего используется отрицание *едӱі* (диалектно *-дӱī* ~ *-дī*, в бурятской орфографии *-дүй*), которое при этом означает лишь «ещё не» и не употребляется при остальных причастиях, как и при всех прочих глагольных формах. Таким образом, это причастие в монгольских языках выделяется особо как по своим значениям, так и по отсутствию в ряде монгольских языков и диалектов, например в могольском, монгорском, дунсянском, баоаньском и дагурском, или по сравнительно редкой употребительности в калмыцком языке и некоторых монгольских диалектах.

3. Общемонгольская аналитическая деепричастно-отрицательная форма **-л ӱгеі* → класс. *-л ӱгеі*, монг. *-лгӱī* (орфографически *-лгүй*) и калм. *-л угā* ~ *-лгā* ~ *-лгō* (орфографически *-л уга* ~

[72] Это отрицание в монгольских языках является склоняемым именем, которое имеет значения: а) при самостоятельном субстантивном применении — 'отсутствие', б) при постпозиционном слитном употреблении — 'не', 'без', например: класс. *морін-ӱгеі:* халх. *морьгүй* 'безлошадный', 'без лошади', класс. *медекӱ-ӱгеі* и халх. *мэдэхгүй* 'незнающий', 'не знает', и в) 'нет' — в самостоятельной предикативной позиции, например: класс. *морін ӱгеі* и халх. *морь үгүй* 'лошади нет'.

-лга ~ -лго) в отрицательных деепричастных конструкциях заменяет собою соединительное, слитное и разделительное деепричастия с частицами отрицания *үлү* и *есе*. В бурятском же языке слитное деепричастие с отрицанием *-гүй* выступает также и вместо соединительного и разделительного деепричастий, соответствуя тем самым общемонгольской аналитической деепричастно-отрицательной форме *-л үгеі*[73]. Таким образом, в современных монгольских языках сопутствующие деепричастия, за исключением слитного — в бурятском, с частицами отрицания *үлү* и *есе* уже не употребляются. Что же касается прочих, т. е. обстоятельственных, деепричастий, то они в современных монгольских языках с отрицательными частицами вообще почти не употребляются, если не считать некоторых отдельных исключений типа калм. *эс болхла* 'если не будет' (здесь мы имеем в виду те обстоятельственные деепричастия, этимологическая связь которых с соответствующими причастиями четко осознается носителями того или иного монгольского языка). Особняком стоит применение в калмыцком языке разделительного деепричастия с отрицанием *уга*. В действительности же здесь имеет место функциональная контаминация этого деепричастия с причастием на *-а*, т. е. с общемонгольским причастием настоящего времени. Дело в том, что разделительное деепричастие в калмыцком языке с отрицанием *уга* означает «еще не сделал то-то» и употребляется в определительной, субъектной и объектно-обстоятельственной синтаксических позициях (а это вообще не свойственно какому бы то ни было деепричастию) и не применяется в собственно деепричастной функции, т. е. как бы не отвечает на вопрос «чего не сделав?». Этим самым калмыцкое разделительное деепричастие с отрицанием *уга* полностью соответствует причастию настоящего (или, в бурятском языке, прошедшего) времени в остальных монгольских языках.

Как видно из изложенного, эволюция отрицательных конструкций в монгольских языках показывает, что в этих языках различия между глаголами, с одной стороны, и именами и именными формами глагола, с другой, частично стираются, поскольку отрицание *үгеі* 'не', 'без', 'нет' является именным и первоначально свойственным только именам. А между тем, как известно, иногда принято считать, что в ходе исторического развития самых разнообразных языков различия между глаголами и именами становятся бо́льшими и что при этом названные части речи все более и более удаляются друг от друга, — правда, это относится к начальным ступеням глоттогонии.

Такова в самых общих чертах эволюция отрицательных глагольных конструкций в монгольских языках, характерная заменой пре-

[73] Эта форма признается нами аналитической по той причине, что глагольное образование на *-л* самостоятельно не употребляется и вряд ли имеет что-либо общее с отглагольными именами на *-л* типа хал х. *эвлэл* 'союз' от *эвлэ-* 'мириться', 'ладить'.

позиционных глагольных частиц отрицания *үлү* и *есе* постпозиционными именными отрицаниями *үгеі* и изредка *едүі*. Такое же явление наблюдается и в истории старописьменного монгольского языка, что объясняется, конечно, несомненным влиянием устной народной, диалектной речи. Дальнейшие и более тщательные исследования памятников старописьменного монгольского языка, особенно классического периода, произведений отдельных авторов и сочинений различных жанров по периодам и районам бытования этого языка выявят, конечно, историческую картину эволюции отрицательных конструкций. Результаты такого рода исследований в совокупности с данными диалектологических наблюдений и сравнительно-исторических штудий, возможно, прояснят причины и обстоятельства изложенной эволюции в употреблении различных морфем отрицания и, добавим, запрета.

Пока же мы можем только предположительно думать, что все это было связано, по всей вероятности, с постепенной эволюцией глагольных форм вообще, с постепенной утратой последними модальных значений, частично сохраняющихся и в наши дни. Возможно, что когда в монгольских диалектах отдаленного прошлого глагольные формы отличались друг от друга не столько своими временными значениями, сколько модальными, рассматриваемые нами частицы *үлү* и *есе* были призваны выделять также и временные значения соответствующей группы глагольных форм. Однако в этой связи весьма примечательно, что при соединительном деепричастии применяется частица отрицания *есе*, вообще употребляемая при глагольных формах прошедшего времени. А между тем это деепричастие в монголистике часто и не без основания интерпретируется как форма настоящего времени, поскольку выражаемое им действие во времени совпадает чаще всего с действием последующего, или подчиняющего, глагола. В этом обнаруживается, по-видимому, то обстоятельство, что данное деепричастие генетически связано, во-первых, с имперфектным претеритом, в монгольских языках выражающим действие прошедшего времени, и, во-вторых, с формой на *-дї ~ -ді*, которая в тюркских языках является индикативом прошедшего времени.

Как известно, повелительно-желательные формы монгольского глагола свою отрицательную конструкцию образуют посредством запретительных частиц *буу* и *бітегеі* 'не', которые присущи только этим формам и никогда не заменяются какими-либо другими частицами отрицания или словами-отрицаниями. Однако в монгольской литературе изредка наблюдаются единичные случаи употребления некоторых повелительно-желательных форм глагола с частицей отрицания *үлү*, например: *үлү үгүлесүгеі* (Э.—100) 'не говорить бы', 'не следовало бы говорить', *үлү медегүджеі* (А. Т.—27) 'как бы не не узнали', т. е. 'чтобы узнали', 'чтобы не остались в неведении', *дэмэй үл суутугай* (Эрдэнийн сан Субашид — 74) 'пусть зря не сидят', *чи үл айтугай* (Эрдэнийн сан Субашид — 186) 'ты не бойся', *үл холдуулагтун* (Эрдэнийн сан Субашид — 122) 'не от-

даляйте'[74]. Любопытно, что в «Ердені-jін санг Субасіді» (соответственно стр. 9, 28 и 173), переводом которого со старомонгольского языка на современный монгольский и является «Эрдэнийн сан Субашид», глагольная частица отрицания *ўлў* применена при причастии будущего времени, что вполне закономерно: *демеі ўлў сабўдахуі* 'зря не будут сидеть', *чі ўлў ајўдахуі* 'ты не будешь напуган', *ўлў холадагулугдахуі* 'не позволят отдаляться', Таким образом, здесь переводчики, заменив форму будущего причастия старописьменного монгольского языка повелительно-желательными формами современного монгольского языка, в неприкосновенном виде оставили частицу отрицания *ўлў*, хотя при этом вместо последней ожидалась бы запретительная частица *бүү* 'не'. Надо полагать, что такие необычные случаи употребления частиц отрицания являются следствием изложенной выше эволюции в системе отрицательных конструкций, в ходе которой различия между частицами отрицания начали утрачиваться.

Этимология частиц отрицания *ўлў* и *есе* в монголистике до сих пор продолжает оставаться неопределенной. Правда, Г. И. Рамстедт пытался сопоставить частицу *есе* с эвенкийским глаголом *е-* (*еміі* для 1-го и 2-го лица, *есін-* — для 3-го), являющимся отрицанием со значением 'не',[75] и чувашским отрицанием *ан* ← * *ен* ← * *е-н* 'не'[76]. При этом, конечно, необходимо предположить, что эта монгольская частица *есе* состоит из двух элементов: * *е-* и * *-се*. Элемент * *-се* остается не выясненным в этимологическом отношении, поскольку элемент * *-сін* эвенкийского языка вряд ли имеет что-либо общее с данным монгольским * *-се*, ибо для их сопоставления трудно найти убедительные основания как в историко-фонетическом отношении, так и в семасиологическом. Элемент * *е-* этой частицы Г. И. Рамстедт вполне справедливо находил в монгольском слове *едўі*; 'еще не' и (омоним?) 'столько', а *есе* — в монгольском же слове *есергўў* 'против', 'противный', 'противоположный'[77]. Однако как бы ни решался вопрос о составных элементах частицы *есе*, она в целом часто выступает, так сказать, в качестве обычной глагольной основы, правда, лишь в старописьменном монгольском языке, являясь в современном монгольском литературном языке книжной. Дело в том, что от нее образуются некоторые спрягаемые глагольные формы: многократного причастия — *еседег*, причастия будущего времени — *есекў*, причастия прошедшего времени *есегсен*, деепричастия условного — *есебесў* и реже *есекўле*, деепричастия уступительного — *есебечў* и изредка имперфектного претерита — *есемўі*, а также перфектного претерита — *есебе*. Но в употреблении этих спрягаемых форм частицы *есе* характерно следующее: а) формы условного и уступительного деепричастий применяются в качестве союзов подчинения (*есебесў* или *есекўле* 'в противном случае', 'иначе', 'или', *есебечў* 'тем не менее' — ставятся в начале второй части синтаксического целого, как и соответствующие их эквиваленты в русском языке, например: класс. *Та очіБтун, есебеўў бі очіј-а* 'Отправляйтесь вы, иначе отправлюсь я'); б) причастные и изъявительные формы как бы постпозиционно дублируют знаменательные глаголы, имея значение 'или не' и 'или нет' (класс. *Олху есекў* 'Найти или не найти', *Олдаб еседег-і бі медекў ўгеі* 'Я не знаю, находят или не находят', *Олубсан есегсен-інў хамі ј-а ўгеі* 'Безразлично, нашли или нет', *Олумуі есемўі кемен* 'говоря то «находят», то «нет»'). Как видно из сказанного, спрягаемые формы отрицательного глагола *есе-* не употребляются в препозиции в качестве обычного отрицания. В устной, например халхаской, речи знаменательные глаголы обычно дублируются, причем второй из них сопровождается отрицанием *-гүй*: *Олсон олсонгүй нь хамаагүй* 'Безразлично, нашли или нет'.

Что же касается частицы *ўлў*, то она этимологически вообще не сопоставлялась с каким-либо монгольским или немонгольским словом[78]. То обстоятельство, что эта частица в бурятском языке имеет палатализованный согласный *л'*, позволяет предположить, что она, возможно, находится в этимологической связи со словом класс. *ілегўў*, бур. *ілў* ~ *ўлў* и халх. *ілў* 'лишний', т. е. бур. *ўл'ё* ~ *ўл'ї* 'не' ← * *ўлі* ← * *іле-*. Хотя при этом можно учитывать также наличие палатализованного же согласного *-л'-* в дунсянской частице *уліэ* 'не', изложенное нами предположение все же встречает серьезное затруднение в том, что во всех монгольских языках и диалектах глагол *ўле-* 'оставаться', 'оказаться лишним', этимологически связанный, несомненно, с приведенным *ілегўў*, содержит в своем составе непалатализованный согласный *л*, к тому же он некогда имел начальный *h* ← * *ф*. Впрочем, можно пытаться найти и другое толкование этимологии этой частицы отрицания, например, допустить предположительно, что в ранних монгольских диалектах от некоей глагольной основы * *ў-* образовались: 1) *ўлў* 'не' ← * *ў-* плюс * *-лў*, первый компонент суффикса перфектного презенса, и 2) *ўгеі* 'не', 'без', 'нет' ← * *ў-* плюс * *-геі*, суффикс причастия настоящего времени[79].

В этом случае оказалось бы, что в монгольских языках все частицы глагольного отрицания и именные слова-отрицания восходят к омертвелым вспомогательным глаголам: * *е-* (*есе* 'не', *едўі* 'еще не') и * *ў-* (*ўлў* 'не', *ўгеі* 'не', 'без', 'нет'), вероятно, со зна-

[74] Сравнить также приведенные выше бур. *үлэ мэдэг* и монг. *үл мэдэг* 'незаметно' (букв. 'пусть не знает').

[75] Г. М. Василевич, *Эвенкийско-русский словарь*, М., 1958, стр. 542.

[76] G. J. Ramstedt, *Kalmückisches Wörterbuch*, S. 128; G. J. Ramstedt, *Die Verneinung in den altaischen Sprachen*, — «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», Helsinki, 1924, S. 197—202.

[77] G. J. Ramstedt, *Kalmückisches Wörterbuch*, S. 128.

[78] G. J. Ramstedt, *Die Verneinung in den altaischen Sprachen*, S. 205—206.

[79] Может быть, *ўгеі* ← * *ўге-* (*ў-ге-*, в котором загадочен *-ге-*) плюс * *і*, суффикс омертвелого причастия настоящего времени, поскольку имеется класс. *ўгегўў* (*ўге-гўў*) 'неимущий', 'бедный'?

чениями 'быть' или 'не быть'[80]. Как известно, в монгольских языках некоторые антонимы различаются по характеру задней или передней огласовки, например: класс. *аха* 'старший' — *еке* 'мать', *чаβан* 'белый' — *чеген* 'беловатый', 'сизый', 'бледный', 'бледно-голубой', ср. маньчж. *хаха* 'мужчина' — *хехе* 'женщина', *арсалань* 'лев' — *эрсэлэнь* 'львица' и т. п. Примечательно, что в этих языках слова-отрицания и частицы отрицания и запрета имеют в своем звуковом составе именно гласные переднего ряда, если при этом исключить относительное отрицание класс. *бусу* (однако *бусі* ~ *бісі*), дунс. *пушы* и монгор. *бусі* ~ *бусіа* при халх. *біш*, бур. *бешё* ~ *біші*, калм. *біш* (соответственно орфографически *биш*, *бэшэ* и *биш*) и даг. *біш* 'не, а ...', 'иной', 'другой'[81]. Следовательно, и здесь, при наличии передней огласовки в халхаском, бурятском, калмыцком и дагурском относительном отрицании, не следует переоценивать значение орфографии классического монгольского языка, — ср. класс. *буу*, запретительная частица со значением 'не', в которой орфографическое *уу* отражает, как известно, гласный переднего ряда *ӯ*, отсюда халх. *бӯ* и бур. *бӯ* ~ *бӯ* 'не'. Поэтому вполне возможно, что некогда в древних монгольских диалектах имело место любопытное противопоставление вспомогательно-глагольных антонимов **а-* 'быть' и **е-* 'не быть'.

Приведенное выше относительное отрицание *бусу* 'не, а ...' употребляется при именах, причастиях и, в бурятских диалектах, изъявительных формах глагола постпозиционно: класс. *мал бусу* 'не скот, а ...', *олуβсан бусу алдаβсан* 'не нашел, а потерял'; совр.-монг. *хөрөнгө бус зам* 'не капиталистический (подразумевается: а социалистический) путь', *нам бус* 'беспартийный', 'непартийный'; бур. *ябана бэшэ хэбтэнэ* 'не ходит, а лежит', *энэ манай бэшэ танай* 'это не наше, а ваше'; калм. *эн күн ик наста күн биш* 'этот человек не старый человек' (подразумевается: а молодой).

В слове-отрицании класс. *едӯі* 'еще не' пока не поддается выяснению элемент **-д-*, тогда как гласный *ӯ* в нем является вставным звуком, а конечный гласный *-і* — суффикс былого причастия настоящего времени, как в словах типа класс. *буі* 'сущий', 'наличный' или *даруі* 'немедленно'. Если это окажется верным, то весьма знаменательно, что в монгольских языках образование слов-отрицаний и частиц отрицания и запрета связано преимущественно с глагольными формами настоящего времени. Что касается элемента *-д-* в приведенном отрицании *едӯі*, то не исключается некоторая возможность его генетической связи с элементом *-д-* в глаголе класс. *јада-* (← **ја-да-* при *јаβун* 'что', *јаβума* 'вещь', 'предмет', *јаβакі-* 'как быть', т. е. при образованиях от корневой основы **ја-*) 'не мочь'. Возможно, что этот же элемент мы находим в дунсянском *-да-*, частица-отрицания, которая ставится между основой глагола и присоединяемым к последней суффиксом, например: *олуданэ* 'невозможно найти'[82]. Однако при этом следует иметь в виду, что в дунсянском языке основа глагола часто употребляется вместо соединительного деепричастия, а данная частица отрицания со значением невозможности может быть здесь усечением полновесного глагола *јада-* 'не мочь' (поэтому *олуданэ* ← *олджу јадана* 'не может найти'?).

Таким образом, в монгольских языках имеются следующие слова-отрицания и частицы отрицания и запрета, которые ниже приводятся в их старописьменном орфографическом облике:

1) препозиционные: а) частицы запрета *буу* и, под влиянием устной диалектной речи халхаского типа, *бітегеі* ← **бӯтӯгеі* (*бӯтӯгеі*?) 'не', употребляемые лишь при повелительно-желательных формах глагола, б) частица отрицания *ӯлӯ* 'не', применяемая при изъявительных, причастных и деепричастных формах настоящего и будущего времен, и в) частица отрицания *есе* 'не', употребляющаяся при тех же формах прошедшего времени;

2) постпозиционные слова-отрицания: а) *едӯі* 'еще не', применяемое только при причастии настоящего или, в бурятском языке, прошедшего времени, б) *ӯгеі* 'не', 'без', 'нет', используемое при именах, причастиях, слитном и, в калмыцком языке, разделительном деепричастиях, а также, в бурятских диалектах, при имперфектном презенсе и реже перфектном претерите, в) относительное отрицание *бусу* 'не, а ...', употребляемое при именах и причастиях.

Как видно из всего сказанного выше, дальнейшие монголоведные лингвистические исследования должны быть направлены на раскрытие причин того характерного обстоятельства, что в монгольских языках, как и в тунгусо-маньчжурских, каждая определенная группа глагольных форм имеет лишь ей присущую частицу отрицания или запрета, только ей свойственное слово-отрицание, — среди этих глагольных форм особо выделяются причастие настоящего времени и, в калмыцком языке, разделительное деепричастие. При этом следует признать чрезвычайно специфичным для монгольских языков то, что в их глагольной системе частицы отрицания и запрета оказываются препозиционными, тогда как в этих же языках все служебные морфемы являются, как известно, постпозиционными. В данной же связи примечательно, что монгольские языки, признаваемые в большей степени «родственными» с тюркскими, нежели с тунгусо-маньчжурскими, в отношении своих отри-

[80] Возможность образования частиц отрицания именно от вспомогательных глаголов, широко реализовавшаяся в алтайских языках, в свое время обосновывалась Г. И. Рамстедтом (см. его «Die Verneinung in den altaischen Sprachen», S. 197—208).

[81] Кроме того в калмыцком языке при причастии будущего времени мы находим **бісі* → *біш* → *-ш*, например *бі медхшв* ← *бі медекӯ бісі бі* 'я не знаю'.

[82] Б. Х. Тодаева, *Монгольские языки и диалекты Китая*, стр. 105.

цательных конструкций и форм отрицания оказываются резко отличающимися от тюркских языков, за исключением чувашского, но более близкими к тунгусо-маньчжурским, — здесь имеется в виду препозиционность глагольных частиц отрицания, которая, как известно, отсутствует в тюркских языках, но характерна для монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В равной мере обращает на себя внимание и то, что монгольские языки в той степени, в какой они сохраняют рассмотренные нами частицы отрицания, т. е. за исключением калмыцкого языка, в данном же отношении представляют собою картину полного единообразия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обозрение грамматических, фонетических и, что составляет предмет особого исследования, лексических особенностей монгольских языков и диалектов выявляет весьма пеструю лингвистическую картину, чрезвычайно затрудняющую классификацию этих языков и диалектов. Однако мы можем условно говорить о центральных и окраинных монгольских языках. К центральным монгольским языкам относятся собственно монгольский, бурятский и калмыцкий, или ойратский, а к окраинным — могольский, монгорский, дунсянский и баоаньский (дагурский язык в этом случае занимает промежуточное положение). Но это деление монгольских языков по чисто географическому признаку имеет лишь тот смысл, что оно фиксирует только те этнолингвистические условия, в которых развивались и развиваются эти языки. Иными словами, данная классификация монгольских языков вовсе не основана на определенных грамматических, фонетических и лексических признаках, которые могли бы объединять некоторые из этих языков в известные группы. Дело в том, что те монгольские языки, которые мы условно называем окраинными, развивались и развиваются в условиях существенного влияния со стороны иранских языков или китайского и тибетского языков, чего нельзя сказать относительно центральных монгольских языков. Вследствие изложенного окраинные монгольские языки, с одной стороны, характеризуются большими изменениями в лексике, например заимствованиями из окружающих иномонгольских языков, грамматике и фонетике (утрата сингармонизма гласных, но при сохранении агглютинации). С другой стороны, эти окраинные монгольские языки сохраняют такие черты в лексике, грамматике и фонетике, которые утрачены центральными монгольскими языками и давали иногда повод называть эти языки архаичными.

Второе и важное отличие между этими языками заключается в том, что окраинные монгольские языки развивались и развиваются в условиях полного или почти полного отсутствия контакта между собой, тогда как носители собственно монгольского, бурятского и калмыцкого языков общались почти постоянно, что не могло, конечно, не отразиться и в речи, причем в течение длительного периода классический монгольский язык продолжал быть письменным языком для всех монголов, калмыков и бурят[83].

Остается отметить, что в сфере грамматического строя различия между всеми монгольскими языками отчетливее всего обнаруживаются преимущественно в системе глагольных форм (как морфологически, так и семасиологически), тогда как различия в системе падежных форм не являются существенными. Отметим также, что при историческом рассмотрении именно глагольных форм, наличных в монгольских языках, гипотеза исконного родства последних с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками становится весьма сомнительной и маловероятной[84].

[83] Как известно, классификация близкородственных языков вообще оказывается очень трудной и часто произвольной, зависящей от целей непосредственного исследования отдельных сфер и сторон изучаемых языков.

[84] К этим же выводам можно прийти в ходе изучения основного лексического фонда так называемых алтайских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I. Языки и диалекты

агин. — агинский
алар. — аларский
баарин. — бааринский
баит. — баитский
баргут. — баргутский
баоан. — баоаньский
бур. — бурятский
бутхайск. — бутхайский
дархат. — дархатский
дунс. — дунсянский
калм. — калмыцкий; явления, свойственные только калмыцким диалектам в СССР
клас. — классический
мог. — могольский язык и его диалекты
монг. — монгольский
монгор. — монгорский
ойр. — ойратский; явления, общие для всех ойратских диалектов, в том числе и калмыцких в СССР
орд. — ордосский
совр. — современный
ст. — старый
тюрк. — тюркский
халх. — халхаский
хучин-барг. — хучин-баргутский
чахар. — чахарский

II. Авторы и названия источников

Аб. — Б. Д. Абидуев, бурятский писатель.
А. З. — «Ардын аман зохиолын эмгэтгэл», Улаанбаатар, 1956.
А. М. — «Аламжа Мэргэн», бурятский эпос.
Ант. — «Бурят-монголой литературын антологи», Улан-Удэ, 1934.
Ар. онт. — «Бурят-монгол арадай онтохонууд», Улан-Удэ, 1950.
А. Т. — «Ертен-ў хад-ун ўндўсўлегсен тӧрў јосун-у джокіјал-і тобчілан хуріјаҕсан Алтан Тобчі кемекў оросіба», Улаҕанбаҕатур, 1937.
А. Тороев — А. Тороев, бурятский рапсод и поэт.
Балд. — Н. Г. Балдано, бурятский писатель.
Баяр — А. Шадаев, Г. Цыденжапов, *Баяр*, Улан-Удэ, 1940.
Б. Б. — Бадмин Бата, калмыцкий учёный и писатель.
Бод. — «Bodhicaryāvatāra Çāntideva», монгольский перевод Čhoskui Ḥod-zer'a. Текст издал Б. Я. Владимирцов, Л. 1929.
В. Ц. — см. Цэв.
Викр. — «Бігірміджід хаҕан-у туҕуджі», Улаҕанбаҕатур, 1928.

Вл. — Б. Я. Владимирцов, *Монгольский сборник рассказов из Pañçatantra*, Пг., 1921.
ВМ-П. — «Сідітў кегўр-ўн чедіг», Бегеджінг, 1925.
Г. — «Подвиги исполненного заслуг героя Богды Гессерхана», Монгольский текст, изданный Я. И. Шмидтом, СПб., 1836.
Далх. — Далхжав, монгольский педагог.
Даржаа — Даржаа, монгольский писатель.
Д. Б. — Доржин Басн, калмыцкий писатель.
Д. С. — Дамдинсурэн, монгольский писатель и учёный.
Ж. Тум. — Ж. Тумунов, *Нойрhоо hэриhэн тала*, Улан-Удэ, 1949.
Им. — М. Н. Имехенов, *Бурят-монгол хэлэнэй грамматика*, Улан-Удэ, 1941.
Индж. — Инджинаши, *Неген дабхур асар*, Кӧкехота, 1957.
К. Э. — Кегтэн Э., калмыцкий писатель.
Л. сб. — «Монгҕол келен-ў іраҕу најіраҕулҕа», Улаҕанбаҕатур, 1934.
Лувс. — Лувсанвандан, монгольский учёный.
Л. хр. — «Удха джокіјал-ун бічіг», Улаҕанбаҕатур, 1941.
Л. Ц. — Леджнэ Церн, калмыцкий писатель.
Мад. — Д. Мадасон, бурятский поэт и фольклорист.
Мал. — П. И. Малакшинов, бурятский писатель.
М. Б. — Манджин Бата, калмыцкий писатель.
МОНК — Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР, Л.
МЭО — «Ман-у еке орон», Улаҕанбаҕатур, 1934.
Нимбуев — Ш. Н. Нимбуев, бурятский писатель.
Обр. — Б. Я. Владимирцов, *Образцы монгольской народной словесности*, Л., 1926.
Ордос. — A. Mostaert, *Textes Oraux Ordos*, Peip'ing 1937.
Оч. — У. Очиров, калмыцкий педагог.
Павл. — Д. А. Павла (Павлов), калмыцкий педагог.
Панч. — см. Вл.
П. — А. М. Позднеев, *Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания*, СПб., 1900.
Р. — Г. И. Рамстедт (разные записи халхаских текстов).
С. — Санджин Бата, калмыцкий писатель.
Санж. — Г. Д. Санжеев (записи монгольских текстов).
С. ск. — «Сокровенное сказание монголов» по изданию П. Пеллио (P. Pelliot, *Histoire secrète des Mongols*, Paris, 1949).
С. Х. — А. С. Пушкин, *Алтан такіјан-у туҕуджі*, Улаҕанбаҕатур, 1948.
Т. Г. — «Теегин герл», альманах калмыцкой литературы, периодически выходящий в Элисте.
У. Б. — «Унших бичиг», Улаанбаатар, 1942.
У. Д. — «Умшлhна дегтр», Элиста, 1939.
У. Н. — «Уншаха ном», Улан-Удэ, 1943.
У. О. — «Улаан од», монгольская газета, Улаанбаатар.
Ур. — «Уран сайханчуудад тусламж», Улаанбаатар.
Ү. — «Үнэн», монгольская газета, Улаанбаатар.
Хилт. — Д. Д. Хилтухин, бурятский писатель.
Х. Н. — Х. Н. Намсараев, бурятский писатель.
Х. Т. — халхаские тексты по материалам лингвистических экспедиций Академии наук СССР.
Х. Ү. — «Хальмг Үнн», калмыцкая газета, Элиста.
Х. Х. — Г. Д. Санжеев, *Монгольская повесть о Хане-Харангуй*, М.-Л., 1937.
Ц. — «Цог», журнал Союза монгольских писателей, Улан-Батор.
Ц. Д. — Цэндийн Дамдинсурэн (см. Д. С.).
Цэв. — Цэвэгжав, монгольская писательница, педагог.
Цэвэгмэд — Цэвэгмэд, монгольский писатель и учёный.
Чб. — «Чојібалсанг» (литературный сборник), Улаҕанбаҕатур, 1945.
Ч. Цыд. — Чимит Цыдендамбаев, *Банзарай хүбүүн Доржо*, Улан-Удэ, 1953.

Шад. — А. И. Шадаев, бурятский писатель и фольклорист.
Шм. — Я. И. Шмидт, Грамматика монгольского языка, СПб., 1832.
Э. — «Арад-ун ўндўсўн-ў ерке», монгольская газета, Улаанбаатар.

Примечание: Цифры при ссылке указывают на страницы непериодических изданий или номера периодических изданий, а двойные цифры — номера периодических изданий и, затем, страницы. Имена отдельных авторов или названия каких-либо сочинений, цитированных в единичных случаях, приводятся полностью в соответствующих местах настоящей книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Основные категории глагола в монгольских языках	5
Предварительные замечания	5
Залоги	12
Общие замечания	12
Прямой залог	13
Побудительный залог	19
Образование побудительного залога	26
Употребление побудительного залога	34
Употребление побудительного залога вместо страдательного	41
Страдательный залог	44
Употребление страдательного залога вместо побудительного	50
Совместный и взаимный залоги и комбинированные залоговые формы	57
Вид	65
Время	71
Лицо	82
Образование глагольных форм в монгольских языках	94
Повелительно-желательные формы	95
Повелительная форма 2-го лица	95
Повелительно-наставительная форма 2-го лица	98
Повелительно-просительная форма 2-го лица	100
Повелительная форма 2-го лица множественного числа	102
Повелительно-желательная форма 3-го лица	104
Пропозитивная форма 1-го лица	107
Желательная форма	108
Повелительно-пригласительная форма 1-го лица	110
Дубитатив	111
Изолированные повелительно-желательные формы	113
Отрицания (запретительные частицы)	118
Изъявительные формы	119
Имперфектный презенс	119
Перфектный презенс	125
Имперфектный претерит	127
Перфектный претерит	129
Причастия	130
Будущее причастие	130
Причастие возможности	132
Многократное причастие	133
Однократное причастие	134
Настоящее причастие	136
Прошедшее причастие	137
Завершенно-прошедшее причастие	138
Деепричастия	140
Соединительное деепричастие	140
Разделительное деепричастие	141
Слитное деепричастие	144

Условное деепричастие 145
Уступительное деепричастие 152
Продолжительное деепричастие 154
Последовательное деепричастие 155
Предварительное деепричастие 157
Предельное деепричастие 159
Попутное деепричастие 161
Заменное деепричастие 162
Целевое деепричастие 163
Деепричастия ограниченного распространения 164
Употребление глагольных форм в монгольских языках 165
Повелительно-желательные формы 169
Повелительная форма 2-го лица (императив) 170
Повелительно-наставительная форма 2-го лица (прескриптив) 172
Повелительно-просительная форма 2-го лица (прекатив) . . . 172
Повелительная форма 2-го лица множественного числа (бенедиктив) 173
Повелительно-желательная форма 3-го лица (консессив) . . . 174
Пропозитивная форма 1-го лица 176
Желательная, или оптативная, форма 177
Повелительно-пригласительная форма 1-го лица (волюнтатив) 178
Дубитатив 179
Обороты обращения 181
Изъявительные формы 182
Имперфектный презенс 185
Перфектный презенс 188
Имперфектный претерит 190
Перфектный претерит 193
Причастия 195
Будущее причастие 197
Причастия возможности 205
Многократное причастие 206
Однократное причастие 209
Настоящее причастие 212
Прошедшее причастие 215
Завершенно-прошедшее причастие 226
Деепричастия 227
Сопутствующие деепричастия 229
Соединительное деепричастие 229
Разделительное деепричастие 232
Слитное деепричастие 235
Обстоятельственные деепричастия 239
Условное деепричастие 240
Уступительное деепричастие 242
Продолжительное деепричастие 242
Последовательное и предварительное деепричастия 244
Предельное деепричастие 245
Деепричастие степени действия 247
Деепричастие образа действия 247
Попутное деепричастие 248
Заменное деепричастие 248
Целевое деепричастие 249
«Мгновенное деепричастие» 249
Отрицание 250
Заключение 260
Список сокращений 262

Гарма Данцаранович Санжеев

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Глагол

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

Редактор *Е. А. Поцелуевский*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректоры *М. С. Ван Зи-чё* и *И. И. Исаева*

*

Подписано к печати 14/X 1964 г.
Формат 60x90 1/16
Печ. л. 16,75 Уч.-изд. л. 17,02
Тираж 1.300 экз. (2-й завод). Зак. 435
Цена 1 руб. 10 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер. 2

Типография № 3 издательства "Наука"
Б. Кисельный пер., 4